АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. Д. И. ГУЛИА

О. В. МААН

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ

(VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.)

Сухум
2012

ББК 63. 3 (5 Абх)
М 12

Ответственный редактор:
докт. ист. наук, академик АНА О. Х. Бгажба

Рецензенты:
докт. ист. наук Т. А. Ачугба,
канд. ист. наук А. Н. Габелия

МААН О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2011 – 344 стр.

Эта книга представляет собой монографическое исследование торговли и обмена в древней и средневековой Абхазии. Она написана на основе значительной части археологического, этнографического материалов и сообщений письменных источников. Использованы и данные по экономической истории сопредельных областей и других государств. В работе прослеживаются основные торгово-экономические связи Абхазии, начиная с VI в. до н. э. вплоть до крестьянской реформы 1870 г.

Книга рассчитана на специалистов историков, этнографов, широкий круг читателей.

Книга издана при поддержке Торгово-промышленной палаты Республики Абхазия и его членами: ООО "Вина и Воды Абхазии", ООО "Флагман", ООО "Премиум", ООО "Эверест-2000".

© Маан О. В., 2012

ВВЕДЕНИЕ

Вследствие своего исключительно благоприятного географического положения, при наличии на Черноморском побережье Кавказа весьма удобной естественной Сухумской бухты, на перекрестке морских и сухопутных дорог, связывавших между собой различные черноморские государства, территория древней и средневековой Абхазии была приспособлена к передвижению различных племен и народов из одной части света в другую, для развития торговли, обмена информацией и распространения новых идей. Само возникновение на берегах Сухумской бухты первого аборигенного городского поселения, которое абхазы всегда называли Акәа, в раннеантичную эпоху ставшего известным как Диоскурия, было связано с интересами морской торговли. Наиболее значительным и важным показателем существования у населения древней и средневековой Абхазии торгово-экономических связей является выявленный на ее территории археологический и нумизматический материал (особенно античного времени). Об этом, прежде всего, говорят две категории находок – предметы импорта и местные изделия. Предметы массового ввоза (стеклянная посуда, металлические сосуды, украшения, оружие, керамика, стеклянные бусы и пр.) являются наиболее показательными для изучения экономических связей. Во-первых, они поступали в Абхазию, как правило, путем торговли, т. е. являлись товаром. Во-вторых, они характеризуют как внешнеторговые связи страны с народами, значительно отдаленными территориально и по культуре, так и повседневный внутренний обмен – показатель степени экономического развития страны. Статьи массового экспорта имели широ-

кий рынок сбыта во всех слоях общества. В-третьих, этот материал, с учетом определения родины импортных предметов (что само по себе является сложной задачей) позволяет установить те страны, с которыми торговля могла осуществляться непосредственно или через страны - посредники. Хронология предметов импорта воссоздает степень интенсивности связей с определенным районом, причем концентрация находок выявляет значение каждого из них в экономической жизни района, определяя главные торговые центры[1].

Не менее важно, что привозные вещи, особенно бусы и монеты позволяют установить не только просто факты экономических связей, но и направления конкретных торговых путей, а по интенсификации или затуханию этих связей также точно улавливается экономический подъем или спад государства. Отметим и то, что при трудности и дороговизне дальних перевозок особенно выгодной считалась торговля предметами роскоши.

При всем том, однако, следует особо подчеркнуть, что находки импортных вещей не могут свидетельствовать непременно о торговых связях между районами, где эти вещи найдены, и теми местами, где они были изготовлены. Вещи неместного происхождения могли попасть в чужую среду, и в числе даров местной знати (к таковым можно отнести, например, находки амфор вне основной зоны их распространения), вместе с колонистами-переселенцами, в качестве торговой пошлины или военной добычи[2]. Поэтому, разумеется, мы не можем сказать, какие предметы были обменены, а какие, например, захвачены. При реконструкции торговых связей следует учитывать и еще один фактор – вероятность изготовления вещей на месте по привозным моделям, что создает обманчивый эффект их поступления из других районов[3].

[1] Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. № 138. – М., 1973. С. 93; Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия (I – IV вв. н. э.) – Владикавказ. 2003. С. 3.

[2] Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. (На примере Северного Причерноморья). – Л., 1984. С. 22.

[3] См.: Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах // СА. № 3. 1974. С. 311; Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. № 3. 2003. С. 194–2003.

В целом, отдельно взятые импортные изделия, выявленные в погребениях, интерпретировать на предмет способа их попадания туда довольно сложно и варианты могут быть самые разнообразные. Это заставляет исследователя просчитывать все возможные пути попадания отдельных предметов импортного происхождения в погребальные комплексы.

В абхазской историографии сделано немало по исследованию проблем экономического развития древней и средневековой Абхазии. Однако освещение проблем торговых связей, наличествующих в абхазоведческой литературе, нельзя считать удовлетворительным. Кроме того, до настоящего времени в абхазоведении нет специальной работы, в которой более или менее последовательно рассматривались бы экономические взаимоотношения средневековой Абхазии с внешним миром. В опубликованных до сих пор работах, посвященных истории взаимоотношений абхазов с другими народами, большее внимание уделено политическим взаимоотношениям (что, правда, подразумевает наличие и торговых связей), тогда как экономическая сторона получила гораздо меньшее отражение. Это объясняется, очевидно, тем, что о торговых связях, в особенности средневековой Абхазии, в письменных источниках приводится очень мало сведений. Между тем, общеизвестно, что уровень экономического развития, и в частности городов, во многом определяется их торговыми связями с внешними ремесленными и сельскохозяйственными центрами. Другими словами, изучение торговых связей важно и для определения уровня воздействия государств древности и средневековья на социально-экономические процессы Кавказского Причерноморья, в том числе и Абхазского побережья. За последние десятилетия накоплено значительное количество нового фактического материала, позволяющего осветить экономические связи древней и средневековой Абхазии. В первую очередь это археологический материал, по которым опубликована большая литература. В них наряду с материалами содержится научная интерпретация, и анализ (хотя и не всегда однозначный), в том числе прослежены во времени развитие торговых связей древней Абхазии, в частности, античной Диоскуриады (М. М. Трапш, Г. К. Шамба и др.).

К числу абхазоведческих работ, затрагивающих проблему торговых связей древней и средневековой Абхазии, следует отнести труды И. Ш. Агрба, Г. А. Амичба, З. В. Анчабадзе, О. Х. Бгажба, Ю. Н. Воронова, А. Н. Габелия, М. М. Гунба, Г. А. Дзидзария, О. П. Дзидзария, Ш. Д. Инал-Ипа, К. Д. Мачавариани и др. Исключение составляют работы Г. К. Шамба, С. М. Шамба, А. В. Фадеева, Р. Н. Кация, в которых непосредственно исследуются вопросы торговли древней и средневековой Абхазии.

Среди трудов абхазоведов, посвященных изучению вопросов торговли в Абхазии, особо следует выделить книгу С. М. Шамба «Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н. э. –XIII в. н. э.)», (Тб., 1987), представляющую собой исследование обращавшихся на территории Абхазии монет раннеантичной, римской, византийской и средневековой эпох. Изученный автором нумизматический материал, найденный на территории Абхазии, дает исключительно ценные сведения о степени развития товарно-денежных отношений на протяжении различных периодов истории страны.

Ценным источником для освещения вопросов торгово-экономических связей и культуры племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. является труд проф. Г. К. Шамба «Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. » (Ереван., 1987). Здесь на основе археологических раскопок ученый по-новому осветил проблему греческой колонизации Кавказского Причерноморья, в том числе и Абхазского побережья. Он устанавливает, что население Абхазии того времени достигло больших успехов, как в хозяйстве, так и в металлургии, металлообработке и других формах ремесла, что в значительной степени способствовало расширению внутреннего и внешнего обмена и торговли. Г. К. Шамба считает, что регулярная связь населения Абхазии с внешним миром налаживается с VI в. до н. э., т. е. с начала греческой (ионийской) колонизации Восточного Причерноморья.

Следует вообще заметить, что по проблемам греческой колонизации Черноморского бассейна имеется, как известно, огромное количество публикаций, а в последнее десятилетие разнообразные вопросы колонизации Восточного и Северного Причерноморья стали предметом плодотворных исследований ученых разных стран (археологов, эпиграфистов, историков, лингвистов)[1]. Несмотря на то, что к черноморской проблематике, и в частности, истории колонизации и дальнейшего развития греческих поселений Восточного Причерноморья, наблюдается повышенный интерес, имеющиеся на сей счет работы, по мнению ученых, все еще далеки до окончательного решения: их решение возможно только в результате планомерных археологических исследований[2].

Прежде чем перейти к рассмотрению источников, характеризующих внешнеэкономические связи средневековой Абхазии, уместно обратиться к временным границам средних веков. Некоторые историки говорят о «долгом средневековье» и относят начало этой эпохи к IV в. н. э., а окончание – к концу XVIII в. [3]. Однако большинство современных исследователей придерживается другой точки зрения: эпоха средних веков начинается с конца V в., с формальной даты гибели Западной Римской империи и образования первых варварских королевств и длится до конца XV – начала XVI вв. [4]. В абхазской историографии одни ученые началом средневековья считают VI в. [5], по мнению других рубежом средневековой истории края во многих отношениях является VIII в. [6].

---

[1] См. напр.: Буйских А. В. Рец. на кн.: The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology / Ed. Gocha B. Tsetskhladze. Stuttgart: Steiner, 1998 (Historia: Einzelschriften. Ht. 121). 336 S. 44 Abb

[2] Из опубликованных в последнее время работ, в которых, в частности, речь идет о существующего в науке большого разнообразия точек зрений по проблеме «великой греческой колонизации» Западного Закавказья см. также: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. С. 105–122; Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XIV. 2004. С. 399– 424.

[3] Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков. – М., 2005. С. 6.

[4] Там же.

[5] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухуми. 1989; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). – Сухум. 2002. Его же. Средневековый период // Абхазы. – М., 2007. С. 64.

[6] См.: Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). – М., 1980. С. 202, 274 и сл. ; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII–X вв.). Автореф. дисс.

Существующее разночтение в вопросе о том, когда начинается ранний феодализм и его несовпадение в истории Абхазии с общепринятой схемой развития человечества нужно, очевидно, объяснить отсутствием в Абхазии рабовладельческого общества, если не считать существования основанных иноземными купцами на побережье страны рабовладельческих городов или наличия института домашнего рабства[1]. Древнеабхазское население от первобытнообщинной организации, по-видимому, непосредственно перешло к феодализму, хотя сложная проблема этого перерастания еще не исследована. В виду возникновения феодализма из первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческую стадию, Абхазия выпадает из общепринятой схемы исторического развития.

на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1989. С. 3; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 415–423; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум. 2006. С. 9, 117, 130 и сл.

[1] Справедливости ради нужно сказать, что в абхазском языке существует термин «атәы», букв. означающий «раб», «собственность», что позволяет каждому автору интерпретировать его по своему. Между тем, под словом «атәы» подразумеваются в основном домашние рабы, называвшиеся еще «ахашәала» (букв. «прибыль», «доход», «излишек»). Пополнение категории домашних рабов происходило, главным образом, за счет людей взятых в плен в Западной Грузии и на Северном Кавказе в результате военных набегов. Но существование рабства и в этой форме не опровергает рабовладельческого характера хозяйства, если не указаны масштабы применения рабского труда. В этой связи отметим, что, во-первых, «ахашәала» пользовались в основном в качестве домашних слуг или личных прислужников. Во-вторых, «ахашәала» численно и по своей собственной роли в экономике играли очень небольшую роль, так как для использования рабского труда в сельском хозяйстве, например, в позднеантичную эпоху, не было условий из-за малоземелья. (Гунба М. М. Социальные отношения в Абхазии в позднеантичную эпоху // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965. С. 31). При этом количество «ахашәала» даже накануне крестьянской реформы 1870 г. составляло 1300 чел. и имело тенденцию к полному исчезновению. Особенность же такого рабства (в отличие, например, от положения рабов в той же Римской империи, где вольную даровали кому-нибудь из преданно служивших рабов) в традиционном абхазском обществе в том, что уже через 2-3 года, как известно, домашним рабам разрешалось жениться, и владелец, будь то феодал или крестьянин, наделял бывшего раба землей, предметами хозяйства и тот переходил в условно зависимую низшую категорию крестьянства. (История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 166). Данное обстоятельство служит ярким показателем отсутствия в абхазском обществе рабской формы эксплуатации, а следовательно, развитых рабовладельческих отношений и его отражения в социальной психологии народа.

Таким образом, определяющим моментом в вопросе о том, когда начинается эпоха раннего средневековья (при всей условности хронологических рамок), в истории Абхазии является степень развитости общественных отношений и социальной дифференциации абхазского (абазского) общества. Остановимся и на этом вопросе.

Судя по данным византийских авторов (Прокопия и Агафия), в VI – VII вв. Абхазия в своем социальном развитии переживала переходный (от общинных отношений к феодальным) период, характеризующийся остротой противоречий, разнонаправленными тенденциями общественной жизни[1]. Ведущей тенденцией ее социального развития было развитие по пути становления феодального общества и государства. На экономическое, социально-политическое развитие Абхазии и ее идеологическое состояние в значительной степени влияли разносторонние контакты с Византией, которой в этом районе принадлежала торговая монополия вплоть до образования Абхазского царства[2]. Важным для экономики Абхазии было значение «шелкового пути»[3].

Принимая во внимание точку зрения последней группы абхазоведов, считающих началом средних веков период образования Абхазского царства, и еще раз отметив, что в VI – VII вв. социальные отношения абхазов были раннеклассового типа, хорошо известного нам в разных странах и на разных континентах и в древности, и в средние века[4], подчеркнем, что собственно VI в. в истории Абхазии является ранневизантийским периодом. К этому времени уже можно говорить о намечавшейся феодальной иерархии, у основания которой находилось многочисленное свободное общинное крестьянство, а на верхней ступени – феодализирующаяся знать.

Придерживаясь указанных замечаний для периодизации торгово-экономических контактов раннесредневековой Абхазии, нужно сказать, что материалы, характеризующие эти связи во время расцвета и наивысшего политического подъема Абхазского царства, когда ак-

[1] Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии… С. 15.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья… С. 202.

тивизировались внешние связи государства[1], также являются весьма малочисленными. В связи со скудностью письменных данных, в раздел о торговле страны этого периода включены материалы о торгово-обменных контактах Абхазии в VI – VII вв., в том числе и касающиеся вопросов, связанных с функционированием Западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути. Глава получила название «Торговые связи Абхазии в VI – X вв. », так как означенные ответвления Великого шелкового пути проходили через территорию Абхазии «в раннем средневековье (VI – VIII вв.)»[2].

Далее обратимся к хронологическим рамкам нового времени. Согласно общепринятой схеме новое время охватывает период с XVI по XIX вв. [3]. В абхазской историографии указанный отрезок (до крестьянской реформы 1870 г.) рассматривается в рамках эпохи феодализма[4]. Подобная градация, по нашему мнению, является совершенно справедливой, так как Абхазия вплоть до середины XIX в. была страной с довольно типичными отношениями т. н. «горского феодализма», в которые крепко вжились элементы «родоплеменного» строя. А сочетание кровнородственных и феодальных отношений и связанных с ними обычаев и институтов определяло в течение многих веков своеобразие общественного быта горских народов Кавказа[5].

Обращаясь к вопросу источников в области изучения торговли Абхазского побережья в раннесредневековый период, прежде всего, отметим, что важные и достоверные сведения по этой проблеме содержатся в трудах цитированных выше Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, а также Менандра Протиктора, Константина Багрянородного, Михаила Панарета и других византийских авторов. Важнейший материал об организации морской торговли на побережье Абхазии и в целом Восточного Причерноморья в VI – VIII вв. приводится в изданном в 1972 г. в Базеле специальном исследовании, посвященном надписям на византийских свинцовых печатях.

[1] См., напр.: Дзидзария О. П. Мореходство // Абхазы. – М., 2007. С. 172.

[2] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 117–118.

[3] Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков… С. 6.

[4] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. Указ. раб. Там же.

[5] Подробнее см.: Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 385–386; Маан О. В. Основные черты социального строя // Абхазы. – М., 2007. С. 322–331.

Ценнейшие сведения для освещения настоящей работы содержатся в 165 томах публикаций научных трудов итальянских медиевистов и архивных материалах средневекового периода, переданных итальянским профессором Джео Пистарино в дар Абхазскому институту гуманитарных исследований. Наряду с научными трудами по истории Лигурии и Генуи в средневековый период, среди них находятся и работы, описывающие историю генуэзских колоний в Восточном Средиземноморье, на Черном и Азовском морях. Сюда входят труды Д. Пистарино, Л. Баллетто, Д. Джоффре, Г. Аиральди, Г. Бальби, М. Балара, И. Ориго, В. Лацари, Р. Делора, Ш. Верлиндена, Г. Муссо, А. Виньи, А. Джустиниани, Л. Триа, Э. де ля Примоди, Дезимони, Канале, Брапшану, Роттье, Серра, Бруна. В этих работах описываются: проникновение итальянцев на Черное море и борьба между генуэзцами и венецианцами, генуэзские колонии в Крыму и на Азовском море, генуэзские колонии на Западном Кавказе, в том числе и Абхазии, проникновение генуэзцев во внутреннюю часть Кавказа, вывоз и ввоз товаров, формы и условия торговли, работорговля, административная структура генуэзских колоний, характер генуэзских колоний на Западном Кавказе, монетное обращение на Черном и Азовском морях, методы колониальной политики Генуи. Научные труды итальянских медиевистов широким образом раскрывают исторические события средних веков. Так, например, работа медиевиста Доменико Джоффре «Рынок рабов в Генуе в XV веке» дает подробное описание состава контингента рабов, вывезенных из Абхазии, на основании нотариальных актов, которые были составлены при их покупке.

В этих нотариальных актах, хранящихся по настоящее время в Генуэзском государственном архиве, подробно представлены даты покупки, имена и возраст рабов, фамилии их покупателей и цены. В работах итальянских медиевистов также широко используется археологический и этнографический материалы. При их изучении можно сделать вывод, что в архивах Генуи (например, в архиве банка Святого Георгия и в Генуэзском государственном архиве), а также и в генуэзских музеях хранится значительный по объему сравнительный вещественный материал, по которому можно реконструировать историю Абхазии в XII – XIV веках.

Необходимо в связи с вышеизложенным подчеркнуть и то, что большая работа по переводу итальянских текстов на русский язык проведена В. Б. Асатряном.

Некоторые сведения о черноморской торговле в IX – XIII вв. почерпнуты из материалов Ибн-Хордадбеха, Масуди, Ал-Идриси, Абулфеда, Ал-Умари, Ал-Макризи, Н. Мурзаковича, В. Кудрявцева, А. Фадеева, В. Сизова, Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко и др.

Ряд интересных для нас сведений содержится также в «Памятниках византийской литературы IX – XIV вв. », «Истории русского искусства (1953 г.)», «Полном собрании русских летописей (Т. VII)», работе «Freiherrn von Harthausen Transkaukasia», изданной в 1856 г. в Лейпциге. О средневековой торговле с Северным Кавказом, Золотой Ордой ценные факты сообщают Дж. Бадоер, А. Туаллагов, А. Масловский и др. Следует особо подчеркнуть, что значительные заслуги в исследовании генуэзско-причерноморской торговли вообще, принадлежат, как известно, С. П. Карпову. На основании введенных в оборот материалов архивов Венеции и Генуи, ученым дана оценка налогообложения итальянской торговли и обмена товарооборота в Южном и Юго-Восточном Причерноморье в XIV – XV вв. Особое значение для истории экономики средневековой Абхазии имеют, в частности, приводимые С. П. Карповым данные о взимании торговых пошлин (коммеркии) в Севастополисе (Сухуме).

Важными являются и свидетельства о внешней торговле абхазов позднесредневековых ученых и путешественников – Б. Барановского, С. Белокурова, М. Бериндета, И. Гюльденштедта, Д. Д'Асколи, Арк. Ламберти, Ж. де Лукки, М. Меховского, М. Пейсонеля, Евл. Челеби, Ж. Шардена и др. Например, очень ценен и интересен труд французского консула при дворе крымского хана (с 1753 г.) М. Пейсонеля «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 г. ». Автор, осознавая важное значение и выгоды, которые могла бы извлечь для себя Франция, пользуясь Черным морем для развития торговли с 1750 г. в его бытность в Смирне и Константинополе, начал собирать сведения о торговле на Черном море от турецких, греческих и армянских купцов. Находясь позже в Крыму, он продолжил сбор данных о черноморской торговле. М. Пейсонель, не имея возможности на месте изучать экономику Абхазии, тем не менее, сумел дать с цифровыми конкретными данными довольно подробное описание значительной по объему ввозной и вывозной торговли абхазов и черкесов в XVIII в.

Разнообразный фактический материал, в том числе немало конкретных сведений о средневековых внешнеторговых морских связях абхазского побережья содержится в монографии Т. Н. Берадзе «Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии» (Тб., 1989). Важным в работе следует признать то, что в ней на основе различных источников воссоздана организация средневековой морской торговли в Восточном Причерноморье, устанавливается размер пошлины, взимавшейся за ввоз и вывоз товаров по морю. Вместе с тем, со времени выхода этой и иных работ, носящих общий характер по интересующей нас проблеме, накоплены солидные археологические и другие материалы, дающие исследователям новые сведения и позволяющие дополнять наши представления об истории внешнеэкономических связей Кавказского Причерноморья и Абхазии в средние века, неучтенные в предшествующих работах.

Из работ по данной тематике необходимо указать на труд проф. Г. А. Амичба «Абхазия в эпоху раннего средневековья» (Сухум, 2002). В ней на основании археологического, этнологического, фольклорного материалов и сообщений письменных источников прослеживается история народного хозяйства и социально-экономических отношений Абхазии в эпоху средневековья (VI–X вв.). Заключительную главу книги – «Экономические связи», Г. А. Амичба специально посвящает внешнеэкономическим сношениям, в которой на основе публикации ученых – абхазоведов рассматриваются основные экономические связи Абхазии с другими странами в раннее средневековье.

Значительное внимание проблеме истории развития береговой торговли в Абхазии в позднее средневековье уделено в работах А. В. Фадеева «Меч и золото на берегах Абхазии» (Очерки по истории береговой торговли в XVI – XVIII вв.); «Краткий очерк истории Абхазии»[1].

[1] Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии (Очерки по истории береговой торговли в XVI – XVIII вв.). – Сухум. 1933. Его же. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934.

Здесь приводятся достаточно подробные исследования береговой торговли на побережье Абхазии в XVI – XVIII вв., на основе широкого круга рассматриваемых вопросов, глубины анализа и уровня теоретического обобщения фактического материала для 30-х гг. XX века. А. В. Фадеев показывает характер деятельности турецких купцов на берегах Абхазии, формы и характер торгового обмена, говорит о предметах торговли, освещает вопросы работорговли, а также пути и центры береговой торговли. Несмотря на некоторое преувеличение роли иностранного влияния и торгового капитала, значение береговой торговли для экономики края в XVI – XVIII вв. в целом верно трактуется А. В. Фадеевым как фактор, который, в конце концов, с увеличением его оборотов, породивший тенденции «направленные к разложению феодализма, к появлению в недрах его эмбрионов капиталистической формации»[1].

Немаловажная информация о внешней торговле позднесредневековой Абхазии содержится также в работе И. Г. Антелава «Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков» (Сухуми, 1949). По его мнению, для характеристики социально-экономического развития Абхазского княжества в XVI – первой половине XVII вв. может быть использована и «Большая книга крестьян абхазского католикосата». В ней детально говорится о категориях крестьян и их повинностях в пользу своих духовных феодалов. Однако в этом важном документе речь идет исключительно о мегрельских крестьянах. Вместе с тем, село Нажанеули, о котором говорится в книге и которое находилось где-то на правом берегу р. Ингур, до 80-х гг. XVII в. было оккупировано Мегрельским княжеством, а положение его жителей далеко не во всем было идентичным с положением абхазских крестьян из центральных и северо-западных районов Абхазии.

В настоящей работе были использованы и многие ценные исторические материалы, содержащиеся в коллективной монографии «История Абхазии» (Сухум, 1991), учебном пособии О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба «История Абхазии» (Сухум, 2006). В последней работе рассмотрены, в частности, такие вопросы, как прохождение через территорию Абхазии Западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути, денежное обращение страны в XII – XV вв., а также торговля, в особенности работорговля на побережье Абхазии в османский период.

[1] Там же. С. 138, 141.

Некоторые материалы о торговле абхазов, в том числе его отдельных территориальных групп в первой половине XIX века, были выявлены в Центральном государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном историческом архиве в Москве. Использованы и материалы из собрания отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в 1928 г, а также из фондов Абхазского государственного музея, в частности, информация о торговле начала XIX века.

Привлекались также материалы архива Балтазара Богишича находящиеся в его музее в г. Цавтата (Хорватия).

Эти материалы, собранные в Сухумском округе, содержат описания жизни Абхазии XIX века (домашний архив М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

Существенную информацию по проблеме исследования периода позднего средневековья содержит публикация М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа «Клад золотых турецких монет из Сухумской крепости». За исключением этой, в вышеназванных работах, вопросы торговых связей абхазов в XVII–XIX вв., раскрываются достаточно фрагментарно.

Немаловажным подспорьем для изучения темы послужило собрание архивных документов в сборнике В. К. Гарданова «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII – XIX вв. » (1974); Материалы по истории Абхазии. Т. I (1803–1839 гг.). (Сухум, 2008, сост. Г. А. Дзидзария); Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. Т. II (1762–1859 гг.) (Сухум, 2011, сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба). Для характеристики торговли и обмена в Абхазии в первой половине XIX в. весьма важный интерес представляют материалы из российской периодической печати об Абхазии, включенные в I том книги «Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.)», (Сост. Р. Х. Агуажба и Т. А. Ачугба. Сухум, 2005). Отдельные материалы о торговле Абхазии первой половины XIX в. выявлены также в научно-познавательных сборниках: ЗООИД, АКАК, ЗКОИРГО, СМОМПК, ССКГ.

Для освещения вопросов торговли на побережье Абхазии в начале XIX в. оказалась, в частности, полезна работа начальника Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевского «Записка о торговле с горцами и переселении на восточный берег», опубликованная в IX томе «Актов Кавказской Археографической Комиссии». Некоторые материалы о предметах, вывозимых из Абхазии, содержатся в работах А. Н. Введенского, П. Гибаля, Гамба, Дюбуа де Монпере, М. Ольшевского, А. Пахомова, С. Пушкарева, С. Смоленского, Р. де Скасси, лейтенанта Скирневского, Э. Спенсера, Ф. Ф. Торнау и др. Важным источником для рассмотрения экономических связей этого времени послужил труд А. А. Олонецкого «Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX в.) (Сухум, 1934). Наиболее же ценными источниками для освещения темы послужили капитальные работы Г. А. Дзидзария: «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке» (Сухуми, 1958), «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (Сухуми, 1960) и др., в которых глубоко исследованы вопросы проникновения в Абхазию в XIX в. экономики, ориентированной на рынок, рост производительных сил страны и развитие торговли, экономические связи Абхазии с Россией и другими странами.

Однако, несмотря на то, что имеется довольно большое количество материалов, в которых так или иначе затрагиваются проблемы торговли и обмена в средневековой Абхазии, нужно все же с сожалением отметить, что не только интересующие нас вопросы, но и вообще позднеантичный и средневековый периоды остаются одними из наименее изученных в историографии Абхазии. Поэтому при написании этой книги, были использованы и труды ученых, проделавших, в частности, значительную работу в области конкретизации ряда вопросов, связанных со средневековой торговлей Восточного Причерноморья и Кавказа: Е. П. Алексеевой, Э. Арвейлера, Г. Е. Афанасьева, Ш. Верлиндена, В. Гейда, С. Н. Джанашиа, И. В. Дубова, А. Г. Еманова, А. А. Иерусалимской, Х. Иналджика, А. М. Киласония, Ф. Кирзиоглу, В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецова, Л. И. Лаврова, Д. Ланга, А. А. Максидова, Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. И. Нарожного, А. П. Новосельцева, Ф. И. Успенского и др.

Насколько было возможно, были привлечены данные по экономической истории сопредельных областей и других государств, проливающих свет на проблему их торгово-экономических взаимоотношений со средневековой Абхазией.

В настоящей работе, не претендующей на всестороннее и полное освещение затронутых сложных вопросов, использованы все доступные источники (в меньшей степени фольклорные и лингвистические материалы). Надеемся, что она вызовет интерес у читателей и будет полезной для специалистов.

ГЛАВА I.
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ VI – I ВВ. ДО Н. Э.

В числе народов, которые рано познакомились с Восточным Причерноморьем, согласно письменным источникам, вполне могли быть финикийцы или карийцы[1]. Последующие изыскания подтвердили мысль о плавании, в частности, финикийцев к Кавказскому побережью и их торговых и военных контактах с местным населением[2].

Один из библейских пророков Иезеккиль, упоминает, что финикийский город Тир вел меновую торговлю с кавказскими племенами, выменивая товары….. на души человеческие, т. е. рабов[3].

Приведенное сообщение датируется VI в. до н. э., однако, несомненно, что спорадические торговые связи финикийцев с западным побережьем Кавказа имели место и в более ранние периоды истории. Кстати говоря, финикийцы, по очень точному замечанию Э. Курциуса, были первыми, от которых узнали, что девочки и мальчики, захваченные где-нибудь в поле, доставляют больше дохода, чем все другие товары[4].

В античных источниках сохранились сведения и о проникновении в Черное и Азовское моря, еще до начала греческой колонизации – карийцев, - сильного морского народа из Эгейды[5].

[1] Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958. С. 158.

[2] Виноградов В. Б. «Тайны минувших времен». – М., 1966. С. 81; Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. – Л., 1977. С. 14; Снисаренко А. Б. Властители античных морей. – М., 1986. С. 65.

[3] Цит. по: Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум. 2006. С. 150.

[4] Курциус Э. История Греции. Т. I. – М., 1876. С. 49.

[5] Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (Ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 65, 66, 74; Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории

Возможно, подтверждением факта плавания карийцев через черноморские проливы, могут служить наличие в Причерноморье и таких топонимов, как, например, Пицунда, Колхида, колхи, синды и др., которые, по мнению известного специалиста по классической филологии Ю. В. Откупщикова, по своему происхождению связаны с догреческим этнокультурным миром[1]. Однако абхазские лингвисты полагают, что топонимы, приводимые Ю. В. Откупщиковым, нуждаются в дальнейшей аргументации, так как в литературе существуют и иные точки зрения об их генезисе, ряд же ученых думает, что эти названия не являются карийскими.

Крайне важным свидетельством в пользу того, что карийцы и финикийцы плавали в Черное море, являются найденные вблизи болгарского побережья каменные якоря с отверстиями, определенные археологами как критскими или финикийскими. Количество, величие и возраст найденных якорей показывают, что болгарское Черноморье посещали большие корабли еще в бронзовую эпоху. А раз сюда приходили торговые суда, справедливо полагают исследователи, значит, здесь существовали удобные заливы, гавани, где и происходил обмен товарами с местным населением[2]. В данной связи особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что абхазское название якоря – «апырсал», исследователи считают древним заимствованием и возводят к финикийскому «берзель», что значит «железо»[3]. На наш взгляд, это слово связано с абхазским названием древнего паруса «Апра» и «сал», т. е. «парусный клин» – останавливающий парус.

Что касается контактов населения Колхиды с древнейшими греками, то имеются прямые сообщения археологических и письменных источников о наличии подобных взаимных связей уже в архаическую эпоху. Косвенным указанием в пользу данного обстоятельства слу-

столицы Боспора. – М., 1964. С. 10. Предполагают, что первоначально карийцы участвовали в морских походах на паях с финикийцами. (Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 58).

[1] Откупщиков Ю. В. Указ. раб. Там же.

[2] Матвеев К., Сазонов А. Пять жизней Сури. – М., 1989. С. 75–76; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005. С. 90.

[3] Дзидзария О. П. Указ. раб. С. 90.

жит сообщение Луция Септимия, утверждавшего, что до Троянской войны торговые экспедиции «скифских» купцов были очень частым явлением в Геллеспонте (совр. Дарданеллы, пролив. **– О. М.**), где они обменивали товары с местными жителями»[1].

Яркой иллюстрацией связей предков абхазов с цивилизациями древности может служить глиняная модель корабля, выявленная на Тамышском поселении VIII в. до н. э., а также модель многосоставного бронзового якоря, обнаруженная в районе Красного маяка юго-западнее Сухума[2].

Большинство исследователей считает, что самые ранние сведения о путешествии греческих моряков в Черное море нашли отражение в их мифологии, в частности, сказаниях о колхидской экспедиции аргонавтов за золотым руном, совершенным будто бы до Троянской войны (до 40-х годов XIII в. до н. э.) и известным уже Гомеру[3]. Однако, бо-

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 3. 1949. С. 262.

[2] Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 74. Древнеабхазские мореплаватели, возможно, пользовались и навигационными картами, о чем, может, свидетельствовать существующее в абхазском языке название карты – «ахсаала», появление которой, очевидно было вызвано необходимостью систематизации накопленного практического материала в области судоходства (знание географии, времени, в течение которого возможно кораблевождение, свойства ветров, морских течений). В то же время, правда, нам трудно судить о том, к какому времени относится появление термина «ахсаала», хотя и можно предполагать, что слово это имеет раннее происхождение. Вместе с тем, по мнению О. П. Дзидзария (устное сообщение) нет сомнения в том, что абхазы пользовались картами, а слово «ахсаала» является очень древним. (См. также его работу: Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. С. 27. Ср. в этой связи точку зрения: Снисаренко А. Б. Властители античных морей... С. 217).

[3] Сама «Троянская война, – считают исследователи, – конечно не велась единственно за прекрасную Елену…Она, очевидно, велась за свободу прохода на кораблях в Черное море, к берегам обширного скифо-кавказского мира. В этом удостоверяет нас то, что, по всем сказаниям древности, эта война случилась после экспедиции аргонавтов в Колхиду» (См.: Ю. П. О торговле невольниками на Черном море (Исторический очерк) // Газ. «Кавказ». 1888 г. №292). Что касается мифа об аргонавтах, то еще раз укажем, что имя сына колхидского царя Аэта (ср. с названием абхазского морского божества Хайт, Аит) – Апсирт (этот антропоним сохраняется в абхазской среде до настоящего времени) сопоставляется с наименованием крупного торгового города и гавани Апсар – между Трапезунтом и Фасисом, близ совр. г. Батуми в Юго-Западной Грузии. (См.: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. – М.,

лее справедливыми, по нашему мнению, являются высказывания о необоснованности столь ранней датировки мифа об аргонавтах в его кавказской части, в то время как первые контакты западнокавказских племен с греческими мореплавателями, исходя из имеющихся археологических данных, датируются учеными временем не ранее VIII–VII вв. до н. э. [1].

Основным предметом устремления древних греков к берегам Колхиды, по всей вероятности, служило золото, о добыче которого с помощью овечьих шкур рассказывал Страбон, рационалистически объясняя возникновение мифа о золотом руне[2]. Некоторые исследователи даже считают, что именно золото и вообще металлы, добывавшиеся в Восточном и Юго-Восточном Причерноморье, явились основным стимулом греческой колонизации Колхиды[3]. Это может быть подтверждено и тем, что проявления золота отмечены в верхнем течении реки Кодор, у юго-восточного меридионального отрога абхазской части Кавказского хребта, являющегося водоразделом бассейна рек Кодора и Ингура. Имея в виду

1961. С. 14; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. –Сухуми. 1976. С. 220; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней… С. 59). Топоним Апсар (р. Псырцха у Н. Афона в древности также называлась Апсаром), пишет Х. С. Бгажба, связан с самоназванием абхазов «а-пс-уа» (Бгажба Х. С. Труды Т. I. Этюды и исследования. – Сухуми. 1987. С. 116). Иными словами, названия Апсирт, Апсар, следует понимать как территорию, страну обитания апсов – апсилов – абхазов. По мнению акад. Н. Я. Марра, абхазский народ в древности занимал площадь значительно более обширную, на юге до р. Супсы, был расположен и на р. Риони, носившей некогда его племенное название – Фазис (протекавший среди «пас»ского, т. е. абхазского племени с древнешим городом Кута (груз. Кутатис, Кутаис), что по-абхазски (акыта) означает «селение». («Литературная энциклопедия». Т. 1. – М., 1930. 19).

[1] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 106 –107; Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования… С. 401; Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011. С. 338.

[2] Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985. С. 146.

[3] Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье /Колхида, Иберия // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 6. Его же: «Колхида златообильная»/ миф и археология // Древний Восток и мировая культура. – М., 1981. С. 61.

это обстоятельство, очевидно, французский посол в Тифлисе Ж. Гамба, посетивший Абхазию в 1822 году, писал о добыче золота в районе Сухума[1].

Не случайно Кодор древние греки называли «Хрисоррой», что и значит «золотая»[2]. Уместно отметить, что баранья шкура по-абх. и ныне называется «ахьатра», где «ахьы» означает «золото», а «атра» – вместилище, т. е. золотое руно (а еще в XIX в., по материалам абхазской этнографии, из шкур козлят абхазы готовили походные мешки - ахьатра). Вряд-ли являтся случайным и абхазская поговорка «Акәа ахьы моуп», означающая «в Акуа (Сухуме) лежит золото» или «Златообильная Акуа», фраза созвучная с древнегреческим эпитетом Колхиды «Златообильная Колхида», с той лишь разницей, что в абхазской поговорке объект называется Акуа, в греческой фразе название страны – Колхида[3]. Уместно вспомнить и сообщение Стефана Византийского о том, что Диоскурия прежде была известна как столица царя златообильной Колхиды – Айэта. Если целью первых морских походов греков было золото, то нужно согласиться с Л. Н. Соловьевым в том, что сама Диоскурия могла возникнуть как опорный пункт греческих золотоискателей или, вернее, скупщиков золота в этот «героический» период истории побережья[4].

Если исходить из того, что в древней Абхазии, наряду с извлечением из недр земли металлических ископаемых, строительных материалов, полудрагоценных и драгоценных камней и т. д.), производилась золотодобыча[5] (трудно, правда, сказать, в каких масштабах), то правдоподобным выглядит предложение Д. Г. Капанадзе о том, что еще до появления греков на Черноморском побережье Кавказа могли существовать «прочные торгово-экономические взаимоотношения с

[1] Gamba. Voyage dans la Russie meridionnale. T. 1. – Paris. 1824. C. 85.

[2] Соловьев Л. Н. Диоскурия-Севастополис-Цхум // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 109. При этом, не исключено, что слово «Хрисоррой» абхазское как «Ахьрыссара», – что в переводе означает «место золотой россыпи» – от ахьы-«золото», асса-«россыпь», и ра-«место».

[3] Шамба Г. К. Древний Сухум... С. 5, 98–99, 108.

[4] Соловьев Л. Н. Диоскурия – Севастополис – Цхум… С. 109.

[5] См.: Маан О. В., Цвинария И. И. Культурные и хозяйственно-экономические связи Абхазии с древнейших времен до античной эпохи. Рукопись. 2009 г. С. 31–32.

боспорскими правителями, которые могли иметь более реальные источники золота, чем Урал и Сибирь»[1].

Между тем, исследователи истории и культуры античных центров Северного Причерноморья полагали, что помимо Закавказья, золото в Северное Причерноморье могло поступать из Фракии и Малой Азии[2]. Однако, более вероятна доставка золота на Боспор, как сказано, из Западного Закавкавказа как региона наиболее близко расположенного к Северному Причерноморью. Что касается ввоза золота в указанный регион с Урала и Алтая, то он не подтверждается фактическим материалом[3].

Некоторые исследователи допускают, что периоду древнегреческой колонизации предшествовал длительный доколонизационный период взаимоотношения греков с населением Причерноморья, которое и ранее вступало в товарообмен с греческими или догреческими купцами, заинтересованными в нем[4]. Разумеется, как уже было сказано, и в догреческий период жители Восточного и Северного Причерноморья вступали в культурно-экономические взаимоотношения с другими народами, в том числе, и с собственно греками, но эти контакты местных племен с эллинами в первой трети I тыс. до н. э., по замечанию В. Д. Блаватского, носили случайный характер и не смогли наложить сколько-нибудь заметную печать ни на тех, ни на других[5].

В данной связи следует правда еще раз заметить, что в Северо-Восточном Причерноморье, в том числе в Абхазии, обнаружено определенное число греческих вещей, относящихся к VIII и началу VI вв.

[1] Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959. С. 142.

[2] Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. Т. XIII. 1950. С. 234–235; Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. – М., 1956. С. 8.

[3] См.: Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. С. 164–165. См. также: Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей… С. 195. .

[4] См.: Carpenter R. The greek penetration on the Black Sea // American Lournal of Archaeology. – Washington – New – York. 1948. V. 52. № 1. С. 1–10;Колобова К. М. К истории вопроса о греческой колонизации // ВДИ. №2. 1949. С. 130–131. Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида // «Мацне». 1976. № 3. С. 41–44; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 32–54; Graham A. J. Pre – Colonial Contacts // Greek Colonists and Native Populations. Oxf. 1990. P. 45–60.

[5] Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. № 2. 1964. С. 13.

до н. э. [1]. Их проникновение, в частности в скифские степи, ранее считалось бесспорным свидетельством доколонизационной торговли греков в Северном Причерноморье. Однако последующими исследованиями этот тезис был подвергнут сомнению[2].

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что наиболее ранние контакты греков с жителями Восточного Причерноморья и древней Абхазии нельзя рассматривать как торговые, поскольку отсутствуют данные, которые позволяли бы судить о прочных доколонизационных экономических связях греков с аборигенами Причерноморья. Поэтому начало регулярного торгового обмена, целенаправленной торговли между греками и прибрежным населением Черного моря следует относить к периоду греческой колонизации рассматриваемого региона.

Греческая колонизация территории Абхазии началась с VI в. до н. э., на что указывают материалы многолетних раскопок древних поселений – Гюэноса (у Очамчырского морского порта)[3], Диоскурии (локализованного большинством исследователей на месте нынешнего Сухума) и Эшерского городища. Следующим важным пунктом греческой колонизации на территории древней Абхазии являлся Питиунт (совр. Пицунда, абх. Лдзаа), возникший в эллинистическое время. По

[1] Блаватский В. Д Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964. С. 14–16; Античные государства Северного Причерноморья… С. 9; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. С. 32–33, 106–107; Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья… С. 338.

[2] Античные государства Северного Причерноморья… С. 9.

[3] На основании археологических материалов, добытых в 1935 –1936 гг. возникновение городища Гюэнос относилось к середине V в. до н. э. и связывалось с афинской торговой экспансией (что вполне соответствовала концепции грузинских историков о существовании с VI в. до н. э. «мощного» раннеклассового «Колхидского царства», наличие которого не допускало возникновения с VI в. греческих городов с собственной экономической базой). Существовало и другое мнение, согласно которому этот город был основан в VI в. до н. э. Раскопки же 1981-1984 гг. выявили материалы VI в. до н. э. (несколько фрагментов хиосских амфор и ионийской керамики первой половины VI в. до н. э., основная же масса относится к середине второй половины VI в. до н. э.) и подтвердили раннюю дату основания Гюэноса. (См.: Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н. э. –XIII в. н. э.). Научный доклад на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1998. С. 5,11, 16).

данным некоторых письменных источников, Питиунт являлся большим и богатейшим городом уже во II в. до н. э. [1], а городская жизнь там продолжалась, хотя и с перерывами до середины VI в. н. э.[2].

Крупным античным центром на территории Абхазии являлось Эшерское городище: греческая колония здесь появилась уже с середины VI в. до н. э., городская жизнь там, очевидно, процветала до 60-х гг. I в. до н. э. [3]. На территории Абхазии существовали и другие менее значительные греческие поселения, но многие из этих памятников не исследованы и ожидают своего изыскания. Следует особо отметить, что из четырех крупных городов Восточного Причерноморья – Фазис, Диоскурия, Гюэнос и Питиунт, три были основаны на территории Абхазии, что свидетельствует, говоря словами М. М. Гунба и Г. К. Шамба о том, что древние греки больше, чем где-либо были заинтересованы в земле и природных богатствах нашей страны[4]. Заинтересованность греков в земле и природных богатствах древней Абхазии, была вызвана и географическими условиями этого региона Кавказского побережья: существование удобных для стоянок судов заливов и пристаней (многочисленные названия которых позднее приводятся, например, в записках турецкого путешественника Эвл. Челеби) и, главное, наличие двух, из трех имеющихся в Восточном Причерноморье превосходных бухт – Сухумской (где «может поместиться многочисленный

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4. 1947. С. 214.

[2] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде // ВП. Т. III. – Тб., 1978. С. 20–21, 24, 26. В IV–II вв. античное поселение (возможно городского типа) существовало и в районе Нового Афона, на склонах Анакопийской горы (Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // ВВ. Т. XIX. 1961. С. 155). О том, что население Анакопийской горы имело торгово-экономические связи с различными центрами древней Греции говорит, прежде всего, керамика из мелких окатанных фрагментов чернолаковых и амфорных сосудов эллинистического времени. Часть обломков амфорной посуды – малоазийского происхождения, в частности из Синопы. (Трапш М. М. Труды. Т. IV. – Сухуми. 1975. С. 131, 146).

[3] Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. С. 38.

[4] Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии. С древнейших времен до XX века. – Сухум. 2001. С. 38.

флот») и Пицундской, которые не могли остаться незамеченными эллинами (третьей же большой стоянкой судов в Восточном Причерноморье является, как известно, Батумская бухта – в Юго-Западной Грузии). Мнения о том, что главной причиной выбора побережья, и в частности нынешней Сухумской бухты для основания здесь древнегреческой колоний, послужили географические условия, придерживаются также Ю. В. Горлов и Д. С. Бжания[1].

Начало греческой колонизации Черноморского побережья[2], совпадает, как установлено, с расцветом железной индустрии и вытекающего из него небывалого роста производительных сил[3]. Поэтому, имея в виду торговые связи со Средиземноморьем, О. Х. Бгажба полагает, что в тот период в древнюю Грецию вывозилась, прежде всего, очень ценившаяся там сталь, изготовленная древнеабхазскими мастерами особым «халибским способом»[4]. Это заключение О. Х. Бгажба перекликается со словами Б. Е. Деген-Ковалевского, который на основе рассмотрения первоисточников, известных науке в 30-е годы XX в., предполагал, что кавказское железо шло на экспорт в страны Средиземноморья[5].

Греческие колонии по общепринятому мнению, никогда не возникали в безлюдных и ненаселенных местах[6], но лишь там, где открывались возможности использования природных ресурсов для развития сельского хозяйства и различных ремесел, «а главное, – утверждал В. Ф. Гайдукевич, – где имелось наличие человеческих контингентов, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей»[1]. Не во всем можно согласиться с приведенной точкой зрения. Ранее было принято упрощать взаимоотношения колонистов, (т. е. поселенцев) и аборигенов, превращая первых в колонизаторов (в современном смысле слова), обращавших местное население в рабочую силу. У античных авторов нет указаний на конфликтные взаимоотношения между греками и жителями древней Абхазии, (хотя, по-видимому, мирные времена чередовались с некоторыми военными столкновениями, что неизбежно при любом соседстве)[2]. Нет также указаний и на создание каких-либо

[1] Горлов Ю. В., Бжания Д. С. Изучение топографии археологических памятников Сухумского побережья черноморской экспедицией ИА РАН и АБИГИ АНА им. Д. И. Гулиа в 2001–2006 гг. // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011. С. 65.

[2] Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994. С. 7.

[3] Там же; Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1987. С. 10.

[4] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней… С. 46. При этом, не исключено, как заметил Ю. Н. Воронов, что само резкое увеличение производства железа в Западном Закавказье в тот период, было вызвано потребностями греческих торговцев (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 121. Ср. также: Максимова М. М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. – М. 1956. С. 27–30).

[5] Деген-Ковалевский Б. Е. К истории железного производства Закавказья // Известия ГАИМК. Вып. 120. – М. –Л., 1935. С. 242.

[6] О том, что греки чаще всего основывали свои поселения на территориях в какой-то мере уже обжитых местным населением, говорят хотя и немногочисленные, но регулярные находки орудий и керамики догреческого времени в большинстве античных городов Причерноморья. (См.: Античные государства Северного Причерноморья… С. 9–10).

[1] Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. Т. 1. – М. –Л., 1955. С. 23–24; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 146.

[2] По мнению Г. К. Шамба «торговая потребность местных и пришлых этнических общин в конечном итоге должна была привести к мирному исходу, хотя это вовсе не значит, что военные конфликты не имели места» (Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века… С. 37). В данной связи показательно то, что на раннем этапе существования Эшерского городища, оно не имело никаких оборонительных сооружений, что говорит о достаточно мирных отношениях греков-колонистов с аборигенами. (Воронов Ю. Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум. – М., 1980. С. 40). Между тем среди исследователей нет согласия, в частности, в вопросе о состоянии и уровне развития культуры местных племен, а также о демографической ситуации в окрестностях Диоскурии в предантичную эпоху. Ряд ученых (Ю. Н. Воронов и др.) считают, что в указанный период в окрестностях древнего Сухума имеет место упадок культуры аборигенов и они переживают резкий спад и сокращение населения, и, что, только «в середине VI – V вв. количество аборигенных поселений в окрестностях Сухумской бухты по крайней мере удваивается» (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 108 –109). Однако, как считает Г. К. Шамба, тезису об упадке культуры местных жителей, противоречат археологические находки, особенно, богатые погребения местной знати, расположенные в окрестностях Эшерского городища, Диоскурии. (Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э… С. 31. Его же. Эшерская древнегреческая надпись… С. 41; Габелия А. Н. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 44–49). В то же время, как указывает Г. К. Шамба, исследователи, очевидно, еще далеки от представления реальной демографической

предприятий, требовавших привлечения местной рабочей силы. Греки занимались торговлей, привозили свои товары и перерабатывали скупаемое сырье. Однако развитие ремесел в греческих центрах все же требовало рабочих рук и поэтому необходимы были рабы, очевидно поставляемые местным населением из числа похищенных или купленных представителей соседних народов.

Первопричиной колонизационной деятельности греков являлся недостаток пригодных для возделывания земель[1]. Подсчитано, что лишь 19 % площади Греции являлись пригодными для обработки. Неслучайно греческие поселения, как правило, возникали вдоль морских берегов, где были обширные и наиболее плодородные почвы, богатые ресурсы[2].

Греческие колонисты преследовали разные цели: одни основывали свои поселения на новых местах для ведения торговли с местными жителями, другие – занимались хозяйством, т. е. переселялись на

ситуации, в частности, в окрестностях древнего Сухума, накануне великой греческой колонизации. «Ведь не секрет, что повсеместное освоение земельных угодий еще с древнейших эпох и особенно развернувшееся в наше время новостройки порой безвозвратно стирали с лица земли культурные остатки былых времен, особенно это отражается на немногослойных памятниках» (Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 31). В целом, нам также представляется, что состояние материала в настоящее время заставляет считать вопрос о демографической ситуации в окрестностях Диоскуриады накануне колонизации, не вполне ясным. Возможно, в будущем появятся новые данные, которые позволят прийти по этому вопросу к более определенным выводам. Хотя, вряд ли мы когда-нибудь будем располагать необходимой информацией, позволяющей с уверенностью судить о демографической ситуации в окрестностях Диоскуриады накануне колонизации. Вместе с тем, полученные в последнее десятилетие результаты палеоботанических исследований, не подтверждают широко распространенные представления о характере прибрежной территории Сухумской бухты в античный период как об обширной заболоченной низменности, ограниченной с моря узкой полосой песчаного берега, выступавшего в качестве единственного участка для освоения греческими колонистами. Естественные ландшафтные условия прибрежной полосы суши, – отмечают А. В. Поротов, Ю. В. Горлов и др., – не препятствовали ее заселению и освоению в раннеантичное время. (Подр. См.: Поротов А. В., Горлов Ю. В., Балабанов И. П., Болиховская Н. С., Кайтамба М. Д. К палеогеографии Восточного Причерноморья в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII. – Москва – Магнитогорск. 2003. С. 197 –207).

[1] См.: Кругликова И. Т. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 3–4.

[2] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 99–100. См. также: Андреев Ю. В. Эгейский мир: Природная среда и ритмы культурогенеза // ВДИ. № 3. 1994. С. 104.

постоянное место жительства, третьи – искали металл, лес и другие богатства природы. Среди колонистов были и такие группы, которые совмещали и те и другие способы своего существования.

По мнению исследователей, своеобразие греческой колонизации Колхиды заключалось в преимущественно торговой ориентации основанных здесь эллинских городов. Они в основном играли роль перевалочных пунктов, через которые осуществлялся обмен товаров метрополии на колхидское сырье и отдельные виды изделий[1]. О преимущественно торговом облике первых греков – переселенцев на территории Абхазии, говорит отсутствие у них производства на месте. Поэтому есть все основания полагать, что греки селились при поселениях, где уже имелись центры ремесленного производства и обмена, приобретая нужную им землю у представителей местной аристократии, разумеется, за определенное вознаграждение. Это неудивительно, ибо, говоря словами А. Иессена, большую роль в выборе поселений греки придавали не только физической, но и экономической географии[2].

Словом, греческие полисы в своем подавляющем большинстве не могли существовать и нормально развиваться без более или менее налаженных связей с внешними рынками, как в самой Греции, так и за ее пределами. Поэтому одним из важнейших особенностей греческих городов Причерноморья было взаимодействие с окружающим их населением, от которого они получали необходимые источники существования в виде сырья. Они стремились иметь дружественные отношения с местными жителями, прежде всего для налаживания бесперебойных торговых отношений[3], поскольку посредническая

[1] См. напр.: Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Колхида и Боспор: две модели колонизации? Доклад на советско-английском симпозиуме «Колхида и античный мир». Лондон – Оксфорд. 30 апреля – 7 мая 1990 г. // ВДИ. № 2. 1991. С. 252; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 60.

[2] Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Её предпосылки и особенности. – Л., 1947. С. 54; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 119.

[3] В литературе, как известно, существует мнение о том, что контакты между аборигенами и колонистами, в частности в Гюэносе, должны были приводить к смешиванию населения и, возможно, к смешанным бракам (Шамба С. М. Гюэнос -1. – Тб.,1988. С. 64–65). При этом, не исключено, что греческие колонисты для установления мирных отношений и более тесных связей с древнеабхазским населением,

торговля была основой экономики греческих черноморских городов. Приобретенные у местного населения товары колонисты затем отправляли в Грецию и там выгодно перепродавали.

Не случайно, что сама античная Диоскурия, по признанию большинства ученых, возникла среди населения, с которым можно было вести выгодную для себя торговлю. В ходе исторического развития древнеабхазские племена, очевидно, были подготовлены не только к вступлению в торговые контакты с эллинами, но и к восприятию высокой античной культуры (также и на Северных берегах Понта–синды ко времени прихода греков были культурным племенем)[1]. Следовательно, ко времени прихода греков древние абхазы, прошедшие длительный путь общественного развития, вполне были подготовлены для городской жизни. Поэтому тесные контакты с греческим миром, имевшим богатый урбанизационный опыт, на базе прогресса местной экономики, должны были привести к ускорению у предков абхазов тех процессов, которые определились в раннежелезном веке: сложения уклада городской жизни и связанной с ними государственности, а значит, и единой системы экономических связей среди древнеабхазских общин. Показательно, что уже в IV – III вв. до н. э. отмеченные факторы привели к тому, что на территории Абхазии, задолго до сведения Страбона о четырех царствах начала I в. до н. э., рождается местная государственность – раннеклассовое «Царство гениохов»[2], хотя несомненна и связь этого процесса с теми грандиозными изменениями, которые произошли в Передней Азии в раннеэллинистическую эпоху. Таким образом, мы видим, что образование греческих поселений на территории древней Абхазии происходило по уже известной схеме и мало, чем отличалось от аналогичных процессов в Северном Причерноморье, где отношения между греками-колонистами и местным населением «должны были быть на первых порах в большинстве случаев мирными, иначе трудно объяснить, как могли малочисленные пришельцы обосноваться и удерживаться среди враждебного им населения»[1].

заключали с ним брачные союзы (учитывая и то, что среди колонистов в основном, надо полагать, были мужчины) еще на начальной стадии своих взаимоотношений с местными жителями. Подобные случаи известны в греческих колониях Северного Причерноморья и в Боспорском царстве, когда боспорские династы по политическим соображениям посылали своих дочерей в жены «царькам» местных племен, укрепляя с ними таким образом союзные отношения. Страбон, например, рассказывает о том, что скифские вожди предложили Александру Македонскому в знак дружбы прислать ему в жены своих дочерей. (Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. – СПб., 1893. С. 515). Кстати, так поступал и понтийский царь Митридат Евпатор, который «…послал с евнухами своих дочерей в замужество скифским властителям…» (Там же. С. 533. См. также: Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре // СЭ. № 1. 1981. С. 103–110).

[1] Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгипия. Анапа. – М., 1975. С. 11.

[2] Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии… С. 38–42. Что же касается собственно гениохов, то известно, что античные источники разных веков упоминают их, в разных регионах Восточного Причерноморья, в частности, в районе современного Сочи, Питиунте, в окрестностях Диоскурии, Фасисе (Поти), в районе Трапезунта. (Скилак Кариандский. Перипп обитаемого моря. Перевод и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1. С. 262; № 2. С. 260 –261; СМОМПК. IV. – Тифлис. 1884. С. 97–98, 133–134; Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1 // ВДИ. №2. 24. М. – Л., 1948. С. 243 –251; Страбон. География. Книга XI // Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994. С. 498–499). Населяя когда-то в древности значительную часть Закавказья, гениохи позднее были разобщены двигавшимися с юга и юго-востока западно-картвельскими племенами. Гениохи, населявшие центральную часть этой территории, по всей вероятности, были ассимилированы. Часть генохийского союза сохранилась на территории нынешней Абхазии и северо-западнее, а другая – на восточном отрезке Южного Причерноморья. Преобладающее число ученых, гениохов, на земле которых стояла Диоскуриада (совр. Сухум) называют непосредственными предками абхазов. (См. . напр.:Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 104, 106; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М., 1973. С. 22–24).

[1] Античные государства Северного Причерноморья… С. 10. Так, Стефан Византийский сохранил предание, что местный царь уступил милетцам землю для основания Пантикапея. (Там же).

[2] Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище // КСИА. Вып. 151. 1977. С. 27–28. Его же. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми // КСИА. Вып. 174. 1983. С. 37; Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации. – Тб., 1977. С. 89.

[3] Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгипия. Анапа… С. 9; Античные государства… С. 10.

Некоторая же часть аборигенного населения, особенно представители знати, «были заинтересованы в развитии торговли с греками»[3].

При этом гениохийские племенные вожди (по терминологии Страбона, – «скептухи» – «жезлодержатели»), видимо, обладали богатствами, которыми они могли «обменять на предметы роскоши – изделия греческой художественной промышленности»[1]. Целью подобных обменов было получение по преимуществу изделий роскоши, которые, очевидно, служили знаками общественного положения древнеабхазской элиты.

В этом отношении, интерес представляют золотые украшения из Красномаякского погребения[2], а также, считает Г. К. Шамба, чернофигурная амфора с надписью «Никон» (имя мастера), найденная к востоку от Эшерского городища. Установлено, что сосуд выполнен выдающимся греческим мастером в Аттике в VI в. до н. э. и впоследствии, пишет Г. К. Шамба, приобретен одним из местных племенных вождей, причем, весьма состоятельным, в чьих руках было сосредоточено целое состояние: иначе, полагает Г. К. Шамба, трудно было бы приобрести столь дорогостоящую амфору–вазу, к тому же с росписью[3] (здесь, правда трудно определить, куплена ли была данная вещь местным вождем или же она являлась дарственной).

Следует в то же время заметить, что, по утверждению английских исследователей М. Виккерс и Д. Гилл, расписная керамика в древности отнюдь не была и не считалась дорогой, а тем более роскошной. Однако, один из самых крупных специалистов в области греческого искусства и, в частности, вазописи, Дж. Бордмен продолжает придерживаться традиционного взгляда о том, что расписная керамика была высоко ценимым предметом роскоши и играла большую роль в торговле, являясь важным элементом в номенклатуре перевозимых грузов[4].

К этой же категории престижных вещей следует, на наш взгляд, отнести и приобретавшееся у греков привозное оружие[5], ибо в во-

[1] Белов Д. Г. Херсонес Таврический. – Л., 1948. С. 55; Трапш М. М. Труды Т. II. Древний Сухуми. – Сухуми. 1969. С. 230.

[2] Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 67.

[3] Там же. С. 68, 122–123.

[4] Цит. по: Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. № 1. 2000. С. 18–20.

[5] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 117.

енном отношении древнеабхазское население раннеантичной эпохи было обеспечено всеми видами боевого оружия, в основном, местного производства[1].

Наиболее показательными для изучения истории торговли являются, как известно, денежные взаимоотношения. С данной точки зрения, особенность торговли греков в Восточном Причерноморье (Колхиде), где, как считает И. Б. Брашинский, уровень политической организации общества достиг высокого развития, состояла в том, что греко-местная торговля уже в раннее время (VII–V вв. до н. э.) носила характер товарно-денежного обмена, тогда как в Северном Причерноморье (Скифии) торговля оставалась на уровне натурального обмена[2].

Такое утверждение применительно к древней Абхазии требует некоторых уточнений. Тезис о товарно-денежных отношениях в греко-колхидской торговле вряд ли может быть полностью распространен на всю территорию современной Абхазии, так как характер рыночной торговли здесь отличался от той, что имела место в Центральной Колхиде.

Прежде всего, отметим, что на первых порах обмен между греками и аборигенами носил натуральный характер, но вскоре возникли условия для развития денежных отношений[3].

Действительно, как известно из специальной литературы, в раннеантичную эпоху в Колхиде обращались серебряные монеты, за которыми закрепилось название «колхидки»[4]. Г. Ф. Дундуа, А. И. Болтунова, Г. К. Соселия, Ю. Н. Воронов и др. в обращении «колхидок» видят не результат внутреннего, независимого социально-экономического развития мифического Колхидского царства, а показатель активной торгово-экономической жизни греческих городов Колхиды[5]. Рас-

[1] Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI – I вв. до н. э. // Скифский мир. – Киев. 1975.

[2] Брашинский И. Б. Основные черты греко-варварской торговли в античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 97.

[3] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 26.

[4] Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии. – Тб., 1987. С. 9.

[5] Подробнее см.: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 90–96. Вместе с тем некоторые авторы (А. И. Болтунова) думают, что если даже Колхидское царство

пространение же «колхидок» на территории Абхазии было связано с торговыми взаимоотношениями Диоскурии и Фасиса, где, «видимо, и чеканились (в Фасисе) эти монеты греками в интересах греческих городов»[1]. Правда, еще ранее Д. Г. Капанадзе отмечал, что если бы «колхидки» чеканились самими греческими городами, то, естественно, их находки должны были падать, главным образом на район местонахождения этих колоний[2]. На территории же нынешнего Сухума находки «колхидок» крайне редки (а северо-западнее Сухума эти монеты, как правило, вовсе не обнаруживаются)[3]. Вместе с тем два больших клада «колхидок» найдены в граничащем с Западной Грузией Галском районе Абхазии (клад из сел. Набакеви (в корне слово «абака» - по-абх. «памятник»), состоящий из 430 экз. и клад из сел. Саберио – 44 экз.). Следовательно, население Юго-Восточной Абхазии было, надо полагать, довольно активно втянуто в торгово-денежные взаимоотношения[4], тогда как в центральных и северо-западных районах Абхазии в доэллинистическую эпоху монетное обращение, оче-

и существовало, то Диоскурия в него не входила, поскольку Фазис отделял колхов от их соседей гениохов до Кавказских гор, а это означает, что Диоскуриада не могла испытывать помех со стороны Колхидского царства. (Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 26).

[1] Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1977. – Тб., 1979. С. 280; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 90. Косвенным указанием на чеканку монет именно в Фасисе является наличие на некоторых колхидках, монете Аристарха и золотых подражаниях статерам Лисимаха, изображения хорошо известной античным авторам фасианской богини. Кроме того, и это неоднократно отмечалось исследователями, изображаемый на колхидках лев являлся символом Милета, выходцы из которого основали Фасис. (Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. – Тб., 1987. С. 19–20; Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории… С. 342).

[2] Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М., 1955. С. 32.

[3] Единичные находки «колхидок» в районе Сухума также возможно свидетельствуют в пользу того факта, что Диоскурия не входила в состав Колхидского царства или же находилась в слабой зависимости от последнего.

[4] Правда, нужно заметить, что по справедливому мнению И. Б. Брашинского, находки монет, особенно кладов, не во всех случаях указывают на то, что они служили средством обращения; часто они были средством накопления богатств. (См.: Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах… С. 309).

видно, не имело достаточного развития, и в нее было вовлечено лишь греческое население и, вероятно, соседствующая часть местных народностей[1].

По вопросу использования местными этническими союзами денег большой интерес представляет и найденная в окрестностях Эшерского городища колхидка, которая, как считают, попала в него в результате использования местными племенами этих погребальных сооружений. При этом обряд снабжения покойного монетой, явно заимствованный у греков (умершие должны были иметь при себе деньги, чтобы заплатить за переход через мифическую реку Стикс на пути в потусторонний мир), только подтверждает имевшие в то время место торговые контакты греческих колоний с окружающим местным населением, особенно знатью. Причем, они настолько хорошо разбираются в функциях денег, что снабжают ими даже отправлявшихся в потусторонний мир. Об этом же, по всей вероятности, свидетельствует и колхидка, найденная в погребении IV в. до н. э. [2].

Таким образом, как отмечено, монеты – колхидки на памятниках Абхазии совсем незначительны[3]. То же самое можно сказать по отношению и к другим иноземным монетам, наиболее ранние из которых относятся ко времени не древнее IV в. до н. э. [4]. Это обстоятельство приводит к мысли, что в раннеантичную эпоху жители Северной Колхиды, т. е. древнеабхазское население, так же как и население Скифии, довольствовалось преимущественно натуро-обменом. В Северном Причерноморье более вероятным исследователи считают, что роль всеобщего эквивалента в греко-«варварской» торговле играли продукты местного хозяйства, например, скот или шкуры[5].

В настоящее время трудно решить какие именно существовали для торговли раннеантичной Абхазии общие эквиваленты, но очевидно,

[1] Шамба С. М. Монетное обращение…С. 23.

[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1960. С. 27; Шамба С. М. Монетное обращение… С. 24.

[3] Две «колхидки» обычного типа были найдены на территории Боспорского государства, в районе древнего Нимфея; кроме того, клад из двадцати полудрахм был найден и в Средней Азии, в Фергане (Шамба С. М. Монетное обращение… С. 19). Разумеется, «колхидки» могли попасть туда в результате торговли.

[4] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 16.

[5] См.: Античные государства Северного Причерноморья… С. 183.

что такой эквивалент существовал. Можно предположить, что здесь, как и в Скифии роль денег в основном выполняли какие-то продукты домашнего хозяйства и, прежде всего, крупный рогатый скот[1].

На начальном этапе античной эпохи (прибл. VI – V вв.) развитие сельского хозяйства и различных ремесел на территории Абхазии, привело, говоря словами З. В. Анчабадзе, к значительному росту разделения труда и специализации ремесел, что со своей стороны обусловило заметное увеличение избыточных продуктов, поступавших в торговый оборот как внутри страны, так и за ее пределами. Внутренняя торговля выражалась в обмене между населением горных районов, с одной стороны, и прибрежной полосы – с другой. На побережье Абхазии возникают торгово-ремесленные пункты, куда горные жители поставляли продукты своего хозяйства (предметы скотоводства и охоты, мед, воск и др.) и обменивали их на нужные им товары – прежде всего соль, ткани, некоторые изделия из металла.

Большинство исследователей (Л. Н. Соловьев, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и др.) полагает, что солеварный промысел в древней Абхазии исчезает в VI в. до н. э. Это было вызвано, как считают, появлением на древнеабхазском рынке «таврической соли» и захватом греками монополии на торговлю этим товаром[2] (правда, сама традиция солеварения у абхазов не завершилась, поскольку изготовление соли у абхазов имело место, например, в XIX в.). В этой связи небезынтересно отметить, что сохранившаяся в абхазском языке поговорка «Ашхуа аауеит, аджика аанагауеит» – «Судно идет, соль везет», вполне может отражать сообщение Страбона о торговле древних греков с жителями Кавказа солью. Привозную соль, очевидно, сначала закупали у экспортеров жители побережья, часть которой затем сбывали у населения нагорной Абхазии.

[1] Согласно Аристотелю (единственного из мыслителей классической эпохи Греции, который теоретически и систематически разрабатывал политико-экономические темы применительно к тому обществу, в котором он жил, включая и вопросы обмена), для греческого общества его времени обмен, в его простейшей бартерной форме (т. е. прямой обмен без участия монеты) – уже далекое прошлое, но в «варварском» мире он существует и в настоящее время, т. е. во второй половине IV в. до н. э. Особого внимания в связи с этим заслуживает тот пример бартера у «варваров», который приводит Аристотель, – обмен вина на хлеб. В то же время, следуя логике Аристотеля можно утверждать, что монета и монетное обращение (следующая стадия обмена) в его время широко присутствует не только в греческом мире, но и также у части «варварских» народов. (Подробнее: Маринович Л. П. Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. № 4. 2003. С. 51–67).

[2] Соловьев Л. Н. Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии // СА. Т. 14. 1950. См. также: Сангулия Г. А. Абхазские мастерские и производства позднеколхидской эпохи (на основании изучения Драндского поселения в 2007 г.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011. С. 154–161; Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства… С. 12–13; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 121.

Почти до начала н. э. господствующее положение на Черном море занимали государства древнегреческого мира, поэтому не удивительно, что в VI – I вв. до н. э. Причерноморье имело наиболее тесные контакты со странами Средиземного моря. Согласно М. М. Трапш, до середины VI в. до н. э. древние абхазы имели преимущественные торговые сношения с ионийскими центрами, на что указывает ранняя амфорная керамика[1]. В этот период экономических связей с древней Грецией, как можно судить по материалам поселений, в торговлю было вовлечено, надо полагать, еще относительно небольшое количество древнеабхазских поселений, располагавшихся вблизи городских центров. О степени развития торговли в этот период говорит, возможно, факт обнаружения в слое ранней архаики на расположенном на расстоянии 1 км к северо-западу от Эшерского городища – холме Верещагина единичных фрагментов ранне-греческой керамики: около 1% при преобладании местных форм[2]. На самом Эшерском городище привозная керамическая посуда также составляет около 10 % по отношению к местной керамике[3]. Можно сказать, что аналогичное положение в VI – V вв. до н. э. наблюдается и в Гюэносе. Согласно подсчетам С. М. Шамба, 77,5 % находок в Гюэносе указанного периода относится к числу местных изделий и 22, 5 % - к импортным [4].

[1] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 238.

[2] Джопуа А. И., Цвинария И. И. Археологические исследования 2004 года в Абхазии // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005. С. 37; Шамба Г. К., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Исследования Сухумского района // 50-я Итоговая научная сессия АБИГИ (25–27 апреля). Тезисы докладов. –Сухум. 2006. С. 58.

[3] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 115.

[4] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 16.

Таким образом, анализ керамического материала, кажется, дает основание, сделать однозначный вывод о незначительности торговли в указанный период.

В то же время некоторые исследователи[1] предостерегают от такого упрощенного в значительной степени подхода, когда на основе изучения ограниченного количества обломков импортной расписной керамики первой половине VI в. до н. э. делаются выводы о менее интенсивных торговых связях[2]. Принимая во внимание это замечание[3], следует все-таки полагать, что греко-причерноморская торговля в раннюю архаику, по всем данным, не достигала еще каких-либо значительных объемов[4]. Следует также учитывать, что не вся перевозившаяся в Причерноморье в архаический период, в том числе в древнюю Абхазию, керамика, надо полагать, предназначалась для продажи. Часть ее могла быть использована в качестве даров древнеабхазской элите, а также для приношений в местные храмы, например, на территории той же Диоскуриады. Ведь каждый, сойдя на диоскурийский берег, спешил к храму Диоскуров – покровителей моряков и мореплавания, «чтобы возблагодарить их за благополучное плавание и принести положенную жертву»[5]. В целом же, нужно, очевидно, согласиться с теми учеными, которые считают, что расписная керамика привозилась в причерноморский регион уже в первой половине VI в. до н. э., когда храмы еще не строились и по-

[1] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли… С. 18.

[2] Там же.

[3] Некоторые авторы, считают, что керамика занимала очень небольшое место в номенклатуре товаров, перевозившихся в пределах греческой ойкумены. (См.: Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли… С. 18). Однако, едва ли можно согласиться с подобными утверждениями. Для древности, как известно одним из основных экспортных товаров было оливковое масло, единственный товар, которым Аттика обладала в избытке, и которое было совершенно необходимо не только для приготовления пищи, но и для продолжения греческого образа жизни на новой родине. Перевоз же такого массового товара, разумеется, нуждался в значительных количествах керамической тары.

[4] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 71. См.: Буйских А. В. Рец. на кн.: The Greek Colonisation of the Blak Sea Area:Historical Interpretation of Archeology / Ed. Gocha R. Tsetskhladze. Stuttgart: Steiner, 1998… С. 203.

[5] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 71.

тому она, скорее всего, имела полифункциональное (и, прежде всего утилитарное) назначение[1].

Достаточно неоднозначно вместе с тем, выглядит и объяснение вопроса, следует ли считать наличие импортного материала ранней архаики в отдельных пунктах Кавказского Причерноморья существованием там греческих поселений или же они попадали в регион в результате торговли местного населения с греками. Так, согласно обработанным Ю. Н. Вороновым археологическим материалам, в северо-западную Абхазию, – на территорию расселения санигов (включая сюда и район Сочи – Адлера), в раннюю архаику поступали гипсовые алебастры, амфориски и алебастры, изготовленные из разноцветного «финикийского» стекла, краснофигурные и чернолаковые сосуды и другой греческий материал[2]. Наличие импортного материала Ю. Н. Воронов объясняет существованием в этом районе – в устье реки Мамайки греческого поселения[3]. Против данной гипотезы Ю. Н. Воронова выступил археолог В. Н. Розов, который считает, что непосредственное проникновение греков в этот регион началось не ранее IV в. до н. э., а все поселения от античного Торика (район совр. Геленджика) до совр. Адлера являются поселениями ахеев, зигов и гениохов, поскольку все находки, прежде всего, дорогую керамику, части дорогого вооружения (мечи, аттические шлемы и пр.) местная знать получила в результате торговли с греками[4]. С этим мнением фактически соглашается и М. Ф. Высокий, по словам которого, от Торики вплоть до совр. Гагр, не было античных поселений[5].

В самом деле, вряд ли для древних греков имело смысл основывать свои поселения на гористом участке побережья Северного Кавказа, где обитали ахейцы и зиги – северные соседи гениохов, которым Аристотель приписывал даже обычай людоедства, что едва ли соответ-

[1] Буйских А. В. Рец. на кн.: The Greek Colonisation of the Blak Sea Area… С. 203.

[2] Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979. С. 64–65.

[3] Там же.

[4] Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья… С. 408. В. Н. Розов выступает и против гипотезы о греческом поселении в устье реки Мамайка, поскольку там до сих пор не найдено никаких следов самого поселения (т. е. строительных остатков), а кроме того, Ю. Н. Воронов использовал многие беспаспортные вещи, которые, по мнению В. Н. Розова, поступили в начале XX в. из боспорских погребений (Высокий М. Ф. Указ. раб. Там же).

[5] Там же. С. 413.

ствует истине. И хотя от Фасиса до Синдской гавани ни одно торговое судно не могло чувствовать себя в безопасности, тем не менее, на территории расселения гениохов, греки заложили Диоскуриаду, а в стороне от оживленных торговых путей и в относительной отдаленности от морского берега – Эшерское городище. Что касается Черноморского побережья в районе Сочи, то именно Мамайка, по имеющимся материалам, являлась важным местом торговли. Правда, у маленьких и беззащитных бухт этого побережья могли существовать лишь маленькие поселения. Возможно, что незначительное количество находок указывает на временное заселение этих мест, например, на временные стоянки для торговцев[1].

В архаический период торговля в Восточном Причерноморье ведется, как отмечено, с небольшим количеством исключительно средиземноморских центров – производителей (Северная Иония, Родос, Клазомен)[2]. В рассматриваемый период ввозили в основном чернолаковую столовую и тарную посуду – тарелки с розетками, т. н. «полосатую» керамику, сосуды восточно-греческого производства, клазоменские амфоры и т. д., фрагменты которых были выявлены в Диоскурии и Эшерском городище[3]. Отдельные импортные изделия были доступны и для рядовых жителей[4]. Обращает на себя внимание и то, что нижний архаический слой городища имеет меньшую насыщенность материалом по сравнению с эллинистическим[5].

[1] Чандрасекаран Суджата (Берлин/Оксфорд). Металлические импорты и система перевалов Западного Кавказа // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011. С. 80–81.

[2] Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В. Исследования Эшерского городища в Абхазии в 2003 г. // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 61–63; Шамба С. М. Монетное обращение… С. 25; Джопуа А. И. Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 15.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 238; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис –Цхум. – М., 1980. С. 40; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии… С. 18; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 113; Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Г. К. Шамба и археологические памятники села Эшера // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 96.

[4] Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI – I вв. до н. э.) . Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тб., 1981. С. 24.

[5] Там же.

Исследования археологов показали, что в этот период в Колхиду завозились те же предметы из тех же производственных центров, что и в остальные области Понта Евксинского. Поэтому ионийский импорт в Колхиде рассматривается исследователями, как частица общей (понтийской) системы экономических связей восточногреческих центров с Причерноморьем[1]. Очень большая роль в этих связях, как известно, отводилась Милету (чьими колониями являлись большинство греческих городов Причерноморья)[2], поддерживавшему тесные связи со своими понтийскими колониями. Значительную роль играли Хиос[3], а также Самос. Примерно с середины VI в. до н. э., фиксируются определенные изменения в направлении торговых связей, что, как считают многие исследователи, было связано с проникновением и постепенным преобладанием в Причерноморье, в том числе и на Абхазском побережье, аттического импорта.

Имеющиеся материалы не дают основания предполагать сколько-нибудь значительные (особенно по сравнению с северо-восточным Понтом) экономические связи Афин с Колхидой в раннюю архаику[4]. Об объеме такой торговли до середины V в. до н. э. показательны материалы из Гюэноса. По заключению Г. Т. Квирквелия, от обычного числа всей найденной в Гюэносе керамики, импорт V в. до н. э. составляет лишь 3 %[5]. Постепенному же распространению аттического импорта в этот период, способствовало, по утверждению И. Б. Брашинского, установление политического господства Афин над черноморскими проливами[6].

[1] Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии… С. 18.

[2] Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгипия. Анапа… С. 7; Ефимов А. Е. Ионийская миграция по данным античной письменной традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. IX. 2000. С. 14. См. также о роли милетцев в доставке самых ранних товаров из Северной Ионии в Причерноморье // ВДИ. № 2. 2003. С. 251–252.

[3] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум… С. 38–39.

[4] См. напр.: Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. – М., 1980. С. 116–117; Древнейшие государства Кавказа … С. 18.

[5] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 15.

[6] Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. – М., 1963. С. 23, 26, 35–55. Афиняне установили строгий и действенный контроль над всем понтийским экспортом и импортом, регулируя их по своему усмотрению. В по-

Вместе с тем, некоторые авторы думают, что это утверждение, по крайней мере, спорно[1]. Так, А. Джонстон считает, что значительное количество меток (marks) на поддоне аттических расписных сосудов было сделано на ионийском диалекте (прочие – на других диалектах)[2]. Из этого, следует, что аттические вазы перевозились по преимуществу или исключительно не афинянами. Тот же автор полагает, что этими перевозчиками могли быть ионийцы (среди них самосцы) или эгинцы[3]. По мнению К. Арафата и К. Морган, для архаического и ран-

следней трети V в. до н. э. была образована даже специальная коллегия геллеспонтофилаков – «стражей Геллеспонта», строго следившая за вывозом, в первую очередь зерна, из Понта (Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н. э… С. 65, 91). В Босфорском проливе постоянно курсировала афинская эскадра, взимавшая с каждого судна пошлину в размере 10% от стоимости товара. В последней четверти IV в. до н. э. поражение Афин в борьбе с Македонией ликвидировало афинское господство над черноморскими проливами и вновь восстановило свободу мореплавания и торговли Средиземноморья с Понтом. Основной причиной длительной борьбы Афин за преобладание в черноморской торговле была их глубокая заинтересованность как в восточнопричерноморском сырье (древесина, железо, медь и др.), так и северочерноморском хлебе (Инадзе М. П. Афины и Восточное Причерноморье // «Мацне». № 1. – Тб., 1975. С. 46; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 82, 86; Античные государства Северного Причерноморья… С. 180). Принято считать, что именно с этой целью была предпринята и так называемая Понтийская экспедиция Перикла. (Подробнее см.: Брашинский И. Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. № 3. 1958. С. 110 и сл.). Хотя, как считает И. Б. Брашинский, нет достаточных оснований признать сферой действий «Понтийской экспедиции» Перикла все Черноморье, в частности, северное его побережье. Напротив, данные источников заставляют прийти, по его мнению, к выводу, что, скорее всего флот Перикла не достиг Северного Причерноморья (Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 70). По мнению же других исследователей, экспедиция афинян во главе с Периклом не только достигла Северного, но и Восточного Причерноморья, в результате чего они установили прочный контроль над данным регионом (см.: Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья… С. 412–413). О фактически доминирующем положении, которое афиняне заняли в торговле с населением Колхиды, свидетельствуют археологические данные из крупного колхского поселения в Вани. (Там же). Некоторые исследователи, на основе большого процента аттического импорта V – IV вв. до н. э. из Очамчырского городища, также связывают экономический подъем Гюэноса с активными политико-экономическими действиями Перикла в Причерноморье. (См.: Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI – II вв. до н. э… С. 18).

[1] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье… С. 35.

[2] Там же.

[3] Там же.

неклассического времени корреляция между афинскими интересами и регионами, где обнаруживается аттическая керамика, практически отсутствует[1]. Однако и это заключение не может быть окончательным. Например, А. В. Буйских считает, что нет никаких оснований для вывода о посредничестве ионийских торговцев в сбыте массовой продукции аттических мастерских в причерноморском регионе, как и для заключения о посреднической роли Эгины в доставке коринфской керамики, на основе анализа немногочисленного соответствующего материала, и подобные утверждения должны быть подкреплены дополнительной аргументацией[2].

Для характеристики внешнеэкономических связей Кавказского Причерноморья в VI – V вв. до н. э. очень важное значение имеют ряд украшений, представленных на Джантухском могильнике, – в верховьях р. Галидзга[3]. Среди них особо следует отметить бусины из синего стекла усеченно-пирамидальной формы[4]. Известно, что эта группа бус получила широкое распространение с середины 1 тыс. до н. э. и является результатом проникновения на колхидский рынок сирийской и египетской продукции. Во всяком случае, минуя греческое посредничество. По мнению многих специалистов, подобные стеклянные бусы (синие, зеленые, белые, коричневые) поступали на Кавказ в ахеменидский период. Основанием для подобного вывода служит историческая ситуация, сложившаяся в Закавказье в VI – V вв. до н. э. Традиционные связи Кавказа с переднеазиатскими странами оказались нарушенными[5]. Поэтому такие товары, как цветные каменные бусы, бусы из сердолика и сарда, которые обильно встречались в погребениях предантичного времени, по мнению С. М. Шамба, уже не попадают на местный рынок. Их место заняли сирийские и египетские товары[6]. Правда, данное мнение С. М. Шамба, не находит подтверждения в исследованиях А. И. Джопуа и С. Ю. Скакова, которые,

[1] Там же.

[2] Буйских А. В. Рец. на кн.: The Greek Colonisation of the Blak Sea Area… С. 202.

[3] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 31.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

в результате стационарного изучения выявили на этом памятнике тысячи бус из сердолика, стекла из Ближнего Востока и другие предметы античной эпохи (см. ниже).

С середины V в., и особенно после решающей победы эллинов над персами, намечается активизация афинской торговли в Восточном Причерноморье[1], на что указывает увеличение числа аттической керамики. В это время, в Диоскурию и ее окрестности в результате прямых торговых отношений в большем количестве, по сравнению с ионийским импортом VI в. до н. э., привозилась чернолаковая посуда. К этому же периоду относится образовавшийся под сильным влиянием аттического искусства, но примыкающий к ионийский художественной школе знаменитый мраморный барельеф, найденный на дне Сухумской бухты, изготовленный, однако, в древней Греции[2]. Памятник этот, очевидно, указывающий на наличие в местной греческой общине людей довольно состоятельных, не имеет близких аналогий среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья [3].

В погребениях древнеабхазского населения на вершине холма Гуад-иху второй половины V в. до н. э. и в более поздних, наряду с указанной посудой, начинают появляться перстни, чаще всего бронзовые с печатями, в одном из захоронений их оказалось восемь штук[4]. Высказывалось предположение, что перстни использовались местными жителями в качестве денег[5]. Часть перстней Гуад-иху происходит из западногреческих мастерских (Южная Италия), другие же, вероятно, из города Кизика, изображения на монетах которого (рубеж V – IV вв. до н. э.) похожи на изображения на печатях Гуад-иху[6].

[1] Инадзе М. П. Афины и Восточное Причерноморье … С. 44–45; Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье… С. 9.

[2] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 229; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум… С. 39; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 116.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 82; Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI – II вв. до н. э… С. 42.

[4] Там же. С. 253–255.

[5] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис … С. 43–44; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 116.

[6] Там же. Среди изделий, найденных в одном из женских захоронений эллинистического времени на холме Верещагина, следует назвать браслеты с прогнутой спинкой, концы которых украшены предельно стилизованными головками животных и круговыми нарезками (Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 58–59). Такой тип браслетов, – пишет Ю. Н. Воронов, – проник в Колхиду еще в V в. до н. э. из Ирана, но местное их производство, судя по всему, началось с конца IV в. до н. э. В III–II вв. до н. э. они широко распространились в окрестностях Диоскуриады. (Там же).

Как известно, начало эллинистической эпохи явилось важнейшей вехой в развитии политической и экономической жизни Ближнего Востока и всего закавказского региона. В 30–20-х гг. IV в. до н. э. под ударами войск Александра Македонского гибнет держава Ахеменидов и на ее руинах возникает новый эллинистический мир. Для той эпохи характерно возникновение новых государств и строительство городов, начало грандиозного греко-македонского переселения на Восток, увеличение флота, объема морской торговли и проникновения в экономику денежных отношений и т. д. В международную торговлю вовлекаются не только Малая Азия, Месопотамия и Египет, но и более отдаленные страны и племена периферии Средней Азии, Кавказа, Индии. Таким образом, можно заключить, что в эллинистическую эпоху международная торговля приобретает «всемирный» характер[1]. Эти процессы, безусловно, оказывали позитивное влияние на культурно-исторический быт народов Причерноморья, так как они, перенимают у эллинов привычку к торговле, включаются в мировые экономические связи.

Во-вторых, в этот период внутри самих закавказских обществ, что отмечается всеми исследователями, происходят значительные структурные изменения, следствием которых явилось, в частности, образование в IV в. до н. э. или вскоре после него государств в тех районах, где они еще не существовали[2].

Не составляла исключения в этом отношении и территория древней Абхазии. В эллинистическую эпоху она, как, впрочем, и все Закавказье, также переживает бурный подъем (М. М. Трапш, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов и др.)[3]. На территории Абхазии задолго до сведения

[1] Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. – Ереван. 1954. С. 24.

[2] См.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии… С. 9, 110.

[3] При всем том, что эллинистическая эпоха вызвала крупные позитивные изменения в политико-экономической сфере всего закавказского региона, именно к рассматриваемому периоду, т. е. к началу IV в. до н. э., внезапно была прекращена жизнь

Страбона о четырех царствах начала I в. до н. э. существовало, как сказано, царство гениохов. На землях этого царства, несомненно, при согласовании с его царем или вождем и скептухами, был основан и город Диоскуриада, и Эшерское городище.

Если в начале VI – V вв. до н. э. греческое и местное поселения представляли собой две замкнутые и автономные структуры, связанные экономическими узами, то в эпоху эллинизма (особенно в IV – III вв. до н. э.), население древних городов Абхазии, в частности, Гюэноса и Диоскуриады стало смешанным (греко-местным)[1], чему, несомненно, способствовали интенсивные взаимные контакты (причем, это смешанное этнически население в орбите эллинского мира не воспринималось, тогда как варварское). Следует отметить, что в обиходе греческих поселенцев не только встречается древнеабхазская местная продукция (что указывает на существование спроса на изделия местных ремесленников в среде зажиточных греков), но и выделяется «местная» продукция собственно греков-колонистов (например, отсутствие закалки на железных ножах из Гюэноса и топорах – секирах из Эшерского городища)[2]. Изделия древнеабхазских мастеров (например, керамические) также приобрели античные (импортные) формы. Не вызывает сомнения, что влияние и взаимодействие между эллинами и местным населением имело место не только в крупных городских центрах[1], но и на их окраинах – в более мелких поселениях. В этом отношении особенно большой интерес представляет могильник в окрестностях пос. Балан (местность Ашьашла), недалеко от левого приустья р. Кодор. Исследование этого захоронения, осуществленного в 70-х гг. прошлого века, выявило значительное количество богатого импортного инвентаря (золотые украшения, серебряные сосуды и т. д.). Особый интерес представляет уникальнейшая бронзовая конская маска, рядом с последней обнаружено пять серебряных блях, скорее всего от конской сбруи[2]. Судя по обряду погребения и составу инвентаря, могильник относится к III в. до н. э. Захоронение, по утверждению М. В. Барамидзе и др., явно принадлежало эллинизированным представителям местной знати[3]. Кроме того, находка такого дорогого изделия, каким являлась бронзовая маска коня, показывает, что в указанном районе могло проживать богатое племя (очевидно, кораксы), а приобрести такую роскошь мог позволить себе, по-видимому, только воин-всадник, и притом, военачальник[4].

При этом, привозные товары на баланском поселении, как и на близлежащих достаточно крупных сельских поселениях, должны были в основной массе поступать при содействии диоскурийского рынка. Но нужно сказать, что поселения в Балане, во-первых, расположены на значительной удаленности от городских центров (в 23 км от Диоскурии и примерно на таком же расстоянии от другого античного полиса, расположенного к югу-востоку – Гюэноса). Во-вторых, аборигенное население этой местности занимало на редкость благоприятное географическое положение – высокие плато и естественные холмы (их более 5) в нескольких сотнях метров от Скурчинской бухты,

в античном городе Гюэнос (Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 24). Г. К. Шамба предполагал, что прекращение жизни в Гюэносе было связано с какими-то военными действиями, подобно битве, которая произошла в районе Эшерского городища также в IV в. до н. э. и тоже привела к гибели города. (См.: Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись… С. 38– 42). Согласно М. Ф. Высокого, причина прекращения жизни в Гюэносе состоит в том, что «либо греки эвакуировались куда-то, либо поселение куда-то перенесено». И это перенесенное поселение, как считает исследователь, еще предстоит найти в ходе дальнейших археологических раскопок (Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья… С. 404). В действительности же, как удалось установить В. Р. Эрлиху, Гюэнос погибает в результате проникновения меотского воинского контингента из Прикубанья в Закавказье во второй половине IV в. до н. э. (Эрлих В. Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1. 2004. С. 158 –172).

[1] Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970. С. 42; Т. II… С. 230; Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 32–33; Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н. э. – Сухуми. 1989. С. 105; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 72.

[2] Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории… С. 64.

[1] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис … С. 55.

[2] См.: Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. С. 496; Kvirkvelia G. On the Early Hellenistic buriails of North – Western Colchis. – Archaologischer Anzeiger. Heft 1, 1995. – pp. 75–82. Его же. Hoplite Armour in Colchis. – Phasis (Tbilisi State University, Institute of Classical Philology, Byzantology and Modern Greek Studies),№ 2-3, 2000, pp. 232–241.

[3] Барамидзе М. В. и др. Раскопки в Адзюбжа… Там же.

[4] Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006. С. 50; Джопуа А. И., Маан О. В. Разведовательные работы в Абжуйской Абхазии // 50-я Итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. 25–27 апреля. – Сухум. 2006. С. 33–34.

удобной для пристанища двух десятков парусных кораблей. Следовательно, поселения, находившиеся на указанной территории, где выявлены, помимо отмеченных выше, еще ряд других богатых предметов импорта[1], были непосредственно связаны с заморской торговлей. В этой связи, вряд ли имеет почву для обоснования мнение о том, что «находки предметов импорта на сельских поселениях, по-видимому, следует рассматривать как опосредственный компонент внутренней торговли между городом и хорой»[2].

Археологическими исследованиями установлено, что в рассматриваемое время существовавшие экономические связи древней Абхазии с греческими городами Северного Причерноморья и государствами Ближнего Востока (Персией, Сирией, Египтом и др.), не только усиливаются, но устанавливаются и новые связи с рядом городов в Малой Азии и Восточном Средиземноморье – Пергамом, Мегарой и, особенно, Родосом [3].

С начала IV в. до н. э. (по Г. К. Шамба в конце V – IV вв. до н. э.) торговые взаимоотношения древних абхазов с внешним миром, по всем данным, можно охарактеризовать как пик их развития. В этот период имеет место резкий подъем в эллино-древнеабхазской торговле[4]. Увеличение же импорта следует объяснить, с одной стороны, возрастанием заинтересованности Афин в торговле с Восточным

[1] Барамидзе М. В., Чигошвили Т. В., Квирквелия Г. Т., Хубутия Г. П., Чумбуридзе В. Г., Гамкрелидзе Г. А. Основные итоги археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 году // Краткие сообщения. – Тб., 1984. С. 29.

[2] Щеглов А. Н. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV – III вв. до н. э. // КСИА. № 138. – М., 1974. С. 45. Кстати, рассматриваемая территория левого приустья р. Кодор и вообще район Скурчинской бухты не входил в сельскохозяйственную округу Диоскурии.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 238, 239–241; Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976. С. 27; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986. С. 38. Родос вел обширную посредническую торговлю и был одной из самых крупных перевалочных баз Средиземноморья для товаров, развозившихся во всех направлениях. Его двухпроцентная пошлина на ввоз и вывоз зерна, оливкового масла и других товаров давала ежегодную прибыль около миллиона драхм. Установленная им монополия на собственное вино заставляла родосских корабельщиков искать все новые, и новые рынки сбыта, и они доходили до Крыма на севере и Испании на западе. (См.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 114–115; Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 125).

[4] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 125.

Причерноморьем, а с другой – ростом экономических возможностей древнего Сухума, без чего немыслима была бы взаимная торговля. О сравнительном расширении морской торговли Диоскурии с начала IV в. до н. э. говорит то, что именно в это время она впервые среди городов Кавказского Причерноморья приступила к производству собственной клейменной керамической тары античного типа, связанной с возросшим требованием экспорта товара[1]. Сложившееся положение, несомненно, было связано с объединением древнеабхазских племен в «Царство гениохов» и начала активной взаимовыгодной торговли с Афинским морским союзом[2]. Однако, в третьей четверти IV в. до н. э. Афины теряют свое прерогативное положение в Средиземноморье и объем аттического импорта постепенно сокращается[3]. Это

[1] Там же. Установлено и то, что керамическую продукцию клеймили, как правило, те центры, которые регулярно экспортировали свою. Возможно, что одной из причин клеймения была необходимость отождествления товара (нечто вроде современного made in…). (Федосеев Н. Ф. Археологические свидетельства об Афинской клерухии в Синопе // ВДИ. № 3. 2003. С. 137). Факт наивысшего расцвета торговли в древней Абхазии в IV в. до н. э. отражается и на монетных находках (золотые монеты Александра, Лисимаха и подражания им; монеты Северного Причерноморья и Малой Азии). Местный рынок принимал в тот период не только золотую и серебряную монеты, но и медную (Шамба С. М. Монетное обращение…С. 115). Правда, господствующей формой в торговых операциях между жителями сельских поселений и городскими купцами, по-видимому, как и ранее был натуральный обмен, хотя, нельзя исключать и определенную роль денег, которые, однако, иногда могли заменяться какими-нибудь эквивалентами, например, уже отмеченными перстнями, и т. д.

[2] Афины, расположенные в самом центре греческого мира, на перекрестке его важнейших торговых путей, за короткий срок превратились в купеческую Мекку. В гаванях этого города – Фалероне, а позднее – в Пире можно было встретить корабли всех известных тогда народов, услышать самую диковинную речь, купить самые редкостные товары. О том, что в Афинах довольно часто бывали жители Причерноморья, можно судить, в частности, по словам Аристотеля, который в IV в. до н. э. с иронией писал об афинских народных представителях, «которые проводят целый день на представлениях фокусников и в болтовне с приезжающими с Фасиса или Борисфена». (Цит. по: Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989. С. 154 –155).

[3] С середины III в. до н. э. до рубежа II – I вв. до н. э. аттический импорт на территории Колхиды совсем не отмечается. Это обстоятельство обусловлено двумя моментами: обострением экономического кризиса в Афинах и началом господства новых торгово-ремесленных центров в Причерноморье. (Матиашвили Н. Н. Афины и Колхида в эллинистическую эпоху // КСИА. Вып. 151. 1977. С. 74).

было связано с македонскими завоеваниями, существенно изменившими и направления внешнеэкономических связей древней Колхиды (Абхазии). Отныне более важную роль в торговле древней Абхазии стали играть прибрежные малоазийские города, главным образом, понтийская столица Синопа, а также Гераклея Понтийская[1]. Материал показывает, что появление в первой четверти IV в. до н. э., а затем увеличение в третьей четверти того же века поставок продукции в синопской и гераклейской керамической таре за все время экономических связей между греками и древними абхазами составляет наиболее отличительную черту этого периода[2]. Из Синопы в Диоскурию в большом количестве привозилось оливковое масло, маслины и черепица. В значительном количестве находили в Диоскурии амфорные ручки и обломки черепиц из Синопы, а также гераклейские амфоры[3]. Кстати, изучение Эшерского городища показало, что эллинистический слой там отличался особой насыщенностью. В нем также было найдено большое количество фрагментов черепицы, амфор (преимущественно колхидских и синопских), фрагменты буролаковых, краснолаковых и чернолаковых сосудов пергамского производства, а также стенки мегарских чаш[4]. Исследователи особо отмечают наход-

[1] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 238; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 154, 156, 166. Интенсивные торгово-экономические связи Колхиды и, в первую очередь, Синопы в эпоху эллинизма подтверждаются и нумизматическими материалами. (Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии… С. 52).

[2] Указанные города, в более ранние периоды (в VI в. до н. э.) еще не обладали собственным ремесленным производством, изделия которых могли бы экспортироваться в другие страны.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 238. Можно в то же время предположить, что какие-то связи древняя Абхазия, в частности ее северо-западная (Бзыбская) часть, имела и с кочевым населением юга России. На это очевидно указывает, например, гагрский кинжал VI в. до н. э., в уникальных бронзовых ножнах, имеющий близкое сходство с замечательным железным кинжалом, найденным в окресностях г. Вольска (близ Саратова), а также с находками Мальгуновского клада, Келермеса и Елизаветинской станицы VI в. до н. э. (Трапш М. М. Новая археологическая находка в Абхазии // КСИИМК. Вып. 53. 1954. С. 142).

[4] См.: Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис … С. 49; Ксенофонтова И. В. Привозная керамика позднеэллинистического времени из раскопок Эшерского городища (2003–2005 гг.) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 220–225; Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Г. К. Шамба и археологические памятники села Эшера // Первая Абхазская Международная археологическая конференция… С. 96.

ку конского наносника из кабаньего клыка, имеющего одностороннее гравированное изображение фигурки кабана, выполненного предположительно местным резчиком, знакомым с бронзовыми изделиями кубанского меото-скифского искусства IV в. до н. э. [1].

Для изучения внешнеэкономических связей древней Абхазии в VI – IV вв. до н. э. немалый интерес представляют материалы, приводимые в работе А. В. Безрукова[2]. Говоря о торговых путях и характере взаимоотношений кочевников Южного Приуралья с Ахеменидским Ираном, в том числе и о импортных предметах в VI – IV вв. до н. э., поступавших в регион из Ирана, автор, в частности, пишет: «Ввозились в основном гончарные красноглиняные сосуды, вьючные фляги, сосуды из бронзы и драгоценных металлов, украшения (сердоликовые и халцедоновые бусы, подвески из ляпис – лазури и др.), предметы вооружения и предметы женского туалета»[3]. «В этом плане, – отмечает далее А. В. Безруков со ссылкой на И. М. Акбулатова, – большой интерес представляет находка внутри кожаного колчана из погребения 2 кургана 2 Яковлевского могильника семян кориандра (Coriandrum sativum), произрастающего на Кавказе и в Средней Азии: как пряность или лекарственное средство, он уже в это время в результате товарообмена достигал степей Южного Приуралья»[4].

Касаясь возможного направления торговых путей, связывавших Южное Приуралье с Ираном, автор на основе материалов А. А. Иессена отмечает, что ближайшие аналогии южноуральским находкам имеются, прежде всего, на Кавказе и в Средней Азии: исходя из этого, А. А. Иессен указал на Кавказ (по Волге и Каме) и Среднюю Азию, как на наиболее вероятные пути проникновения иранского импорта в интересующий нас хронологический период[5]. А. В. Безруков полагает, что крупные племенные объединения ираноязычных кочевников,

[1] Шамба Г. К. Древности Эшера. – Сухум. 1980. С. 47–48 (на абх. яз); Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Указ. раб. Там. же.

[2] Безруков А. В. К вопросу о характере взаимоотношений кочевников Южного Приуралья и Ахеменидского Ирана в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XV. 2005. С. 119–121.

[3] Там же. С. 119–121.

[4] Там же.

[5] Безруков А. В. Указ. раб. С. 121.

населявших междуречье Урала и Волги, обеспечивали стабильное функционирование торговых коммуникаций, протянувшихся на сотни и более километров, связывавших между собой Среднюю Азию, Кавказ и Северное Причерноморье посредством степного пути, огибавшего с севера Каспийское море[1].

Уже к V в. до н. э., как предполагает А. В. Безруков, был проложен постоянно действующий торговый путь из приуральских степей в Хорезм и другие страны, а западный участок этого пути связывал земли прикаспийских аорсов с Закавказьем и Мидией[2]. На это указывает сообщение Страбона о торговле аорсов индийскими и вавилонскими товарами, которые они получали от армян и мидийцев, поскольку речь идет о транскавказском пути[3], шедшем из Индии в Европу.

Таким образом, согласно А. В. Безрукову, не подлежит сомнению существование в VI – IV вв. до н. э. торгового пути, соединявшего и население Западного Закавказья с Южным Приуральем.

Из предметов импортного происхождения, поступавших в Южное Приуралье, нам, прежде всего, хотелось бы особо обратить внимание на семена кориандра, которые здесь находили. Хорошо известно, что кориандр в настоящее время произрастает на территории Абхазии[4] (кориандр по-абх. ахусхуа, акулындыр, т. е. то же, что и киндза[5]). По мнению ботаника С. М. Читанава (устное сообщение), вполне допустимо, что кориандр в диком виде произрастал на территории Абхазии и в раннеантичное время, а древние абхазы, оценив его качества как лекарственного средства и пряности, начали его окультуривание.

Таким образом, мы допускаем, что кориандр как пряность или лекарство в раннеантичный период, вполне мог попадать в регион Южного Приуралья из древней Абхазии. Это дает основание предположить, что из древней Абхазии в район Южного Приуралья вывозились и другие товары, о которых, к сожалению, нам пока ничего более не известно.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время… С. 200.

[4] Читанава С. М. Этноботанический словарь Абхазии. – Сухум. 2007. С. 65, 106.

[5] Там же.

Правда, нужно сказать, что в работе того же А. В. Безрукова «Торгово-экономические связи Диоскуриады и Волго-Камья в VI – I вв. до н. э. », он утверждает, что в указанный регион из Закавказья поступали гагатовые (гешировые) бусы[1]. Гагат, как известно, часто называют геширом, – это кавказское название широко распространилось благодаря тому, что на Кавказе находятся крупнейшие его месторождения. Карьеры по разработке гагата известны в Западной Грузии – в окрестностях Кутаиси[2]. Однако это не означает, что гагат привозили в Абхазию из соседней Западной Грузии или из Северного Кавказа, где также имеются гагатовые месторождения[3]. Довольно крупные месторождения гагата имеются и на территории Абхазии – близ устья р. Чхалта и выше ее устья по р. Кодор, а также в верховьях р. Геджир (правый приток р. Галидзга)[4]. В таком случае, не было необходимости завозить гагат издалека, когда его добывали на месте.

Но в любом случае, согласно А. В. Безрукову, гешировые бусы поступали в Приуралье через Диоскуриаду[5], для которой посредническая торговля всегда была одной из приоритетных статей дохода. Отсюда, этим же путем, гагат вывозили, очевидно и в Северное Причерноморье, где с III в. до н. э. украшения из него становятся массовыми. Гагат, – указано в монографии «Античные государства Северного Причерноморья», является хрупким материалом, и бусы не могли долго сохраняться у населения. Поэтому постоянное присутствие их в могилах на протяжении многих веков говорит о прочных и регулярных связях Северного Причерноморья с центрами, изготовлявшими эти изделия, которые располагались вблизи крупных месторождений гагата[6].

Известно, что среди предметов материальной культуры эпохи античности наибольшее количество составляют керамические сосуды-

[1] Безруков А. В. Торгово-экономические связи Диоскуриады и Волго-Камья в VI – I вв. до н. э. Доклад, прочитанный на Второй Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти М. М. Трапша «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». 8–12 ноября 2008 г. – Сухум. 2008.

[2] Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980. С. 23–24.

[3] Античные государства Северного Причерноморья… С. 239.

[4] Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. – Сухуми. 1961. С. 64.

[5] Безруков А. В. Торгово-экономические связи Диоскуриады. Там же.

[6] Античные государства Северного Причерноморья… С. 239.

амфоры. На протяжении столетий амфора являлась не только тарой, но и своеобразной маркой винной продукции производителя (некоторые исследователи, вместе с тем, не исключают и возможность торговли этим видом изделий, вероятно имея в виду вторичный характер торговли амфорами)[1]. Она служила мерой емкости при торговых сделках. Когда речь шла о загрузке судна, как правило, называлось число погруженных амфор того или иного центра и ничего не говорилось о медимнах или метретах вина. При этом часть ученых продолжает считать, что самым массовым грузом, который перевозился на торговых судах из Греции и Малой Азии в период античности являлись остродонные амфоры[2], обнаруженные в массовом виде и на территории Абхазии (Себастополис, Цебельда, Эшера, Питиунт)[3].

Эти амфоры обычно имели широкий корпус, который резко суживался книзу, придавая сосуду вытянутую коническую форму. В научной литературе не раз отмечалось, что остродонные амфоры производились специально для морской транспортировки вина, масла и других товаров[4]. Что касается морфологических особенностей амфор, например, «технически совершенной» яйцевидной формы тулова и острой ножки, то они, как считает А. Б. Кисельников, прямо свидетельствуют об удобстве расположения и транспортировки амфор на борту судна[5].

Следует отметить, что подобные остродонные амфоры изготавливались и древнеабхазскими ремесленниками, как в античное, так и в раннесредневековое время[6]. Местные остродонные амфоры (абх.

[1] Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI – II вв. до н. э… С. 105.

[2] Брашинский И. Б. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье // КСИА. Вып. 148. 1977. С. 10; Кисельников А. Б. Морские перевозки грузов в античное время // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2007. С. 185.

[3] Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960-1962 гг. // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 262; Анчабадзе З. В. История и культура… С. 166–167; Джопуа А. И. Поселение бронзовой эпохи и античности… С. 15.

[4] Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI–V вв. до н. э. // ИРАИМК. Вып. 108. 1935; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. Вып. 83. 1960. С. 13.

[5] Кисельников А. Б. Морские перевозки… С. 187–192.

[6] Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 214; Анчабадзе З. В. История и культура… С. 214; Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение… С. 34.

«аюмаа») двуручные, часть из них имеет узкий перехват тулова, узкое короткое горло. Они использовались для перевозки жидкостей: вина, меда, масла, возможно, соленой рыбы и т. д. Причем, эти амфоры также, надо полагать, служили тарой, прежде всего, для перевозки жидких и сыпучих изделий.

Между тем, анализ амфорной тары с точки зрения ее коммерческой пригодности, привел ряд исследователей к иному выводу: наиболее предпочтительной с точки зрения морских перевозок (расположения и крепления в трюме корабля) являются формы финикийских амфор VIII в. до н. э. типа «торпеды», которых специалисты и называют «специальными морскими контейнерами»[1].

Не отрицая преимуществ плоскодонных амфор перед остродонными, следует вместе с тем заметить, что изготовление первых объяснялось, очевидно, не только и не столько ее удобствами в морских перевозках, сколько возможностью их длительного хранения в отличие от остродонных, разбивавшихся намного чаще.

На основе изучения керамической тары, в частности, анализа соотношений находок колхидской и импортной керамики из колхидских могильников, как считают исследователи (Г. Р. Цецхладзе), можно сделать важные наблюдения о роли вообще внешней торговли в экономике Колхиды. Вместе с тем надо сказать, что не менее важную роль в торгово-экономическом развитии Колхиды играли и другие археологические материалы, которые с течением времени в земле не сохраняются. К сожалению, этот вопрос в абхазоведении еще не подвергался специальному исследованию. Первые подобные попытки, как известно, были предприняты Г. Т. Квирквелия, С. М. Шамба, Г. К. Шам-

[1] См.: Кисельников А. Б. Морские перевозки… С. 187. Преимущества этих сосудов перед остродонными амфорами состояли в следующем. Сигарообразная форма тулова амфор-торпед позволяла максимально использовать все полезное трюмное пространство судна. Небольшие ручки, совсем неудобные для переноски сосудов по суше, служили своего рода рымом (являвшимся металлическим кольцом, которое в зависимости от места крепления служило для удобства транспортировки грузов, швартовки и т. д.) для сцепки амфор веревками и давали возможность располагать их достаточно близко друг к другу. Амфоры – торпеды, кроме того, не приходилось группировать по типам и крепить отдельными небольшими партиями, как позднее было с греческими амфорами, многообразие форм и стандартов которых затрудняло погрузку (Кисельников А. Б. Морские перевозки… С. 187).

ба, А. И. Джопуа и др. Правда, этот подсчет касается, только античного Гюэноса и холма Верещагина в районе Эшерского городища в раннюю архаику[1].

Более основательная попытка рассмотрения соотношения колхидской и импортной керамики на основе хорошо изученных могильников из Юго-Западной (Пичвнари – V – III вв. до н. э.), Центральной (Дапнари, Даблагоми, Земо Парцхма – IV–II в. до н. э.) и Северной Колхиды (Красный маяк, Гуадиху –V–II вв. до н. э.), была осуществлена Г. Р. Цецхладзе[2]. Необходимо подробнее остановиться на этом исследовании и особо обратиться к выводам автора, независимо от того принимаем мы их или отвергаем.

Из составленной Г. Р. Цецхладзе таблицы следует, что на могильнике Пичвнари (V в. до н. э.) в 159 погребениях им обследовано 160 единиц керамики, из них количество колхидской керамики – 118 (73,8 %), импортной – 42 (26,2 %)[3]. Там же для конца IV–III вв. до н. э. в 101 погребении общее количество керамики – 159, из них колхидской – 127 (79, 9 %), импортной – 23 (20,1 %)[4].

Из могильника Дапнари (IV – II вв. до н. э.) исследовано 42 единиц керамики – колхидской – 36 (85,7 %), импортной – 6 (14,3 %); Даблагоми (IV – III вв. до н. э.) изучено 55 могильников, общее количество керамики – 56, колхидской – 55 (98,2 %), импортной – 1 (1,8 %); Земо Парцхма (IV – II вв. до н. э.) соответственно 35, 33, 31 (93,9 %), 2 (6,1 %)[5].

Несколько иное положение, исходя из таблицы Г. Р. Цецхладзе, наблюдается на могильниках хоры Диоскурии. Так, на Красном Маяке (V – II вв. до н. э.) в 39 погребениях количество керамики – 19, из них колхидской – 12 (63,2 %), импортной – 7(36,8 %); Гуадиху (V – III вв. до н. э.) 59 погребений, керамики – 46, колхидской – 24 (52,2 %), импортной – 22 (47,8 %)[6].

[1] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 16–17; Шамба Г. К., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Исследования Сухумского района… С. 58–60.

[2] Цецхладзе Г. Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. VI– началоV в. до н. э. // ВДИ. № 2. 1997. С. 100 –115.

[3] Там же. С. 115.

[4] Цецхладзе Г. Р. Указ. раб. Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

Составленная таблица, по Г. Р. Цецхладзе, показывает, что импортная керамика в погребениях составляет в среднем 10-12 %, колеблясь в зависимости от того, находилось ли местное поселение (могильник) на близком или далеком расстоянии от греческих городов. «Подсчет и анализ археологической ситуации, – пишет Г. Р. Цецхладзе, – показал, что торговля осуществлялась в основном между Средиземноморьем и греческим населением Колхиды. А греческие города и поселения вели торговые операции уже с верхушкой колхидского общества, заинтересованной в этих связях. Основное население в силу высокого развития местного ремесла и экономики не очень стремилось приобретать импортные изделия»[1].

Нет сомнения в том, что основное население Колхиды приобретало более дешевые местные изделия, нежели импортные. Вместе с тем, автором учтены лишь простые погребения, не подсчитав богатые могильники, без которых трудно получить объективные сведения в утверждении о том, что торговля не играла большой роли в экономике Колхиды[2]. Сам же автор подчеркивает, что погребения знати изобилуют импортным инвентарем, преимущественно дарами (?) греческих купцов (высокохудожественная керамика, торевтика, ювелирные изделия)[3]. Хотя вряд ли весь подобный инвентарь являлся дарами, ибо большая часть их, скорее всего, покупалась у греков.

Конечно, керамика является наиболее характерной и многочисленной группой импортного материала, но и она не может целиком отражать реального объема внешней торговли. В этой связи еще раз нужно вспомнить о том, что даже клейменная керамическая тара, представленная в массовом виде, не может прямо свидетельствовать об истинных масштабах торговли и ее характере[4].

[1] Цецхладзе Г. Р. Греческое проникновение… С. 115.

[2] Цецхладзе Г. Р. Указ. раб. Там же.

[3] Там же.

[4] Граков Б. Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1939. С. 80; Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. № 1. 1991. С. 12–26. У самого Г. Цецхладзе наблюдаются также некоторые противоречия. Так, он пишет, что в Пичвнари на греческом некрополе крайне редки находки колхидской керамики и других изделий, но из таблицы следует, что колхидская керамика из Пичвнари значительно превосходит импортную (Цецхладзе Г. Р. Указ. раб. С. 115).

К тому же в среду местного населения в керамической таре, должно было поставляться, в основном, вино. Хотя в древнюю Абхазию импорт вина и керамики, не мог иметь столь большой роли, поскольку сама Абхазия обладала достаточно развитым производством этих продукций (подр. см. ниже). Поэтому здесь очевиден, экспорт многостороннего характера. Следовательно, о масштабе торговли между греками и древними абхазами можно судить на основе учета всех товаров и продукции, а не только керамики. Но, что касается иных, помимо керамики статьей экспорта, то их объем пока что не поддается хотя бы даже приблизительному подсчету.

Исходя из вышеизложенного, вряд ли можно полностью согласиться и с выводом Г. Р. Цецхладзе о том, что внешняя торговля в V – II вв. до н. э. была важна только для греческого населения Колхиды и верхушки колхидского общества[1], и тем самым она была для древних абхазов чем-то неосновным, не имеющим важного значения. Надо полагать, что древнеабхазская торговля, как вид хозяйственной деятельности, представляла собой достаточно сложный институт, сыгравший решающую роль в росте населения древней Абхазии рассматриваемого времени. Наши материалы свидетельствуют о том, что в ту эпоху во внешнюю торговлю была вовлечена как верхушка древнеабхазского общества, так и большинство местного населения, проживавшего не только вблизи греческих поселений и городов (Диоскурия, Эшера, Гюэнос), но и территориально удаленное от городской жизни население нагорной части страны, что является дополнительным свидетельством значительного объема эллино-древнеабхазских торговых сношений. При этом, по утверждению Г. К. Шамба, население нагорной части Абхазии в конце V – IV вв. до н. э. имело с эллинским миром регулярные связи[2].

О довольно заметном эллинском влиянии на культуру аборигенов нагорной части страны убеждают материалы из Джантухского могильника[3], из сел. Ачандара Гудаутского района (золотая фибула, обломки чернофигурных сосудов), Атара Очамчырского района (бусины с золотой фольгой, чернолаковая посуда и др.)[1], Цебельда и Багада Гулрыпшского района (амфоры и черепицы) и Шубара Сухумского района. В последнем пункте ученые выявили амфоры типа Солоха (IV в. до н. э.), с помощью которых, как считает Г. К. Шамба и др., импортировали вино и, наоборот, отправляли на экспорт такие продукты, как мед, воск и другие изделия[2].

[1] Там же.

[2] Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 66.

[3] См.: Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Уникальные находки на горе Джантух // Газ. «Республика Абхазия». 31 октября– 1 ноября 2006 г.

Добавим, что большинство изделий греческого производства сосредотачивалось, разумеется, в руках племенной знати, что также приводило к еще большему углублению имущественного и социального расслоения среди населения нагорной Абхазии.

Исследования Джантухского могильника в верховьях р. Галидзга, проводимые А. Ю. Скаковым и А. И. Джопуа, где обильно представлены материалы бронзовой и античной эпох, показывают, что в V–первой половине III вв. до н. э. интенсивные связи с внешним миром имело население, проживавшее в районе современного Ткуарчала[3]. В частности, на могильнике, как отмечено выше, найдены даже не сотни, а тысячи бус из сердолика, а также пасты, стекла из Ближнего Востока. В достаточно большом количестве представлена керамика, главным образом, аттическая. Исследователи вслед за Г. К. Шамба и С. М. Шамба, справедливо полагают, что ее завозили греческие и местные торговцы из ближайшего античного полиса–Гюэноса[4]. Любопытно, пишут авторы, что находки античной керамики этого времени почти неизвестны в соседних регионах Северного Кавказа. Отсюда А. И. Скаков и А. И. Джопуа делают вывод о том, что племена, жившие в то время в горной части Юго-Восточной Абхазии, жестко контролировали перевальные пути и не допускали греческих торговцев к северокавказским соседям[5]. Соответственно, в их руках находились поставки на побережье метал-

[1] Квициния В. Античное погребение в с. Атара // КСИА. Вып. 148. 1977. С. 59–62.

[2] Шамба Г. К., Шамба С. М., Шенкао Н. К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985. С. 67–70; Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 66, 113.

[3] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Проникая в тайны горы Джантух…

[4] Там же.

[5] Там же.

ла, рабов и хлеба. Такое было под силу только многочисленному, воинственному и предприимчивому населению[1].

По предположению Г. К. Шамба, местным населением, проживавшим в верховье р. Галидзга были племена колов[2]. О. Х. Бгажба считает, что в этих районах обитали кораксы[3], тогда как по А. Ю. Скакову это были соаны, которых он отождествляет со сванами»[4], хотя в науке уже отмечалось тождество соанов (суанов, санов) с санигами[5].

В этой связи мы также должны заметить, что имеются достаточно выразительные материалы, дающие основание считать, что в древности саниги размещались не только в Северо-Западной Абхазии, но проживали и юго-восточнее Диоскурии-Себастополиса и идентифицируются с санами-соанами. В данной связи примечательно замечание автора III в. н. э. Ипполита Портского, по которому следует, что понятия «саны» и «саниги» являются идентичными. Цитированный автор писал: «Санны (Sanni), так называемые санники (Sannices). . »[6].

Почти о том же говорит и автор IV в. Евсевий Кесарийский: «Саны же, которые называются Санигии, которые и до Понта простираются…»[7].

При этом важно отметить, что корень «сан», лежащий в основе этих названии, как составная часть прослеживается и в названии группы

[1] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Купцы и войны древности у перевалов Абхазии: новые открытия археологов // Газ. «Эхо Абхазии». 4 сентября 2007 г. Они же. Редчайший памятник древности на Джантухе // Газ. «Республика Абхазия». 17–18 августа 2010 г.

[2] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э… С. 20–21. Однако анализ сведений античных писателей приводит к выводу, что колы это племя, явно не имеющее никакого отношения к территории вообще Абхазии (Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 36; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 65; Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории… С. 331).

[3] См. карту «Абхазия в VI – I вв. до н. э. » в кн.: Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 65.

[4] Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы-раннего железа//Евразия: механизмы культурных перемен. Вып. 223. 2009 г. С. 146.

[5] См.: Латышев В. В. Известия древних… // ВДИ. 2. 1949. С. 288; Воронов Ю. Н. Научные труды. . . С. 311–312.

[6] Scythica et Caucasica. Т. II. С. 447; Воронов Ю. Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум… С. 83.

[7] Scythica et Caucasica. Т. II…. С. 668.

цебельдинцев – санеты[1]. Как свидетельствуют источники XIX в., так назывались цебельдинцы, до 30-х гг. XIX в. переселившиеся на р. Дал и известные среди черкесов как Херпы-куадж по имени их родоначальника Хрыпса Маршана[2]. Нелишне сказать и о том, что географический пункт Sannia генуэзских географических карт XIV–XV вв. (в районе совр. Туапсе), кавказоведы опять же увязывают с санегами[3].

В общем, саны-саниги, как можно полагать, обитали не только в Северо-Западной Абхазии и далее, но и на территории Юго-Восточной Абхазии, причем, как в горной, так и прибрежной части этого региона Абхазии (на это, в частности, указывают и топонимические названия на «рыпшь – Гумрыпшь, Гулрыпшь, Дыдрыпшь и др.). Не учитывать эти увязку источников (санов-соанов с санигами) у нас нет никаких оснований.

Что касается отсутствия компактности расселения санов-соанов-санигов (Западная, Юго-Восточная Абхазия), то подобные разрывы в расселении племен наблюдались как в древности, так и в средневековье. Об этом, в частности, может свидетельствовать пример с территориальной группой фтирофагов (фтейрофагов), которые, согласно источникам, локализовалось как в северо-западной части Абхазии («в 150 стадиях от Питиунта») (Фл. Арриан), так и в горной части Юго-Восточной Абхазии (Г. Ф. Турчанинов локализует фтирофагов в Кодорском ущелье)[4].

Из тех кратких сведении о фтирофагах, – пишет Г. Ф. Турчанинов, которые встречаются у поименованных авторов (Страбона, Плиния), «можно заключить, что это была одна из горских народностей Колхиды, территориально близкая с одной стороны к сванам, – с другой – к абхазам»[5].

Одним словом, имеются веские основания для отождествления соанов с санигами, которых в свою очередь, ученые этнически связывают с абхазской территориальной группой джигетов-садзов[6]. Ска-

[1] Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 27.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 113.

[6] Инал-Ипа Ш. Д. Садзы – М., 1995. С. 9–14.

занное означает, что в древние времена, предки садзов, очевидно, распространялись и в южном направлении, в том числе, и на территорию верховьев р. Галидзга.

В связи с рассматриваемыми вопросами о населении Джантуха, следует сказать, что если А. Ю. Скаков в работе «Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы-раннего железа» отождествляет соанов со сванами, то в другой своей публикации, он вновь считая, что соаны не тождественны санигам, оставляет этническую принадлежность населения Джантуха неопределенной[1]. Но в то же время, на основе «резкого отличия» материальной культуры и погребального обряда населения Джантуха от памятников приморской Абхазии, считает, что культура этого племени принадлежит к тем же, что и памятники круга могильников Шубара, Мерхеул, Ларилари (в Сванетии)[2]. Здесь же исследователем справедливо отмечается, что корелляция между древними этнонимами и археологическими культурами носит гипотетический характер[3]. Со своей стороны отметим, что вряд-ли, на основе даже такого существенного признака, как погребальный обряд, можно безоговорочно считать, что на территории Джантуха проживало отличное от древних абхазов, население. Несходство погребального обряда населения верховья Галидзги с теми же обычаями приморского населения, объясняется и тем, что здесь могли иметь место какое-то внешнее влияние или же определенная «мода», господствовавшая в те века на обширной территории[4].

Применительно же к рассматриваемым нами в настоящей работе вопросам экономических связей, важно отметить, что у древнеабхазского племени из Джантуха торговые взаимоотношения с древнегреческими купцами устанавливаются с раннеантичной эпохи.

Выше отмечалось, что, по мнению А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа, племена, обитавшие в ущелье Галидзги полностью контролировали перевальный путь и не пропускали греков через свои владения на

[1] См.: Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории… С. 335.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Уникальные находки на горе Джантух….

Северный Кавказ[1]. Разумеется, такое положение могло иметь место, но в то же время имеются обстоятельства, которые не позволяют так решительно и полностью отвергнуть версию о наличии экономических связей греков с Северным Кавказом по ущелью р. Джантух. Если местные племена являлись многочисленными и предприимчивыми, то они, очевидно, должны были понимать, что перевал открывал и богатые возможности для торговли. Поэтому можно предположить, что им выгоднее было не закрывать перевал, а, наоборот, пропускать греческих купцов через свою территорию на Северный Кавказ и получать пошлину, как это происходило, например, в позднюю античность и в раннем средневековье (см. далее). Кроме того, важно, что аборигенное население верховьев р. Галидзга, по всей вероятности, было включено в сферу торговых интересов Гюэноса[2], что также сближало экономические интересы эллинов и местного населения ущелья р. Джантух. Исследователь же античного Гюэноса С. М. Шамба со своей стороны также считает, что с побережья по ущелью р. Галидзга к перевалам Кавказского хребта шел торговый путь[3]. То, что этот путь выходил на Северный Кавказ, подтверждается находками на территории совр. Кабардино-Балкарии пока еще немногочисленной греческой керамики (в частности, той, что экспонируется ныне в Национальном музее КБР в г. Нальчик)[4]. Следовательно, есть осно-

[1] Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Редчайший памятник древности на Джантухе…
[2] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 116.
[3] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 28.
[4] Материальным свидетельством торговых и иных связей древних греков с населением Северо-Западного Кавказа являются находки на территории той же КБР, например, импортных красноглиняных кувшинов, красноглиняного канфара на кольцевом поддоне, украшенного двумя каннелюрами III – II вв. до н. э. (Подробнее см.: Керефов Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик. 1985. № 2. С. 186, 187; Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов… С. 102, 103–105 и др.). По любенному сообщению Гендиректора Национального музея КБР, завотделом археологии Института гуманитарных исследований, канд. ист. наук, Б. М. Керефова, на территории КБР выявлены «миллионы» бус, монеты Александра Македонского, множество фибул, которые, однако, могли попадать на Северный Кавказ не только перевальными путями, но и через посредничество кочевников. В то же время, по словам археолога, античным импортом в КБР, пока, к сожалению, никто из исследователей специально не занимался.

вания полагать, что между греками и населением северной стороны Кавказского хребта по ущелью Джантуха в указанный период также осуществлялись экономические связи, хотя, состояние и характер источников не позволяет нам определить их масштабы и регулярность.

Важное значение для истории экономики и внешней торговли древней Абхазии имеет диоскурийская тарная посуда, которая, как сказано, начинает производиться с IV в. до н. э. Ранние типы колхидских амфор повторяли форму синопских, и лишь к концу III – II вв. до н. э. они, утратив сходство, приобрели свою оригинальную форму: их тулово сужается в средней части, что не свойственно греческим амфорам эллинистического времени[1]. Тот факт, что на диоскурийских амфорах ставили клейма с указанием названия города, от имени которого они выпускались, говорит о том, что продукты, изготовленные жителями древнего Сухума, были рассчитаны на вывоз далеко за его пределы. То же самое можно сказать и по отношению к другим амфорам из местной глины со своеобразными клеймами (граффити) из Эшерского городища[2].

Наличие диоскурийской (в том числе гулрыпшской клейменной тарной посуды)[3], является дополнительным подтверждением существования местных царских («басилике») гончарных мастерских и государственного контроля экономики и торговли теми высшими лицами, которые засвидетельствованы неоднократно от колхов до гениохов: цари, тираны и скептухи[4].

[1] Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии… С. 52; Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблема развития ремесла и торговли в античном мире. – Саратов. 1992. С. 92; Внуков С. Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // Проблемы истории, филологии, культуры – Москва – Магнитогорск. Вып. X. 2001. С. 144–165; Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости (Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 135.

[2] Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище… С. 28. Его же. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э… С. 15–16. См. также: Шамба Г. К., Джопуа А. И. Керамическая печь в поселке Гуандра // Сухум. Журнал литературы, науки и публицистики. № 1. 2006. С. 321–325.

[3] См.: Сангулия Г. А. Изучение поселений Гулрыпшского района Абхазии // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 422.

[4] Сангулия Г. А. Указ. раб. Там же. Существование царских мастерских в эллинистическое время является достоверно установленным фактом. Клейма с именами

В целом же, говоря словами М. М. Трапш, в этот период древняя Абхазия, в частности, Диоскурия, играла на побережье Кавказа значительную роль, о чем свидетельствует факт распространения ее продукции на большей части Кавказского Причерноморья[1].

Наряду с производством местной керамической тары, в эллинистическое время, как показал М. М. Трапш, в мастерских Диоскурии начали изготовлять и местную чернолаковую посуду, а также кровельную черепицу («акыц»), как и в античных городах Северного Причерноморья[2]. Изготовление черепицы, диктовалось развитием градостроительства. Для возведения кирпичных и деревянных домов и зданий требовалось все больше черепицы, что уже не могло удовлетворяться за счет ввоза из Синопы[3].

Изготовление амфор с отпечатками клейма Диоскурии, как и широкий размах работ по городскому благоустройству и строительству в городе (где имелись, например, каменные храмы, украшенные резными карнизами, обставленные импортной мебелью и утварью), не говоря уже о значительном расширении ее торговли, наблюдаемой в указанное время в Диоскурии (на чем мы остановимся и в дальнейшем), несомненно, свидетельствуют о высоком уровне достатка населения древней столицы Абхазии в IV в. до н. э.

Во второй половине IV в. до н. э., наряду с увеличением более чем втрое экспорта в Северное Причерноморье керамической тары из Синопы, появляются амфоры Родоса, Херсонеса, Коса, Колхиды и

царей и титулами найдены также на Боспоре, в Пергаме, Македонии и во Фракии, а также в Восточной Грузии (городище в Вани). (См.:Tsetskhlalze G. R. Die kolchischen Stempel // Klio. 1991. 73 (1). S. 361–381). Его же. Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья // ВДИ. № 3. 1994. С. 201. См. также: Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 59–60.

[1] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 239.

[2] Там же. С. 235. Даже предварительное и беглое знакомство с находками строительной черепицы Восточного Причерноморья, – писал И. Б. Зеест, – свидетельствует о тяготении местной формы черепицы к образцам южнопричерноморских центров и о том, что пергамско-боспорский тип черепицы здесь не получил распространения (Зеест И. Б. Задачи исследования массового античного керамического материала // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 11).

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II. Там же; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 128.

некоторых других центров[1]. В рассматриваемое время начинается и ввоз в Северное Причерноморье колхидских товаров в остродонных амфорах. Показателен факт присутствия колхидского импорта только в Северовосточном Причерноморье (Боспор и входящие в орбиту его экономического влияния территории); западнее Керченского полуострова он не зафиксирован[2]. Увеличение в это время экспорта товаров в Северное Причерноморье из указанных выше центров, вероятнее всего было связано с резким сокращением торговых связей Боспора с традиционными греческими средиземноморскими центрами.

При всем том, однако, ввоз колхидских товаров в Северное Причерноморье всё же, надо думать, значительно уступал массовому импорту из Синопы, засвидетельствованному как в Ольвии, так и, особенно, на Боспоре (Нимфей, Пантикапей)[3].

Так, анализ колхидских материалов, найденных, например, в боспорском городе Китее на протяжении раскопок 1970 – 1995 гг. позволяет сделать вывод, что их число в сравнении с материалами других центров составляет в среднем менее 1 % общего числа находок в Китее[4]. В общем то, большая часть привозной керамики, поступавшей из Синопы, обнаружена в различных пунктах Причерноморья [5]. В данной связи уместно привести мнение И. Б. Брашинского, который полагает, что одним из важных стимулов постоянных синопо-колхидских

[1] Ломтадзе Г. А. Методика сравнения объемов античного импорта в амфорах в IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. 1999. С. 239; Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 255; Гаврилов А. В. Феодосия и ее округа в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XIII. 2003. С. 85.

[2] Брашинский И. Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. Вып. 145. 1976. С. 68–71; Античные государства Северного Причерноморья… С. 181.

[3] Античные государства… Там же.

[4] Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки… С. 253. См. также: Ломтадзе Г. А., Масленников А. А. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XIV. 2004. С. 151.

[5] Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Исследование Эшерского городища в 2003 г. // XLVIII Итоговая научная сессия АБИГИ. (11–13 мая). Тезисы докладов – Сухум. 2004. С. 17–19.

связей в V – IV вв. до н. э., могла быть заинтересованность Синопы в вывозе корабельного леса и других кораблестроительных материалов из Колхиды. Правда, существует и другая точка зрения, согласно которой в Южном Причерноморье и, особенно, в окрестностях Синопы имелись обильные запасы собственного хорошего леса[1]. Действительно, согласно источникам, побережье Малой Азии в древности было богато лесом, однако, как можно сделать определенные выводы из косвенных сообщений, нигде не было такого хорошего корабельного леса в сочетании с льном и пенькой, как в Колхиде. Поэтому-то Страбон, надо полагать, и убеждал, что Колхида «замечательна… всем необходимым для кораблестроения»[2]. Есть и некоторые прямые указания в пользу того, что древняя Абхазия могла являться основным поставщиком корабельного леса в страны Черного и Средиземного морей. Так, известный исследователь древних морских путей Д. Люстгавс на своей карте главных путей снабжения лесом античных центров Средиземного моря, намечает путь, начинающийся от Питиунта вдоль южного побережья Черного моря в Средиземноморье[3].

Говоря о колхидско-эллинских экономических связях следует иметь в виду, что уже в VI в. до н. э. в Греции чувствовалась потребность в привозе извне таких жизненно необходимых товаров, как хлеб, рыба, скот, металлы, лес, а также рабов.

Сама Греция, как известно, была бедна не только сельскохозяйственными угодьями, но и природными ресурсами и запасами полезных ископаемых (за исключением камня и глины)[4], поэтому огром-

[1] Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата // Кавказ и Средиземноморье… С. 201.

[2] Страбон. География…С. 42.

[3] Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1971. С. 31, 36–37. Тот же автор указывает, что в Северное Причерноморье, для изделий, требовавших особых пород дерева (например, гребни изготовлялись всегда из самшита) сырье привозилось с Кавказского побережья Черного моря. (Там же. С. 36).

[4] См. напр.: Андреев Ю. В. Эгейский мир: природная среда и ритмы… С. 104. Хотя, следует сказать, что на некоторых греческих островах, например, на той же Эгине не было даже своей керамики, вероятно из-за отсутствия там залежей глины, необходимой для развития гончарных промыслов. (Андреев Ю. В. Эгейский мир… С. 107. См. также: Брашинский И. Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. Вып. 95. 1963. С. 20–24).

ный спрос был предъявлен на местное сырье и полуфабрикаты, ценную древесину, мед, пеньку, смолу, скот (спрос в свою очередь поднял соответствующие виды добывающей и производящей деятельности). На античном рынке хорошо была известна, например, колхидская дичь, особенно фазан, высоко ценившийся за свое вкусное мясо[1].

На Кавказском побережье античная Диоскуриада наряду с Фасисом, особенно на рубеже н. э. являлась и важнейшим пунктом экспорта меди и воска[2]. Древняя Абхазия предлагала античному рынку и продукты специализированного собирательства – лекарственные растения, а также снадобья, в античном мире были известны также растительные краски[3]. Из сообщений письменных источников известно и о добыче на Кавказе серебра, а также сурика[4]. В данной связи исследователи считают, что источником цветных металлов, и в частности меди, поступавших, например, в античные города Северного Причерноморья, наряду с Малой Азией и Северным Кавказом, могло быть и Закавказье[5]. Кроме того, на территории Абхазии имелось обилие цветных металлов и существовали глубокие традиции получения и обработки меди, бронзы, золота и т. д. [6].

[1] Kroll M. Der Fasan, seine Zebensweise, Hege und Jagd. – Berlin. 1957. C. 11; Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье…С. 8; Древнейшие государства Кавказа… С. 18. Надо отметить, что в Джантухском могильнике найдена целая группа (более 8 экземпляров) отлитых бронзовых фигурок фазанов (Шамба Г. К., Шамба С. М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). – Тб., 1990. С. 39–42).

[2] Там же. С. 91, 199.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 70; Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 24.

[4] Там же. Сурик (краситель), по-абх. акырдуаг. В Очамчырском и Гулрыпшском районах Абхазии известны две горы под аналогичным названием «Акырдуаг». Несомненно, с этими горами связано сообщение Плиния (I в.) о том, что колхи добывали сурик на недоступных вершинах, отбивая его стрелами. (Гулиа Д. И. История Абхазии. Т. 1… С. 276; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006. С. 84). В то же время, местность под названием «Кыртбаг» есть и на Северном Кавказе, близ аула Красный Восток. Как пишет С. Х. Ионова, в этой местности добывали какой-то черный камень, с помощью которого готовили краску для окрашивания обуви. (Кварчия В. Е. Указ. раб. Там же).

[5] Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М. –Л., 1949. С. 117.

[6] Маан О. В., Цвинария И. И. Культурные и хозяйственно-экономические связи Абхазии с древнейших времен до античной эпохи… С. 31–33.

Наконец, нельзя не сказать, о таком важном предмете экспорта как абхазское льняное полотно, которое было известно в древней Греции под колхидским же названием сардонической (причем последний термин происходит, надо полагать, от абхазского асра – ткань и асырты – ткацкий станок), которое, по словам Б. А. Куфтина, «знали колхидские греческие купцы и превратили в номенклатуру вывозимого ими товара»[1]. «Лен и льняные товары, – пишет в свою очередь Г. К. Шамба, – были традиционно экспортируемыми из Колхиды материалами»[2].

В этой связи вызывает недоумение позиция некоторых исследователей о том, что «лен не выращивался на Понте»[3], и «с определенной долей вероятности можно предположить, что в Северное Причерноморье привозились изделия из льна (в частности, такая необходимая вещь, как одежда), которые производились в Египте»[4]. Приведенные выше и другие материалы, прямо свидетельствующие о вывозе льняного полотна с территории древней Абхазии, должны указывать, что здесь широко занимались льноводством[5], тем более что о завозе льна в Абхазию не существует никаких сведений. О древних традициях выращивания льна на территории Абхазии говорят найденные М. М. Трапш в 50-х гг. XX века в могильнике близ Сухумского маяка тленные остатки кусков льняного полотна и его отпечатки на некоторых металлических предметах, датируемые приблизительно VIII – VII вв. до н. э. [6].

Однако наиболее важным свидетельством выращивания льна на территории Абхазии является находка льняных семян в 1980 г. во время раскопок Эшерского городища. Обнаружение льняных семян, которые лежали в слое II – I вв. до н. э., является, пишет Г. К. Шамба, первым случаем за все время изучения древности Кавказского Причерноморья[7]. Подобные уникальные находки служат материальным подтвержде-

[1] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тб., 1950. С. 296.

[2] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 15.

[3] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье… С. 33.

[4] Кузнецов В. Д. Указ. раб. Там же.

[5] Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 239, 255–256.

[6] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 260.

[7] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 46.

ем сообщений Геродота, Ксенофонта и других древних авторов о превосходных качествах колхидского льна и льняного полотна[1].

«Можно сказать, – пишет Л. Н. Соловьев, – что «ткачество у племен побережья достигло высокого совершенства еще ранее появления здесь эллинов, а также перешагнуло домашние рамки промысла. Судя по отпечаткам, в богатом ассортименте гениохийских тканей были изделия из шерсти и из льняной пряжи от грубого рядна до самого тонкого льняного полотна»[2].

Что касается ввоза в Северное Причерноморье египетского льна и одежды из него, то он, надо полагать, имел место, тем более что ионийские города, чьи купцы торговали с Причерноморьем в VI в. до н. э. имели самые тесные связи с Навкратисом, откуда вывозились разнообразные египетские товары (попадавшие и в древнюю Абхазию, см. выше).

Вместе с тем, все приведенные данные заставляют считать, что в архаический период в указанный регион (как и в другие центры античного мира, а также в первую очередь в Древнюю Грецию), льняное полотно поступало и из Абхазского побережья, как района более других близко расположенного к Северному Понту.

Среди иных товаров, поступавших в раннеантичную Грецию, чрезвычайно любопытны замечания Псевдо-Ксенофонта и Аристотеля о вывозе из Колхиды, так же как и из Карфагена, Египта или Финикии, ковров и подушек[3].

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ. № 2. 1947. С. 256.

[2] Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой… С. 284. Кроме того, согласно нашим полевым этнографическим материалам, абхазы сеяли лен, а также коноплю в большом количестве вплоть до широкого проникновения фабричных материй. «Еще в конце XIX в., – пишет проф. Ш. Д. Инал-Ипа, – из волокон льна абхазы приготовляли крученые нитки для шитья, а также выделывали довольно грубый холст для белья на семью. Из льняных ниток выделывали и внутренние пояса, продевавшиеся для стягивания брюк (ахуамджар)». (Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 264). Но особенно славились настенники из хлопчатобумажной или льняной ткани, длиной до 10–12 м, которые покрывали почти три стены гостевой комнаты (такие настенники не имеют аналогов в среде других кавказских народов). (Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы… С. 166). Кроме того, льняные семена продавались абхазами за хорошую цену (Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 264. См. также:Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1… С. 120).

[3] (Псевдо-Ксенофонт). Афинская полития. – Аристотель. Афинская полития. II. 13. – М., 1937.

Как известно, для экономики греческих полисов, в особенности Афин, важное значение имели ее связи с Северным Причерноморьем, которая уже с начала V в. и особенно в IV в. до н. э. становится одной из важнейших житниц Афин[1], так как в основном оттуда поступало зерно – главный предмет афинского экспорта из Причерноморья[2]. Причем, основная масса хлеба, вывозимого Боспором в Грецию, поступала из прикубанских районов, населенных меотскими племенами (предками адыгов)[3].

Еще с VI в. до н. э. греками использовался морской путь, шедший вдоль Кавказского берега Черного моря вплоть до Крыма (Торик)[4]. Исключительно каботажное плавание моряками практиковалось на Черном море почти до середины V в. до н. э. [5].

[1] Подробн. см.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 54–55, 89 и сл. ; История древнего мира. Ч. II. Греция и Рим. – М., 1982. С. 85, 86; Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье… С. 27–28. Известно также, что некоторые греческие полисы, помимо зерна, вынуждены были ввозить и другие необходимые виды сельскохозяйственной продукции, как вино и оливковое масло. Правда, ряд исследователей предостерегает против обычных в литературе преувеличенных представлений о масштабах греческой торговли хлебом и другими видами продовольствия. (См.: Starr Ch: G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800-500. B. C. N. Y, P. 164 f.).

[2] О количестве вывозимого в Афины из Северного Причерноморья зерна, свидетельствует известное сообщение Демосфена, что во времена Левкона (389/8 – 349/8 гг. до н. э.) из Пантикапея в Афины ежегодно привозилось 400 тыс. медимнов (более 16 тыс. тонн) зерна. После вступления в действие феодосийского порта, по словам Страбона, Левкон вывез в Афины только из Феодосии 2 миллиона 100 тыс. мединов или 86 тыс. тонн зерна. (См.: Блаватский В. Д. Пантикапей… С. 102–103; Античные государства Северного Причерноморья… С. 180).

[3] Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 97.

[4] Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта… С. 106–109, 120.

[5] «Торговля, – отмечают Л. Н. Соловьев и К. М. Тешев, – как сейчас установлено, совершалась каботажным путем через проливы и далее по западным и северным берегам Черного моря». (Соловьев Л. Н., Тешев М. К. Шапсугское сказание о потопе // Известия АИЯЛИ. Т. XII. – Тб., 1983. С. 69. См. также: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 54–55). Впрочем, следует заметить, что отмеченный выше каботажный путь вдоль западного побережья Черного моря, хотя и являлся наиболее древним, но был одним из трех путей шедших из Эгеиды в Северное Причерноморье. Исключительно каботажным являлся, как сказано, и путь, который шел в Северное Причерноморье вдоль южного побережья Черного моря, затем вдоль Колхиды и участка побережья, населенного племенами зихов и ахейцев. Однако этот морской путь считался в древности наиболее опасным не столько из-за штормовых

Они, несомненно, заходили и в порты Черноморского побережья Кавказа, способствуя увеличению их торгового оборота[1]. Вряд ли, однако, при этом следует думать, что греческие суда беспрерывно ходили вдоль Черноморского берега и обратно. И хотя греки обладали наиболее совершенными по тем временам морскими (парусными) судами, количество этих судов, очевидно, не было столь велико, а плавание было сезонным[2].

К тому же, каботажному плаванию создавали серьезные помехи пираты, и приходилось думать не столько о торговле, сколько о сохранности груза и самой жизни. А это делало рейсы вдоль черноморских берегов маловыгодными, что заставляло искать более безопасные и короткие пути.

К IV в. до н. э., очевидно, относится интенсивное освоение краткого морского пути по прямой через Черное море – от Пафлогонского выступа до Таврического (Крымского) полуострова, – непосредственно соединившего южный и северный берега Черного моря[3]. Однако каботажные маршруты вдоль Кавказского побережья и после этого сохранили в известной степени свое значение, особенно для городов северо-восточной части Малой Азии (Трапезунт и др.)[4].

Среди предметов античного экспорта из Причерноморья древние авторы (Страбон, Полибий) упоминают и рабов[5]. На вывоз рабов из

ветров, особенно в районе Бат и Торика (совр. Геленджика), сколько вследствие постоянных нападений прибрежных племен. (Сапрыкин С. Ю. Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. 1999).

[1] Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии… С. 75.

[2] Некоторые исследователи, правда, думают, что судоходство, в частности, на Кавказском побережье Черного моря было интенсивным, и исходя из этого, считают, что на дне, например, Сухумской бухты, могут находиться затонувшие суда. (Фазлуллин С. М., Заремба П. А., Горлов Ю. В., Бжания Д. С. Перспективы исследования подводного исторического наследия Северо-Восточного побережья Черного моря. Доклад, прочитанный на Второй Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти М. М. Трапша «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». 8–12 ноября 2008 г. – Сухум. 2008.

[3] Максимова М. М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. – М., 1956. С. 151, 168; Сапрыкин С. Ю. Херсонесские проксении… С. 217–218.

[4] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 155.

[5] Брашинский И. Б. Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. С. 175; Чандрасекаран Суджата. Металлические им-

Колхиды указывает упоминание рабов – жителей Восточного Причерноморья в числе составлявших часть конфискованного в V в. до н. э. и проданного с торгов имущества осужденных афинских граждан[1]. Рабы – уроженцы Колхиды представлены и на древнегреческих стелах того же V в. до н. э. [2]. Вместе с тем, свидетельство Полибия о вывозе рабов касается припонтийских стран в целом, и имеются основания полагать, что главные причерноморские рабские рынки были не в восточном и северном, а в западном и южном Причерноморье[3]. Что касается древней Абхазии, то рабов здесь, надо полагать, было очень мало, что можно объяснить отсутствием в Абхазии самой рабовладельческой системы. Поэтому, вывоз «живого товара» из древней Абхазии в страны Средиземноморья, очевидно, не достигал еще сколько-нибудь значительного размаха, на что, кстати, указывает и малочисленность свидетельств о колхидских рабах вообще в Греции.

Если Полибий, к числу товаров, необходимых для жизни кроме рабов относит еще скот, то в числе предметов роскоши называет соленую рыбу. Цена амфоры понтийской соленой рыбы, покупавшейся римлянами, равнялась 300 драхм (т. е. 15 золотым статерам)[4].

В эллинистическое время в Колхиду завозили, как сказано, главным образом высококачественные произведения ремесла, в первую очередь керамические изделия (яркой иллюстрацией торгово-экономических связей древних абхазов с народами Восточного Средиземноморья и городами Северного Причерноморья являются и амфоры, впервые найденные в середине XX в. в акватории Нового Афона[5], оказавшиеся на дне моря, очевидно, в результате кораблекру-

порты и система перевалов Западного Кавказа // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.)…С. 79.

[1] Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968. С. 188; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 200.

[2] См.: ВДИ. № 3. 1966. С. 127.

[3] Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. XX. 1954. С. 45.

[4] Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1953. С. 205.

[5] Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпохи // Труды АБИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми. 1959. С. 83.

шения или нападения морских пиратов). Привозили также лучшие сорта вин и оливкового масла, сало, предметы роскоши, а также самые необходимые для населения товары и особенно крымскую соль. Однако, по сравнению с другими причерноморскими регионами, например, торговли меотских племен Прикубанья с античным миром (где в первой и третьей четверти IV в. до н. э. значительное по объему место занимал ввоз гераклейского и синопского вина)[1], на протяжении всего периода античной торговли импорт на Абхазское побережье «массовых продуктов», в первую очередь вина, также не играл сколько-нибудь важной роли: меньшим, чем в других регионах Причерноморья было, очевидно, значение импорта керамики и предметов роскоши – дорогих ювелирных украшений. Вероятно, все это не являлось случайностью, а обязано тому, что древняя Абхазия обладала достаточно развитым производством указанных изделий. Можно сослаться в этой связи на результаты изучения Диоскурии эллинистического периода о развитии здесь виноградарства. «Особенно ценными, – пишут А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, – являются данные о развитии виноградарства»[2]. Особое место виноделия заключалось, несомненно, и в том, что как местное население, так и греки потребляли большое количество сухого вина, а привозного вина, очевидно, было мало. Если до начала эллинизма, виноградарство не играло заметной роли в хозяйственной жизни местного населения, то в IV в. до н. э., виноградарство в Диоскуриаде, полагает Ю. Н. Воронов, судя по всему, было поставлено на промышленную основу, с чем, вероятно связано и начавшееся здесь в этот же период массовое производство амфорной тары[1]. Кроме того, развитие товарного виноградарства, т. е. выведение долговременной и требующей постоянной заботы культуры, могло сложиться, во-первых, лишь в условиях спокойствия и политической стабильности в стране, и, во-вторых, существования надежного и рассчитанного на перспективу рынка сбыта продукции.

Из этого можно заключить, что такая существенная, и очевидно, доминирующая в древней Абхазии отрасль земледельческого хозяйства, как виноградарство и виноделие, в значительной мере находилась в зависимости от торговли, и это обстоятельство не могло не оказывать влияния на экономическое положение населения.

Касаясь импортировавшихся товаров, следует обратить внимание на следующий факт: по словам Ксенофонта в «Анабасисе», уже на рубеже V и IV вв. до н. э. ввоз книг из метрополии в города на Понте был столь значительным, что представлял одну из статей торговли[2].

Важную роль в греческом импорте в Колхиду играла, по-видимому, дорогая парадная посуда из серебра и бронзы, а также вероятно, были и другие товары, не поддающиеся археологической фиксации[3] (к таковым можно относить, например, ткань, дерево и изделия из него и др.). Можно полагать, что подобный импорт удовлетворял нужды, главным образом, высших слоев общества. В небольшом количестве, видимо, проникала в древнюю Абхазию и греческая мебель: в окрестностях Диоскуриады найдены бронзовые ножки сидения (или ложа)[4].

Что касается других товаров, то номенклатура их была весьма многообразной и определяется она почти исключительно археоло-

[1] Античные государства Северного Причерноморья… С. 178; Улитин В. В. Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н. э. (По материалам греческой керамической тары) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 335.

[2] Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н. э… С. 134. О развитии виноградарства говорят сохранившиеся в слоях Диоскурии (IV–II вв. до н. э.) зерна сорта «акачич», а также выявленные в различных пунктах (Сухум, Атара, Джгиарда, Кутол) садовые ножи, с помощью которых обрезали виноградные лозы. (См.: Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 43, 47–48). Кроме того, в эллинистических слоях окрестностей Диоскуриады, например, Эшерского городища найдены многочисленные зерна в местной амфоре и на тарелках, что также бесспорно должно говорить, по мнению Г. К. Шамба, о высоком уровне ведения вообще сельского хозяйства. (Шамба Г. К. Культура племен Абхазии… С. 15). Следовательно, распространение в местном быту более совершенных земледельческих орудий, в том числе греческого плуга с железным наральником и крупных железных мотыг (что способствует росту обрабатываемых в окрестностях Диоскуриады площадей), превращает землю из средства поддержания жизни в средство увеличения достатка. (Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 64).

[1] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 133.

[2] Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИА. Вып. XXXV. 1950. С. 36. Греческой письменностью, проникшей в Восточное Причерноморье с V в. до н. э., в эпоху эллинизма владели и средние слои населения, проживавшие в глубинных районах древней Абхазии.

[3] Брашинский И. Б. Основные черты греко-варварской торговли… С. 98.

[4] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 60; Древнейшие государства Кавказа… С. 54.

гически. В письменных источниках содержатся лишь очень общие и неясные ее определения. Так, Демосфен упоминает «мелочные товары», а Страбон, указывая на значение Танаиса, как общего торжища греков и кочевников, говорит, что греки в обмен на местные товары (рабы, кожи) доставляли «одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода»[1].

Не должно вызывать никаких сомнений, что мелочные и иные товары цивилизованной жизни, упоминаемые античными авторами в отношении Северного Причерноморья, судя по всему, завозились и в Восточное Причерноморье и находили спрос в более или менее состоятельных слоях древнеабхазского общества.

Гораздо более значительную экономическую (и политическую) роль в эпоху эллинизма, нежели аналогичные центры греко – «варварской» торговли в Северном Причерноморье, на Кавказском побережье, несомненно, играла Диоскурия[2] (во II в. до н. э. чеканившая свою собственную монету, см. ниже). Наиболее ярко значение Диоскурии как центра торговли выступает в известной характеристике, данной Страбоном, этому городу. По его словам, Диоскурия служила торговым центром для многих народов, «живущих выше ее и вблизи». По уточнению Страбона, в этом городе собиралось от 70 до 300 народностей[3]. А это значит, что здесь сходились не только пути местных (кавказских) племен и народов, но бывали купцы и торговцы из разных других стран античного мира[4]. Особо нужно при этом подчеркнуть, что понятия «мелочные товары», товары «свойственные культурному образу жизни», весьма емки: они могут включать в себя и посуду, и мебель, и украшения, и косметические и гастрономические продукты и т. д. Надо полагать, что привозимые в Диоскурию, как и в другие города Причерноморья, товары, в том числе изделия ее ремесленников, не залеживались в лавках, а раскупались и приезжавшими

[1] Страбон. География… С. 493; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье… С. 139; Античные государства Северного Причерноморья… С. 175.

[2] Можно утверждать, что такую же роль играл античный город Гюэнос, Эшерское городище, а позднее и Питиунт.

[3] Латышев В. В. Известия древних… // ВДИ. №2. 1949. С. 291; Страбон. География… С. 42.

[4] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 239.

в город земледельцами, которые особо нуждались в орудиях труда и в предметах бытового инвентаря. Что касается доходов торговцев, нам представляется, что если прибыли купцов, занимавшихся морской торговлей в северопонтийском регионе могла достигать 100%[1], то подобная же торговая прибыль купцов на Абхазском побережье и в целом в Восточном Причерноморье, надо полагать, не являлась чем-то из ряда вон выходящим.

Организация торговли в Восточном Причерноморье в античную эпоху известна мало из-за скудности источников, поэтому здесь приходится использовать аналогии с Северным Причерноморьем, тем более что есть основания полагать, что ее организация мало чем отличалась от той, что была на Боспоре (ибо вряд ли стоит сомневаться в том, что милетяне проводили одинаковую политику в принадлежавших им городах, особенно расположенных «по соседству»). Так, письменные источники об организации внешней торговли на Боспоре, позволяют говорить о существовании здесь в IV в. до н. э. развитой системы торговых пошлин[2]. Со всех ввозившихся и вывозившихся товаров взимался портовый сбор, вывозная пошлина, которой, очевидно, облагались все товары в размере 3,3 %. В виде особой привилегии государства Северного Причерноморья предоставляли иноземным гражданам право беспошлинной торговли. Особый случай представляет собой дарование права беспошлинной торговли Афинам. Межгосударственные торговые взаимоотношения регулировались, очевидно, особыми договорами. Существование подобного договора можно, в частности, предполагать между Боспором и Афинами в IV в. до н. э. [3].

Возвращаясь к экономическим связям Синопы и древней Абхазии, напомним, что, в третьей четверти IV в. до н. э. происходит увеличение поставок в древнюю Абхазию синопской продукции. Что касается III – II вв. до н. э. то они вообще являются, как сказано, периодом расцвета Диоскурии, что, повторимся, иллюстрируется словами Тимосфена

[1] Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья… С. 206.

[2] Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н. э. // Античный город. – М., 1963. С. 122 и сл.

[3] Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М. – Л., 1953. С. 131.

и Страбона о том, что сюда с торговыми целями стекается множество народов. В это время Диоскуриада, несомненно, остается самым крупным и наиболее богатым городом Восточного Причерноморья.

С точки зрения экономических связей древней Абхазии в эллинистическую эпоху, большой интерес представляет обнаруженная в г. Гудаута серебряная чаша полусферической формы с изображением головы Горгоны[1]. Чаши, подобные гудаутской, имели распространение в Малой Азии, Крыму и других местах. По мнению К. В. Тревер, они являются образцом греко-бактрийского искусства и датируются III в. до н. э. [2]. В таком случае, данная вещь, по мнению ученых, служит памятником экономических взаимоотношений древней Абхазии с населением Средней Азии того периода[3].

Во второй половине II в. до н. э. и первой половине I в. до н. э. транзитную торговлю древних городов Абхазии со странами Средиземноморья держала в своих руках та же Синопа, хотя, для первой половины I в. до н. э., как можно судить по имеющимся источникам, характерно наибольшее снижение объемов поставок продукции, что вероятнее всего, можно объяснить экономической нестабильностью в Причерноморье в связи с митридатовыми войнами.

Сказанное хорошо документируется материалами I в. до н. э. – I в. н. э. из раскопок древнего Сухума А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, содержавшими слабый культурный слой периода Диоскурии[4].

Торговля в древний и средневековый периоды, нередко сочеталась с морским разбоем и пиратством, деятельность которых на Черном море вплоть до 30 – 40-х гг. XIX в. почти никогда не прекращалась.

Как собственно прибрежный, так и морской разбой являлся одним из важнейших факторов, непосредственно влиявших на экономическую жизнь Причерноморья и всего античного и средневекового мира. Морской разбой в понтийском районе являлся значительным источником пополнения рынка рабов и развития торгового капитала, о чем неоднократно отмечалось еще К. Марксом в «Капитале»[5].

[1] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 116.

[2] Тревер К. В. Памятники греко- бактрийского искусства. – М. –Л., 1940. С. 59–61.

[3] Инадзе М. П. К вопросу о торговле в древней Колхиде… С. 116; Анчабадзе З. В. История и культура… С. 166.

[4] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 85.

[5] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 24. С. 554; Т. 25. Ч. 1. С. 364.

Вместе с тем, пиратство было и одной из главных помех торговому мореплаванию по Черному морю, нарушавшей экономические связи и коммуникации этого района античного мира[1].

Можно вообще предполагать, что морской разбой существовал с различной интенсивностью, во всех приморских странах, являясь неизбежным состоянием общества, при котором на него смотрели как на обычное дело и даже как на род рыцарства[2]. Ни один торговый корабль не пускался в море, не будучи вполне готов к отражению нападения пиратов, а при случае и к захвату чужого имущества. Можно также допустить, что развитие берегового обмена, а также нападения, захват имущества извне положили начало возникновению пиратства и у абхазов. Абхазское пиратство (ашхуарра) – трактуется как морской разбой, чинимый частными лицами против чужой собственности, а также как пленопродавство[3].

Древние предки абхазов, как известно, рисуются античными источниками как искусные мореплаватели и морские пираты. Но гениохи, надо полагать, характеризовались не только этими качествами. В литературе уже высказывалось мнение о том, что гениохи служили проводниками для купцов и переселенцев[4]. Определенным указанием в пользу этого положения служит тот факт, что в те времена, когда греки, еще не знали пути в Черном море, они за плату приглашали лоцманов – варваров[5].

[1] Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // ВДИ. № 3 (25). 1973. С. 124–133.

[2] Разбой был настолько обыденным явлением, что, например, в IV в. до н. э. им активно занимались греки – жители Трапезунта, колонии Синопы. Трапезунт административно располагался в стране колхов, но это ничуть не мешало грекам регулярно совершать набеги на Колхиду из окрестных колхидских же деревень, а трапезунтцы предоставляли в их распоряжение свой базар, где можно было без особых хлопот сбыть награбленное. Больше того – они заключили с греками союз гостеприимства, скрепив его дарами, и содействовали заключению аналогичных договоров между греками и ограбленными ими колхами. Позднее они одолжили грекам пентеконтеру и одно 30-весельное судно, и с ними эллины захватывали проплывавшие мимо их лагеря корабли, сгружали товары, а трофейные плавсредства использовали для прибрежного пиратства. (Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 194–195).

[3] Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. С. 32.

[4] Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986. С. 65.

[5] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №3. 1949. С. 263. В свою очередь, проф. Ш. Д. Инал-Ипа пишет, что среди абхазов были

С другой стороны, предприимчивые «труженики моря», умело сочетали ремесло пирата и купца[1], а в торговле они также, несомненно, обладали большим опытом. Здесь нужно подчеркнуть, что поскольку все гениохи или политические образования гениохов локализируются у воды, на побережье[2], то это само собой должно было подталкивать их на путь обмена или же заставлять прибегать к таким сопряженным с насилием способам перераспределения и перемещения материальных ценностей, как пиратство. Кстати, широкому расселению гениохов по всему Восточному Причерноморью способствовало, по-видимому, именно развитое у них мореходство, пиратство и торговля. Сами гениохи нередко становясь объектом нападения, очевидно, снаряжались в поход так, как собирались бы на войну. Именно для того, чтобы способствовать благополучному исходу торгово-грабительских экспедиций, предки абхазов перед началом похода совершали хорошо описанный в литературе особый религиозный обряд. Гениохийские мореходы и купцы перед выходом в море посещали капище божества морского побережья Ага–Ага-ныха (находившееся на месте церкви Мармал-абаа, в районе села Адзюбжа: здесь же древние абхазы совершали жертвоприношения и божеству морского ветра – Апшаныхуара). Там, абхазские мореходы со свечей корабельного моленья (ашхуаныхуацвашь) в руках просили у божества удачи в походе. И только после этого гениохи отправлялись в путешествие.

Первоначально целью морского разбоя гениохов было не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Естественно, что подобные «потребительские» действия вызывали отпор со стороны правителей отдельных, наиболее развитых районов Причерноморья, в частности, Боспора. Кроме того, для Боспора в эллинистический период особую важность, надо полагать, представляла безопасность торговых путей, связывавших порты государства с их главными экономическими партнерами-городами Средиземноморья и Южного Причерноморья. А эти коммуникации пролегали не вдоль Кавказского берега, а в центральной и западной части Черного моря. Поэтому боспорские правители, в частности, как это следует из известного сообщения Диодора, царь Эвмел, вел и беспощадную борьбу с гениохами и ахейцами[1]. О масштабах бедствия, причиняемых гениохами торговле, дает представление свидетельство того же Диодора о том, что Эвмел «получил самый лучший плод благодеяния – похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как купцы повсюду разнесли молву о его великодушии»[2]. Судя по отзыву Диодора, кампания Эвмела сравнима с кампанией Помпея, он надолго очистил Черное море от пиратов. Однако спустя более 300 лет, эти же племена называет сосланный в Томы Овидий[3], причем в его время ахейцы и гениохи уже не довольствовались охотой у своих берегов, а совершали рейды вдоль всего побережья Черного моря, кроме северной его части. Пиратские рейды гениохов совершались, главным образом, ради захвата людей. Пленников они охотно возвращали за выкуп, извещая об этом их родственников по отплытии. Если захваченный оказывался неплатежеспособным, его продавали в рабство[4], в первую очередь, надо полагать, на Боспор, как наиболее близко расположенное от них развитое рабовладельческое государство. Этим, видимо, объясняется, то обстоятельство, что правители Боспора и их окружение, заинтересованные в приобретении рабов, оказывали гениохам содействие для сбыта награбленного.

Таким образом, гениохийские пираты в середине III в. до н. э., превратившись в рабодобытчиков и работорговцев, тесно связали себя экономически с Боспором, где нашли и рынок сбыта добычи, и корабельные стоянки.

Уже отмечалось, что о торговых связях гениохов с Боспором сообщает Полибий. Он пишет, что места у Понта «доставляют нам скот

такие моряки, которых нанимали как специалистов на иностранные суда. (Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 290).

[1] Кисельников А. Б. Морские перевозки грузов в античное время… С. 178.

[2] Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки… С. 55, 300.

[1] Блаватский В. Д. Пантикапей… С. 96. Брашинский И. Б. Понтийское пиратство… С. 126.

[2] Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968. С. 188. Цит. по: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории . . . С. 185; Брашинский И. Б. Понтийское пиратство… С. 126.

[3] Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – С. 134, 169, 231.

[4] Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 199.

и огромное количество бесспорно отличнейших рабов»[1]. Так, экспорт рабов, обусловленный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению морского разбоя гениохов в доходный промысел – работорговлю. В обмен на рабов пираты получали товары греческого производства, в первую очередь, оружие, посуду, украшения и иные изделия, удовлетворявшие, главным образом, нужды местной родоплеменной верхушки[2].

События I в. до н. э. прервали налаженные каналы работорговли в Причерноморье. Не находя дальнейших каналов для обогащения, гениохи использовали последний источник: они стали нападать на ослабленные той же обстановкой греческие города, разграбив в том числе Великий Питиунт, который в отличие от других городов Восточного Причерноморья, ни в одном историческом источнике не упоминается как греческая колония или греческий город[3]. Поскольку

[1] История Абхазии… С. 40; Безруков А. В. К вопросу о торговых коммуникациях в Южном Приуралье по данным письменных и археологических источников (VI–IV вв. до н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XIII. 2003. С. 232. Во главе Боспорского государства, начиная с 438 г. до н. э. и на протяжении более 300 лет стояли правители из династии Спартокидов. (Античные государства Северного Причерноморья… С. 13). Установлено, что новые правители не были греками. М. И. Артамонов считал Спартокидов синдской династией. (Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. № 1. 1949. С. 34). Е. И. Крупнов также предполагал меото-синдское происхождение этой династии. (Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957. С. 161). Само Боспорское царство антиковеды иногда даже называют «полумеотским» государством. (Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов… С. 89–96). Спартокиды, – отмечается в книге «Античные государства Северного Причерноморья», были выходцами из местной племенной знати, тесно связанной с греческими купцами и рабовладельцами общностью торговых и иных интересов. Приход к власти местной по происхождению династии должен был способствовать укреплению связей между этими двумя различными по этнической принадлежности группами господствующего класса Боспора. (Указ. раб. С. 13). Если экспорт в Афины боспорского зерна, основной статьи боспоро-афинской торговли в IV в. до н. э., возможно и не был полностью монополизирован Спартокидами, то во всяком случае такая тенденция была налицо. Довольно многочисленные письменные источники, относящиеся к афино-боспорской торговле рассматриваемого времени, постоянно подчеркивают роль, которую в ней играли Спартокиды. (Брашинский И. Б. Еще раз об афинском декрете 323/2 г. до н. э. // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 49–51).

[2] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 63.

[3] Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005. С. 114.

пиратство являлось одним из основных источников для накопления богатств и получило чрезвычайно широкое распространение, оно неизбежно должно было иметь собственную производственную базу, окончательно уравнивающую его, например, с военным делом. Для того чтобы пираты имели корабли, по крайней мере не уступающие быстроходностью и маневренностью обычным типам торговых судов (чтобы можно было догнать), должны были существовать судостроительные верфи. Такие верфи, как установлено, имелись в Пицунде, Бамборе, Анакопии, Сухуме, Скурче, Тамыше. Строительство же кораблей, было, очевидно, делом не нескольких человек. Например, на постройке судов в Пантикапее (столица Боспорского царства) было занято не менее нескольких сотен кораблестроителей[1]. Причем интерес правителей припонтийских государств, например, Митридата VI (см. ниже) к побережью Абхазии был вызван, вероятно, не только тем, что здесь можно было добывать сырье для кораблестроения (а также продовольствие), но и строить и оснащать корабли, базируясь на местных гаванях, используя местных мастеров. Вероятнее всего также, что судостроение на древнеабхазском побережье носило товарно-денежный характер (хотя не исключено, что в кораблестроении мог использоваться и рабский труд). Такой вывод можно сделать из некоторых, правда косвенных сообщений, относящихся к первой половине XIX в., но едва ли имеются серьезные основания для отрицания большой вероятности того, что таким же положение было и в значительно раннее время.

Так, в 1817 г. греческий купец Г. Скарден заявлял царскому правительству о построенном им у абхазских берегов «собственным капиталом» коммерческого двухмачтового судна[2]. А в 1818 г. капитан Жургаки в с. Лыхны для постройки судна «держал за довольно умеренную плату» наемных рабочих из местных крестьян[3]. Вообще же, согласно этнографическим материалам, абхазы и, в частности, жители прибрежных сел Бзыбской Абхазии – Мысра, Мгудзырхуа, Лыхны, мастерски строили суда из каштановых и дубовых досок по поруче-

[1] Блаватский В. Д. Пантикапей… С. 150.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. 2. – Сухуми. 1990. С. 261.

[3] АКАК. Т. IV. Ч. 1. С. 649; Дзидзария Г. А. Лыхны. (Очерк дореволюционного прошлого села). – Сухуми. 1986. С. 23.

нию владетеля. По свидетельству Ж. Гамба, «искусство постройки кораблей на побережье Черкесии и Абхазии значительно более развито, чем на берегах Хопи и Фазиса»[1].

С племенами гениохов, надо полагать, был связан и институт военного наемничества[2], являвшийся для большей части предков абхазов своеобразным видом отхожего промысла, без сомнения, носившего характер товарно-денежных отношений.

Уже во второй половине II тыс. до н. э., как предполагает М. К. Хотелашвили (Инал-Ипа), отряды военных наемников из живших в Восточном Причерноморье в то время абхазо-адыгских племен, могли участвовать в военных кампаниях не только малоазийских государств, но и египтян, а, возможно, и других государств[3]. По мнению С. Х. Хотко «традиция военного отходничества кавказцев в пределы Анатолии… приобрела давность обычая, а в горах Кавказа сложилось устойчивое мнение о выгодности найма в эту богатую страну»[4].

Отряды гениохов - наемников участвовали, в частности, в крупной военной кампании, имевшей место в IV в. или III в. до н. э. в районе Эшерского городища[5]. В связи с военным наемничеством, обращает на себя внимание и сообщение Страбона о том, что после присоединения Колхиды (Абхазии) к Понтийскому царству Митридатом VI Евпатором, из Колхиды «шла царю главнейшая помощь для организации его морских сил»[6]. Помимо поставок строительного материала для судов, с территории исторической Абхазии, по-видимому, нанималась и определенная часть абхазских судов, поскольку среди народов, воевавших на стороне Митридата против римлян, мы встречаем и гениохов[7].

[1] Gamba. Voyage dans la Russie meridionnale… С. 89–90.

[2] О военном отходничестве древних абхазов см.: Хотелашвили –Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов. (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов)… С. 150–182.

[3] Там же. С. 152.

[4] Хотко С. Х. Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и Османской империи. – Майкоп. 1999. С. 42. См. также: Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик. 2007. С. 20, 28.

[5] Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись… С. 39–40.

[6] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 137.

[7] Немировский А. И. Понтийское царство и Колхида // Кавказ и Средиземноморье… С. 158.

Позднее предки абхазов воевали и на стороне Рима, а отряды апсилов принимали участие в римско-парфянской войне в самом начале II в. н. э. [1].

О военном отходничестве предков абхазов (санигов) может говорить и богатый инвентарь погребения из Красной Поляны[2], датируемый III в. Захоронение, как считает М. К. Хотелашвил – Инал-Ипа, содержало военную добычу, взятую в одной или нескольких войнах Рима с Сасанидским Ираном. Об этом свидетельствует самый важный предмет погребения – широко известное сасанидское серебряное с позолотой блюдо со сценой охоты на медведей наследника престола Сасанидского Ирана Варахрана I или Варахрана II[3].

Выше обращалось внимание на то, что интерес Митридата VI к Колхиде, в состав царства которого последняя вошла в качестве провинции (а не вассальной территории) во второй половине II в. до н. э., был вызван тем, что она была существенно важна для понтийского царя не только в стратегическом, но и экономическом отношении (снабжения его армии и особенно флота продовольствием и материалами, в том числе приобретения золота и других металлов). Заинтересованность Митридата, поощрявшего развитие торговли в зависимых от него землях, в том числе Колхиде, была вызвана, как предполагает Д. Б. Шелов, и его желанием поставить под свой контроль важнейшую торговую магистраль, связывавшую бассейн Черного моря с Востоком, вплоть до Индии[4]. Поэтому власть Митридата в Колхиде, надо полагать, опиралась на поддержку достаточно влиятельных кругов, в особенности торговой знати Диоскурии, заинтересованных в сохранение теснейших связей с Понтийской державой. Не случайно и

[1] Хотелашвили– Инал-Ипа М. К. Указ. раб. С. 160.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 160–161.

[4] Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 203–204. Следует отметить, что сам Митридат VI был одним из самых богатейших владык того времени, и все его имущество перед Третьей войной с Римом оценивается в колоссальную сумму – 60000 талантов, а ежегодные налоговые поступления с подвластных ему земель в 3–4 тысячи талантов. (См.: Гуленков К. Л. Новое в истории и гуманитарных науках. – М., 2000. С. 166. Его же. Налоги на Боспор при Митридате VI Евпаторе // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 309).

то, что Митридат в 66/65 гг. до н. э., вместе с остатками своей армии нашел убежище только у дружески принявших его гениохов в Диоскурии, где он в безопасности провел целую зиму, «заготавливая лес, строя корабли и готовя оружие»[1].

Принято считать, что установление власти Митридата в Колхиде должно было способствовать оживлению торговли и известному экономическому подъему[2]. С другой стороны, завоевание Колхиды и последствия митридатовых войн, рассматривается как резко отрицательное для экономики Колхиды явление, приведшее к запустению колхидских городов[3]. Вполне возможно, что какую-то роль в этом упадке могло сыграть и расстройство понтийской торговли, связанное с установлением блокады черноморских берегов римлянами на последнем этапе римско-понтийской борьбы. Однако, это расстройство, как удалось показать Д. Б. Шелову, могло сказаться только после 70-х гг. до н. э., когда флот Митридата утратил свое положение на Черном море[4]. До этого связи между разными областями припонтийской державы Митридата могли осуществляться беспрепятственно, и серьезно помешать колхидской торговле на Черном море римляне не могли[5]. Находки колхидских амфор и пифосов в Херсонесе и на его хоре, херсонесских амфор и монет в Восточном Причерноморье (причем количество колхидских амфор в Крыму в период правления Митридата VI увеличивается по сравнению с периодом IV – середины II в. до н. э.)[6], с одной стороны, подтверждают представление о том, что Колхида в предмитридатовское и митридатовское время в экономическом отношении больше была связана с Южным Причерноморьем

[1] Аппиан. Митридатовы войны. – Тб., 1959. С. 195–196.

[2] Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. – М., 1963. С. 167; Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968. С. 234.

[3] Матиашвили Н. Н. Из истории экономики городов Колхиды III–I вв. до н. э… С. 21; Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы… С. 207.

[4] Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы… С. 208.

[5] Там же.

[6] Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического. // ВДИ. № 4. 1989. С. 95. Созник В. В., Цецхладзе Г. Р. Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе // ВДИ. № 2. 1991. С. 61–67; Сапрыкин С. Ю. Рец. на книгу: С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). – М., 2003. С. 222.

и Малой Азией, чем с внутренними районами Закавказья, а, с другой стороны, как будто бы указывает на активный баланс внешней торговли Колхиды[1].

К указанному периоду относятся находки на территории Абхазии, древнейших после «колхидок» местных монет (подражаний статерам фрако-македонского царя Лисимаха), чеканившиеся царем Ака (т. е. очевидно, царем Акуа – абхазского названия Сухума)[2] золотые статеры. Эти монеты до сих пор датировались III в. до н. э. В последующих выпусках подражания статерам постепенно искажаются, надписи и изображения становятся совершенно неузнаваемыми. Подробно изучив статеры Ака, Г. Ф. Дундуа пришел к выводу, что датировать эти монеты следует не III в. до н. э., а концом 90–80-х гг. II в. до н. э. и соответственно следует полагать, что последующие более искаженные подражания были чеканены после 80 г. II в. до н. э. [3]. Вместе с тем, монеты базилевса Ака, несомненно свидетельствуют о наличии на территории Абхазии в указанный период, царской власти. В связи с чем, нужно отметить, что Псевдо-Скилак Кариандский Гиен (Гюэнос) и Фасис, в отличие от Диоскуриады, называет «городами эллинскими». Другими словами, надо полагать, что Диоскуриада в какой-то момент, действительно перестала быть греческим полисом, став резиденцией варварского правителя[4].

[1] Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы… 208–209.

[2] См.: Капанадзе Д. Г. Новые материалы к изучению статеров Аки // ВДИ. № 1. 1948. С. 150–155. Его же. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ. № 1. 1949. С. 164–165. Его же. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1958–1959 гг. // ВДИ. № 4. 1966. С. 178; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 203. Относительно имени Ака, выбитого на ранних подражаниях статерам Лисимаха, существуют и другие точки зрения. Например, Л. П. Харко считает, что эта надпись представляет собой сохранившуюся искаженную часть имени Лисимаха (должно быть, якобы, АХО, а не АКО. С этим мнением согласен и английский исследователь Д. Ланг. (Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии… С. 97). Но данное суждение, как полагает С. М. Шамба, представляется неубедительным, так как на самой монете ясно читаемая надпись ВАЕ |ЛЕΩЕ АКОУ (Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии… С. 29).

[3] Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии… С. 88–89, 91; Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии…С. 55; Абрамзон М. Г. Золотые античные монеты из собрания Абхазского государственного музея // ВДИ. № 2. 2004. С. 207.

[4] Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории… С. 342.

Традиция чеканки монет в Диоскуриаде была продолжена после ее подчинения Митридату VI. Монеты эти найденные, главным образом, в Херсонесе (близ совр. Севастополя) и в окрестностях Анкары в Турции), играли особую роль в денежном обращении Понтийской державы. Вне всякого сомнения, правы те исследователи, которые связывают чеканку этой монеты с необходимостью для Митридата заручиться помощью Диоскурии в борьбе против Рима, за что ей было предоставлено право автономии[1]. Причем это является единственным случаем чекана автономной городской монеты в Колхиде[2]. Показательно и то, что в районе Сухума найдено лишь два экземпляра диоскурийских монет, основная же масса этих находок фиксируется в городах Северного Причерноморья (в Херсонесе и на Боспоре: в первом пункте обнаружено 258 этих монет, а во втором – 101)[3]. Поэтому К. В. Голенко полагает, что Диоскурия являлась поставщиком малых номиналов меди, специально ввозившейся в Северное Причерноморье[4]. Так, на протяжении раскопок 1970 – 1995 гг., диоскурийская монета была найдена в боспорском городе Китее[5]. На лицевой стороне монеты изображение шапок Диоскуров с шестилучевыми звездами над ними. На оборотной стороне – тирс, по сторонам которого в три

[1] Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. – Тб., 1970. С. 18–19; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 69; Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического… С. 91–95; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 73. См., впрочем, противоположную точку зрения: Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. – Тб., 1979. С. 174–175.

[2] Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса… Там же.

[3] Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н. э. // НЭ. Т. 5. 1965. С. 42.

[4] Шамба С. М. О чем говорят монеты. – Сухуми. 1982. С. 19-20. Нужно сказать, что монеты, чеканенные в Диоскуриаде, редко встречаются вообще в Колхиде. Если рассматривать Диоскуриаду, как поставщика мелких номиналов меди в Северное Причерноморье, тогда, полагает Ю. Н. Воронов, прекращением чекана диоскуриадных монет в период около 100 г. до н. э. можно объяснить то обстоятельство, что в Херсонесе и на Боспоре именно в этот период выходят из обращения мелкие медные номиналы ниже тетрахалка. Отсутствие монет Диоскуриады в Закавказье можно объяснить и тем, что на внутренних рынках городов Колхиды, о чем говорят, в частности, находки в Сухуми, основную роль в 105–100 гг. до н. э. играли крупные номиналы понтийской меди, отодвигавшие на второй план мелкую медь Диоскуриады. (Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 70).

[5] Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции… С. 255.

строки надпись ДИПУ – КПХСИБ – ДПУ[1]. К. В. Голенко датировал диоскурийскую медь концом II в. до н. э. [2]. Эта датировка в настоящее время принята практически всеми специалистами[3].

Приблизительно в это же время на местном диоскурийском рынке обращались и монеты, приписываемые некоторыми учеными (К. Голенко, Д. Капанадзе) неизвестному колхидскому базилевсу Савлаку (само имя Савлак, по мнению некоторых авторов, является греческой формой древнеабхазского княжеского имени Саулах)[4]. Ряд других исследователей приписывают эту монету главе боспорских повстанцев – Савмаку (108 г. до н. э). Так, по мнению В. Ф. Гайдукевича, надпись на интересующей нас монете читается как «Савмак»[5]. Факт находок этих монет в районе древней Диоскурии, объясняется, по его мнению, связями Боспора с Кавказским побережьем «морскими коммуникациями, а также торгово-меновыми взаимоотношениями»[6]. Таким образом, нахождение этих монет на территории Абхазии, а, следовательно, их обращения на диоскурийском рынке, еще раз отражает факт достаточно раннего возникновения денежных отношений в среде древнеабхазского населения.

Мы уже отмечали и то, что с середины III в. до н. э. и до рубежа II – I вв. до н. э. прекращается поступление в Колхиду аттического импорта. Однако с рубежа II – I вв. до н. э., как считают некоторые авторы на основе находок из Сухума, намечается возрождение торговли с Афинами. Это обстоятельство, по всей вероятности, следует объяснить экономической политикой того же Митридата Евпатора, который всячески способствовал развитию торговли в целях осуществления своих широких политических планов. Кроме того, заинтересованность Митридата в связях с Афинами имела и полити-

[1] Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки… С. 255.

[2] Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // НС. – Тб.,1977. С. 57–64.

[3] Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии… С. 107.

[4] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 109–110. В действительности же, надо полагать, что имя Саулах восходит к иранскому Савлак, который этимологизируется как «смуглый». (Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум. 2010. С. 279).

[5] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 55–56; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 76.

[6] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение… С. 56.

ческую основу[1]. Несмотря на потерю былой славы, Афины все еще занимали особое положение в греческом мире. Поэтому дружественные взаимоотношения с ними имели большое значение для создания Митридату авторитета в Греции. А доброжелательная позиция Афин зависела от экономической поддержки со стороны Митридата, что в первую очередь подразумевало расширение торговли[2].

Надо полагать, что Митридат всячески поощрял торговые операции афинян и в Колхиде. Примечательно, что как раз к этому времени относится возрождение экономики Афин. Аттическая же керамика и монеты рубежа II – I вв. до н. э. известны во всем восточногреческом мире.

Доказательством расширения причерноморско-афинских торговых отношений является проникновение синопской клейменой тары на о-в Делос, являвшийся центром для торговых операций Афин в позднеэллинистическую эпоху, и обнаружение некоторых делосских эпиграфических памятников, в которых упоминаются синопские и амисские граждане. В этом отношении представляют интерес и найденные на Делосе посвятительные надписи афинских граждан Митридату и надписи, в которых афиняне названы друзьями царя Понта[3]. Нужно отметить и обнаружение двух афинских тетрадрахм «нового стиля» конца II – I вв. до н. э. в Сухуме[4]. Все вышесказанное дает основание считать наличие афинско-древнеабхазских торговых связей в эпоху Митридата вполне возможным.

В торгово-экономических взаимоотношениях древней Абхазии с Малой Азией и вообще с внешним миром, как и в целом народов Причерноморья и Средиземноморья, основную роль, как сказано, играл морской путь – по Черному морю, с незапамятных времен бывший маршрутом оживленным[5]. В то же время с древности через территорию Абхазии пролегали и важные сухопутные дороги, имевшие международное значение. Особое значение они приобретали в зимнее время, когда морские сообщения становились затруднительными.

[1] См.: Матиашвили Н. Н. Афины и Колхида… С. 74.
[2] Там же.
[3] Матиашвили Н. Н. Афины и Колхида… С. 74.
[4] Шамба С. М. Монетное обращение… С. 31.
[5] Литвинов М. Черное море. – СПб., 1881. С. 19.

Хотя письменные источники относительно указания направлений (как и характера древних связей) племен Северо-Западного Кавказа в целом с внешним миром немногочисленны и фрагментарны, тем не менее, наши сведения о сухопутных маршрутах, культурно-торговых контактах древности пополнились на основе археологических исследований последних десятилетий. Еще в XIV – XIII вв. до н. э., по указанию А. А. Иессена, Малую Азию связывала с Кавказским побережьем сухопутная дорога, которая далее шла на Северный Кавказ. Этот путь был преимущественно путем обмена, действующего от племени к племени, от народа к народу. В. Чернявский сообщал, что в глубокой древности шел «великий торговый путь из славной Диоскурии в страны, лежащие севернее Кавказского хребта и отсюда к Востоку». Исходя из наличия семян пшеницы и керамики майкопской культуры в пещерных поселениях эпохи бронзы по пути на Северный Кавказ, археолог В. В. Бжания считает, что высокогорье никогда не было препятствием общению племен, населявших обе стороны Кавказского хребта[1].

Предполагается, что возникновение постоянных торговых путей через Кавказские перевалы относится к III – середине II тыс. до н. э. [2]. По мнению А. Ю. Скакова, перевалы Западного Кавказа использовались и в эпоху раннего железа, в VIII – VI вв. до н. э., причем в те времена маршруты, связывающие Абхазию и Северный Кавказ, функционировали гораздо лучше, чем сейчас[3]. Нельзя считать случайным саму топографию предметов художественного импорта и нумизма-

[1] Бжания В. В. Гагрские географические зоны и хронологическая шкала памятников // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005. С. 41; Цинцадзе. О древних взаимосвязях населения Северных и Южных районов Закавказья (по археологическим данным) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Баку. 2005. С. 176.
[2] Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы… С. 29; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии… С. 75.
[3] Скаков А. Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения. ТДК. – СПб., 2006; Раев Б. А. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 305; Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Проникая в тайны горы Джантух…

тического материала, тяготеющего как к морскому побережью, так и к бассейнам реки Кодора (по берегам которой пролегали основные дороги, соединявшие Абхазское побережье с важнейшими регионами всего Кавказа), Бзыби, Галидзги, которые и служили основными сухопутными транспортными артериями и вдоль которых располагались поселения городского и сельского типа.

По мнению ученых, уже в VI в. до н. э. товары из греческого мира (и в частности, предметы ионийского импорта) из Диоскурии через перевалы попадали на Северный Кавказ. В конце V – IV вв. до н. э. по этим путям сюда попадают бронзовые шлемы и другие материалы. В то же время, на территории и в окрестностях древних городов Абхазии (например, Диоскуриады) часто встречаются конские захоронения с уздечными наборами, характеризующими скифскую культуру Прикубанья, указывающие на то, что скаковых и боевых лошадей – этих показателей престижа и основного богатства, – местная знать традиционно закупала на Северном Кавказе, откуда их регулярно, перегоняли в основном через перевалы Главного Кавказского хребта[1]. Надо полагать, что основную часть этих товаров приобретало, в первую очередь, древнеабхазское население горной зоны, а затем определенное их количество оно продавало жителям равнинной полосы древней Абхазии.

В первые века античной эпохи еще не были освоены дороги, идущие из Северного Причерноморья на Восток, и пристани Черномор-

[1] Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Два всаднические захоронения апсилов из Цебельды // Труды АГУ. Т. V. – Сухуми. 1987. С. 70–71; История Абхазии… С. 37. Экономические связи между Абхазией и Северным Кавказом через перевалы не прерывались вплоть до конца XIX века. Скотопромышленники из Абхазии, согласно сообщению источника конца XIX в., нередко закупали на Северном Кавказе большими партиями крупный рогатый скот и перегоняли его через Кавказский хребет по известным перевальным путям. (Газ. «Кавказ». 1894 г. № 16). Эти перевалы (Клухорский, Санчарский и др.) представляют собой тропы, по которым может пройти пешеход или вьючная лошадь. (Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии… С. 28). Здесь же упомянем, например, и о сохранившихся до наших дней т. н. «черкесских» и «абхазских» тропах, шедших по ущелью р. Жоеквара, которые связывали названные племена друг с другом начиная с античной эпохи. Еще в первой половине XIX в., по данным С. Т. Званба, по этим тропам даже в зимних условиях спускались по два человека в ряд убыхские отряды.

ского побережья Кавказа связывали страны Средиземноморья не только с Северным Кавказом, но и с Восточной Азией. В эллинистическую эпоху дорога через Клухор имела, видимо, лишь региональное значение. Такой вывод можно сделать из слов Страбона, который, называя Диоскурию началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для множества народов, дает понять, что большинство сходящихся туда – « это сарматы, но все они кавказцы»[1].

[1] Латышев В. В Известия древних… // ВДИ. № 4. 1947. С. 246.

ГЛАВА II.
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

В конце эллинистической эпохи в результате длительной войны между Римом и Митридатом VI (война продолжалась около 25 лет) в торгово-экономических связях Восточного Причерноморья со Средиземноморьем наступает перерыв. Победу в войне в конечном итоге одержали римляне, и в результате, к середине I в. до н. э. они утверждаются в Восточном Причерноморье. Говоря об особых интересах, которые римляне имели в Закавказье, исследователи подчеркивают, что для римлян должно было стать ясным – исключительное стратегическое значение Закавказья, как барьера против северных кочевников. К этому следует добавить, что Закавказье представляло важную артерию для связи с Северным Причерноморьем, особенно влекущим римлян, как богатейший источник добычи рабов. Закавказье привлекало римлян также и с точки зрения его использования в качестве торгово-транзитной дороги, связывающей Средиземноморье со странами Средней Азии, Индии и далекого Китая[1]. Иными словами, римляне понимали исключительно важное значение Закавказья, и, в частности Абхазии, как стратегического района империи, через которую проходила торгово-транзитная дорога, связывавшая Средиземноморье со странами Азии. Видимо, в это время в Риме не только четко была осознана угроза империи со стороны северных кочевников, но и осуществлен ряд мер по укреплению подступов к границам империи. Поэтому, как справедливо отмечают исследователи, особое значение для римских гарнизонов в Абхазии имела охрана путей через Клухорский перевал. Так как путь к нему начинался на территории Апсилии, то, естественно, что римляне должны были принимать активные меры, направленные на установление с мест-

[1] Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 324.

ным населением самых дружественных отношений. И действительно, как свидетельствуют письменные источники, уже со II в. нарастают союзнические отношения между Римом и цебельдинцами. Римляне отдают им охрану своих северных границ и платят им за это большие деньги[1]. К этому времени и во главе Апсилии стоял царь с чисто римским именем Юлиан, который принял знаки царской власти от императора Траяна. Как это обычно бывало, пишут О. Х. Бгажба и Ю. Н. Воронов, помимо знаков власти, местные правители регулярно получали от римских императоров крупные денежные суммы в обмен за лояльность, поддержку торговцам, участие в обороне подступов к римским укреплениям на побережье[2]. Так, знаменитый герзеульский клад, содержавший 500 серебряных монет, очевидно, являлся платой за какие-то услуги союзникам – апсилам[3]. Однако, посланец императора, застигнутый врасплох грабителями, успел закопать в землю монеты и другие подарки (золотой венок и пр.), а затем он и его спутники были перебиты[4].

[1] Необходимо вообще заметить, что Рим предпринимал значительные усилия для того, чтобы установить с народами, жившими по всему периметру границ империи, а иногда и в глубине ее провинции, отношения дружбы и союза, поскольку часто успехи империи зависели именно от них. Не составляли исключения отношения Рима с народами Закавказья. По мнению Д. Браунда, эти отношения также характеризовались долговременным дружеским сотрудничеством, осуществлявшимся ко взаимной выгоде Рима и местных народов. Оно нарушалось лишь в нескольких случаях, однако современные исследователи слишком часто делали акцент именно на таких конфликтах и игнорировали норму – гармоничное сосуществование. (Подробнее см.: Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. № 4. 1991. С. 34).

[2] Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980. С. 21.

[3] Воронов Ю. Н. Археологическая карта… С. 76 –77; Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул… С. 20–21.

[4] Там же. Всякий монетный клад, по определению А. Н. Зографа, представляет собой «значительную денежную сумму… определенный капитал путешествующего торговца, походную кассу военного отряда, сбережения какого-либо горожанина и пр., зарытую ее обладателем в каком-либо вместилище (горшке, металлическом сосуде, мешке и т. д.) в землю с целью уберечь ее от хищных взоров путевых разбойников-грабителей или неприятелей, разоряющих страну». Дата зарытия Герзеульского клада определена А. Н. Зографом примерно 168 г. «В этом году, – писал он, – по-видимому, произошли волнения на Кавказе, сопровождавшиеся, между прочим, убийством царя эниохов – племени, обитавшего в современной Абхазии. В ходе этих волнений и, вызванных ими военных действий римского наместника Каппадокии Марция Вера, вполне естественно зарытие клада». (Цит. по: Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятни-

Как было указано, римляне не стремились к насильственному насаждению в Абхазии своей культуры; вместе с тем, они преследовали здесь не только военно-стратегические и политические цели[1], но не в меньшей степени желали установления с Кавказским побережьем прочных экономических и культурных связей и его использования в качестве перевалочного пункта для связей с народами Восточной Азии.

Позиции, занимаемые римскими войсками на побережье Колхиды, кроме того, давали им возможность контролировать торговлю между местным населением, с одной стороны, и Понтийским, а также Средиземноморским миром – с другой[2]. Контроль над торговлей и раздача торговых привилегий издавна были инструментом римского империализма[3]. В этой связи совершенно не случаен, видимо, и тот факт, что римские гарнизоны были поставлены именно в те прибрежные города древней Абхазии (Диоскурия, Питиунт)[4], которые продолжали сохранять довольно развитое местное ремесленное производство и интенсивные торговые связи[5]. Другое дело, что римское правительство специально заботилось о лучшей защите своих гарнизонов и возводило для них особые фортификационные сооружения. Так, в Питиунте уже в конце II в. строится мощная римская кастелла[6].

ки села Герзеул… С. 20).

[1] Анчабадзе З. В. История и культура… С. 193–194; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии… С. 77.

[2] Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде… С. 43.

[3] Там же.

[4] История Абхазии… С. 53.

[5] Полагая, что в установлении власти Рима на Кавказском Причерноморье не последнее место занимали экономические причины, следует привести аналогии с мотивами завоевания Римом территории Северной Африки. Так, Т. Моммзен в качестве основной причины уничтожения Карфагена и создания на его месте римской провинции, усматривал стремление римской элиты снизить, либо ликвидировать торговую конкуренцию пунийцев на средиземноморских рынках. Другой автор Т. Катула, в качестве главного мотива экспансии на юг, выделяет потребности римской экономики – интересы крупных земельных собственников и хлеботорговцев. (См.: Никитин А. Н. Роль африканских провинций в политической, экономической и культурной жизни Римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XVI/1. 2006. С. 40–41).

[6] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде // ВП. Т. 3. – Тб., 1978. С. 18–19. То, что римские власти преследовали в Абхазии и экономические интересы, можно предполагать исходя из сведений автора II в. Фл.

Присутствие римского флота и гарнизонов в Себастополисе и Питиунте служило препятствием пиратским набегам [1], а, по словам автора I в. н. э. Иосифа Флавия, римляне установили «спокойствие и мир на диком море (Понте), по которому прежде нельзя было плавать» [2]. Однако спокойствие это было относительным, поскольку продолжались разбои пиратов. Прямым следствием пиратских акций гениохов явилось, как сказано, разграбление ими богатейшего Питиунта.

Говоря о внешней торговле в позднюю античность, необходимо подчеркнуть, что она получила невиданное развитие именно в первые два века нашей эры. Такого подъема не знала даже эпоха эллинизма. Наибольшее же развитие торговля древности получила в Древнем Риме I в. до н. э. –II в. н. э., так как в это время рабовладельческий спо-

Арриана, совершившего по повелению императора Адриана, в 134 г. плавание вдоль Восточного побережья Черного моря для проверки боеготовности расположенных там римских укреплений (Апсар, Фасис, Себастополис). Ознакомившись с положением дел в крепости Фасис, Арриан в своем кратком перипле о дальнейшем пути к Себастополису, в частности, сообщает: «Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариент (Приятную) … от Хариента, проплыв еще 90 стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и стали на якоре. А почему мы остановились и что здесь сделали, это объяснит тебе латинское письмо». (Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. Вып. XIX–XXX. 1947–1949. С. 396). По единодушному мнению исследователей (Л. А. Ельницкий, В. В. Латышев, М. П. Инадзе, Ю. Н. Воронов) р. Хариент следует отождествлять с р. Хопи, реку же Хоб – с рекой Ингур. Теперь обратимся к вопросу о том, чем же занимался в устье Ингура правитель Каппадокии? На этот счет существуют различные предположения. Одни ученые полагали, что Арриан предпринял строительство нового укрепления и связывали его с упоминаемым Клавдием Птолемеем в этом районе городом Неаполисем, другие предполагали, что он занялся организацией добычи золота (см.: ВДИ. №1. 1948. С. 269. Примеч. 5). Второе предположение, считает, например, М. В. Агбунов, мнение которого мы разделяем, представляется более вероятным. (Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. – М., 1987. С. 77). Ведь строительство нового укрепления трудно было удержать в секрете. Да и особой необходимости в этом не видели. О таком мероприятии вполне можно было написать в официальном отчете императору и не посылать специального сообщения. Другое дело – разработка месторождения золота. Такие сведения действительно следует держать в тайне, которая известна лишь узкому кругу лиц. А эта земля издавна славилась обилием золота. Страбон, например, описывая местные племена, сообщает, что «у них потоки сносят золото и, что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур». И энергичный, деятельный Арриан вполне мог организовать здесь добычу золота, так необходимого римской казне». (Агбунов М. В. Указ. раб. Там же).

[1] Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде… С. 35.

[2] Латышев В. В. Известия… // ВДИ. Вып. XIX – XXX. 1947–1949. С. 335.

соб производства и развившееся в его рамках товарное производство достигли расцвета. Этому способствовало также объединение всего Средиземноморья в рамках Римского государства. В тот период получила свое дальнейшее развитие морская торговля, связавшая как различные римские провинции, так и все римское государство с соседними народами [1].

Есть основания думать, что с рассматриваемого времени все более начинают возрастать и потребности Римской империи в бесперебойном снабжении провинции и многочисленных военных гарнизонов, разбросанных по Средиземному и Черному морям. Это требовало не только большего числа керамической тары, но и придание ей формы, максимально приспособленной для морских перевозок. В связи с расширением товарного рынка увеличились объем и количество грузов, перевозившихся морским путем. Экономические и культурные изменения, происходившие в первые века новой эры в рах Romana, не могли не повлечь за собой превращение амфоры из оригинального и индивидуального продукта керамического производства в невыразительную, но удобную и практичную тару. Очевидно, не случайно к IV веку н. э. относится и появление больших керамических сосудов, которые близки по своей форме финикийским «торпедам»[2].

Известно, что Рим ввозил из Индии, в частности, рис, хлопчатобумажные ткани и сырец, пряности, драгоценные камни, жемчуг, слоновую кость и т. п. [3], из Китая – шелк, шелковые ткани, ценившиеся

[1] Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М., 1973. Согласно акад. М. И. Ростовцева, во II – III вв. римское государство, в частности, несло значительную ответственность за экономическое развитие империи. Сам император играл роль гаранта и арбитра экономической жизни. Но император также обладал огромным и все более и более значительным состоянием и это состояние, подчеркивал М. Ростовцев, не могло не оказывать влияния на экономическую жизнь и поведение других агентов хозяйственной жизни. На уровне городов дело обстояло аналогичным образом, впрочем, по мнению Ростовцева, города весьма заботились о торговле, которую вели их граждане. Они были заинтересованы в процветании торговцев из-за налогов, таможенных сборов и пошлин. (См.: ВДИ. № 3. 1994. С. 223–229).

[2] Кисельников А. Б. Морские перевозки… С. 192.

[3] В «Перипле Эритрейского моря» упомянуты римские торговцы, постоянно жившие в Индии, т. е. к середине I в. н. э. в прибрежной Южной и Западной Индии сформировались целые колонии греков и римлян, которые достаточно длительное время не покидали Индию, обслуживая прибывавших туда соотечественников. (ВДИ. № 2. 2003. С. 227).

в Риме почти на вес золота. По сообщению Плиния Старшего (I в. н. э.) ежегодно из Римской империи в восточном направлении уходило 100 млн. сестерциев, причем 50 млн. шло в Индию, а вторую половину забирала торговля с Китаем и Аравией[1].

В то же время необходимо подчеркнуть, что в этот период наблюдается пассивность торговли империи со странами Востока (в том числе Кавказа), и поэтому нужны были товары, чтобы устранить ее. Однако Европа не могла почти ничего предложить – ее ремесленные изделия были плохого качества и не пользовались спросом у восточного потребителя. Всем необходимым Восток сам себя обеспечивал. Впоследствии римляне до некоторой степени сумели смягчить торговый дефицит за счет изъятия ремесленной продукции сирийских и египетских мастеров в качестве налогов и последующей ее продажей на Восток.

В первые десятилетия после 115 г. до н. э. китайский шелк еще не дошел до Рима, и торговцы могли доставлять его в больших количествах, по-видимому, только в Переднюю Азию. Только после того, как Гней Помпей появился на территории Ближнего Востока и покорил Сирию (около 64 г. до н. э.) в Рим впервые попал китайский шелк. Из Римской империи в страны Востока и Кавказа шли медь, свинец, узорчатые и расшитые золотом ткани египетского и сирийского производства. Для позднеэллинистического и раннеримского времени мы должны отметить в первую очередь находки краснолаковой восточной сигиллаты, которая, по всей видимости, производилась в Антиохии-

[1] Из суммы, называемой Плинием, вместе с тем неизвестно, сколько уплачивалось в золоте и сколько в серебре. Сестерций здесь употребляется Плинием как счетная единица, тогда как римляне расплачивались с Востоком серебряными денариями и золотыми аурусами. Четыре сестерции составляли один денарий, 100 сестерциев – один аурус; денарий же во времена Плиния содержал 3,1-3,3 г серебра, аурус – 7,4 г золота. Поэтому на вопрос, с каким количеством драгоценных металлов мы имеем дело, ответить трудно, хотя и понятно, что речь должна идти по меньшей мере о многих сотнях килограммов. Более реальное представление о сумме в 100 млн. дают следующие цифры: годовой доход Рима от ее богатейшей провинции – Египта в правление Августа оценивался в 40 млн., а в царствование Нерона – примерно в 400 млн. сестерциев, тогда как оплата дневного труда свободного работника находилась на уровне 8 сестерциев. Словом, 100 млн. сестерциев равнялось четвертой части дани, собираемой римлянами с 7-миллионного Египта.

на-Оронте[1]. В результате исследований установлено ее присутствие и в большинстве городов, как Восточного, так и Северного Причерноморья[2]. Значительным количеством представлены стеклянные сосуды сиро-палестинского производства и на территории Абхазии, причем от раннеклассического до византийского времени[3].

В этом отношении большой интерес вызывает, например, и стеклянный кубок из Санигии (Лоо), нижняя часть тулова которого украшена листообразным орнаментом, а над ним – греческая надпись[4]. Подобные чаши использовались в качестве парадной ритуальной утвари, а время их производства определяется I – первой половиной II в. н. э. Сосуд этот является ярким свидетельством коммерческих связей Северо-Восточного Причерноморья со Средиземноморьем (вероятно, Александрия), откуда он был завезен в Лоо, по-видимому, через Горгиппию – крупный северопричерноморский центр в первые века н. э. [5]. Среди других находок из окрестностей г. Сочи (Красная поляна), позволяющих судить о торгово-экономических связях санигов и вообще Сочи-Адлерского региона с римским миром определенный интерес представляет серебряный кувшин италийского производства, а также найденный в Воронцовской пещере бронзовый, со следами позолоты, ковш с великолепной ручкой, украшенный двумя головками лебедей и орнаментом. На днище его изнутри в центре нанесена пунктирная полоска[6]. Аналогичные бронзовые ковши с головкой лебедя на ручках являются одной из наиболее многочисленных продукций южноитальянских мастерских, особенно Капуи – главного города Кампании. Причем, они в большом количестве найдены не только на Аппенинском полуострове, но почти повсюду на территории Западной Европы. Г. Виллерс считал, что производство ковшей, ручки которых украшались головками лебедя, относятся ко времени правления императора Октавиана Августа, т. е. к началу I в. н. э. [1].

[1] Журавлев Д. В. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск. Вып. XVII. 2007. С. 339.

[2] Там же.

[3] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 76–77.

[4] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 74.

[5] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 74.

[6] Там же. С. 78, 79.

В римское время древние города Абхазии – Себастополис и Питиунт, как предполагает М. П. Инадзе, хотя и стали, главным образом, военно-стратегическими пунктами и городами - крепостями, сумели сохранить свой торгово-ремесленный характер[2]. Об этом могут говорить, например, довольно частые находки в нижних напластованиях Сухумской крепости (построенной римлянами в начале II в н. э.), светлоглиняных амфор с двуствольными ручками косского происхождения датируемых рубежом нашего летоисчисления[3]. (Обломки подобных амфор найдены и в Пицунде)[4]. Помимо средиземноморского (Самос, Пергама, Косс), найдены амфоры южнопонтийского (Синопа) и северопричерноморского изготовления. Однако, наиболее многочисленной, пишет А. Н. Габелия, является местная или изготовленная по импортным образцам продукция[5]. Еще меньше импортной продукции, надо полагать, попадало в этот период в предгорную зону Апсилии. Так, из привозного материала, выявленного в цебельдинских комплексах I–II вв., Ю. Н. Вороновым отмечается лишь наличие бус, поступавших из юго-восточного Средиземноморья через рынок Себастополиса[6]. Да и в самом Себастополисе, как показывает нумизматический материал из Сухумской крепости, не-

[1] Willers H. Neue Untersuchungen über die romische Bronzindustrie von Cfpua und von Niedergermfnia. – Hannover und Leipzig. 1907. C. 24.

[2] Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968. С. 247–254.

[3] Габелия А. Н. Граффити на керамике из Сухумской крепости // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 75–79. Его же. Исследование Сухумской крепости. (Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 134–139. См. также: Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса (Сухума) // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. С. 68; Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг… С. 279–280.

[4] Трапш М. М. Труды. Т. II …. С. 323–324.

[5] Габелия А. Н. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003. С. 68–77. См. также: Хотелашвили М. К. О керамике Сухумской (Севастопольской) крепости (по материалам раскопок 1959 г.) // Материалы научной сессии. Тезисы докладов. – Сухуми. 1961. С. 31–32.

[6] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 85.

многочисленными являются относящиеся к этому времени монеты[1]. Так, из 12 монет, выявленных экспедицией под руководством А. Н. Габелия в Сухумской крепости лишь две относятся к I–II вв. н. э. – это боспорская монета Котиса (45–62) и трапезунтская городская монета с изображением бюста императора Луция Вера (161–169). Остальные 4 монеты выходят за пределы античного мира (среди них – монета Юстина I (518–527), чеканенная в Константинополе, а также монета Юстиниана I (527–565) и серебряные монеты турецкой эпохи и одна монета т. н. европейская, возможно генуэзская)[2]. Приведенные предварительные данные говорят о наличии в I – середине II вв. слабых торгово-экономических связей Себастополиса с внешним миром.

Разумеется, делать категоричные выводы на этот счет исключительно на основе монетных находок преждевременно, так как продолжающиеся и будущие раскопки могут внести коррективы в эту картину. Кроме того, было бы неверно степень торговой активности ставить в зависимость от количества обнаруженных монет. Отсутствие в больших объемах римских монет I – II вв. в Себастополисе может означать, что торговля могла вестись с помощью простого товарообмена, хотя и объем ее в этот период, также, надо полагать, был незначительным.

На бедность вещественными находками культурных слоев Себастополиса второй половины I – третьей четверти II вв. н. э. указывал и М. М. Трапш. Отсюда исследователь делает вывод о «весьма замедленном экономическом развитии города в этот исторический отрезок времени»[3].

Возможно, указанием на то, что в рассматриваемое время Себастополис являлся сравнительно еще не столь значительным торговым местом, является сообщение автора I в. Плиния Секунда о том, что в его время римляне вели здесь свои дела через 130 переводчиков (тогда как, если вспомнить, в эллинистический период в Диоскуриаде для коммерческих сделок пользовались услугами почти 300 толмачей)[4].

[1] Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости… С. 136, 138.

[2] Шамба С. М., Габелия А. Н. Новые монетные находки из Сухумской крепости // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 382–385; Габелия А. Н. Новые материалы из раскопок Сухумской крепости // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 395.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. II …. С. 305–306.

[4] Латышев В. В. Известия древних… // ВДИ. № 2. 1949. С. 291.

С усилением политического влияния Рима, древние города Абхазии и в особенности Себастополис, примерно со второй половины II в. постепенно растет и к III в., по утверждению А. Апакидзе и О. Лордкипанидзе, становится сравнительно крупным торгово-ремесленным центром. Что касается Питиунта, то античные авторы называют его – сперва Страбон «Великим Питиунтом», а затем Плиний Секунд – «богатейший Питиунт». Здесь, действительно, трудно определить какое время имели в виду названные авторы, когда говорили о «великом» или «богатейшем» городе, но по данным археологии в I в. н. э. Питиунт продолжал существовать, как город «среднего» экономического значения: в культурных же слоях этого века, пишет М. М. Гунба, редко встречается краснолаковая посуда[1]. Так же не очень богаты культурные слои II в. н. э., хотя они заметно отличаются от слоев I в. н. э. Таким образом, с этого периода намечаются признаки постепенного экономического оживления Питиунта, достигшее расцвета, как и Себастополис, в III в. н. э. [2].

Разумеется, новый подъем древних городов Абхазии – Питиунта и Себастополиса в значительной степени был связан с мероприятиями римских властей и с превращением их в места дислокации римских гарнизонов[3].

Надо полагать, что не последнюю роль в новом экономическом развитии древних городов Абхазии сыграло то обстоятельство, что они, и в особенности Питиунт, во II–III вв. н. э. (время, являвшееся, вообще, периодом активных связей между Востоком и Западом)[4] и вплоть до IV– начала V в. играл исключительно важную роль, как промежуточный порт в этой торговле, и в частности, на морской дороге между Восточным и Северным Причерноморьем. Исследователи, анализируя сведения Фл. Арриана отмечают, что Питиунт в представлении автора, был транзитным пунктом к тому же довольно значительным[5]. А по сведениям римского историка Плиния, с территории Абхазии в вос-

[1] Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии… С. 116.

[2] Там же. С. 117.

[3] Воронов Ю. Н. Археологическая карта… С. 76.

[4] Бухарин М. Д. Средиземноморско-южноазиатская торговля в III в. н. э. // ВДИ. № 1. 2003. С. 36–43.

[5] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт»… С. 27.

точные страны, и в частности, в Индию, поступали «ценные породы леса», которые обменивались на «слоновую кость»[1].

В аспекте экономических связей Восточного Причерноморья позднеантичного периода немаловажный интерес представляет керамический материал II–III вв., исследованный на поселении Мысхако[2]. Оно расположено к юго-западу от Цесмесской бухты и в античное время являлось крайним юго-восточным укрепленным пунктом Боспорского государства. Среди амфорной тары Мысхакского поселения помимо местных – боспорских, присутствуют амфоры южнопонтийских центров, а также колхидские коричневоглиняные амфоры[3]. В отличие от других боспорских центров, в амфорном комплексе Мысхакского поселения на протяжении всего периода существования этого поселения (с I века до н. э. по первую половину III в. н. э., т. е. до готского вторжения) преобладают колхидские амфоры[4]. Они встречены практически во всех комплексах поселения, составив около 30 – 60 % амфорных фрагментов. При этом преобладают формы с ребром между верхними корнями ручек, которые, как считается, получают распространение на рубеже I–II вв. н. э.[5]. Там же, в закрытом комплексе поселения, выявлены формы амфор II–III вв. В культурном слое выявлена глиняная пробка, обожженная в пламени пожарища, которая, судя по диаметру, могла использоваться для закупоривания колхидской амфоры[6].

Преобладание колхидских амфор на Мысхакском поселении, несомненно, указывает на устойчивые связи жителей этой части побережья (до Горгиппии) с центрами Юго-Восточного Причерноморья. В обмен на колхидские изделия, вино и масло, через Мысхакское поселение, как полагают исследователи, могли вывозиться сырье и рабы[7].

[1] Цит. по: Дзидзария О. П. Морская лексика… С. 6–7.

[2] См.: Вязкова О. Е., Дмитриев А. В., Малышев А. А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. X. 2001. С. 188–213.

[3] Там же. С. 194.

[4] Там же. С. 194, 204.

[5] Вязкова О. Е. и др. Указ. раб. С. 194.

[6] Вязкова О. Е. и др. Указ. раб. Там же.

[7] Там же. С. 204.

Мы уже отмечали, что вне территории современной северо-западной Абхазии – в зоне расселения одной из этнографических групп абхазов – садзов-джиков (Красная поляна) было обнаружено богатое местное захоронение III вв. н. э. Содержавшиеся в нем предметы, и в особенности сасанидское серебряное блюдо, по мнению М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа, возможно, представлял собой трофей, взятый в одной или нескольких войнах Рима с Ираном[1]. Между тем, есть основания думать, что это изделие и другие предметы погребения, скорее могут свидетельствовать о широких экономических и культурных связях санигов с Римом и Боспором (при этом, не исключено, что серебряное сасанидское блюдо могло попасть к санигам через территорию или вдоль берегов Абхазии, преодолев дальний путь из Южного Ирана)[2]. В этой связи считаем нужным отметить, что большинство золотых изделий из другого, уже женского захоронения в Лоо (к западу от Сочи), аналогичны продукции боспорских мастерских начала нашей эры[3].

В этом же погребении найдено свыше 20 золотых пуговок, нашивок, бусин, подвесок, золотые серьги, футляр для иголки, флакон для благовоний, перстень. Здесь же обнаружили упомянутый выше стеклянный сосуд с греческой поминальной надписью, изготовленный в Александрии Египетской, и серебряную застежку, фибулу (подобные булавки были распространены на рассматриваемой территории в III вв. н. э.)[4].

Поступлению импортных изделий в Санигию способствовал известный перевальный путь, шедший от побережья через Воронцовскую пещеру, в обход вершины Ахуц на Красной поляне и далее на Северный Кавказ. Кстати, этот путь сохранял свое торговое значение с раннебронзовой эпохи вплоть до VIII в. н. э., на одном из участков которого в качестве «караван-сарая» для купцов, уходивших в сторону перевалов, использовалась Воронцовская пещера с ее обширными гротами[5]. Там же, на Красной поляне найден и глиняный кувшин, из-

[1] Хотелашвили– Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов… С. 160.

[2] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 82.

[3] Там же. С. 73–74; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 96.

[4] Там же.

[5] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 79; Резван В. Результаты и перспективы… С. 313.

готовленный в апсилийской мастерской IV – V вв., который указывает на реальные связи санигов с апсилами[1]. Исследования могильников III–V вв. в районе Сочи, проведенные например, И. О. Гавритухиным и А. В. Пьянковым, подтверждают мысль о наличии в указанный период тесных торгово-экономических связей населения этого региона с носителями цебельдинской культуры[2].

С начала III в. торговые контакты в Причерноморье, судя по имеющимся материалам, стали переживать упадок, во всяком случае, объем торговли снижается и главной ее статьей становятся обычные товары ежедневного использования. Основная причина кризиса – политическая нестабильность в регионе, что было связано с появлением в это время в степях Северного Причерноморья варварских племен, названных античными авторами готами. Собственно готы, племена германской языковой группы, пришедшие с берегов Балтийского моря, только возглавили большие объединения племен различных этнических групп, в том числе сарматских, аланских и других[3]. Передвижения этих племен нарушили жизненный ритм всех античных центров Причерноморья. Разгромив города северо-западного Понта, они двинулись к Азовскому морю, где та же участь в 40-х гг. III в. постигла город-крепость Танаис, в дельте Дона[4]. Обосновавшись в Причерноморье и Приазовье, готы предпринимают морские походы в отдаленные районы. В 257 г., по сообщению римского историка Зосима, готские пираты (роль самих готов в морских походах, по мнению некоторых исследователей, была незначительна) во второй раз совершили нападение на Питиунт и ограбили его[1] (после чего они отправились в Трапезунд, который был также взят и разграблен ими). Очевидно, что набеги гениохов, а затем и нашествия готов на Питиунт, исключали возможность существования неукрепленного большого торгового города. Это обстоятельство подтверждает сообщение источника о том, что в III в. Питиунт был окружен огромной стеной и имел весьма удобную гавань[2].

Вещественным свидетельством готских походов является тот факт, что среди монет, найденных в верховьях р. Келасур близ Сухума, была обнаружена биллоновая монета, так называемое варварское (готское) подражание денарию Марка Аврелия (три такие же монеты найдены в Пицунде археологической экспедицией)[3]. Учитывая, что указанная монета была найдена совместно со «статерами» Фофорса (273–308) и Рискукорида VI (чеканено в 326 г.) и что, нумизматический материал указывает на довольно интенсивные связи Себастополиса с Боспорским царством, С. М. Шамба считает вполне уместным отнести проникновение этой монеты в глубь территории Абхазии за счет торговых операций Себастополиса[4]. Что же касается походов готов, то, как отмечается в монографии «Античные государства Северного Причерноморья», они для боспорской экономики должны были быть весьма неблагоприятными, так как «были разрушены или разорены все торговые центры, с которыми Боспор еще продолжал поддерживать экономические связи»[5].

[1] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 97.

[2] См.: Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Могильники III–IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. – М., 2003. С. 187–190.

[3] Шелов Д. Б. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1994. С. 20. О вхождении некоторых из аланских племен в меото-сиракскую среду Прикубанья в I – III вв. н. э. свидетельствует таманская надпись, где говорится о наличии на азиатской части Боспора в начале III в. н. э. специальной «коллегии аланских переводчиков во главе с главным аланским переводчиком». (Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья // КСИА. Вып. XLVI. 1952. С. 16).

[4] Болгов Н. Н. Боспор Кимерийский между античностью и средневековьем // ВИ. № 2. 2004. С. 29; Миляева Ю. В. Место и роль кризиса второй-третьей четверти III в. н. э. в социально-экономической и политической истории Боспора Кимерийского // Проблемы истории филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск. 2007. С. 320.

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей… // ВДИ. 1947–1949. С. 707.

[2] Георгика. 1. – Тб., 1961. С. 267; Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии… С. 115.

[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 105.

[4] Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии… С. 67. См. также: Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Подражания денариям Марка Аврелия из Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 43–54.

[5] Так, помимо разграбления городов Причерноморья, готы разорили торговые центры Пропонтиды (совр. Мраморное море) и Эгейского моря, в их числе такие крупные центры, как Афины, Коринф, Эфес, Кизик, Калхедон, Синопа, Гераклея и многие другие. (См.: Античные государства Северного Причерноморья… С. 20). В результате значительного опустошения, произведенного варварами в самом Северном Причерноморье, прекращают свое существование многие малые города, а в крупных

В то же время готское нашествие на Питиунт, как показали исследования, не привело к прекращению его существования как торгового центра[1], не говоря уже о Себастополисе, которого готское нашествие и вовсе должно было мало коснуться. И действительно, как считает Ю. Н. Воронов, опустошительные набеги готов, по-видимому, серьезно не отразились на жизни Себастополиса (упоминания о нем отсутствуют во всех достаточно детальных описаниях событий)[2]. Впрочем, следы какого-то большого пожара, отмеченные вне стен древнейшей крепости Себастополиса в соответствующем культурном слое, возможно, указывают на осаду, во время которой постройки, находившиеся вне основных крепостных стен, были сожжены готами[3].

Интересные результаты в плане отражения походов готов в целом на причерноморскую экономику может дать изучение краснолакового керамического материала из Сухумской крепости. Она представлена типами, характерными, по мнению А. Н. Габелия, для II–V вв. н. э. [4]. Наиболее ранние группы этой керамики автор датирует II–III вв. н. э., а поздние – в пределах VI в. н. э. [5]. Он также считает, что вопрос о центрах производства основной массы краснолаковой посуды из Сухумской крепости является сложным [6]. В то же время, среди краснолаковой керамики Себастополиса (тарелки, миски, чашки, кувшины) «большое место занимают изделия местного производства»[7]. Другими словами, хотя и встречается импортная, но основная масса

городах наблюдаются явные признаки упадка. (Блаватский В. Д. Пантикапей… С. 208–209, 221; Античные государства… С. 20). Данное обстоятельство можно проследить на примере бытования здесь одночленных лучковых подвязных фибул северопричерноморского типа, находки которых в Абхазии редки. (Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 171). Фибулы этого типа, охватывающие по А. К. Амброзу, первую половину III в. н. э., прекращают свое существование в середине и второй половине III в. н. э. с разгромом северопричерноморских городов готами и их союзниками. (Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. –IV в. н. э. // САИ. Вып. Д I- 30. – М., 1966. С. 95).

[1] Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978. С. 79.

[2] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 83.

[3] Там же.

[4] Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости… С. 136.

[5] Габелия А. Н. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости… С. 74.

[6] Там же.

[7] Там же.

краснолаковой керамики Сухумской крепости II–III вв. н. э., по А. Н. Габелия, изготавливалась на месте, т. е. в Себастополисе[1] (что может свидетельствовать о развитии местного керамического ремесла). Эта категория краснолаковой посуды (II–VI вв. н. э.), вместе с тем, имеет свои аналогии в Северном Причерноморье[2]. Однако, трудно пока судить, являются ли они экспортом в Северное Причерноморье, ибо сделанные на сегодняшний день наблюдения еще не дают возможности сделать окончательные выводы, а потому изучение краснолаковой керамики Себастополиса, как справедливо полагает А. Н. Габелия, пока не может быть окончательно решенным[3].

Исследователь пицундской краснолаковой керамики К. И. Бердзенишвили в свое время также считал, что «вопрос о производственном центре краснолаковой керамики, найденной в Пицунде… большей частью не поддается определению». Это обстоятельство автор объясняет тем, что основные и известные малоазийские центры производства краснолаковой керамики к концу II и III вв. приходят в упадок. Вместе с тем, отмечают исследователи, «краснолаковая керамика III в. и особенно IV–V вв., которая в большом количестве найдена в Пицунде, а также в Северном Причерноморье, резко отличается как по своим формам, так и по качеству «лака» и характеру глины от известных нам изделий малоазийских центров первых веков н. э. »[4]. Изучение орнаментальных мотивов и техники исполнения некоторых краснолаковых тарелок и блюд, изготовленных в Себастополисе во II–VI вв., в то же время, привело ученых к выводу о том, что они аналогичны краснолаковым орнаментальным блюдам, найденным в Пантикапее, Фанагории, что должно указывать на их экспорт в Северное Причерноморье из Абхазии[5].

В связи с вопросом о краснолаковой керамике можно еще отметить, что краснолаковые миски, блюда, кувшинчики с ребристыми ручками из Себастополиса также датированы М. М. Трапш II–III вв., а орнаментированные тарелки и блюда (с изображением животных и

[1] Габелия А. Н. Исследование… С. 136.

[2] Габелия А. Н. Краснолаковая керамика… С. 69–73.

[3] Габелия А. Н. Краснолаковая керамика… С. 74.

[4] Цит. по: Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии… С. 63.

[5] Там же. С. 108–109.

растений) из Себастополиса аналогичны тем, которые часто встречаются в Илурате, Мирмекии, Ольвии и датируются, как и там II–III вв. н. э. [1]. Определенная часть черепков краснолаковой керамики, представленной в Сухумской крепости, – отмечал далее М. М. Трапш, – по характеру глины и покрытию лаком происходит, видимо, из Пергама и Самоса[2].

В начале IV в. н. э., судя по материалам из Северо-Восточного Причерноморья, кажется, происходит некоторая стабилизация экономического и политического положения в причерноморском регионе, а затем наступает и ее новый подъем. В освещении же торгово-экономических связей позднеантичной Абхазии в IV в. важное значение имеет выявленная в Себастополисе и Питиунте керамика, преимущественно синопского производства. Она состоит из краснолаковой посуды, амфор, чаш-лютериев (для омовения рук или мытья посуды). Часть выявленных амфор имеет желобчатую или рифленую поверхность, желтокоричневого или ярко красного цвета. Появление густого рифления на амфорах с помощью гребенчатого шаблона относится к IV в. н. э., а широкое применение этого приема – к V –VI вв. [3].

Чрезвычайно интересной статьей импорта являются десятки стеклянных кубков, стаканов и рюмок различной формы, хорошо представленной, например, в Себастополисе[4]. Среди них стаканы с

[1] Книпович Т. Х. Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА. № 5. 1941; Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса… С. 68; Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 245. Среди материалов, характеризующих культурные и экономические связи древней Абхазии во II–III вв. н. э. следует отметить застежки-сюльгамы кольцеобразной формы, со спирально свернутыми в противоположные стороны концами, с подвижной иглой, изготовленные из круглопроволочной бронзы. (Трапш М. М. Труды. Т. III. – Тб., 1973. С. 169–170). Застежки-сюльгамы, имеющие сходство с цебельдинскими, найдены в Нижнем Поволжье. (Там же). По мнению М. М. Трапш, это свидетельствует о культурных связях древнекавказских и сарматских племен с населением Волго-Камского района (Там же).

[2] Там же.

[3] Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса… С. 68.

[4] Сорокина Н. П. Стеклянная посуда IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 158. 1979. С. 61, 63; Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса… С. 73–74; Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 341–342.

округлыми стенками, с усеченно-конусовидными формами, конические кубки и др., подразделяющиеся на несколько групп. Так, в первую группу стеклянной посуды входят сосуды, украшенные каплями синего цвета. Во вторую - сосуды с рельефной поверхностью. Третья группа характеризуется применением стеклянной нити, которая обвивает сосуд. Посуда четвертой группы орнаментирована вдавлениями. Пятая группа – это гладкостенные сосуды. Сосуды первой группы, пишет Б. М. Гунба со ссылкой на Н. П. Сорокину, изготовлялись от начала IVв. до первой половины V в. [1]. Среди них поздними считаются сосуды с сотовидным орнаментом без каннелюр. Сосуды третьей группы опоясаны стеклянной нитью и датируются IV–V вв., четвертой – IV в. и пятой – IV– V вв. [2]. Если исходить из такой датировки стеклянной посуды, – считает Б. М. Гунба, –то получается, что уровень жизни Себастополиса в IV – V вв. не уступал уровню I – III вв. [3].

Вышеназванная стеклянная посуда изготовлялась в восточных провинциях Римской империи – Египте, Палестине, Сирии, а также могла привозиться из Северного Причерноморья (Пантикапей, Фанагория). Не исключено, что образцы стеклянной посуды могли быть доставлены и из Западной Европы, о чем, например, говорят сосуды из прозрачного стекла с синими напаями, широко распространенные в мастерских на Рейне (Кельн и др.)[4].

Особенно много было обнаружено здесь изделий из стекла, главным образом, из Константинополя[5], где производили химическое

[1] Гунба Б. М. Указ. раб. Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. С. 140; Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде // МАГК. Вып. III. 1963. С. 72–73; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 76–77.

[5] Следует отметить, что Константинополь как столица Восточно-Римской империи уже со второй половины IV в. переживает бурный подъем. Он становится главнейшим в державе ромеев пунктом обмена, «огромным торговым рынком» Средиземноморья, на котором встречались изделия Востока и Запада и куда поступало наиболее ценное сырье и отборные ремесленные изделия со всей империи. (См.: История Византии. Т. 1. – М., 1967. С. 110; Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах: Византия, Константинополь, Стамбул. – М., 1981. С. 38).

стекло, используя привезенную соду Северного Причерноморья, и щелочное сырье, поступавшее из нижнеднепровских озер[1].

В работе «Тайна Цебельдинской долины» Ю. Н. Воронов со ссылкой на Н. П. Сорокину, относил стеклянные изделия Апсилии к IV–VII вв. В статье же «Археологические древности и памятники Абхазии… » большинство известных с рассматриваемой территории стеклянных сосудов датируются V – VI вв. [2].

Возвращаясь к находкам из Сухумской крепости, следует отметить, что здесь исследованиями А. Н. Габелия в 2005 г. также выявлено значительное количество стеклянной посуды, в основном прозрачного цвета (обломки – ножек от рюмкообразных сосудов, вогнутых донышек от стаканов, горлышек кувшинов и т. д.)[3]. В целом, предварительный анализ материала из Сухумской крепости показывает, что Себастополис, по мнению А. Н. Габелия, во II–V вв. поддерживал экономические отношения не только с внешним миром, но и устанавливал связи с Цибилиумом и Питиунтом[4].

Значительное расширение экономических и культурных связей Себастополиса и, в частности, древней Цебельды, – отмечал Ю. Н. Воронов еще ранее, – происходит во второй половине IV в., что было обусловлено вторжением в Северное Причерноморье гуннских племен. Именно тогда в Цебельду впервые поступает стеклянная посуда, появляются первые краснолаковые изделия, новые типы фибул и пряжек северопричерноморского облика, а также римские фибулы[5];

[1] Шамба С. М. Гюэнос – 1… С. 53–54; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). – Сухум. 2002. С. 107, 204.

[2] Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники… С. 340–341.

[3] Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости… С. 136.

[4] Там же.

[5] Фибулы, служившие для скрепления одежды, выявлены в цебельдинских могильниках в большом количестве. Они представлены разными сериями и вариантами подвязных застежных булавок. (Подробно см.: Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 170 –189). В Цебельде найдены также редкие, неместные формы фибул, представленные в некрополе Абгыдзраху. К ним относится фибула типа «АВЦИССА». (Там же. С. 188–189). Фибула – шарнирная с пластинчатым корпусом, передний конец ее дужки загнут в трубочку и удерживает ось, на которой укреплена игла; тупой конец иглы имеет специальный выступ: упираясь на корпус фибулы, выступ придает игле пружинчатость и удерживает его в застегнутом положении. Спинка фибулы с трехреберчатой полоской, ограниченной со стороны двумя продольными желобками. Указанная фибула входит в погребальный комплекс относящийся ко времени не позднее второй половины IV в. н. э. (Там же) Наиболее многочисленные фибулы этого типа встречаются в Европе. Но ареал их распространения значительно широк (Италия, Галлия, Испания, Рейнские провинции, Англия, Паннония, Дакия, Малая Азия, Месопотамия (Дура – Эвропос – 13 экземпляров). Местом изготовления таких фибул считается Галлия или Северная Италия, причем все известные фибулы этого типа, в основном, датируются I в. н. э. (Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР… С. 26). Учитывая вышеизложенное, указанная фибула, видимо попала в Цебельду через солдата одного из римских гарнизонов, стоявших на побережье Абхазии, или через торговцев, обслуживавших гарнизоны в позднеантичную эпоху. (Трапш М. М. Указ. раб. С. 189).

еще больше увеличивается приток бус, ввозятся перстни[1]. С этого времени, по замечанию Ю. Н. Воронова, – привозные изделия, и в особенности посуда, начинают занимать в быту апсилов прочное место[2]. Да и «рынок самого Себастополиса должен был привлекать апсилов, сбывавших здесь свою сельскохозяйственную продукцию…»[3].

В то же время, исследователи отмечают, что во II–V вв. н. э., жизнь в древнем Сухуме часто менялась и не было стабильной ситуации[4]. Если во II–III вв. н. э., как отмечают Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев, замечается нарастание темпов жизни населения, то в IV в, утверждают они, жизнь в Себастополисе постепенно замирает[5].

Но этому выводу противоречит хотя бы факт открытия М. М. Трапш в 1959 году на набережной магистрали Сухумской крепости крупной обжигательной гончарной печи[6]. Отсюда вполне очевидно, что если бы городская жизнь в Себастополисе затухала в IV в. н. э., тогда вряд ли, как справедливо замечает Б. М. Гунба, могли соорудить такую мощную гончарную печь[7]. Кроме того, тезис о постепенном упадке жизни в Себастополисе в IV в., не увязывается с вышеприведенными, хотя и предварительными результатами раскопок Сухум-

[1] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 141, 142.

[2] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 94.

[3] Там же. С. 88.

[4] Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса… С. 70.

[5] Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса // СА. № 3. 1960. С. 177.

[6] Подробнее см.: Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.… С. 247–252.

[7] Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса… С. 71.

ской крепости, проведенный экспедицией под руководством А. Н. Габелия[1]. С последним согласуется и заявление А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, которые, также утверждают, что культурный слой IV–V вв. на территории Сухумской крепости «дал материал…свидетельствующий об интенсивной экономической жизни…»[2].

Заметим так же, что многочисленные импортные изделия IV в. н. э. исследованы и М. М. Трапш в цебельдинских могильниках. Среди них выделим, например, тарелки (на поверхности которых местами сохранились следы красного лака), имеющие сходство с римскими; стеклянную посуду (кувшины, кубки, рюмкообразные сосуды, бальзамарий)[3]; железные ножницы первой половины IV в. н. э. ; круглопроволочные бронзовые и железные пряжки, широко представленные на территории распространения черняховской культуры (Украина, Молдавия)[4] и др.

Для характеристики внешних связей позднеантичной Абхазии важное значение имеет нумизматический материал. Он показывает, что наибольшее число монет обращалось в приморских городах Абхазии. Эти монеты со II в. н. э. в основном происходят из Трапезунда, что неслучайно, ибо благодаря своей географической близости к Колхиде и тесной связи с внутренними районами Малой Азии, Трапезунд играл значительную роль в восточной политике Рима. Многочисленность медных монет Трапезунда конца II– первой половины III в. н. э. объясняется также тем, что в конце II в. складывается союз 10 приморских городов (Синопа, Амис, Трапезунд, Себастополис и др.) – Понт Каппадокийский с одним из центров в Трапезунде[5]. Поэтому трапезундская монета становится основным платежным средством

[1] Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости… С. 136.

[2] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 122.

[3] Среди археологического материала из стекла интересен бальзамарий, выявленный М. М. Трапш в некрополе Абгыдзраху. Он изготовлен из полупрозрачного зеленоватого стекла, с шарообразным туловом, высоким горлом и отогнутым наружу венчиком (диаметр горла 1,6 см), вогнутым дном. По мнению исследователя, бальзамарий служил для хранения духов. Судя по найденным вместе с бальзамарием серебряным сережкам, копоушке и зубочистке, он относится ко времени не позднее рубежа IV – V вв. н. э. (Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 63, 128, 142).

[4] Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 138, 139–142, 163, 165.

[5] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 82–83.

в данном регионе. В дальнейшем начинается увеличение количества антиохийских монет на пицундском рынке, что особенно становится заметно к началу IV в. н. э. [1]. Это обстоятельство объясняется непосредственными контактами двух раннехристианских центров – Антиохии и Питиунта[2].

Религиозные и культурно-экономические взаимоотношения указанных центров определяются не только по нумизматическим материалам. В этой связи, безусловно, заслуживают большого внимания наблюдения проф. Л. А. Мацулевича о сходстве Питиунтских и Антиохийских мозаичных декоративных мотивов[3]. Эту идею поддерживает и питиунтское стекло, обнаруженное при раскопках города и завезенное в свое время из Сирии[4].

Необходимо также отметить, что торговые связи в данном случае с городскими центрами Малой Азии способствовали поступлению в Питиунт синопских амфор и вообще малоазиатских образцов краснокрашенной керамики[5].

Свидетельство об активных торговых связях древних абхазов можно найти у римско-византийских авторов, которые отмечали, что местное население (апсилы и абазги) находилось в постоянных экономических связях с проживавшими в Понте римлянами[6], находя в такой торговле большую выгоду[7].

Так что, нет сомнения в том, что в римское время местные жители были вовлечены в политическую и экономическую жизнь причерноморского региона, а города-крепости Себастополис и Питиунт,

[1] Шамба С. М. Монетное обращение… С. 72, 116.

[2] Шамба С. М. Монетное обращение… С. 116.

[3] В то же время, один из исследователей пицундской мозаики Г. А. Ломтатидзе (несмотря на утверждения некоторых авторов (Н. Ломоури) о том, что пицундская мозаика имеет аналогии в Грузии) указывает, что мозаика эта отличается не только от грузинских мозаик, но и от раннехристианских византийских и обнаруживает сходство с херсонесской V– VI вв. (См.: Очерки истории Грузии. Т. 2. – Тб., 1973. С. 209).

[4] Цухишвили И. А. Клад позднеримских монет из Пицунды // ВП. Т. II. – Тб., 1977. С. 302–303.

[5] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт»… С. 96.

[6] См.: Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1984. С. 29–30.

[7] Агафий. О царствовании Юстиниана. – М., 1953. С. 73.

являлись не только пунктами пребывания римских воинов, а также политическими, культурными и торгово-экономическими центрами для аборигенного населения[1], но и пунктами установления экономических связей с внешним миром.

Вполне могло быть и так, что пребывание римских войск на Кавказском побережье, влияло на развитие местного сельского хозяйства, а также поощряло местных земледельцев выращивать пшеницу и другие культуры на продажу[2]. Товарообмен между римлянами, местным населением и пришлыми торговцами – солью, рабами, зерном, кожей, текстилем, вином и другими товарами – мог сам по себе способствовать возникновению торговых поселений. Высказывалось предположение, что такие поселения существовали в Питиунте и Себастополисе: местные же правители могли рассчитывать на получение выгод от такого процветания[3].

В то же время, роль посредника между центрами Малой Азии, северо-восточным Причерноморьем и местным населением, пишет О. Х. Бгажба, играла купеческая прослойка, имевшаяся в римских крепостях[4].

В этой связи примечательным является выявленный в Себастополисе на участке гр. Одинец, в слоях сторожевой башни конца II в. н. э. один из четырех глиняных светильников (по-абхазски ашьандал) местной работы.

[1] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт» Археологические раскопки в Пицунде… С. 23–33; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум … С. 26–95; Шамба С. М. Гюэнос – 1… С. 20–133; Федотов В. В. Историческая география северо-восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. – М., 1996. С. 77–78.

[2] Браунд Д. Римское присутствие… С. 44.

[3] Там же. Что же касается римского налогообложения народов Восточного Причерноморья, то здесь вновь необходимо принять во внимание точку зрения Д. Браунда о том, что Рим не облагал дружественных ему царей прямыми налогами, но рассчитывал воспользоваться бывшими в их распоряжении ресурсами, получая выплаты натурой и товарами (которые могли включать в себя и монету), а также несением службы. (Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде… С. 45–48). Цари, перешедшие на сторону Рима только после завоевания, могли выплачивать дань более регулярно. Но даже и они, по-видимому, не обязаны были делать это постоянно, но скорее всего вносить оговоренные суммы в течение установленных сроков. Эти выплаты могли быть и натуральными, включая зерно, которым, например, расчитывались Антиох во II в. до н. э. и маркоманны при Комоде.

[4] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 79.

Светильник лежал в слое IV–V вв. [1]. Он был снабжен древнегреческой надписью следующего содержания: «Странник, поклоняйся владыке Гермесу – Меркурию ради спасения»[2]. С учетом того, что Гермес и Меркурий являлись охранявшими путешественников божествами торговли, соответственно греков и римлян, Г. К. Шамба полагает, что светильник принадлежал проживавшему в Себастополисе греческому или грецизированному местному (гениохийскому?) купцу, которому приходилось разъезжать по чужим странам[3].

Данный вывод Г. К. Шамба, как и приведенное выше мнение О. Х. Бгажба, должны соответствовать действительности в том смысле, что среди военных и торговцев-жителей римских поселений в Себастополисе и Питиунте, вполне могли быть и местные купцы.

Развитие экономики позднеантичной Абхазии, и в частности, ее городских центров, как и во все времена, в значительной степени определялось ее положением по отношению к торговым путям. Отражением торговых связей позднеантичной Абхазии с восточными провинциями Рима (Византии) является и, например, тот факт, что на римской дорожной карте (т. н. Tabula Peutinderiana), составленной во второй половине IV в. географом Касторием, отмечены и те пути, которые проходили по территории Абхазии. Один такой путь шел с юга Причерноморья вдоль восточного берега Понта и доходил до Себастополиса. Далее этот же путь проходил вдоль р. Кодор и через перевал выходил к бассейну р. Кубань[4]. Такое направление торгового пути наглядно иллюстрируется цебельдинским материалом, особенно раскопками древнего могильника в Ахаччарху, где представлены изделия из Малой Азии и вообще Южного Причерноморья, позволяющие утверждать безусловную ориентацию торговых связей населения позднеантичной Абхазии на юг[5].

Тесные торговые взаимоотношения с малоазиатскими центрами, как показывает керамический материал из Пицунды, Цебельды, не

[1] Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 43; Т. II …. С. 349.

[2] Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике // Труды АИЯЛИ. Т. XXVIII. – Сухуми. 1957. С. 228.

[3] Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 71, 112.

[4] Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970. С. 76–77; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 195.

[5] Шамба Г. К. Ахаччарху… Там же.

исключали связей с античными городами Северного Причерноморья: здесь в частности, также представлены херсонесские и боспорские амфоры[1]. В то же время, ряд выявленных на территории Абхазии железных и бронзовых изделий на предмет того, привозные они из Северного Причерноморья или местного производства, вызывает у исследователей взаимопротивоположные интерпретации. Например, происхождение наиболее распространенных видов украшений – железных и бронзовых фибул, Ю. Н. Воронов также связывает с северопричерноморскими центрами. По его мнению, «отсюда заимствована форма наиболее ранних лучковых подвязных одночленных фибул, характеризовавших Цебельду во II – IV вв. »[2]. «Та же зависимость, – пишет Ю. Н. Воронов, – прослеживается и в отношении серег. Они были заимствованы из Северного Причерноморья в конце II – начале III вв. и, постепенно трансформируясь, сохранялись до второй половины VI в., когда получили распространение иные, кольцевидные формы»[3]. Однако, этому выводу противоречит заявление М. М. Трапш, который утверждал, что цебельдинские серьги «отличаются от синхронных серег известных из других районов Кавказа и на Северном Причерноморье»[4]. С мнением последнего согласен М. М. Гунба, который в свою очередь считает, что цебельдинские серьги являются не привозными, а связаны с местной культурой[5].

В то же время вряд ли стоит подвергать сомнению факт поступления в Цебельду в IV в. прогнутых «лебяжинских» фибул, возникших на Боспоре в результате проникновения туда черняховских элементов[6]. А. К. Амброз полагает, что появление их в Абхазии связано с северокавказским влиянием[7]. Что же касается нумизматической

[1] Собственно цебельдинские амфоры, как по общей идее, так и в конкретных деталях создавались на основе общепричерноморских амфор с перехватом. Ранние цебельдинские амфоры (первая половина V в.) и ряд кувшинчиков местного производства имеют характерный вертикальный венчик, связанный с аналогичным оформлением изделий позднеримского времени. (Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 85–86).

[2] Воронов Ю. Н. . Тайна Цебельдинской долины… С. 85.

[3] Там же.

[4] Подробнее см.: Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 194.

[5] Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии… С. 34, 68.

[6] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 85.

[7] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 85.

стороны взаимоотношений Цебельды и Питиунта с Северным Причерноморьем, то они почти отсутствуют; культурные слои Питиунта этого времени представлены лишь одной монетой III в. и одной IV в[1]. Это явление обычно связывается с вторжением в Боспорское царство готов, а затем гуннов. Хотя некоторые исследователи, исходя из сообщения автора IV в. Свиды, упоминающего Питиунт в качестве «местечка», делают вывод о том, что после походов готов, Питиунт приходит в упадок»[2], однако, уже со второй половины III в. Питиунт характеризуется вообще значительным количеством монет[3]. А это говорит, очевидно, о том, что город сравнительно быстро оправился от готского нашествия (весьма возможно, благодаря поддержке римских властей). Что же касается IV в., то, как убедительно показано А. М. Апакидзе, Питиунт в этот период представлен монетами наиболее богато: было найдено более 500 монет и клад из 310 единиц[4]. Это один из ярких показателей нового экономического подъема Питиунта и оживления торговых связей с римским миром[5].

Но нельзя отрицать факта, что к концу IV в. Питиунт испытывает упадок, что некоторые авторы, как сказано, увязывают с нашествием на Боспор гуннов[6], однако, это, утверждают А. М. Апакидзе и О. Д.

[1] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт»… С. 93, 97.

[2] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 112.

[3] Анчабадзе З. В. История и культура… С. 198–199.

[4] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 198–199; Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи… С. 413– 429; Апакидзе А. М. «Великий Питиунт»… С. 98.

[5] Уместно здесь же вспомнить, что Питиунт являлся одним из первых опорных пунктов, откуда в раннефеодальную эпоху распространялось христианство, как в Абхазии, так и в других областях Кавказа. Именно в это время – в первой половине IV в. (325 г.) – питиунтский епископ Стратофил, присутствовал на первом Вселенском Никейском церковном соборе.

[6] Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде // МАГК. Вып. IV. 1965. С. 120–121. В результате гуннского нашествия (от которых Абхазию спасли Кавказские горы) прекратила свое существование т. н. черняховская культура, бытовавшая, как считает большинство исследователей, в III – IV вв. Возможно, об определенных связях черняховцев (карпо-даков, германцев, сармато-алан, славян и др.) с древними абхазами через Северное Причерноморье (очевидно, главным образом, морским путем), свидетельствует, например, типологическая и технологическая близость некоторых черняховских железных кузнечных изделий, бронзовых украшений (фибул, пряжек) с синхронным инвентарем цебельдинской культуры. (Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 106. См. также: Петров В. П. Письменные источники о

Лордкипанидзе, не относится к Севастополису, где и в V в. в большом количестве встречаются как импортная краснолаковая керамика, так и местные ее подражания, местная кухонная посуда и т. д. [1].

Да и в самом Питиунте городская жизнь не была полностью прекращена: здесь хотя и в сравнительно малом количестве встречаются и импортные изделия, и монеты V в. Судя по нумизматическим находкам, – пишет А. М. Апакидзе, – в культурных слоях Питиунта, наиболее бедно и невыразительно представлен именно V в.: десяток византийских монет – Аркадия, Феодосия II и его супруги Евдокии, безусловно, не дают основания предположить существование значительных торгово-экономических сношений этого города с внешним миром[2]. Однако, делать на этом основании вывод о слабости внешних связей и вообще отсутствия в Питиунте в рассматриваемое время римского гарнизона вряд ли можно, поскольку аналогичная закономерность отмечена и в отношении других провинций империи, например, в Паннонии (на территории современной Венгрии), где с конца IV в. прослежен переход на использование старых монет[3]. Поэтому, считает Ю. Н. Воронов, не исключено, что какая-то часть монет IV в., выявленных в Питиунте, должна характеризовать денежное обращение V в. [4]. Таким образом, несмотря на, возможно, ограниченный характер торгово-экономических сношений «Великого Питиунта» с Византией в V в., надо полагать, правы те исследователи, которые в большинстве своем считают, что в отличие от боспорских городов, которые после нашествия готов и гуннов не смогли восстановить свою былую силу и значение, древнеабхазские города, и в особенности Питиунт, дает картину общего подъема городской жизни[5].

Хотя в Абхазию в этот период попадали товары и из Крыма, но импорт шел главным образом из Трапезунда, откуда и большинство

гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 67–73).

[1] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Мацне. № 3. – Тб., 1965. С. 144.

[2] Апакидзе А. М. «Великий Питиунт»… С. 20–21; Цухишвили И. А. Византийские монеты «Великого Питиунта» // ВП. Т. II. – Тб., 1977. С. 333–334.

[3] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 169–170.

[4] Там же.

[5] Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде… С. 118–119. См. также: Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 169–170.

монет IV в. Нужно еще отметить, что амфоры культурных слоев IV–V вв. Цебельды, Ахаччарху, Пицунды и Севастополиса также имеют преимущественно малоазийское (самосское) происхождение[1]. Это сосуды с перехватом в средней части тулова, коническим дном, вертикальным венчиком, реберчатыми плечами и придонной частью, аналогичные которым известны из Археополиса (Нокалакеви), и Западного Причерноморья (Томы, Истрия, Варна)[2].

В последние века поздней античности причерноморские города Колхиды, по мнению М. П. Инадзе, переживают значительное хозяйственно-эко-номическое оживление, а в V–VI вв. ремесленное производство, по мнению ряда археологов, занимая определенную роль в хозяйстве городов, уже главным образом обслуживало местный городской рынок. Так, анализируя материалы исследования Себастополиса, Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев делают вывод о том, что уже в начале V в. на территории древнего Сухума жизнь постепенно стала клониться к упадку, и внутри крепостных стен совершаются погребения, указывающие на то, что укрепление в какой-то мере потеряло свое значение[3]. В свою очередь и М. М. Трапш считал, что «в конце V в. н. э. город Севастополис утратил свое прежнее значение как торговый центр. На исследуемых участках Сухумской крепости, – писал он, – нет соответствующего культурного слоя, который мог бы говорить об обратном»[4]. Между тем, помимо цитированных выше А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе, которые, повторимся, утверждают, что материалы IV–V вв. н. э. из Сухумской крепости говорят об интенсивной экономической жизни Себастополиса указанного времени[5], обильный импортный материал Себастополиса V – VI вв. был выявлен и раскопками М. М. Гунба в 1981 г.[6]. Богатейший и разнообразный археологический материал не только из Себастополиса,

[1] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 87–88; Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)… С. 340.

[2] Там же.

[3] Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса… С. 177.

[4] Трапш М. М. Раскопки древнего Севастополиса… С. 253.

[5] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы… С. 222.

[6] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 168.

но и Питиунта содержал большое количество импортных узкогорлых амфор, краснолаковой керамики, стеклянных изделий[1].

Если обнаружение амфор можно еще объяснить тем, что в них доставлялись вино и оливковое масло для римских гарнизонов, то вряд ли можно полагать, чтобы всю эту высококачественную и соответственно дорогостоящую краснолаковую керамику, а также стекло использовали римские солдаты, кроме того, едва ли предназначалась для них вся масса амфор – ведь в крепостях Себастополис и Питиунт находилось всего по 500 легионеров[2]. Поэтому покупателями и потребителями краснолаковой керамики, стеклянных сосудов и перевозимых в них благовоний, а также части продуктов, доставляемых в амфорах, были, несомненно, зажиточные слои местного населения (которые, как мы имели уже возможность показать, с эпохи эллинизма активно включаются в городскую жизнь). Наличие местного элемента в городских центрах подтверждается и находками достаточного количества аборигенных изделий: амфор, многообразной кухонной керамики и т. д. [3]. (по утверждению М. М. Трапш, местные «апсило-

[1] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса… С. 219–223; Голенко К. В. Монеты из находок в Сухумской крепости // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 254–257; Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В. Пицундские амфоры // ВП. 1. С. 256–273; Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. – IV в. н. э. // ВП. 1. С. 413–429. Что же касается совр. Очамчыры, то следует заметить, что с 1980 гг. и по настоящее время его научное изучение как памятника культуры позднеантичной Абхазии, в силу разных причин (и в первую очередь, в связи с грузино-абхазской войной 1992-1993 гг.) фактически не проводилось. Здесь же можно отметить, что в III–VII вв. на развалинах греческого Гюэноса находилось небольшое поселение предков абхазов, связанное с существовавшей здесь стоянкой римско-византийских кораблей. (Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии… С. 119).

[2] Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // ВДИ. № 2. 1969. С. 85; История Абхазии… С. 55, 56.

[3] Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса… С. 123; Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений «NOTITIA DIGNITATUM» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. Т. 46. 1986. С. 59–74. Среди многочисленной посуды, IV–V вв. н. э. выявленной М. М. Трапш в цебельдинских могильниках, интересна найденная в некрополе Алраху чернолощенный сосуд с выпуклым низким туловом, широкой слегка уширяющейся кверху горловиной, плоским дном, с ручкой овально-округлого очертания. (См. Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 136–137). Аналогичные сосуды – кружки известны из верховьев Кубани и из других пунктов Северного Кавказа (сел. Кенже, Кумбулта и т. д.). Описанная кружка очевидно попала в Цебельду из Прикубанья, связи с которым население древней Абхазии осуществляло через Клухорский перевал. (Там же).

абазгские» элементы в III – IV вв., уже составляли основу населения Себастополиса. Данный вывод, однако, был бы более или менее убедительным если бы Трапш дал сведения о процентном соотношении импортной, позднеримской, изготовленной на месте и собственно «апсило-абазгской» керамики[1], хотя она и не может дать полной и ясной картины).

Таким образом, приведенный материал еще раз отражает как степень интенсивности, так и масштаб сношений местного населения в V в. н. э., в данном случае, с малоазийскими центрами, хотя ряд исследователей, как отмечено, и считает, что в этот период все же происходит ослабление внешних торгово-экономических связей и вместе с ним городское хозяйство постепенно принимает относительно замкнутый характер. Отдельные авторы отмечают значительный упадок городской жизни и с началом раннесредневекового периода[2].

Приведенные высказывания все же, очевидно, не лишены основания, так как для V в. и начала VI в. действительно характерно общее ухудшение внешнеэкономического положения, а на общественной жизни Западного Закавказья и Абхазии этого времени должны были отражаться, главным образом, общие процессы социально-экономического и политического кризиса позднеантичного рабовладельческого общества и складывания феодального способа производства. С другой стороны, означенный период характеризуется активным противостоянием Византии и Ирана за преобладание в Закавказье. Однако в этот переходный период, судя по источникам, мгновенного случая упадка местных городов, в первую очередь Себастополиса и Питиунта не наблюдается: они долгое время сохраняли свое былое хозяйственно-экономическое и культурно-политическое значение. Поэтому имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют полностью согласиться с утверждениями о большом упадке городской жизни и вообще внешнеторговой деятельности, например, применительно к территории исторической Цебельды.

[1] Трапш М. М. Труды. Т. 2… С. 362.

[2] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 204–205.

Более того, согласно Ю. Н. Воронову, археологические материалы, относящиеся именно к тому периоду, дают возможность проследить различные направления экономического и политического развития Цебельды. По его мнению, в V в. в Апсилии местные керамические мастерские и кузницы стали изготавливать больше продукции, выросло поголовье скота, были освоены новые сельскохозяйственные территории[1]. Есть основания предполагать, что достаточно высокий уровень ремесленного и сельскохозяйственного производства цебельдинцев этого времени[2], был ориентирован не столько на удовлетворение внутренних потребностей, сколько на экспорт. В этом нас убеждает и тот факт, что в V в. в местное производство, по замечанию Ю. Н. Воронова, внедряется такая специфическая античная тара, как амфоры[3], которые предназначались специально для морских перевозок[4]. Кроме того, производившиеся древними абхазами амфоры, были приспособлены и для вьючной транспортировки на Северный Кавказ, что является единственным в Причерноморье случаем такого рода[5]. Следовательно, развитие изготовления амфор возможно было только с наступлением известного экономического благополучия, делавшего возможным вывоз сельскохозяйственных продуктов. Можно было бы предположить, что эта же причина вела к сокращению импорта в Цебельду из городов Малой Азии и Византии. Но для этого, конечно, необходим подсчет количества привозной тары, что на материалах Абхазии и, в частности, позднеантичной и раннесредневековой Цебельды, к сожалению, пока еще не проводилось.

В обмен на сельскохозяйственную и ремесленную продукцию в Цебельду в это время поступает, например, много бытовых вещей, посуды[6], а еще с середины V в. н. э. увеличивается приток сердоликовых и янтарных украшений (но еще не многочисленными остают-

[1] Воронов Ю. Н. . Тайна Цебельдинской долины… С. 145.
[2] Там же. С. 143.
[3] Там же.
[4] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 87.
[5] История Абхазии… С. 47.
[6] Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг…. С. 262–272; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 219.

ся изделия из египетского фаянса)[1]. Особый интерес представляют многочисленные и довольно разнообразные по материалу импортные бусы, которые, в основном, и носили в ту эпоху апсилийские женщины[2]. Стеклянные бусы, видимо, поступали из вышеуказанных римских провинций – Египта, Сирии, а также Финикии[3]. Янтарные бусы указывают, по всей вероятности, на древние связи с территорией нынешней Украины, где в ряде мест бассейна р. Днепра обнаружены месторождения янтаря[4]. В античный период янтарь широко использовали для всевозможных поделок, облицовки внутренних помещений парадных зданий, им украшали мебель.

Большинство сердоликовых бус (вишнево-розового цветов выявленных в Абгыдзраху) импортировались на Кавказ из Передней Азии, Восточного Средиземноморья и Индии, за исключением, возможно, бус из красно-коричневого сердолика, так как сердолик такого цвета нередко встречается в Абхазии в виде окатанных галечек (М. М. Трапш).

В инвентаре погребений памятников позднеантичного времени Цебельды найдены довольно многочисленные раковины-каури, которые ввозились сюда, как считает Ю. Н. Воронов, из южных районов Средиземноморья[5] (раковины-каури почти всегда встречаются также в позднеантичных памятниках Причерноморья и Кавказа). В массовом количестве они начинают появляться уже с начала I тыс. до н. э. [6] и применялись в качестве бус. На Переднем Востоке раковинам

[1] Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)… С. 344.
[2] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 59, 60–64. Бусы, как известно, являются одной из наиболее массовых и чрезвычайно информативных категорий находок на могильниках большинства археологических культур эпохи железа. Они свидетельствуют не только о торговых связях, но и об уровне развития ремесла, эстетических представлениях и других сторонах жизни древних обществ. Все чаще бусы используются, как датирующий материал. В большей степени это относится к бусам из погребальных памятников и закрытых комплексов античных и раннесредневековых городов. (См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. – М., 1975. С. 10).
[3] Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок… С. 271. Его же. Труды. Т. III… С. 204.
[4] Там же.
[5] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 82.
[6] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. С. 207.

придавалось магическое значение и поэтому они встречались там то в виде вставок-символов на скульптурных изображениях божеств, то в виде закладок в фундаменты храмов, то в виде священных украшений[1]. Раковины-каури играли до недавнего времени у многих народов роль мелкой разменной монеты. В античное время раковины-каури, как показывают материалы позднеантичных памятников Абхазии, например, и Южной Осетии, не только не утрачивают свое апотропейное назначение, но и становятся дорогими украшениями. По предположению В. В. Кропоткина, морские раковины-каури, находимые на территории Восточной Европы, привозили сюда по транзитным караванным путям из Средней Азии и Закавказья, куда, в свою очередь, раковины-каури попадали с берегов Индийского океана и Средиземного моря[2].

В продолжение связей древней Абхазии в интересующее нас время, можно отметить, например, найденную М. М. Трапш в некрополе Абгыдзраху, двучленную круглопроволочную со сплошным пластинчатым приемником фибулу, украшенным на конце завитком[3]. Аналогичные фибулы в большом количестве обнаружены на территории Северной Осетии[4]. Оттуда она попала, очевидно, в Цебельду.

К концу поздней античности относятся и некоторые женские украшения, выявленные в Юго-Восточной Абхазии в 80-х гг. прошлого века[5]. Так, в Очамчырском селище были найдены импортные золотые ажурные серьги[6]. Очевидно, к этому же времени относятся золотые серьги «величиной с лесной орех с подвеской на цепочке», а также золотое кольцо, найденные в с. Река у храма Джгеранабаа[7]. Правда, у нас нет данных о центре производства этих изделий, как и нет материала, подтверждающего распространения этого вида украшений на всей территории древней Абхазии, поскольку находка подобных серег в

[1] Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. – Ереван. 1977. С. 83; Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия… С. 50.

[2] Цит. по: Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия… С. 50.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. III …. С. 188.

[4] Там же.

[5] Шамба С. М. Гюэнос – 1… С. 54–55, 60.

[6] Там же.

[7] Трапш М. М. Труды. Т. IV. – Сухуми. 1975. С. 198.

Юго-Восточной Абхазии, насколько нам известно, является пока что единственной. Поэтому трудно судить, носило ли их проникновение в регион торговый характер. Возможно, внести ясность в этот вопрос могут некоторые импортные серебряные серьги этого периода из Цебельды, которые по оформлению сходны с северо-кавказскими и южно-кавказскими[1].

Привозными могли быть, как считают Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, обнаруженные в Цебельде, три золотых серьги с сердоликами и подвесками, грузики которых украшены снизу пирамидками зерни[2]. Особую группу цебельдинских украшений составляют височные подвески или серьги с крупным сердоликом в серебряной оправе. Наиболее ранний экземпляр таких подвесок вместо сердолика был инкрустирован разноцветным стеклом. Это, пишут Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, пока единственный образец такого рода украшений в Причерноморье, привезенный в Цебельду из более южных районов[3].

Для украшения головы в конце IV – начале V вв., апсилийские женщины использовали фибулы-брошки, скреплявшие волосы на затылке[4]. Одна из таких брошей была выложена тремя сердоликами, оправленными в серебро. На двух сердоликах оказались вырезанными фигуры богинь Фортуны -Тюхе и Виктории, всадника и преследующей его колесницы, которую влекут несколько коней, подстегиваемых возницей – Гелиосом. Эти инталии, считают авторы, выдающиеся произведения позднеримской глиптики, изготовленные где-то в малоазийских мастерских и ранее в комплексах Восточного Причерноморья не встречавшиеся[5].

В могильниках Цебельды позднеантичного времени представлены бронзовые, реже серебряные и золотые браслеты. Если в эпоху поздней бронзы браслеты на территории Цебельды встречаются довольно редко, то уже в античное время они получают широкое распространение, представляя одну из ведущих категорий украшений, причем в отличие от эпохи бронзы, в период позднеантичного времени они но-

[1] Трапш М. М. Труды. Т. III …. С. 193–194.

[2] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 60.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. раб.

сились только женщинами. Все браслеты, выявленные М. М. Трапш в некрополях Абгыдзраху, Ауахуамаху и Алраху, которые мы относим к импортным, – проволочные с диаметром сечение 3-6 мм[1]. Найдены шесть основных типов браслетов[2]. Тип I. Браслеты с разомкнутыми концами, иногда утолщенными или расплющенными, украшенными гравированным орнаментом, состоящим из тонких поперечных надрезов и насечек. Аналогии им известны из Северного Кавказа, Прикубанья, Крыма. Тип II. Браслет с утоньшенными разомкнутыми концами. Тип III. Браслет с приплюснутыми пирамидками в разомкнутых концах, изготовленный из золотой проволоки, крученной в средней части и гладкой с нарезными елочными дорожками в концах. Подобный браслет известен из Северной Осетии, Крыма. Тип IV. Браслеты с заходящими друг на друга концами, завязанными в 3–4 оборота в одном или в двух местах. Аналогии имеются в Северной Осетии, Прикубанье, Боспоре. Тип V. Браслет из серебряного дрота с заходящими друг на друга утоньшенными концами, украшенными местами тонкими надрезами. Тип VI. Браслет с концами, снабженными застежкой в виде петли и крючка[3]. Такие браслеты представлены в памятниках центральной части Северного Кавказа, Боспора[4].

Большой популярностью среди древних цебельдинок пользовались наборы бронзовых косметических инструментов в виде двух подвешенных к колечку стерженьков с лопаточкой и плоским острием[5]. Подобные инструменты, появившись на Ближнем Востоке еще в III тыс. до н. э., получили широкое распространение лишь в эпоху Великого переселения народов (Германия, Крым, Северный Кавказ и др.). У Цибилиума найдено и единственное на территории Апсилии металлическое зеркало, датируемое V веком[6]. Его лицевая сторона отполирована до зеркального блеска. Стерев ладонью глину, мы, пишут Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, «увидели в нем свои лица – первые лица после той женщины и ее родных»[7].

[1] Трапш М. М. Труды. Т. III… С. 189–191.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 60–64.
[6] Там же. С. 64.
[7] Там же.

На обороте зеркала имеется петля для подвешивания, вокруг которой нанесен орнамент в виде расходящихся от центра лучей[1]. Подобные зеркала были широко распространены в тот период в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, поэтому авторы полагают, что оно попало в Цебельду с севера через перевалы[2].

К этому же времени, очевидно, следует отнести найденный, например в гагрском могильнике целый ряд золотых серебряных и бронзовых украшений, в том числе предметы которыми пользовались тогдашние гагрские модницы: бронзовые зеркальца, серебряный набор туалетных инструментов, остатки серебряной амулетницы, бусы из агата и другие украшения[3].

Таким образом, частично приведенный выше материал о женских предметах украшений подчеркивает чрезвычайно плодотворные непосредственные или через посредство соседей отношения древних абхазов в позднюю античность с Северным Кавказом, Северным Причерноморьем, Передней и Малой Азией, Северной Африкой, Прибалтикой и т. д. При этом все перечисленные украшения, как считают Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, попали на территорию древней Абхазии в результате торговли по наиболее удобному транскавказскому перевальному пути, шедшему от Себастополиса через Цебельду на Северный Кавказ.

Территориальное соседство абхазских народностей с зихами как бы заранее предполагает возможность наличия между ними различных, причем постоянных связей в древности и средневековье. Хотя, очевидно, сегодня еще недостаточно материалов, чтобы делать окончательные выводы о характере связей населения Краснодарского Причерноморья со своими юго-восточными соседями, тем не менее, имеющиеся материалы со всей очевидностью указывают на наличие таких связей в позднеантичное и раннесредневековое время. Так, среди инвентаря

[1] Там же.
[2] Там же. О некоторых примерах обратного поступления импортной продукции из Цебельды на Северный Кавказ в IV –V вв. см. напр.: Бетрозов Р. Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик. 1987. № 3. С. 21.
[3] Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абхазии и Санигии II – VII вв. // Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1978. С. 54–55.

III–VII вв. из могильников северо-восточного Причерноморья, прежде всего, обращают на себя внимание одночленные фибулы-броши с пластинчатым корпусом и крупные двучленные лучковые фибулы с расширенной ножкой[1]. К ним примыкают крестовидные фибулы с подвязанным или приклепанным к корпусу приемником[2].

Наиболее близкие аналогии зихским фибулам-брошам известны в погребениях цебельдинской культуры[3]. Однако, если корпуса зихских фибул – одночленные с дуговидным пластинчатым корпусом – изготовлены из серебра и из посеребренной бронзы, то корпуса цебельдинских брошей изготовлялись в основном без использования серебрения. Это обстоятельство может свидетельствовать о происхождении одной застежки из могильника Бжид[4] (на территории расселения зихских племен) не из собственно цебельдинских мастерских, а из приморских городских центров Апсилии или соседних регионов, так как секреты серебрения были известны только узкому кругу мастеров-ювелиров, проживавших не во всех городах римско-византийского мира[5].

Крупные двучленные лучковидные фибулы сегодня также известны в цебельдинских памятниках: кроме того, именно здесь встречаются крестовидные фибулы с аналогично орнаментированными спинками[6]. Сказанное дает основание отнести лучковидные фибулы, бытовавшие у населения краснодарского Причерноморья к абхазскому импорту, в силу редкости таких фибул в памятниках зихов[7]. Абхазские же фибулы относятся к IV– началу V вв. [8].

К предметам цебельдинского происхождения, ученые относят и единственную находку на территории Зихии – двухспиральной подвески, датирующейся по инвентарю в пределах последних десятилетий III–первой половины IV в. [1]. Изготовленная из бронзовой проволоки, она имеет небольшие размеры – 2,15 х 2 см. Подобные подвески небольших размеров характерны для цебельдинских памятников, начиная с III в. н. э., впоследствии они увеличиваются в размерах[2].

[1] Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 297.

[2] Там же. см. более подробное описание фибул.

[3] Воронов Ю. Н. Захоронения женщин с брошами в могильниках Апсилии (Абхазия) // МАИЭТ. Вып. VI. – Симферополь: Таврия. 1994. С. 173–183.

[4] Пьянков В. А. Указ. раб. С. 298.

[5] Там же.

[6] Воронов Ю. Н. Захоронения женщин с брошами…Там же.

[7] Там же.

[8] Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. – Тб., 1982. С. 88

В конце позднеантичной эпохи (в V в.) наиболее тесные связи древней Абхазии с римским, а затем и византийским миром попрежнему поддерживались через Себастополис. Местный рынок быстро отзывался на все изменения материальной культуры, характерной для Причерноморья. Через Себастополис в Цебельду продолжает поступать стеклянная и краснолаковая посуда[3], украшения общепричерноморского характера (средиземноморские раковины для ожерелий и др.). Воины использовали римские мечи из дамасской стали, метательные топоры – франциски[4]. В целом, подводя некоторые итоги вышеизложенному, можно еще раз констатировать, что появление постоянных опорных пунктов римских войск на Абхазском побережье, в которых сосредотачивались военные и гражданское население, с одной стороны требовали постоянного притока всевозможных товаров, а с другой – давали гарантию безопасности на морских и сухопутных дорогах. Это способствовало сложению экономических связей, при которых купцы могли рассчитывать на выгодные това-

[1] Там же. С. 302.

[2] Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II–IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. № 1. 1979. С. 197–198.

[3] Воронов Ю. Н. . Тайна Цебельдинской долины… С. 143.

[4] Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.)… С. 22. Интересно отметить, что по-абхазски «дамасская сталь» называется «афрангь» (т. е. французская). Возможно, это название можно связать с топорами – франциски или более поздними франкскими мечами «из дамасской стали». Ведь еще в IX в. франкские мечи попадали к Черному морю и дальше. Франкские короли несколько раз даже накладывали эмбарго на экспорт этого оружия, так оно ценилось на Востоке. Стоимость хорошего меча приравнивалась к стоимости слона. По-абхазски дамасский меч даже воспринимается не как меч, а просто острый, как «афрангь» (афрангь иаюызоуп). Интересно также отметить, что узор на дамасских клинках называется джоуджар. Такое же название аналогичного узора мы имеем на абхазских тканях аджоухар. В городе Дамаске, когда после нашествия Тимура дамасские мечи исчезли, название узора также осталось и перешло на роскошные персидские ткани (см.: Бгажба О. Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии) // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985. С. 74–77).

рообороты в Себастополисе и Питиунте[1]. Кроме того, расширение торговых связей и вообще значительность обращения товаров между римскими войсками и древними абхазами, несомненно, было связано с увеличением спроса на местные продукты питания в связи с необходимостью снабжения римских войск.

Следует наконец заметить, что дислокация римских войск на территории Абхазии вообще несла с собой все элементы римской культуры: от монументальной оборонительной архитектуры, планировки укреплений, строительной техники до организации общественного и личного обслуживания[2]. Основными же носителями и распространителями римской культуры среди окрестного древнеабхазского населения, были, несомненно, состоятельные представители местной знати.

[1] Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV –V вв. и хронология цебельдинских могильников… С. 62–63.

[2] Доклад проф. А. С. Башкирова 9 октября 1925 г. «К археологии Абхазии» (Текст и примечание подготовил О. Х. Бгажба // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. С. 182; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 29–40, 75–86, 104, 142, 145 и др. Его же. В мире архитектурных памятников Абхазии… С. 10, 39, 144 –147; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 21–22, 23, 25–26, 38–39, 54 –67. См. также: Казанский М. М., Мастыкова А. В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.) // Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011. С. 102–116.

ГЛАВА III.
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В VI – X ВВ.

В первой половине VI века на Кавказе столкнулись интересы торгового капитала двух мировых империй – Византии и Сасанидского Ирана. Территория Западного Кавказа, в том числе Абхазии, также оказалась ареной ожесточенной борьбы этих государств.

Именно в рассматриваемое время византийская торговая корпорация в Константинополе получила на откуп право монопольной торговли с Колхидой, причем купцы так сильно занизили цены на покупаемое сырье и рабов, и так подняли цены на предметы своего экспорта, что население призвало в 542 г. персов, использовав в помощь последним союзных алан и савиров, чтобы избавить страну от владычества Византии[1]. Иранские правящие круги, в свою очередь, хорошо осознавали какое большое значение имеет для них обладание территорией Абхазии. Сразу же после того, как был прерван «вечный мир», военные действия между Византией и Ираном возобновились. Узнав, что персидский шах Хосрой задумал овладеть Абхазией, византийцы разрушили главный экономический центр Восточного Причерноморья – Себастополис[2], а также Питиунт. Торговые связи Абхазии с Византией были прерваны, что, очевидно, должно было вызвать серьезное недовольство представителей местной знати (абазгов, апсилов), связанное с расходами на войну, а также попытками их вытеснения из морской торговли и ограничением экономических связей[3].

[1] История Византии. Т. 1. – М., 1967. С. 332–334; Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Апсилии и алан // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 33.

[2] Гунба Б. М. Сухум раннесредневековой эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 50.

[3] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 200.

Спустя тринадцать лет побережье Западного Кавказа вновь оказалось под полным контролем Византии, а крепости в Себастополисе и Питиунте были восстановлены и туда возвращены византийские гарнизоны.

В средние века одну из ведущих позиций в экономических связях между странами Дальнего Востока и Центральной Азии с Византийской империей занимала торговля шелковыми тканями и шелкомсырцом. Они были наиболее удобны для транспортировки на дальние расстояния, поскольку шелк легок и очень ценен – в Европе его продавали дороже золота[1]. Торговля шла по знаменитому «шелковому», или Великому торговому пути (термин Л. Н. Гумилева), о котором так много написано в истории.

В IV–VI вв. этот товар поступал в Византию через Иран, имевший большой доход с транзита шелка. Во второй половине VI в. изменение политической ситуации и закрытие Сасанидской империей прохода торговых караванов с шелком через свою территорию, вызвало поиски обходных путей. В этой связи Византия, стремясь обойти Иран в торговле шелком, выбрала не контролировавшийся персами путь, который начинаясь в Китае, пролегал через Среднюю Азию и низовья Волги к Северному Кавказу, и далее через абхазский перевальный путь выходил в Апсилию к Черному морю[2].

Более сорока лет назад А. А. Иерусалимская впервые обосновано реконструировала постоянно действующий обходной рукав Великого шелкового пути, назвав его «Северокавказским»[3].

Миссию военачальника и чиновника Соттериха 554 г., можно считать одним из начальных этапов попыток освоения транскавказского пути привычным для юстиниановской политики способом: передав охрану перевальных путей местным дружественным племенам[4].

[1] Особая полезность одежды из шелка в древности и в средневековье, как известно, состояла в ее дезинсекционных свойствах. У нити тутового шелкопряда уникальная гигиеническая способность отпугивать вшей, блох и др. членистоногих, не давая им гнездиться в складках одежды. А это при повсеместной, порой чудовищной антисанитарии прошлых веков было буквально спасением для обладателя шелкового платья.

[2] Великий шелковый путь: Грузоперевозки . http://gruzovoz. com; Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. № 3. 1987. С. 176.

[3] Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. № 2. 1967. С. 227; Ковалевская В. Б. Даринский путь… С. 33.

[4] Там же.

В 568 г. запланирована была вторая попытка – проверка действием, причем с севера на юг.

Известно, что владетель алан Саросий дружелюбно принял византийского посла Зимарха, но посоветовал римлянам воспользоваться при возвращении Даринским путем[1], а не Мисимианским. Повидимому, более привычной была дорога через Мисиминию, но на ней близ Свании (Сванетии) находилась персидская засада. Чтобы отвлечь внимание последней, Зимарх направил по мисимианской дороге десять носильщиков с шелком, которые как бы ему предшествовали.

Зимарх же, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию[2] (это сообщение, кстати, говорит и о том, что шелк оставаясь главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических отношениях Византии).

Возможно, одним из этих путей два несторианских монаха в своих полых посохах тайно вывезли из Азии в Европу грены шелковичного червя, что может являться ярким примером первого «промышленного шпионажа»[3].

Большинство исследователей в настоящее время увязывают Даринский путь с важнейшим и наиболее легко проходимым перевалом Западного Кавказа – Клухорским, а дорогу – с Военно-Сухумской[4].

В качестве транспортного средства для перевозки шелка использовались не только верблюды (кости и останки которых встреча-

[1] Menandri. Fragmenta // Historici graeci minores. – Lipsiae. Vol. II. Fr. 21.

[2] Византийские историки (Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриции, Менандр, Кандид, Нонос и Феофан Византиец). – СПб., 1894. С. 383–384; Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. – Анакопия-Новый Афон. 2011. С. 52. Из Апсилии Зимарх на кораблях отправился в Фасис и, наконец, прибыл в Трапезунд. Отсюда на общественных лошадях приехал в Константинополь, где доложил императору о своем путешествии. (Византийские историки…Там же; Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003. С. 21).

[3] История Византии. Том 1. Глава 10. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана. http://historik. ru/books/item/f00/s00/z0000047/st018. shtml: Великий шелковый путь: формировавние и развитие . http://referat. ru/referats/view/8880: Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь. Там же.

[4] См. выборку цитат в кн.: Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 85, 205, 206, 209, 218, 224 и сл. ; Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь… С. 21–25. См. также: Каминская И. В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ. № 49. 1988. С. 201–204.

ются в районах прохождения древних караванных путей с Востока в Европу)[1], но также лошади, мулы, ослы, а на некоторых участках груз людям проходилось нести на спине[2]. Товар, доставленный к кавказским перевалам, затем перекладывали на абхазских вьючных лошадей[3] (один такой вьюк, перевозимый на спине животных, весил 200–250 кг).

О важности Западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути, шедших из Индии и Китая в Европу, и вообще показателем знакомства стран Востока с Абхазией, говорит, очевидно и факт того, что в индусских, например, преданиях часто встречаются легенды о Кавказе, в частности об Абхазии[4]. Существование Западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути подтверждают и археологические материалы, в первую очередь фрагменты византийских, среднеазиатских (согдийских) и китайских шелков, «золотоподобная латунь» из урочища Мощевая Балка на Северном Кавказе[5] и бусина с китайскими иероглифами («император») времен династии Суй (VI в), найденная в одном из женских апсилийских захоронений Цибилиумского могильника, т. е. на трассе Даринского пути[6]. Согласно А. А. Иерусалимской, на Северном Кавказе абсолютно преобладают согдийские шелковые ткани и почти полностью отсутствует шелк иранского производства. У с. Хасаут и в урочище Мощевая Балка обнаружено свыше двухсот фрагментов шелка[7]. Наибольший интерес вызвала находка в одном из могильников фрагментов приходно-расходной «книги» с записью – «120 монет 10-й месяц 4-й день продал», – которая принадлежала китайскому купцу, по-видимому, там же похороненном. В VI в. н. э. в Согде было освоено шелководство и шелкоткачество и уже с конца VI в. н. э., а по некоторым данным и раньше, тюркские правители Согда начали поиск рынков сбыта продукции шелкоткачества[1]. Что касается территории собственно Абхазии, то в письменных источниках применительно к эпохе раннего средневековья, отсутствуют какие бы то ни были сведения о торговле абхазским шелком и, кроме того, в древнеабхазских могильниках не выявлены шелковые фрагменты.

[1] Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. IX. 2000. С. 152.

[2] Бухарин М. Д. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации (E. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.). 2002 //ВДИ. № 2. 2004). С. 226.

[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 122.

[4] См. газ. «Советская Абхазия. 27 октября 1934 г. .

[5] Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. С. 161–162.

[6] Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии… С. 76. Его же. Тайна Цебельдинской долины… С. 82; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 121.

[7] Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути». . . С. 71.

Приведенные свидетельства о поступлении указанных товаров восточного импорта (дальнейшие поиски, возможно, выявят такие новые предметы и на территории Апсилии), указывают на факт их попадания на Северный Кавказ и в Цебельду в основном, надо полагать, в результате торговых контактов местного населения на Северном ответвлении шелкового пути. Хотя, не менее важную роль в этом процессе играли иные механизмы приобретения товаров и в первую очередь товарообмен и обмен подарками, или их попадание на территорию по обе стороны кавказского хребта в качестве платы за пропуск караванов через свою территорию и за конвоирование в пути.

По Даринской дороге поступали не только шелка, но самые разнообразные товары, перечислить которые вообще невозможно (товары по Великому шелковому пути шли, как известно, в основном с востока на запад). Здесь торговали фарфором, мехами, рабами (особенно женщинами), металлическими изделиями, пряностями, благовониями, лекарствами, лучшей бумагой, слоновой костью, породистыми лошадьми, драгоценными камнями[2]. В данной связи интересно найденное в районе Кунгура (на территории Согда) византийское блюдо. Изображения на нем, несомненно, сделаны византийскими торевтами, что удостоверяется штампами византийских мастеров. Блюдо это было, бесспорно, изготовлено в Византии во второй четверти VI в. Вместе с тем на нем имеется три врезанных слова согдийским бухарским письмом: «государь Бухары такой-то». Надпись, по палео-

[1] Там же. С. 72.

[2] Петров А. М. Великий шелковый путь. – М., 1995. С. 47.

графическим данным, относится к концу VI– началу VII в. [1]. Следовательно, уже через непродолжительное время это блюдо попало по западнокавказскому ответвлению шелкового пути через Апсилию в бухарский Согд. К вещественным следам торговли по Даринскому пути относятся также найденные в средневековых городах Средней Азии – Самарканде, Мерве, Таразе, Андижане, Ташкенте – византийские золотые монеты VI–VII вв. н. э. и подражания им[2].

В то же время функционирование вообще самого Великого шелкового пути и в период его наивысшего расцвета, как установлено, происходило путем безденежного товарообмена[3].

В связи с исключительным значением Северного транскавказского отрезка Великого шелкового пути для местных народностей, заслуживают самого пристального внимания данные лингвистов по этимологии названия пути – Даринский. В. И. Абаев увязал это название со словом «dari», обозначающим «шелковую ткань»[4], сохранившимся в дигорских сказаниях и современных осетинском, кабардинском и вайнахском языках и восходящим к персидскому «darai» – «шелковая ткань»[5].

Северокавказский «шелковый путь», как сказано, связывал в раннем средневековье «западный мир» (Византию и страны Средиземноморья) со Средней Азией и Дальним Востоком. В качестве сопутствующего явления на отдельных участках этой трассы возникали, естественно, и более локальные торговые контакты между населением гор и равнин по обе стороны Кавказского хребта. В числе статей этой «ближней» торговли через Клухор были, в частности, импортируемые на Северный Кавказ с юга: самшит из Абхазии и слитки высокоцинковистой латуни (по мнению А. А. Иерусалимской, главным

[1] Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. – Душанбе. 1989. С. 313, 327, 328.

[2] Буряков Ю., Вульферт Эм. Ф. Торговля и предпринимательство Средней Азии в раннем и развитом средневековье…

[3] Бухарин М. Д. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации (E. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.) 2002… С. 226.

[4] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. – М. –Л., 1958. С. 345.

[5] Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии… С. 34.

образом из районов юго-восточного Причерноморья, где античные авторы локализуют моссиников – изобретателей этого сплава)[1].

Отмечая исключительно важное значение «Даринского пути» для подъема благосостояния апсилийских поселений, и, вообще, наличия позитивных культурно-экономических связей между Северным и Южным Кавказом, нельзя в то же время не сказать о том, что дорогой через Клухор совершались набеги на прибрежную Абхазию северокавказскими горцами и кочевниками Предкавказья, приносившими неисчислимые беды материальной и духовной жизни апсилов. По этому поводу Ю. Н. Воронов писал: «Если апсилийские кувшины, найденные по ту сторону Клухорского перевала, вблизи Теберды, можно объяснить экономическими связями, то такой же кувшин из богатого погребения представителя кочевнической знати под Нальчиком, скорее всего, служит иллюстрацией успешного набега, произведенного через Цебельду еще в IV веке»[2]. В первой половине VI в. эти набеги с целью захвата добычи и пленников (что являлось для кочевников своего рода видом «присваивающей экономики»), «стали проводиться ежедневно. И, прежде чем добраться до византийских центров, кочевники грабили и уничтожали население по пути. Каждый набег через перевалы оборачивался для апсилов пожарищами и другими бедствиями»[3].

[1] Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь» как фактор связей гор и равнин в эпоху раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. (Аннотации). – Тб., 1984. С. 43–45. По замечанию А. А. Иерусалимской «ближняя» торговля здесь все же была более доминирующей для районов Северного Кавказа, располагающихся к востоку от Клухорского перевала, что видно по материалам аланских раннесредневековых могильников Северной Осетии, которые свидетельствуют, прежде всего, о тесных контактах с нынешней Грузией. При всем том, представленный на Северном Кавказе иранский импорт (сасанидские серебряные сосуды, геммы, монеты и др.) носит по преимуществу престижный характер, и механизм его появления здесь, возможно, был иным и, во всяком случае, менее прямо связанным с торговыми контактами. (Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь»… С. 44–45).

[2] Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 241–242.

[3] Там же. Вряд ли, однако, можно при этом полностью согласиться с мнением, что всякая опасность грозила апсилам только со стороны Северного Кавказа. М. М. Гунба, например, считает, что иноземные захватчики в действительности, приходили в Апсилию чаще с юго-востока. (Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии… С. 33). В самом деле, территория Апсилии в течение многих веков служила дорогой различ-

Дорога через Клухор VI – VIII вв. охранялась рядом укрепленных мест, среди которых одной из основных звеньев оборонительной системы была Цабальская (Цебельдинская) крепость[1], построенная, как и большинство местных укреплений в преддверии персо-византийской войны за Западный Кавказ (середина VI в.) в целях обороны перевальных путей[2]. По мнению исследователей Келасурская или Великая Абхазская стена, кроме того, что защищала Южную Абхазию от набегов северокавказских кочевников, обеспечивала безопасность той мировой торговой дороги, которая с Востока и Средней Азии шла в Европу[3].

При этом сторожевые башни Абхазской стены, вдоль которой, как считают, «пролегала благоустроенная дорожная трасса», могли использоваться в качестве складов товаров при почтовых перевозках[4]. «Абхазский путь» (или «дорога в Абазу»), как он называется в некоторых документах, функционировал и в последующие века, например, в зрелое средневековье. В связи с чем вызывает интерес старинное

ных народов двигавшихся преимущественно, как об этом свидетельствует древняя и средневековая история Западного Кавказа, с юго-востока на северо-запад.

[1] Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования крепости в Цебельде // Археологические открытия 1977 г. – М., 1978. С. 478; Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAVCASUS» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 50–51. В связи с Клухорским путем, следует еще отметить, что эта дорога всегда играла большую роль в международных связях Северного Кавказа. Значение Клухорского пути особо возросло во время византийско-персидских, а затем арабо-хазарских войн, когда он неоднократно использовался как для дипломатических, так и военных предприятий. Так, по сообщению Моисея Каганкатваци, в конце 20-х гг. VIII в. арабский полководец Джахар через Абхазию два раза вторгался в Хазарию (очевидно, через Клухорский перевал). (Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959. С. 92). О том же походе, правда без упоминания Абхазии, под 724–725 гг. сообщает и арабский автор IX в. Якуби. (Якуби. История. Перев. П. К. Жузе. – Баку. 1927. С. 7).

[2] Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V – XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. . . С. 338.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. IV. – Сухуми. 1975. С. 150. Согласно этнографическим материалам, абхазские старожилы до недавних пор сохраняли воспоминания о том времени, когда дороги в Абхазии пролегали в основном только вдоль морского берега и по подножью гор (мҩас иҟаз ахәцеи агаҽеи ракән). Нужно в то же время отметить, что ряд исследователей (Т. Н. Берадзе, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба) относит строительство Келасурской стены к позднему средневековью (XVII в.).

[4] См. также: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962. С. 8.

название пункта у Южного приюта, который сваны называют «абхазская таможня»[1]. Определенным указанием в пользу сказанного служит мнение А. А. Иерусалимской, по которому, западно-кавказские племена «видимо, получали определенную мзду «за перевал», а также за коней: греческий историк VI в. Прокопий сообщает, что путникам приходилось тут менять лошадей[2]. Согласно В. Б. Ковалевской, «… кавказские перевалы контролировались с севера в VIII в. аланами, а в XIX в. родственными абхазам абазинами…»[3]. По данным персидского историка Балами, арабы заключили специальное соглашение с теми племенами Кавказа, которые владели перевалами. Эти племена освобождались от дани, но брали на себя обязательство охранять дороги и препятствовать вторжениям врагов халифата[4]. На огромное значение в исторической жизни Северо-Западного Кавказа Клухорского пути указывает и тот факт, что ряд ученых, одной из причин переселения кабардинцев из Прикубанья на Северный Кавказ в XIV в., называют их стремление перехватить «торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ»[5].

Вторым важнейшим путем из Абхазии на Северный Кавказ в раннем средневековье являлась дорога из Питиунта по р. Бзыбь через Псху и Санчарский перевал. Важную роль издавна играл также путь на Санчар от Себастополиса по ущелью р. Гумста. Оживленное движение купеческих караванов по этому пути зафиксировано в «Хронографии» Феофана для начала VIII в. [6]. В зависимости от местных климатических условий и военно-политических обстоятельств роль Клухорского и Санчарского перевалов могла меняться, и сообщение шло по наиболее доступному и безопасному перевалу[7]. Что касается

[1] Маан О. В. Пути сообщения Абхазии с Северным Кавказом // XLVIII Итоговая научная сессия (11–13 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2004. С. 35–36.

[2] Иерусалимская А. А. Кавказ на Шёлковом пути. Каталог временной выставки. // СПб: 1992. 72 с. ;Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 209.

[3] Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984. С. 135; Тхайцухов М. С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухум. 1992. С. 49; Ковалевская В. Б. Дарийский путь и связи Византии, Апсилии… С. 32–34.

[4] Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. С. 177.

[5] Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов… С. 137.

[6] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 199.

[7] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. С. 102.

Марухского перевала, расположенного между Клухорским и Санчарским путями, то он, по мнению некоторых авторов, наряду с другими перевалами функционировал и в раннем средневековье[1]. Однако Марухский перевал, согласно И. Стебницкому, обследовавшему горное Прикубанье в середине XIX в. «никогда не может быть надежным и удобным сообщением»[2]. Вследствие того, что этот путь является ледниковым и опасным, в древности и средневековье он, очевидно, не функционировал.

Вплоть до VIII в. сохранял свое торговое значение и известный с древности перевальный путь, который шел от побережья через Красную поляну и Воронцовскую пещеру (в окрестностях г. Сочи) на Северный Кавказ. А Воронцовская пещера в то время должна была играть роль «караван-сарая». Данный путь, проходивший, таким образом, через территорию проживания санигов, способствовал поступлению в ее среду множества богатых импортных изделий (среди которых археологи отмечают сасанидское серебряное блюдо, различные золотые украшения)[3].

Характеризуя экономические связи раннесредневековой Абхазии и Византии, для большей ясности вопроса нужно кратко коснуться экономического состояния областей самой Ромейской империи.

В ранний период Византия изобиловала крупными городскими центрами. Значительные запасы полезных ископаемых, особенно железа, золота, меди, мрамора, стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, изготовление стекла, ювелирных изделий и различных предметов роскоши. В этот период Империя ромеев обгоняла Запад по уровню развития городского ремесла и торговли[4]. Развитию торговли, преимущественно морской, благоприятствовали природ-

[1] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 196.

[2] Стебницкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. I. – СПб., 1867. С. 23.

[3] Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей… С. 79; Резван В. Результаты и перспективы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере… С. 312.

[4] Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. Т. 46. 1986. С. 21.

ные условия и географическое положение Византийской империи. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней и островов, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали как нельзя более развитию морской торговли. Вплоть до XII в. Византия оставалась великой морской державой[1]. Ее экономические интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей. На востоке она торговала с Индией и Китаем, на юге с Африканским континентом. На севере византийские мореходы достигали берегов Скандинавии. В торговле же с Западом, по Средиземному морю, несмотря на опасные нападения пиратов, византийцы долго сохраняли свою гегемонию. В раннем средневековье возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа[2].

Византийские золотые солиды с изображением константинопольских василевсов имели хождение во всех странах и играли роль международной валюты[3], ими, в частности в раннее средневековье пользовались и при расчетах по всему Великому шелковому пути, до Китая включительно.

На территории собственно Абхазии византийская монета, по мнению С. М. Шамба, составляла основу денежного обращения с V по XIII вв. [4].

Общее количество монет Византийской империи, выявленных в Абхазии, достигает 240[5]. Половина этих монет (117) была найдена во время раскопок Пицундской археологической экспедиции. Клад византийских монет (56 экз.) был найден в 1903 г. и близ г. Очамчыра. Остальные монеты найдены в разных местах Абхазии. Причем в Цибилиуме (а также в Герзеуле, Сухуме) медные монеты Юстиниана

[1] Там же.

[2] История Византии. Т. 1… С. 115; Удальцова З. В. Роль городов… С. 21.

[3] Яркий пример того, что византийская золотая номизма проникала в самые отдаленные уголки Азии, приводит путешественник VI в. Козьма Индикоплов (Козьма, «плававший в Индию»). Он рассказывает о споре иранского и византийского купцов о том, чья держава могущественнее. Царь Цейлона, присутствовавший при этом, присудил победу византийцу, так как «византийская монета была из чистого золота, светлая и хорошего чекана», ибо на Цейлон «привозятся лучшие экземпляры». (Цит. по: Петров А. М. Великий шелковый путь… С. 63).

[4] Шамба С. М. Монетное обращение… С. 116.

[5] Там же. С. 75.

I (отчеканенные в Константинополе) были выявлены наряду с отдельными экземплярами монет иранских шахов Кавада I (из города Мерв) и Хосрова II[1] (занесенные сюда, очевидно, персидскими войсками во время их пребывания в Абхазии). В плане широкого привлечения в систему денежных отношений Византийской империи не только населения равнинной части Восточного Причерноморья, но и обитателей горных областей Западного Кавказа, большую ценность представляет сообщение византийского историка VI в. Агафия о том, что императорский двор ежегодно в качестве субсидий выплачивал союзным «варварам» – горским племенам Северо-Западного Кавказа – значительную сумму денег[2].

Вместе с тем, те кавказские горцы, которые были втянуты в византийскую торговую сферу, находились на уровне родо-племенных отношений. Поэтому у них иностранные деньги «не проникали во все экономические отношения и не охватывали весь процесс труда в целом»[3].

Множеством уникальных находок эпохи раннего средневековья обогатили науку археологические исследования, которые проводились под руководством Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, начиная с 1985 г. и вплоть до начала грузино-абхазской войны в 1992 г., на территории исторического Цабала и его окрестностях.

Прохождение через территорию исторической Апсилии транзитного торгового пути общевосточнопричерноморского значения, по утверждению исследователей, способствовало проникновению в Цабал значительного числа импортных изделий[4]. Это стеклянная посуда, некоторые металлические изделия (сосуды, украшения, оружие), керамика (амфоры, кувшины, краснолаковые блюда), большинство бус[5] и т. д.

[1] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.). – Тб., 1985. С. 15, 25, 30. Они же. Главная крепость Апсилии… С. 24, 36, 39; Шамба С. М. Монетное обращение… С. 58, 60–61, 75, 95.

[2] Георгика. Т. III. – Тб., 1936. С. 85–86; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 215.

[3] Там же.

[4] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 75, 142.

[5] Там же. С. 75-76; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 59; Рамишвили Р. М. Сельские поселения и могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. С. 282–284.

В раннесредневековых археологических материалах Абхазии и, в частности Цибилиумского могильника, наличествует достаточно большое количество золотых и серебряных изделий, в основном, представляющих собой украшения для женщин. К золотым предметам относятся браслеты, кулоны, кресты, кольца, серьги, бляшки и др. [1]. В круг серебряных предметов также входят серьги, кольца, перстни, браслеты, медальоны (в том числе с изображением медузы Горгоны), петельки, крученые ленточки – «цепочки», пряжки, пластинчатые пояса, фибулы[2]. Большинство этих и других золотых и серебряных украшений считаются привозными, часть предметов подражало общепричерноморским образцам (серьги, подвески, гривны, многие типы браслетов и др.) настолько осмысленно, что апсилийские умельцы сумели создать особый, апсилийский комплекс признаков, исключительно разнообразный и выразительный[3].

Около Цибилиума найдено свыше 10 тыс. разнообразных бусин составлявших ожерелья апсилиек[4].

В погребениях широко представлены бусы из многоцветного стекла (пятнистые и глазурчатые), орнамент которых различается узорами, техникой исполнения и цветовыми сочетаниями[5]. Гагатовые бусы представлены округлыми и прямоугольными формами, бытовавшими в IV – VI веках. Их наименование происходит от реки Гагай, протекающей в древней Лидии (Малая Азия), где находятся крупнейшие местонахождения этого минерала[6] – смолистой разновидности ископаемого бурого угля. Широко использовались апсилийками во все времена бусы из янтаря – ископаемой смолы хвойных деревьев третичного периода, выходы которой имеются в Прибалтике и на Украине[7]. Использовались также бусы с металлической (золотистой или се-

[1] Воронов Ю. Н. Научные труды . Том второй. – Сухум. 2009. С. 551; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 72–73.

[2] Там же.

[3] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 75–84; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 59.

[4] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй… С. 552.

[5] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 552.

[6] Там же.

[7] Там же.

ребристой) прокладкой, изготовлявшиеся в Александрии Египетской и других центрах Юго-Восточного Средиземноморья[1]. Во второй половине V– VI веков распространяются бусы из горного хрусталя – разновидности кристаллических кварцев, характеризующиеся прозрачностью и чистотой массы. Часть этих украшений, как полагают, местного производства[2].

К концу V и началу VI в. относятся импортные амфоры из Цабальской крепости, отличающиеся от амфор из других захоронений Цабала. По наблюдениям Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, амфоры из Цабальской крепости по формам ручек, горла, венчиков, тулова, донъев, размерам, оформлениям, степени обжига и цвету делятся на несколько типов[3]. Среди них имеются амфоры, имевшие широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье, где они датируются в рамках V–VI вв. [4]. В Цабальской крепости было найдено и много обломков амфор неизвестной атрибуции[5]. Иными словами, на данном этапе изучения амфорной керамики нет возможности определить, какие именно византийские земли поставляли в VI в. амфоры с их заполнением в древнюю Абхазию, в частности, в Цабал. Но можно сказать, что подавляющая часть амфор из Цабальской крепости производилась в центральных областях Византии и свидетельствует о степени интенсивности торгово-экономических связей империи с Восточным Причерноморьем, в том числе с нагорной Абхазией[6].

Среди цебельдинских керамических изделий (в частности, кувшинов), имеются и такие типы, которые связаны с аланской продукцией. Эти кувшины, как пишут Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, имели венчики со сливом, ручки и стенки с черным и коричневым лощением[7].

В начале ранневизантийской эпохи население нагорной Абхазии широко пользовалось импортными керамическими тарелками. Об этом говорят находки из погребений некрополей Ахаччарху, где имелись и редкие экземпляры импортных тарелок. В частности, здесь была найдена тарелка палевого цвета на кольцевом поддоне с горизонтально отходящим краем[1].

[1] Там же.
[2] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 553.
[3] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды… С. 71–74.
[4] Там же. С. 71.
[5] Там же. С. 74.
[6] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. раб. С. 74–75.
[7] Там же. С. 76.

Жители Цабала в V–VII вв. в хозяйственном быту использовали также чаши, лутерии, в основном, синопского производства. Выявленные здесь светильники происходили из Северного Ливана[2].

Для прослеживания экономических связей древней Апсилии с народами Северного Кавказа и Византией в раннесредневековый период определенное значение имеют застежки особого вида – фибулы. Часть из них привозили из Византии[3]. Обнаруженные в некрополе Цабала – Абгыдзраху – некоторые оригинальные фибулы тоже являются привозными. Подобные фибулы в большом количестве обнаружены в Северной Осетии. Следует отметить, что серебряная фибула «северокавказского» типа также была обнаружена в одном из цебельдинских погребений VI века[4]. К этому времени (VI – VIII вв.) относится, например и выявленный в Цибилиуме в 80-х гг. XX в. богатый набор уздечек северокавказской формы[5]. Он особо интересен тем, что в нем двусоставные удила с восьмеркообразными концами сочетаются с кольцами и двудырчатыми лопастными псалиями с конусовидными гранеными утолщениями на изогнутых концах[6]. На Северном Кавказе древние цабальцы традиционно должны были закупать и лошадей[7].

Надо полагать, что основную часть названного товара, т. е. скаковых и боевых лошадей – этих показателей престижа и основного богатства, в первую очередь приобретала древнецабальская знать, а затем их определенное количество она продавала жителям равнинной полосы Абхазии.

[1] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 82.
[2] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды… С. 80.
[3] Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахаччарху // Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1967. С. 91–97.
[4] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 206–207.
[5] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV – VII вв. // Древности эпохи переселения народов V – VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М., 1982. С. 134–136.
[6] Там же.
[7] Там же.

Изучение поселений исторического Цабала, состоявших в указанный период из двух десятков более или менее крупных населенных пунктов[1], позволило исследователям проследить интересную закономерность о наличии среди цабальцев существенной разницы в экономическом положении, в частности, в приобретении предметов роскоши[2]. В наиболее выгодном положении, считают исследователи, нежели другие цабальские поселения, находились жители Шьапкы, во главе которого стоял одноименный род Шьапкы[3] (хотя, едва ли имеются достаточные основания для утверждения о существовании такого рода, ибо в материалах этнографии он не фиксируется). По наблюдениям Ю. Н. Воронова, именно в Шапкинском могильнике было сосредоточено наибольшее количество предметов импорта и роскоши, стеклянной, краснолаковой посуды, монет[4]. Данное обстоятельство автор вполне резонно объясняет тем, что поселение Шьапкы располагалось у начала горного отрезка Клухорского перевального пути[5], в связи с чем ее население заняло ведущее место (т. е. являлось посредником) в торговле между Абхазским побережьем и Северным Кавказом[6]. Возможно, экономическое положение последних определялось также охраной купеческих караванов, уходивших за перевалы. В качестве компенсации значительная часть товаров могла оседать здесь и через посредство уже местных торговцев распространяться среди остального населения древнего Цабала[1].

[1] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 99.

[2] Как пишет Ю. Н. Воронов, если между цебельдинскими родами прослеживается разница в приобретении предметов роскоши и в хозяйственной специализации, то внутри отдельных родов, полагает он, имущественная дифференциация отсутствует. С этим мнением не согласен, например, М. М. Гунба. Последний считает, что имущественная дифференциация хорошо прослеживается и внутри отдельных родов. (Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии… С. 34).

[3] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 102–103; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С. 88.

[4] Там же.

[5] Название Шьапкы дословно переводится с абхазского языка на русский как «держащий подножье», (ашьапы «подножье» и акра – «держать»), или же, исходя из местоположения Шьапкы, как «место, где начинается путь к перевалу».

[6] Отмечая огромное значение территории исторической Апсилии в деле налаживания культурных и экономических связей между Византией и Северным Кавказом, при котором византийские изделия (напр. стеклянная посуда) попадали на Северный Кавказ «через приморские центры Восточного Причерноморья», т. е. через Цебельду (Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. 1971. С. 100; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 77–78), в то же время, не следует, очевидно, забывать и о том, что Византийская империя постоянно стремилась вовлечь в орбиту своего влияния кочевые племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа. А это значит, что часть византийского импорта от номадов (учитывая высокую мобильность кочевых и полукочевых народов и племен Восточной Европы и их регулярные перемещения практически на всем протяжении раннесредневековой эпохи, куда были вовлечены и различные этнические группы населения Северного Кавказа) могла попадать в руки их оседлых северокавказских партнеров. По мнению некоторых авторов, именно таким походом скорее всего можно объяснить рост, например, числа византийских золотых монет в древностях V – VII вв. на Северном Кавказе. (Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. Т. 44. 1983. С. 190–195.

В целом же, международная транзитная торговля средиземноморскими и восточными товарами приносила абхазским народностям, и, в частности, апсилам, немалый доход. Проходившие здесь торговые караваны облагались таможенной пошлиной. Купцы платили за проезд по апсилийским владениям, за проход через перевалы, за услуги проводников и необходимых в горах носильщиков. Расплачивались, как сказано, обычно товаром.

В связи со сказанным, обращает на себя внимание и то, что во всех апсилийских погребениях вдоль дороги на Клухорский перевал, как в богатых, так и рядовых, отсутствует хозяйственный инвентарь, из чего, вероятно, следует, что в этих могильниках были погребены профессиональные воины, в обязанности которых, несомненно, входила охрана пролегавшего здесь торгового и военного пути.

Приведенные материалы еще раз убеждают, что и в указанный период Себастополис, Цибилиум и другие города и укрепления не утратили роли ведущих центров торговли. На это указывает и сообщение Прокопия Кесарийского о том, что в VI в. Себастополис был широко застроен, а в VII в. он характеризует город как «Великий Севастополис». Несмотря на скудность археологического материала и появление в конце VII в. в этом районе арабов, некоторые авторы, тем не менее, полагают, что в VI –VII вв. в Себастополисе еще сохранился значительный международный рынок, о чем говорят «находки в мо-

[1] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 103.

гилах апсилов большого количества импортных керамических изделий, золотых, серебряных украшений и монет»[1].

Помимо названных выше центров торговли на абхазском побережье, несомненно, крупным торговым местом продолжал оставаться Питиунт, куда в первой половине VI в. отмечается сильный приток византийской меди, в основном Юстина I и Юстиниана I (86 монет). К этому времени относится и часть краснолаковых блюд и доньев самосских амфор[2].

Археологические материалы о ввозившихся в ранневизантийский период в Абхазию предметах, дополняются некоторыми сведениями письменных источников. По сообщению Прокопия Кесарийского, в Себастополис с берегов Рима завозили вино, соль и зерно[3]. По поводу импорта зерна в Абхазию необходимо отметить, что имеется сообщение другого византийского историка Агафия, о том, что и сами абхазы (апсилы) занимались хлебопашеством[4]. Это доказывается находками на некоторых памятниках Абхазии зернотерок, жатвенных орудий, ручных мельниц и в одном случае амбара зернохранилища (в Питиунте)[5], из чего, надо полагать, следует, что византийские гарнизоны, находившиеся на территории Абхазии, как справедливо полагает М. М. Гунба, снабжались местными продуктами, хотя сам Прокопий ничего об этом не пишет[6].

Свидетельство же Прокопия о завозе зерна в Абхазию нужно понимать так, что наибольшее количество хлеба привозилось, очевидно, для византийских гарнизонов в Абхазии, тем более, что, согласно прямому указанию того же автора, «питаться подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они (византийцы. – **О. М**.) не привыкли, они совершенно не могли», того же продовольствия, которое им приносили местные жители, «им совершенно не хватало»[7].

[1] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум… С. 100.

[2] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 172.

[3] Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. С. 418.

[4] Агафий. О царствовании Юстиниана. – М. – Л., 1953. С. 115.

[5] Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. – Тб., 1962. С. 35.

[6] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии… С. 48.

[7] Прокопий из Кесарии. Война с готами… С. 418.

Если были излишки зерна или выпадали неурожайные годы, зерно могли поставлять и местному населению.

Не может быть сомнений в том, что помимо перечисленных товаров в раннесредневековую Абхазию завозили нефть (для лампад) в амфорах. Только в VII в., как известно, в Византии был изобретен «греческий огонь» – зажигательная смесь, дающая негасимое водой пламя. Состав «греческого огня» держался в глубокой тайне, позднее установили лишь, что в его состав входили нефть, смешанная с негашеной известью и различными смолами[1].

Можно полагать, что также в Абхазию привозили часть товаров, импортировавшихся в Таврику – свинцовые изделия, сельскохозяйственный инвентарь, керамическая посуда, различные ткани[2]. Все привозные товары местное население обменивало на свои. Из сказанного следует, что у абхазов торговые отношения носили характер натурального обмена. Однако, приводившиеся выше слова Агафия о выплачивании империей союзникам больших сумм денег, указывают на то, что в экономических отношениях абхазов раннего средневековья, определенно роль играли и деньги[3].

Мы располагаем очень небольшим количеством данных о товарах, вывозившихся из Абхазии в центральные районы империи в VI – VII вв. Надо полагать, что спрос был на ходовые в экспортной торговле товары: шерсть, пушнину, мед, воск, льняные изделия, а также на строительный и корабельный лес. Продолжая тему о вывозившихся с территории современной Абхазии в Византию в раннем средневековье товарах, следует еще раз вспомнить и о том, что абхазы, в числе некоторых других народов Причерноморья (населения современной Западной Грузии, Боспора, Херсона), выплачивали империи в качестве морской повинности предметы морской оснастки и морского снаряжения, а также готовые суда. Взимание подати совершалось по

[1] История средних веков. Под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. – М., 1990. С. 469–470.

[2] История Византии. Т. 1… С. 335.

[3] Говоря о торговле соседей апсилов, – лазов, Прокопий пишет, что они «за нужные им товары… платят… кожами, рабами…» и т. д. Но, как справедливо заметил С. Н. Джанашиа, определенную роль в торговом процессе лазов, должны были играть и деньги. (Джанашиа С. Н. Труды. Т. I. – Тб., 1949. С. 45–46 (на груз. яз.).

индиктам, и при вступлении нового императора на престол на нее распространялись обычные льготы[1]. Предметом экспорта могли быть также фрукты и невольники[2].

Согласно одному из известных византийских законов 374 г. из Кодексов Феодосия и Юстиниана, в перечне товаров, покупаемых у варваров, на первом места стоят рабы[3]. Из текста закона видно, что рабов для продажи, с одной стороны, привозили на территорию империи варварские купцы, которые уже в ее пределах вели торговлю рабами, с другой – их скупали и византийские работорговцы, отправлявшиеся к варварским народам[4].

Источники свидетельствуют о том, что рабы – квалифицированные ремесленники во всех случаях ценились дороже, чем необученные рабы. Насколько возрастала стоимость раба в зависимости от его профессии, можно судить по таксе рыночных цен на рабов. Законом 531 г. Юстиниан установил, что взрослые рабы обоего пола, необученные какому-либо ремеслу, ценились в 20 номисм (дети – в 10 номисм)[5]. Рабы, знающие ремесло, продавались уже за 30 номисм[6]. Самая высокая цена – 70 номисм уплачивалась за рабов – евнухов, владеющих каким-либо ремеслом[7]. Такса на продажу раба, установленная при Юстиниане, сохраняла свое значение и в последующее время. Так, по данным жития Иоанна Милостивого (VII в.), молодой раб, обученный ювелирному делу, стоил 30 номисм[8].

Работорговля в Причерноморье более распространенной становится с IV по VIII вв. (рабов здесь уже в раннефеодальную эпоху, по С. Н. Джанашиа, «производили» в качестве рыночного продукта)[9]. На

[1] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 282. Его же. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 206; История Византии. Т. 1… С. 335; Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум. 2002. С. 11; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 199.

[2] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 87.

[3] Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об истоках рабства // ВВ. Т. 36. 1974. С. 31–44.

[4] Там же.

[5] История Византии. Т. 1… С. 239.

[6] Там же.

[7] История Византии. Там же.

[8] Там же.

[9] Джанашия С. Н. Труды. Т. II. – Тб., 1952. С. 67.

территории собственно Абхазии эксплуатация рабов не имела производственного значения, чем и объясняется их экспорт из Абхазии. Отсутствие же почвы для развития рабства способствовало вообще отмиранию рабовладельческого общества, однако экономическая связь с рабовладельческой Византией способствовала сохранению работорговли. По сообщению Прокопия, этим промыслом особо активно занимались абазгские князья.

Он пишет, что абазгские цари, без малейших угрызений совести отнимали у родителей, замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков и, делая евнухами, продавали в римские земли (т. е. Малую Азию, Сирию, Египет, Балканы и другие регионы) тем, кто хотел купить их за большие деньги[1].

Очевидно, что причина работорговли заключалась в стремлении абазгских правителей к личной выгоде, приносившей им больше дохода, нежели их использование в качестве рабочей силы, а также и в том, что вдохновителями этого явления была правящая византийская верхушка (не исключая и царского двора)[2]. С другой стороны, абазги продавали в рабство не только своих соплеменников, но и, по словам С. Н. Джанашиа, и представителей соседних племен, захваченных во время междоусобиц[3]. Подобные действия местных правителей, очевидно, нельзя исключать, хотя у Прокопия нет сведений о похищении и продажи ими представителей соседних и родственных народов.

С IX века потребность Византии в рабской силе постепенно снизилась и вывоз рабов из Причерноморья фактически прекращается.

Небезынтересно, что потребность Византии в рабской силе, и это надо полагать вовсе не случайно, уменьшилась с образованием Абхазского царства, усиления его военного и политического значения в Закавказье и, наоборот, ослабления могущества Византии на Кавказском побережье. (Возобновление работорговли в Причерноморье начинается с середины XIII в., т. е. после распада «царства абхазов и картлийцев»). Сокращение вывоза рабов в этот период имело своей обратной стороной соответствующее увеличение в нем доли сырье-

[1] Прокопий из Кесарии. Война с готами… С. 382–383; Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика… С. 15.

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 18.

[3] Джанашиа С. Н. Труды. Т. II… С. 67.

вых товаров.

Как уже отмечалось, с VI в. и вплоть до образования Абхазского царства на побережье страны была установлена торговая монополия Византии[1]. Император Юстиниан ввел очень высокие пошлины на проход судов через Босфорский пролив и этим фактически закрыл судам нечерноморских стран доступ в Черное море, которое оставалось закрытым вплоть до второй половины XII в., когда морская торговля на Черном море ограничивалась только причерноморскими странами и Константинополем[2].

Монополизация византийскими чиновниками торговли с Восточным Причерноморьем, действовавшими в интересах своих купцов, выразилась в следующем. Выстроенная в районе нынешнего Цихисдзири (в приморской части совр. Аджарии в Юго-Западной Грузии) крепость Петра превратилась в середине VI в. в таможню по сбору высоких пошлин на вывозимые из Колхиды и ввозимые в нее товары, что вылилось в политику открытого грабежа местного населения[3] (что коснулось, в частности, и апсилов), поскольку, высокие пошлины вызвали повышение цен на ввозимый товар. Сама пошлина за ввоз и вывоз товаров по морю составляла около 2 % их стоимости[4]. Такие же размеры пошлины сохранялись в XIII – XVIII веках.

В раннее средневековье в Византии торговые суда проходили таможенный контроль только в специальных выделенных приморских пунктах, где таможенный сборщик – коммеркарий взимал с них установленную пошлину. В этой связи следует особо отметить, что на

[1] Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII–X вв.)…С. 15.

[2] Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. – М., 1883. С. 2; Ahrweiller H. Byzance et la Meer. – Paris. 1966. С. 13.

[3] Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. II. – СПб., 1880. С. 109. По этому поводу Прокопий сообщал: «Уже не было более позволено купцам привозить в Колхиду соль и другие товары, необходимые для лазов, или у них что-нибудь покупать. Иоанн (византийский военачальник Иоанн Цив. – **О. М**.), завел в Петре так называемую монополию, сделался торгашем, заведующим всем торгом, сам все покупал и продавал колхам не по обыкновенным ценам, а по тем, какие сам назначал». (Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами…С. 109–111).

[4] Литаврин Г. Г. Византия в период Гражданской войны и движения зилотов (1341–1355 гг.) // История Византии. – М., 1967. Т. 3. С. 153–154; Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 165.

одной византийской торговой свинцовой печати VII в., выявленной в районе современного Сухума, имеется имя коммеркария, некоего Теодосия, от названия резиденции которого, сохранился только один фрагмент βαστα. Издатели этой печати восстанавливают полное название резиденции как Σεβαστοπολεος, а этот Теодосий считается себастопольским коммеркарием[1]. Очевидно, что в Себастополисе, (куда, после занятия Петры персами в 542 г., была перенесена византийская приморская таможня) находилось здание таможни и, видимо, помещение с архивом, в котором хранились моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и финансовой службы. Считается, что из этой себастопольской таможни византийцы контролировали торговлю Восточного Причерноморья почти 140 лет. Начиная с царствования Юстиниана, в Византии, с ввозимого морем товара взималось десять процентов его стоимости[2]. По всей вероятности, примерно то же самое было и в Восточном Причерноморье.

Говоря о политико-экономических и культурных взаимоотношениях Византии и раннесредневековой Абхазии, следует вместе с тем заметить, что советская историческая наука в своих исследованиях необъективно представляла Византию врагом абхазов, которые якобы вели против империи совместно с грузинами беспрерывную освободительную войну, что ныне уже не может быть принято всерьез. В действительности, пишет Ю. Н. Воронов, абхазо-византийские отношения, как правило, носили добрососедский характер, сыграв важную роль в культурно-экономическом и политическом развитии страны[3].

В то же время необходимо подчеркнуть, что абхазо-византийские отношения, по замечанию В. В. Латышева, в разные времена были различны[4]. Другими словами, эти отношения менялись в зависимости от политической ситуации. Так, на начальном этапе, в период образова-

[1] Там же. С. 158.

[2] Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen – Age. T. I. – Leipzig. 1923. С. 56.

[3] История Абхазии… С. 82.

[4] Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. Бобринскому. – СПб. 1911. С. 179 // Материалы по истории Абхазии. 7.

ния Абхазского царства, абхазо-византийские отношения характеризовались преобладанием антагонистического, враждебного начала. В дальнейшем же, в силу ряда обстоятельств внутреннего и внешнего положения обеих сторон, отношения были урегулированы[1]. В период наибольшего политического подъема Абхазии его правители поддерживали дружественные и союзнические отношения с Византией. Позже, в XI в. Византия, пользуясь тем, что миновала угроза со стороны арабов, начинает проводить завоевательную политику в отношении Абхазии[2]. Очевидно, что периоды нестабильной политической ситуации во взаимоотношениях между абхазами и ромеями не могли не отразиться на характере и размахе торговли между ними. Особо это относится ко времени создания самостоятельного Абхазского государства и его отпадения от Византии, когда объем торговли должен был сократиться или даже прекратиться, что, однако, было скорее явлением временным, так как с окончанием враждебных отношений экономические связи, очевидно, восстанавливались. Вместе с тем, несомненно, что торгово-экономические взаимоотношения были лишь частью тех многосторонних связей, которые поддерживались между Абхазией и Византией в раннефеодальную эпоху.

О тесных политических и культурных контактах абасгов и апсилов с Византией сообщают Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский. Свидетельством этому является, например, специальная императорская школа в Константинополе, где по 20 абасгских детей получало христианское образование, частая женитьба абасгов на дочерях константинопольских сенаторов с разрешения императора, свинцовая вислая печать VII в. из Пицунды с греческой надписью «Κονσταντῖνος Ἄβασγίας» (Константин Абазгийский), кстати, возможно, что подобные печати использовались и в качестве денежного знака[3].

Хорошим примером абхазо-византийских связей могут служить церковные взаимосвязи. С официальным принятием в Абхазии христианства при императоре Юстиниане, здесь развернулось интен-

[1] Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии… С. 24–25.

[2] Там же.

[3] Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. XVI. № 5. – Тб., 1955. С. 404.

сивное храмовое строительство. В VI в. был воздвигнут Драндский кафедральный собор. Храм принадлежит к купольным сооружениям, в котором созданы своеобразная пространственная структура, напоминающая Софию Константинопольскую. Это указывает на то, что ее создатель или прибыл из Византии, или, если он местный, побывал в Константинополе. Обнаруженный в Драндском храме богатый комплекс раннесредневековых амфор подтверждает, что в Дранде так же, как и в других укреплениях на зависимых от Византии территориях, шла постоянная доставка провианта – и из далеких центров империи, и от местных жителей. Керамический комплекс Дранды, подчеркивала М. К. Хотелашвили, «исторически важен во многих отношениях – и как памятник раннесредневекового гончарного производства, и как свидетельство торговых связей Апсилии со странами Средиземноморья, и как пример применения на почве Абхазии древнего строительного приема облегчения сводов»[1].

Связи с Византией сыграли немалую роль и в усилении Абхазского царства, например, при Константине III[2]. Строительство в X в. Моквского собора также осуществлялось при участии византийских мастеров: для украшения храма (как и храмов в Цандрипше, Пицунде, Новом Афоне, Дранде, Цебельде, Очамчыре, Гудаа) из Византии были доставлены мраморные колонны (особенно из проконнесского мрамора) и другие элементы оформления[3], хотя, нельзя исключить, что отдельные мраморные предметы и украшения храмов Абхазии изготовлялись и из местного мрамора, который добывался в Цебельде, Герзеуле, Гудаа и других местах.

Следует сказать, в литературе есть версия о том, что история православия на Кавказе начинается со строительства в VI в., однако наиболее активно сооружение церквей развернулось лишь в X–XII веках. Появились абхазские храмы X века, похожие на храмы в Сочинском

[1] Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. 1984. С. 200.

[2] О политических и культурных связях между Абхазией и Византией в первой половине X в. см.: Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 63–73.

[3] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб., 1980. С. 17–18, 21–22, 24– 25. Ее же. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми. 1985. С. 43.

районе и на аланские храмы в Карачаево-Черкесии. Археологи отмечают аналогичную византийскую керамику VIII–X веков в сочинских и абхазских монастырях-крепостях[1]. Монахи прокладывали дороги, наводили переправы через реки. Известно, что горцы, устраивая на караваны набеги, грабили их. А монастыри давали караванщикам приют, ночлег и защиту от разбойников и стихии. В обязанность монахов входило и такое важное дело, как поддержание в рабочем состоянии горных дорог и переправ через реки. Обвалы, оползни, сели, паводки при таянии ледников постоянно разрушали дороги. Их надо было быстро восстанавливать.

Рядом с христианскими храмами в Ингушетии –Тхаба-Ерды и Алби-Ерды –обнаружены руины небольших караван-сараев. И руины рядом со Средним храмом в Архызе, похоже, также когда-то были караван-сараем[2]. Все это должно говорить, как полагают, о том, что в раннем средневековье купец и монах, олицетворявшие собой торговлю, религию и культуру, шли в горы «в одной связке». Именно они создавали в глухих и диких ущельях очаги цивилизации. При этом, строительство монастырей в X веке совпадает с пиком развития Византийской империи и со временем формирования централизованных государств на Кавказе. На этот период приходится и расцвет караванной торговли на Великом шёлковом пути через Кавказ[3]. Поэтому считают, что ему обязана в первую очередь своим появлением христианская архитектура Кавказа.

Конечно, трудно отрицать роль участка Великого шелкового пути, проходившего через Абхазию в становлении и развитии христианства на этой территории. Но необходимо иметь в виду, что большинство храмов в Абхазии, вопреки приведенному выше мнению, были сооружены, по утверждению искусствоведа С. М. Сакания (устное сообщение) в период с VI до X веков. Не приходится, на наш взгляд, отрицать и значение монастырей Абхазии как мест для отдыха караванов. Следует отметить, что на пути от Клухорского перевала до Сухума (или в местах, тяготеющих к перевалу), куда двигались караваны (для их

[1] Кузьмин В. Древние христианские храмы Кавказа //. Наука и жизнь. №12. 2008 г.

[2] Кузьмин В. Указ. раб. Там же.

[3] Там же.

дальнейшего направления в Константинополь), насчитывается более пятидесяти раннесредневековых церквей или церковных руин. Церковные ограды или какие-либо пристройки на торговом пути, конечно могли быть своеобразными «предприятиями гостеприимства», служа и пунктами для отдыха путников и загонами для лошадей. Тем более, нужно иметь в виду, что отрезок пути от Клухора до Сухума можно пройти не менее чем за четыре дня. Что касается мнения о том, что храмы и монастыри строили для обслуживания караванных путей, то вряд ли можно согласиться с подобной точкой зрения, так как храмы, в частности на территории Абхазии, по нашему мнению, строились все же исключительно для христианизации местного населения. В этой связи не случайно, видимо, и то, что, например, в долине Теберды, служившей первоначальной дорогой из степей и ущелий Северного Кавказа к побережью Абхазии, был выстроен крупнейший византийский храм. Отсюда караванные торговые дороги вели в разных направлениях к Клухорскому перевалу и далее к Черному морю, вниз по р. Кубани, по р. Маре в долину Подкумка, к хазарскому городу Маджары и к крепости Рум-Кале. Именно здесь, в месте, где соединялись дороги, ведущие в ущелье рек Кубани, Теберды и Мары, в густо населенной долине, для Византии, надо полагать, особо важно было прочно насадить христианство, чтобы поддерживать свои экономические и политические интересы. Иными словами, христианские памятники Кавказа, расположенные вдоль караванных дорог, должны очевидно, говорить о том, что не только религиозно-культурные идеи, но и носители этих идей, ревностно пропагандировавшие их и энергично способствовавшие их распространению и воплощению, проникали сюда тем же путем, каким шла торговля с Византией. И в то же время, разумеется, нельзя отрицать, что монастыри и храмы играли большую роль в деле обслуживания караванного пути, пролегавшего, в частности, через территорию Апсилии. В связи с чем стоит еще раз вспомнить слова Прокопия Кесарийского о том, что на отрезке пути от Клухора до Сухума, путникам приходилось менять лошадей.

Приведенные выше материалы свидетельствуют: интенсивность связей между Византией и Абхазией в раннесредневековое время в

области культуры[1] не могла не оказывать своего глубокого влияния на торговлю между этими странами. Византийские авторы сохранили сведения об активных занятиях абхазов торговлей в раннее средневековье. Тот же Агафий, имея в виду апсилов и абазгов, писал, что они находились в постоянных экономических связях с проживавшими в Понте римлянами[2], находя в такой торговле большую выгоду[3]. Он отмечал, что они (апсилы и абазги) совершают и морские путешествия, когда это возможно, и извлекают пользу из торговли[4]. К тому же, подобное «морское предпринимательство» абхазов продолжалось вплоть до XVIII века, когда они уже полностью контролировали все прибрежные воды Восточного Причерноморья[5].

Значительная часть доставленного по морю товара шла в районы Северо-Западного Кавказа, в частности на территорию Алании. Между этими странами в VI – VII вв. осуществлялись самые тесные экономические и политические связи. И в последующие века (VIII – X вв.), когда была основана Аланская митрополия и при содействии абхазских правителей была осуществлена христианизация Алании, тесные связи не прерывались и местные купцы вели оживленную торговлю между этими странами[6]. По сообщению византийского летописца Феофана, аланы заявляли спафарию Льву Исавру, в частности, о том, что «мы (аланы. – **О. М**.) имеем с ними (абазгами. – **О. М**.) сообщение, и наши купцы всегда ходят туда»[7]. Причем торгово-экономические связи алан с Абхазией были уже давно известным фактом; еще в I в. н. э. в числе народностей, сходившихся в Диоскуриаду с торговыми целями были и аланы[8]. О тесных абхазо-аланских связях

[1] Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства… С. 26.

[2] Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.)… С. 29–30.

[3] Агафий. О царствовании Юстиниана… С. 73.

[4] Там же.

[5] См.: Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII – XVIII вв.). Перевел с тур. на груз. написал введение, снабдил терминолог. словарем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. – Тб., 1982. С. 93–94.

[6] Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979. С. 168; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии… С. 5.

[7] См.: Из истории Осетии. Избранные работы З. И. Ванеева. http://osetins.com/2008/02/09/srednevekovaja-alanija. -glava-2. . html

[8] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984. С. 62.

говорят найденные на территории исторической Апсилии (Цебельда) до десятка аланских лощеных кружек VI в. Эти и другие более ранние находки (железные мечи с кольцевидным навершием, трехлопастные наконечники стрел и др.), с одной стороны, могут, по мнению О. Х. Бгажба, свидетельствовать о наличии сармато-аланов в составе апсилийских и римско-византийских подразделений в Колхиде, с другой – о наличии торговых и брачных связей[1]. В свою очередь на территории исторической Алании в синхронное время употреблялись апсилийские кувшины с чашечковидным венчиком[2].

В период раннего феодализма, наряду с внешними связями, на территории Абхазии повышается роль внутренней торговли. Если благосостояние высшего сословия в значительной степени зависело от внешней торговли, то жизнь подавляющего большинства населения еще в большей степени была связана с внутренней торговлей. Кроме того, исторически во многих случаях внутренние торговые связи между городами и отдаленными регионами средневековой Абхазии предшествовали развитию внешней торговли или, по крайней мере, развивались в районах, впрямую не связанных с внешней торговлей.

Действительно, интенсивные экономические отношения между отдельными абхазскими областями (чему не могла помешать и их временная зависимость от Византии), наряду с этногенетическими моментами, являлись определяющими факторами общих черт и однотипности хозяйства, и бытовой культуры апсилов, абазгов, санигов и мисимиан. При этом не менее важны выводы исследователей (Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, Г. К. Шамба) о том, что очень высокого развития в этот период, достигает ремесленное производство (а значит, происходит и совершенство выпускаемых товаров), в частности, на территории Цабала имелись гончарные мастерские, в которых еще в V в. освоили производство амфор для морских перевозок[3], со своими ремесленными знаками. В них изготовлялись сосуды не только бытового значения, но и отличающиеся высоким художественным уровнем, например, такие, как сосуд-олень, сосуд-бык и т. д. Сосуды

[1] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 146.

[2] Там же.

[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 87.

с цебельдинскими знаками производили в то время в сс. Лата, Атара[1]. Само с. Атара, как установлено, принадлежало только гончарам, причем керамическое производство охватывало и территорию соседнего с. Адзюбжа. Раскопками археологов в Атаре выявлено огромное количество высококачественной керамической продукции, которая не имеет аналогов, как не имеют аналогов и атарские гончарные печи. Все они одноярусные, тогда как остальные, как в Абхазии, так и за ее пределами, – двухъярусные[2]. Обломки атарских пифосов были различных типов: их основная часть орнаментирована[3].

Продукция атарского специализированного поселения носила товарный характер, а реализация ремесленной продукции, по мнению М. М. Гунба, «позволяла собственникам получать доходы деньгами и деньгами же, надо полагать, оплачивали труд ремесленников»[4].

И, наконец, весьма важен вопрос, почему гончарное производство было сосредоточено, главным образом, в одном пункте. По мнению М. М. Гунба, концентрация нескольких печей в Атаре была оправдана в том случае, если они принадлежали одному хозяину. Такую монополию мог создать только крупный феодал, возможно, из царского рода. А подобное крупное производство могло дать хозяину большие доходы[5]. Закономерно и то, что вырабатываемая ремесленниками Атары продукция всегда пользовалась постоянным и притом большим спросом на рынке, но их вывоз за границу, по мнению М. М. Гунба, был незначителен. В таком случае, значительная часть атарской керамической продукции предназначалась, очевидно, для вывоза вина и масла, поскольку изготовление вообще амфор, развивается только с наступлением известного экономического благосостояния, делающего возможным вывоз сельскохозяйственных продуктов[6]. К тому же в VIII – X вв. в Абхазском царстве особое внимание уделялось виноградарству, как интенсивной отрасли хозяйства[1]. Вино экспортировалось в пифосах больших размеров. Емкость одного из таких пифосов могла достигать 200–300 литров[2].

[1] Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии…С. 73–74.

[2] Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тб., 1985. С. 43. Его же. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI – XIII вв). – Сухум. 1999. С. 20.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 53.

[5] Там же. С. 52.

[6] Романчук А. И. Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. Т. 32. 1971. С. 47.

Дополнительный свет на историю гончарного производства этого времени проливают находки с территории расселения абхазо-адыгских племен северо-западнее нынешней Абхазии (т. е. Сочи -Адлерского региона). На Красной поляне, а также на развалинах Хостинской крепости, городища Ачипсе и др. найдено множество фрагментов разнообразных глиняных изделий и керамические шлаки[3]. Эти районы, как указывают источники, имели довольно тесные экономические связи с римско-византийским миром[4].

Развитие ремесленного производства способствовало усилению хозяйственно-экономических связей не только между горной и низинной зонами раннесредневековой Абхазии, но и между отдельными регионами страны (в частности, между Цабалом, Атарой и жителями Губаадвы (Красной поляны), что должно было благоприятно отразиться на развитии городов. И действительно, о довольно развитой экономике Абхазии в рассматриваемый период, однозначно свидетельствует наступивший относительно высокий уровень развития городской жизни[5]. Экономический подъем, начавшийся в VI –VII вв., был, несомненно, одним из решающих факторов и политического подъема Абхазии, имевшего место в ту эпоху.

О значительном усилении экономической и политической мощи Абхазии (Абазгии) с конца VII в., в частности, говорит Анакопийское оборонительное сооружение, строительство которого, по мнению М. М. Гунба, было под силу лишь развивающемуся царству. Арабский полководец Мурван, который покорил весь Южный Кавказ от Дербента до Абхазии, разорил множество крепостей и городов, в том числе крепость Цихе-Годжи, разрушил Келасурскую стену и город Цхуми, но не смог овладеть Анакопийской крепостью[6].

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1…С. 50.

[2] Гунба М. М. Атарские гончарные печи… С. 11, 20–22.

[3] Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 86.

[4] Там же. С. 53.

[5] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 165–185.

[6] Гунба М. М. Атарские гончарные печи… С. 47.

Стены наиболее древней части Анакопийского укрепления были возведены из плотно подогнанных друг к другу известняковых квадратов (60 х 60 см) на известковом растворе с песком, гравием и шамотом[1]. Установлено, что здесь применена также римско-византийская строительная техника, заключающаяся в перемежающейся кладке белого камня с прослоями кирпича[2]. Кирпичи эти, по характеру бортиков имеют сходство с хорошо изученной черепицей, происходящей из средневековых поселений Северного Причерноморья[3].

Политическое и экономическое положение Абхазского царства еще больше усилилось после изгнания арабов[4]. Наличие сильной центральной власти позволяет ему осуществлять широкую политическую экспансию в соседние страны. Так, на востоке оно присоединило к своим владениям ослабленную нашествием тех же арабов практически всю территорию современной Западной Грузии, одновременно включившись в борьбу и за картлийские земли[5]. При этом, главное для правящей абхазской верхушки, как и для иных правителей иных стран, несомненно, заключалось в проведении собственной политической линии и отстаивании коренных интересов своей страны. В этом отношении царство абхазов мало чем отличалось от других евразийских государств, неотъемлемой частью жизни которых являлась неустанная экспансия.

В период существования Абхазского царства и его освобождения от византийской зависимости с конца VIII века, внешняя торговля переходит под контроль абхазских царей и регулируется на основе местных правил. Государство больше не выступает в роли пассивного поставщика. Морской флот (силы береговой охраны) и армия царства (упоминаются в источниках как «абхазское войско»)[6] контро-

[1] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 90–91.

[2] Там же. С. 107.

[3] Там же. С. 141–142.

[4] Гунба М. М. Атарские гончарные печи… С. 47.

[5] Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 540.

[6] Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тб., 1988. С. 50, 62, 80.

лировали побережье Восточного берега Черного моря и перевалы, по которым шли торговые пути. Следует отметить, что средневековое феодальное право не проводило различия между собственностью на землю и водные пространства и властью над ними. Оно считало, что собственность на землю и воду была источником власти над территорией. Монарх признавался верховным собственником в стране и обладателем верховной власти. Феодальные государства распространили этот взгляд и на прилегающие к суше морские пространства, которые они рассматривали в качестве «наследия», приобретаемого вместе с береговой территорией. Носителю верховной власти принадлежало все, что приносили к берегу морские волны. В случае кораблекрушения, ему доставалось все, что оставалось от судна, весь груз, который удавалось выловить, а также все оставшиеся в живых члены корабля[1]. Однако в этот же период или чуть позднее ситуация в «береговом праве» начала коренным образом меняться. Об этом свидетельствует, например, 43-я статья греческих законов, включенных в сборник законов Вахтанга VI в начале XVIII в., где сказано, что «… если корабль потерпит крушение и оттуда (кто-нибудь) унесет товар себе домой, и если немедленно он не вручит этот товар владельцу, то через год он должен уплатить четырехкратную стоимость. В 346-й статье судебника Мхитара Гоша обязанности жителей приморского города в случае кораблекрушения определены следующим образом: «Если вблизи от города на море корабль потерпит крушение, (то) жители ближайшего города должны… всеми средствами идти на помощь… Обязаны даже выделить денежные средства и попытаться спасти (судно), так как это долг тех, кто может помочь и спасти»[2].

Уже к середине VIII в. (так же как и в пору своего расцвета в X в., об этом ниже) Абхазское царство простиралось от р. Чорох на юге до Никопсии, а по некоторым другим данным даже вплоть до р. Кубань (Малой реки Хазарии) на севере, о чем свидетельствуют средневековые письменные источники[3]. С политической экспансией абхазов было связано и расширение их культурного влияния, в том

[1] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 160

[2] Там же.

[3] Там же.

числе языка, следы которого прослеживаются и сейчас в топонимике указанного побережья[1]. Словом, следствием образования самостоятельного государства стало не только расширение его территории, но и упрочение позиции торговли и обмена, чрезвычайно важных для экономики общества. С этого времени, по всем данным, происходит постепенное усиление царства, создаются условия и стимул для развития народного хозяйства, в результате чего оно участвует в широком международном обмене[2]. Есть основания считать, что в структуру торговли Абхазского царства входил не только внутренний и внешний, но и государственный и частный, мелкий и крупный товарообмен; разнообразным был, надо полагать, и набор товаров, имевший хождение на рынке. Крупные абхазские профессиональные торговцы (абх. атуҵьарцәа)[3], занятые по преимуществу отдаленной внешней торговлей, находились на службе у царского двора, были, по сути, и его торговыми агентами (кстати сказать, к X в. относится

[1] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986. С. 31: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 398.

[2] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 80,84.

[3] Купечество по-абх. «атуджарра» (аҭуҵьарра, см.: Абхазский язык. Учебное пособие для экономического факультета (на абх. яз.) Сост. О. П. Дзидзария, А. Ш. Шинкуба, А. И. Гицба. – Сухум. 2006. С. 156). Само слово атуджарра и производное от нее «атуджар», «купец, торговец, коммерсант» является заимствованием (с середины XVI в.) из турецкого tüccar **«купцы, торговцы». (Джонуа Б. Г. Заимствованная** лексика абхазского языка. – Сухум. 2002. С. 105, 146. См. также: Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989. С. 117). Вместе с тем по устному сообщению языковеда О. П. Дзидзария, атуджарра – вторичное слово, в абхазском языке существовала более ранняя абхазо-адыгская лексема. Должно быть вообще отмечено, что система профессиональной торговли в абхазском обществе, по имеющимся данным, складывается довольно рано – в период поздней бронзы. Это было связано с тем, что общество гениохийских ремесленников достигает такого уровня хозяйственного развития и экономического прогресса, что, в условиях роста населения, внутренних и внешних взаимосвязей, происходит обособление отдельных отраслей производства, возникновение и развитие общественного разделения труда и обмена. Появляется специализация ремесленного производства, которое отделяется от земледелия, в результате чего, как и в других древних обществах, в абхазском появляется слой населения, для которого обмен-торговля становится основным занятием. (См.: Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии. С древнейших времен до XX века... С. 28). Из сказанного следует, что экономика древней Абхазии рано приобретает товарный характер, хотя собственная монета здесь появляется в эпоху эллинизма.

первое упоминание о купечестве, например, и в Киевской Руси, а в Европе, начиная с указанного столетия, постепенно протекал процесс урбанизации, сопровождавшийся неизбежным ростом торговли и подъемом класса торговцев). Нужно также полагать, что крупные абхазские профессиональные торговцы получали товар со складов, с тем, чтобы продать или обменять его за пределами страны. Впрочем, товар, который предлагали купцы, был, очевидно, не только царский: они вывозили и свой, совмещая, таким образом, государственную и частную коммерцию.

Если в предшествующие времена внешний обмен совершался через иностранных купцов, то в период Абхазского царства и сами абхазы, надо полагать, предпринимали торговые поездки в чужие страны. Хотя прямых письменных указаний на этот счет у нас нет, но имеются сведения по адыгским народам, часть из которых в X в. проживала на территории Абхазского царства. Так, арабский автор X в. Масуди указывает, что среди многочисленных иноземных купцов, съезжающихся в Трапезунд, часто бывают торговцы из адыгов-касогов, причем они приплывают туда на кораблях, которые снаряжаются у них[1]. Это можно отнести и к абхазским купцам, которые в период существования Абхазского царства, несомненно, бывали в чужих странах. Об этом свидетельствует и одно историческое предание, согласно которому, население проживившее у современного Нового Афона, и в частности, представители рода Смыр, являлись известными купцами и на своих судах плавали в Турцию, Египет по торговым делам. Такая ситуация, безусловно, должна была способствовать и пополнению государственной казны (в которую поступали большие доходы и от пошлин, взимавшихся с купцов), а, следовательно, и экономическому развитию царства, расцвету его городов – Севастополиса, Питиунта, Анакопии и др.

Забегая немного вперед, заметим, что на это последнее обстоятельство (о богатстве некоторых абхазских царей, умножавших его, надо полагать, и посредством торговли) имеется указание в «Летописи Картли». Там сообщается, что Баграт IV (правил в 1027–1072 годах)

[1] Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963. С. 206; Адыгская (черкесская) энциклопедия… С. 105–106.

был «богатейший из всех царей Абхазии». После смерти Баграта, при его наследнике – сыне Георгии II, противники царской власти подняли восстание, и, как сказано в летописи, один из «главарей царства» «присвоил казну кутатисскую»[1]. Вообще же имеющиеся сведения дают основание считать, что основной тенденцией, определившей экономическое развитие Абхазского царства в этот период, являлось развитие денежной экономики. Некоторые сообщения письменных источников, также хотя и косвенно, но, тем не менее свидетельствуют об усилении в этот период в Абхазии монетного обращения. Так, Георгий Мерчуле сообщает, что абхазский царь… духовному «отцу Григолу и его сподвижникам подарил десять тысяч драхм и осыпал их всеми благами…»[2].

Тенденция к развитию денежной экономики и, ее преобладания, очевидно, над натуральным хозяйством, в значительной степени, несомненно, была связана с инициативой абхазского государства, использовавшего такие методы экономической и торговой политики, как система торговых и налоговых привилегий, создание монополий, денежное налогообложение и т. д.

В VIII–XI вв. в Абхазском царстве, как считается, основным платежным средством были византийские монеты[3], тогда как в Картли в обращении были арабские монеты[4]. Эти монеты выступали в роли местной, так как служили местному назначению и широко использовались на внутреннем и внешнем рынках. Вместе с тем, в некоторых «варварских» странах (например, в Хазарии) наряду с византийскими, вводили в обращение монеты собственного чекана[5]. В Абхазии

[1] Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тб., 1982. С. 77.

[2] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 193.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 103. Так, в 1955 г. в Сухуми был найден клад медных византийских монет. Двадцать пять монет из числа этого клада относятся к византийским фоллисам конца X–XI вв. Одна монета, по всей вероятности, восточного (арабского) чекана, возможно подвергшаяся перечеканке (Шамба С. М. Клад византийских монет из Сухуми // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985. С. 78–85).

[4] Джалагония И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. – Тб., 1979. С. 105–122.

[5] См.: Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. – М., 1974. С. 27.

же, по мнению исследователей, подобные денежные единицы не изготовлялись[1].

Однако письменные материалы не позволяют согласиться с подобной точкой зрения. Имеем в виду утверждение Д. Ланга о том, что в средние века в Абхазии обращался золотой гиперпирон весом в один мискал в качестве платежного средства. «Эта монета – указывает Д. Ланг, – имела хождение в землях абхазов и является денежной единицей их отцов»[2].

Этой цитатой пока что и ограничиваются наши сведения по указанной монете. Однако, очевидно, что она участвовала в денежном обращении средневековой Абхазии и, видимо, имела совместное с византийской монетой, хождение. Вместе с тем, вполне логично было бы предположить, что золотой гиперпирон стал выпускаться абхазскими царями с созданием самостоятельного Абхазского государства и необходимостью проведения собственной экономической и торговой политики.

Известно, что в освобождении Абхазского царства от византийского подчинения большую помощь Леону II оказали хазары. Этому событию предшествовало то, что абхазские феодалы установили тесные политические отношения с хазарами, укрепив их династическим союзом (мать Леона II была дочерью хазарского кагана). Установление политического союза хазар с абхазами, по всей вероятности, было обусловлено и экономическими интересами хазар, которых с Восточным Причерноморьем связывали перевальные пути, проходящие через Абхазию[3]. Так что понятно и то, почему Леон II к концу своей жизни сделал Кутаис вторым, после Анакопии, стольным городом Абхазского царства[4] (Кутаис находился в большей удаленности

[1] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 218.

[2] Lang D. M. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. – London. 1965; Аджинджал Е. К. Из истории Абхазской государственности. – Сухум. 1996. С. 15.

[3] См. Анфимов И. Н. Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. – Краснодар. 1990. С. 226–227.

[4] Расположенный в центральной части современной Западной Грузии и на значительном торговом пути, Кутаис с конца X в., становится политическим центром всего Абхазского царства. В эти периоды столица царства осуществляла торгово-экономические связи с Тбилиси (который подчинялся арабскому эмирату), Колхидой, Южной Грузией, Византией, Арменией.

от границ Византийской империи и наикратчайшем пути в Хазарию)[1]. Помимо сухопутных дорог Абхазия была связана с хазарами и морским путем через Таманский полуостров.

О существовании между хазарами и абхазами торгово-экономических связей можно судить на основе керамического производства. По мнению М. М. Трапш, абхазская поливная керамика такого типа, которая происходит из замка Баграта в Сухуме и известная на всем Востоке, в том числе на Кавказе и в Крыму, «своей зеленой поливой… больше тяготеет к северным керамическим производствам (Крым, Нижнее и Среднее Поволжье), чем к южным»[2].

Среди цебельдинских изделий из железа найдены панцирные пластины, часть которых, по мнению археологов, имеют прямые аналогии с материалами VI–VIII вв. из Северного Причерноморья и Средней Азии[3].

В VII–IX вв. хазары владели в основном Восточным Предкавказьем с береговой полосой вдоль Каспия до Дербента, частью Крыма, Тамани. С этого времени (конец VII в.) более тесными становятся политические, экономические и культурные связи между тюркскими племенами и адыгами, и другими народами Северного Кавказа, вошедшими в состав каганата[4], или находившимися от него в вассальной зависимости.

В период расцвета и наивысшего политического подъема Абхазского царства, т. е. в первой половине X в., экономическое состояние Хазарского каганата, согласно общепринятому мнению, находилось на весьма низком уровне. По свидетельству Масуди, «страна хазар не производит ничего, чтобы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея, ибо мед, воск, меха, которые Персия получает из Хазарии, ввозятся туда

[1] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 141.

[2] Трапш М. М. Труды. Т. IV…170.

[3] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды… С. 84.

[4] Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. С. 106–107, 115, 199; Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов… С. 120; Науменко В. Е. В вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 544–568; Галкина Е. С. Кавказские войны VII – VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток. № 4. 2006. С. 5-20.

из Руси, Булгар и Киева»[1]. По словам Ибрагима Ибн Якуба, евреи (исключительно в руках которых находилась торговля Хазарии) вывозили из славянских стран, главным образом, славян-военнопленных для продажи в рабство, а также юношей, девушек и детей для разврата и гаремов. Практиковалась торговля кастрированными славянскими юношами и детьми. Для кастрации евреи оборудовали в Каффе (Феодосии) специальные заведения[2].

Много лет, занимавшийся археологическим изучением Хазарского каганата Л. Н. Гумилев, основную причину падения экономики страны видел в резких климатических изменениях. В начале X в. на севере Восточной Европы на протяжении довольно длительного времени шли обильные дожди, что в конечном итоге привело к подъему уровня Каспийского моря. В результате этого природного катаклизма хазарские поля, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Экономика каганата рухнула (хотя и не пришла в полный упадок). Хазары потеряли две трети своей территории, и, следовательно, и свои богатства[3].

Сложившееся обстоятельство заставило каганат существовать за счет эксплуатации торговых путей, взимая пошлины с проходящих караванов. По этому поводу Б. А. Рыбаков пишет: «… государство хазар, жившее за счет таможенных пошлин, держало в своих руках все выходы из Восточной Европы на Восток в страну гузов, Хорезм и остальные владения Халифата. Хазарский каган брал большие пошлины при проезде и возврате, а в случае благоприятного для него соотношения сил просто грабил возвращавшиеся караваны, как это было в 913 году»[4].

[1] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. – СПб., 1870. С. 133; Новосельцев А. П. Хазарское государство… С. 116.

[2] Хазарский каганат. http://www. hrono. ru/land/landh/hazaria. php.

[3] Гагин И. А. Волжская Булгария: от посольства багдадского халифа до походов князя Святослава (X в.) // ВИ. № 3. 2008. С. 131–142.

[4] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. – М., 1982. С. 375. Большие пошлины, которыми хазары облагали иностранных купцов, были для последних крайне обременительны, и поход войска Святослава против основных хазарских городов (968/969 гг. по Ибн Хаукалю) был вызван и данными экономическими причинами (Новосельцев А. П. Хазарское государство… С. 116).

Таким образом, к началу X в. экономика Хазарии опиралась только на широкие международные торговые связи, при этом главную роль играла транзитная торговля, нередко спекулятивная перепродажа.

Уместно в этой связи вспомнить, что сам этноним «хазар» (адыгск. «къэзэр») вошел в некоторые северокавказские языки (осетинский, кабардинский) в значении «скупой», «дорогой», «торгаш», «продающий» по высокой цене, «дорого запрашивающий за свои товары и неуступчивый в цене»[1]. Подобная характеристика хазар была связана, несомненно, с той торговой ролью, которую они играли как посредники между Востоком и Западом.

Как было указано, помощь Абхазии в освобождении от византийского протектората оказали хазары. Но, несмотря на выход Абхазии из подчинения Византии, престиж императорской власти и авторитет патриарха был достаточно велик, чтобы оказывать, надо полагать, влияние на политику абхазских царей в очень многих случаях. Не давали Абхазии серьезно оторваться от Византии и общие с империей сухопутные и морские границы (а на востоке Абхазскому царству противостояли сильные мусульманские государства). Поэтому на протяжении всей двухсотлетней истории Абхазского царства прослеживается сохранение преимущественно политической и культурной ориентации на Византию, а значит и приоритетное во внешней торговле направление, более предпочтительное для товарообмена.

Письменные источники между тем свидетельствуют, что VIII – первая половина IX вв. характеризуются экономическим спадом в областях Ромейской империи. Приходят в запустение ее города, чеканка монет и денежное обращение сокращается, регрессируют многие отрасли ремесла. Основную массу товарного производства составляют не ремесленные изделия, а продукты земледелия и скотоводства[2]. Значительная аграризация Византии, надо полагать, в определенной степени затрагивала и экономические условия Восточного Причерноморья, лишив их экономических партнеров, в первую очередь, в

[1] Абаев В. И. Этноним «хазар» в языках Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXVII. – Орджоникидзе. 1968. С. 216–218; Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков… С. 74.

[2] История Византии. Т. 2. – М., 1967. С. 23-30; Удальцов З. В. Роль городов… С. 22–23.

лице городских центров самой империи[1]. Правда, не все исследователи согласны с подобной оценкой состояния византийской экономики VIII–IX вв. Так, Г. Л. Курбатов, не соглашаясь с выводом Э. Арвейлера о том, что в указанное время в Византии происходит крах городов и торговли, считает, что в эти столетия зарождается международная торговля Византии, а государством проводится политика поощрения импорта[2]. При различных подходах к решению вопроса экономического состояния Византии VIII–IX вв., следует учитывать то весьма существенное обстоятельство, что с VIII в. в Средиземноморье устанавливается арабское господство, в результате чего Константинополь на достаточно долгий период оказывается отрезанным от Западного Средиземноморья[3]. Такое положение вело к упадку экономических связей империи с внешним миром, ослаблению ее экономических связей со странами Восточной Европы[4]. Торговые связи Восточного Причерноморья со Средиземноморьем, тем не менее, осуществлялись, хотя, надо полагать, в меньших масштабах и, по-видимому, уже, главным образом, благодаря сухопутным дорогам. Об этом может свидетельствовать, единственный в своем роде факт, приводимый в письменных источниках о том, что византийский автор Константин Порфирогенет в первой половине X в., имея в виду город-крепость Артануч (Артануджи) в бассейне р. Чорохи, писал: «сюда стекаются товары из Трапезунда, Иберии, Абазгии и всей Армении и Сирии. Этими товарами здесь ведется большая торговля…»[5].

В период существования и особенно наивысшего усиления Абхазского царства, как мы полагаем, экономические и иного рода связи,

[1] Там же.

[2] См.: ВВ. № 50. 1989. С. 231.

[3] Ahrweiller H. Byzance et la Mer… С. 97. Следует заметить, что если в эпоху Омеядов в самом халифате не очень были развиты ремесло, торговля и городская жизнь, а значительная часть арабов все еще считала постыдным заниматься торговлей (и потому главный источник дохода искала в войне и территориальном расширении), то со второй половины VIII в., когда во главе халифата оказались Аббасиды, начался экономический подъем государства, расширилась торговля, умножились города. (Габашвили В. Н. Очерки из истории Ближнего Востока. – Тб., 1957. С. 79).

[4] Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985. С. 393.

[5] Георгика. Т. IV. Вып. II. – Тб., 1952. С. 278–280; Лившиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. – М –Л., 1961. С. 95; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. С. 205.

поддерживались и с другими регионами Закавказья. Несмотря на то, что эти вопросы не нашли отражения в письменных источниках, на помощь исследователям приходит абхазский языковой материал, дающий возможность реконструировать политико-культурные и экономические связи Абхазского государства того времени. В связи с этим, обращает на себя внимание существующее в абхазском языке слово «шамахамзар», что переводится как «за редким исключением», «очень редко» являясь, таким образом, указанием на редкость, в том числе, например, товара. Абхазы говорят: шамахамзар – шамахантәи иааумгар, уаҳа иабаауго, «если не привезешь из Шамахи (Шемахи), то откуда больше привезешь». Следовательно, в слове шамахамзар, шамахантъи, сохранилось указание на торговые и другие связи Абхазии с городом Шемаха, – в IX – XVI вв. столицы Ширванского государства (на территории Северного Азербайджана), – резиденции Ширван-шахов. В этой связи следует вспомнить и то, что, согласно историческому преданию, от правящей династии Ширванского княжества – Ширван-шахов, происходит фамилия владетелей Цхумского (Сухумского) воеводства, а впоследствии и Абхазского княжества –Шервашидзе (Чачба)[1]. Впервые эта фамилия, как известно, упоминается в письменных источниках около середины XI в. в «Матиане Картлиса»[2], что, безусловно, указывает на появление рода Шервашидзе (Чачба) на политическом поприще Абхазского царства значительно раньше XI века.

Словом, несмотря на чрезмерную ограниченность имеющихся сведений, наличие в абхазском языке слова шамахамзар, шамахантъ, свидетельствует о реальных торгово-экономических связях Абхазского царства, в частности в VIII – X вв., с Ширванским государством и ее столицей Шемахой. Связи с этим городом имели для Абхазии особое значение в том смысле, надо полагать, что Шемаха, находясь на

[1] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 191–192. Наличие связей Абхазии с территорией нынешнего Азербайджана свидетельствовал и А. В. Фадеев, когда писал: «Абхазские кони, топот которых слышался в долинах Риона и Куры и даже в азербайджанских степях, протаптывали пути для византийских купеческих караванов, движущихся на Восток…». (Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии (Очерки по истории береговой торговли в XVI – XVIII вв.)... С. 30).

[2] Сообщения средневековых грузинских письменных источников… С. 44.

пересечении караванных путей, являлась одним из крупных торгово-ремесленных центров (где имелись многочисленные шелкоткацкие, бумагопрядильные и ковровые мастерские) на Ближнем Востоке, занимая значительное место в международной торговле шелком.

Важным свидетельством большого значения Шемахи, как одного из мест транзитной торговли, служит и то, что сюда приходили купцы даже из Индии и Европы, а также арабские, иранские, русские, азербайджанские, и как мы можем теперь полагать, и абхазские купцы. На основании косвенных сообщений письменных источников можно также сказать, что как в период Абхазского царства, так и в последующий период, одним из основных предметов ввоза в страну могли быть знаменитые шемахинские ковры. Согласно Б. Д. Грекову, с X в. в Киевскую Русь вывозилась бакинская нефть, употреблявшаяся главным образом для целей военной техники (метательные сосуды с зажигательным веществом, заменявшие нынешнюю артиллерию)[1]. В таком случае, для военных, в частности, целей, мог иметь место вывоз нефти и в другие страны Закавказья, в том числе он мог поступать и на территорию Абхазского царства.

Выше говорилось о том, что морские торговые связи Восточного Причерноморья и Византийской империи со Средиземноморьем, в связи с арабскими завоеваниями, были ослаблены. Однако в середине X века Византия восстанавливает свой контроль на морских путях, шедших по Эгейскому морю и связывавших Константинополь со странами Средиземноморья. Вместе со стабилизацией внутри – и внешнеполитической обстановки в Византии оживляется городская жизнь. Ремесло и торговля вступают в полосу бурного подъема. Возрастает объем внешней торговли, усиливается денежное обращение, а в Причерноморье и Восточную Европу начинается новый приток произведений византийского ремесленного производства.

Археологи М. М. Трапш и О. Х. Бгажба отмечают, что в VIII – X вв. из Византии и Крыма в Абхазию поступала импортная тарная керамическая посуда различных типов. Это подтверждается, например, выявленными в Анакопии пифосами с горизонтальными желобами

[1] Греков Б. Д. Киевская Русь. ttp://www. bibliotekar. ru/rusFroyanov/14. htm

– каннелюрами для усиления стенок посуды и в качестве орнаментирующего начала[1].

Указанные амфоры имеют слегка вытянутый и суживающийся к низу круглодонный корпус с массивными «гребенчатыми» ручками круглого или овального сечения, высокое горло, частично отогнутый венчик, округлое днище[2]. На поверхности одного амфорного черепка из Анакопии имелся вдавленный штамповый орнамент в виде розетки с 11 лепестками, а на обломке ручки одной из посуд сохранилось изображение знака мастера, напоминающее восьмерку[3].

Основная часть анакопийских амфор обнаруживает сходство с аналогичной посудой, происходящей из средневековых поселений Северного Причерноморья; из мастерских Крыма и Византии в средневековую Абхазию нередко привозили и материал для производства амфор[4], в том числе, например, один из красителей, использовавшийся при изготовлении поливной керамики – кобальт ввозился из Ирана, так как его в средневековой Абхазии и соседних регионах не было. В IX–X вв. в Абхазское царство привозили и кувшины с плоскими ручками, характерные для средневекового Херсонеса, Боспора, Саркела и Тамани[5].

Главным образом, в слоях VIII–X вв. встречаются фрагменты в целом немногочисленной на территории Абхазии лощеных кувшинов, которые по цвету делятся на два подтипа: а) серолощеные кувшины Анакопии и б) краснолощеные кувшины замка Багната[6]. Малочисленность фрагментов лощеной керамики в имеющихся материалах средневековой Абхазии, – по мнению О. Х. Бгажба, – говорит о том, что она могла быть завезена из какого-нибудь керамического центра, находящегося за пределами Абхазии. Эта керамика, в частности, имеет сходство с аланской лощеной керамикой VIII–X вв. [7].

[1] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VII–XIV вв). – Сухуми. 1977. С. 14–15.

[2] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 139; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии… С. 14–15.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 152; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу…С. 14.

[4] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу… С. 13–14.

[5] Там же.

[6] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу… С. 23–24.

[7] Там же.

При приобретении предметов ремесла особо учитывались интересы, вкусы и эстетические потребности различных слоев населения[1]. Помимо амфор и кувшинов, в указанный период в Абхазию продолжали привозить кирпичи, которые, по характеру бортиков аналогичны черепице Северного Причерноморья[2].

В рассматриваемое время, т. е. в VIII – X вв., как видно на основе анализа имеющихся археологических и письменных материалов, в истории Абхазии имеет место не только экономический прогресс, развитие торговых отношений царства, способствующие быстрому росту народонаселения, но и миграции абхазов по разным направлениям за пределы своей этнической территории – Византию, Картли, Северный Кавказ и др. Например, хорошо известны факты феодальной миграции («колонизации») имевшей место с X в. со стороны Абхазского царства в Эгриси и Картли, о чем свидетельствует установленное исследователями абхазское происхождение известных в феодальной Грузии княжеских родов (напр. Бараташвили – от Качибадзе-Гечба, Мачабели – от Ачба, а также Чачибая, Ашибая, Какубава, Езугбая и др.)[3].

Источники свидетельствуют, что в эпоху Абхазского царства миграционные процессы происходили не только в восточном направлении, но и в северо-западном, т. е. тогда, когда Абхазское царство расширялось «не только на юг, но и на север»[4]. Эти переселения из Абхазии в Закубанье, согласно источникам, происходили уже с V – VI вв. Но число этих переселенцев, по всей видимости, «увеличивается в X – XII вв…»[5].

Указания письменных источников о миграции потомков апсилов и санигов на равнины Закубанья, находят свое подтверждение и в археологических материалах. Так, по предположению Н. Г. Ловпаче[6],

[1] Гунба М. М. Атарские гончарные печи… С. 48.

[2] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 141–142; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу… С. 37.

[3] Джанашия С. Н. Труды. Т. II. – Тб., 1952. С. 476–481 (на груз. яз.).

[4] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 208.

[5] Алексеева Е. П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л., 1969. С. 26.

[6] Ловпаче Н. Г. Абазино - абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская Международная археологиче-

на перемещение определенной части абхазов на левобережье Кубани в раннем средневековье, указывает существование на днищах закубанских сосудов орнаментально-культовой символики, характерной для цебельдинской культуры. На это же указывает и наличие общих абхазо-абазинских тамг в закубанских могильниках[1].

Большое значение в деле миграции абхазов на север, как полагает Н. Г. Ловпаче, должны были иметь политические связи Абхазии с Хазарским каганатом, закрепленным браком абхазского царя Константина II на хазарской принцессе[2]. Поэтому движение некоторой части апсилов и санигов в сторону Кубани, считает Н. Г. Ловпаче, могло быть санкционировано хазарским царем, который рассматривал бассейн р. Кубани как шесть климатов (областей. – **О. М**.), платящих ему дань[3]. Еще ранее А. В. Гадло владение абхазскими царями территории до р. Кубань также объяснял передачей правительством Хазарии (при заключении династического брака) абхазскому владетелю каких-то феодальных прав на территорию Малой Хазарии[4]. Согласно же грузинским письменным источникам, еще Леон I получил территорию до реки Малой Хазарии от византийского императора Льва Исавра[5].

Несколько особняком стоит мнение З. В. Анчабадзе, которое мы разделяем о том, что владения абхазских царей в X в. порой доходили до Кубани «в зависимости от успехов политической экспансии»[6]. Это обстоятельство находит свое отражение и в абхазских народных преданиях. Согласно одному из них, при царе Георгий II (929–957) границы Абхазии доходили до устья р. Кубань[7], неподалеку от которой

ская конференция. – Сухум. 2006. С. 56–59.

[1] Там же.

[2] Ловпаче Н. Г. Абазино - абхазский компонент… С. 56–59.

[3] Ловпаче Н. Г. Абазино - абхазский компонент… С. 59.

[4] Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа… С. 197.

[5] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии… С. 31.

[6] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 111, 117.

[7] Возможно указанием на то, что северо-западная граница Абхазии некогда доходила до устья реки Кубань, является и героический нартский эпос абхазов, где, в частности, говорится: «мать нартов Сатаней-Гуаша часто выходила на берег реки Кубань», «посевные поля Нартов находились в долине Кубани» и т. д. (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов… С. 282; Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977. С. 14, 46.

Георгий построил крепость и назвал ее «Анапа» – «словно в конце вытянутой руки»[1]. О том, что Анапа, располагавшаяся на территории исторической Зихии, в период правления Георгия II входила в состав Абхазии есть указание и в летописи «Матиане картлиса»[2]. С этой точки зрения, название Анапа, до которой могла доходить политическая граница Абхазского царства, возможно, свидетельствует и о том, что в этом районе был воздвигнут абхазский флаг с изображением руки (ладони)? (Как ныне установлено, средневековые абхазские флаги, на своем красном полотнище имели изображение ладони левой руки). Во всяком случае, приведенные выше археологические материалы о переселении части предков абхазов на левобережье Кубани, указывают, очевидно, на то, что среди зихского (адыгского) населения, проживавшего в районе Анапы, присутствовал и абхазский этнический элемент[3]. Ими, несомненно, могли быть и воинские контингенты, которые предназначались для охраны северо-западных границ Абхазского царства.

Вхождение же этих земель или их объединение с Абхазией облегчалось по всей вероятности и тем, что здесь проживали кровнородственные абхазам адыгские племена. Что касается наконец, мотивов

[1] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 111.

[6] Там же.

[3] Это подтверждается, например, и «Новым полным географическим словарем Российского государства или лексиконом» (Ч. 1. 1788 г.), где сказано: «в прежние времена жил народ сей (абхазы. – **О. М.**) только по западной к Черному морю примыкающейся стороне Кавказских гор, по рекам прямо сие море между Кубанью и Ингуром впадающим». (правда, южная граница царства абхазов, как мы знаем, распространялась дальше Ингура, но в данном случае нас более интересует указание на северо-западную этнополитическую границу царства). Следует сказать и о том, что период правления Георгия II, когда территория Абхазского государства достигает максимальных пределов, историк К. Кудрявцев характеризует, как «эру вполне независимой, самостоятельной Абхазии». Причины же возвышения Абхазского царства, К. Кудрявцев объясняет в частности тем, что «благодаря торговым путям, пролегавшим с Запада на Восток, абхазское население было наиболее сильным в материальном и культурном отношениях в Закавказье». (Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922. С. 124). К концу правления Георгия II, Абхазия, судя по источникам, являлась одним из самых процветающих и богатых государств Кавказа.

территориального расширения Абхазского царства в северо-западном направлении в VIII – X вв., то в его основе, вероятно, лежали экономические интересы, а именно, желание поставить под свой контроль богатые хлебные районы левобережья Кубани и извлечение выгод из экспортной торговли.

При всем, надо полагать, немаловажном значении, какую играла в Абхазском царстве внешняя торговля, не приходится отрицать того факта, что оформление в Восточном Причерноморье новой политической единицы под названием Абхазского царства, происходило главным образом, в результате развития собственных производительных сил (с учетом, разумеется, и благоприятных внешнеэкономических условий). В этой связи еще раз обратим внимание на экономическую базу Абхазского царства. Выше частично уже говорилось о развитии ремесленного производства в раннефеодальной Абхазии. Главной же отраслью народного хозяйства Абхазского царства было отгонное скотоводство при наличии развитого земледелия. Преобладал мелкий рогатый скот – козы и овцы[1]. Предполагается, что мелкий рогатый скот, обеспечивая внутренние нужды, позволял вывозить часть полученной шерсти за рубеж, в частности, в ту же Византию[2]. Земледелие больше носило плужный характер[3]. Основными культурами в сельском хозяйстве были зерновые: ячмень, просо, пшеница, чечевица. В то же время считается, что в Абхазском царстве не было обширных свободных земель, поскольку она была густо заселена[4]. Малоземелье, – пишет в свою очередь Г. А. Амичба, – недостаточная плодородность основных посевных угодий, сравнительно низкий уровень сельскохозяйственных орудий труда, вероятно, мешали обилию урожайности зерновых культур; поэтому здесь производство зерна служило только для удовлетворения внутренних потребностей. Более того, полагает Г. А. Амичба, в эпоху Абхазского царства, считающегося страной развитого земледелия, сюда завозили, вместе с другими товарами и зерно[5].

[1] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 130, 135.
[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 50.
[3] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э… С. 39.
[4] Там же. С. 37, 38.
[5] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 23–24.

На наш взгляд, в основном следует согласиться с характеристикой, какая дается здесь ученым земледелию в Абхазском царстве; правда нельзя не сказать и о том, что некоторые абхазские историки состояние земельного фонда и вообще сельского хозяйства на территории Картли механически переносили на Абхазию[1]. Однако, заметим, что «благодаря наличию немалого количества мелкого рогатого скота, абхазы применяли множество способов внесения органических удобрений в почву[2]. Автор XVIII в. Я. Рейнеггс, в свою очередь отмечал, что «край абхазов очень плодороден», особенно горные долины и открытые равнины, орошаемые реками[3]. Это обстоятельство подтверждается и царевичем Вахушти, который писал, что на территории Абхазского царства выращивают в достатке пшеницу и в большом количестве просо. Вахушти подчеркивал, что и другие зерновые культуры прекрасно произрастали, а труженик с помощью одной цалды и мотыги мог выращивать столько зерна, что мог платить натурой ренту и прокормить семью[4].

Словом, очевидно, что зерна в царстве было достаточно, но товарного зерна собственно Абхазия, видимо, почти не производила, хотя и могла временами его вывозить (такая ситуация наблюдалась, например, во второй половине XIV в., когда хлеб с территории Абхазии вывозился в Северное Причерноморье).

Что касается тезиса об отсутствии в Абхазии обширных посевных площадей, то он также, надо полагать, соответствует действительности. В этой связи можно предполагать, что в период относительно мирной жизни и экономического прогресса, каковой была эпоха Абхазского царства, территория страны действительно была плотно заселенной[5]. Наиболее важным фактом, говорящем о малоземелье в Абхазии, является, очевидно, то, что только 26,2% современной тер-

[1] Хотя, например, хорошо известно о том, что одной из побудительных причин массового переселения в Абхазию в XIX в. в основном жителей Мегрелии, было отсутствие земельного «голода» в низменных районах Абхазии, и, наоборот, малоземелье и малое плодородие почвы в Западной Грузии.
[2] Чанба Р. К. Полеводство // Абхазы. – М., 2007. С. 124
[3] История Абхазии… С. 131.
[4] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э… С. 49.
[5] Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов… С. 404.

ритории страны занимают равнины, остальное – горные и лесные массивы[1].

Материалы вместе с тем свидетельствуют о том, что в Абхазском царстве отмечался относительно высокий уровень агротехники, что позволяло получать устойчивые урожаи и удовлетворять потребности населения не только в различных зерновых, но также технических и огородных культурах[2]. Сказанное, разумеется, не исключало и завоза зерна в Абхазию, что осуществлялось, надо полагать, главным образом для обмена на нужные иноземцам местное сырье и продукты (например, того же животноводства). Что касается экспорта этого продукта из страны, то по этому поводу Ц. Н. Бжания отмечает, что производство зерна в Абхазии вплоть до второй половины XIX века носило натуральный характер, т. е. служило для удовлетворения внутренних потребностей. Это подтверждается и тем, что во всех известных исторических документах, сведениях греко-римских и средневековых авторов при описании торгово-экономических взаимоотношений и торговых операций абхазов не упоминается вывозная торговля зерном[3].

Действительно, в византийских и в целом средневековых источниках ничего об этом не сказано. Но нужно при этом отметить, что в письменных источниках (из-за отсутствия прямых и конкретных сведений), не говорится вообще о торговле Абхазского царства. Поэтому, если до образования царства имел место ввоз зерна (и то, главным образом для византийских гарнизонов в Абхазии), то есть все основания полагать, что его импорт именно в эпоху Абхазского царства носил очень ограниченный характер (в этом просто не было необходимости), еще и потому, что оно особенно выращивалось на северо-западных территориях на левобережье Кубани, закрепление которых за Абхазией позволило не просто производить в большом количестве хлеб, но и вывозить его за границу.

Приведенные материалы в свою очередь указывают на то, что политическая северо-западная граница Абхазского царства в середине X в. непосредственно соседствовала с Тмутараканским княжеством

[1] Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии… С. 26.

[2] Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э… С. 49.

[3] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 144.

на Таманском полуострове[1]. Акад. Н. Я. Марр в связи с этим обращал внимание на то немаловажное обстоятельство, что, например, армянские источники X века часто помещают Руссию рядом с Абхазией, а царей Руссии и Абхазии изображают в одинаковых одеждах[2]. Видный этнограф и фольклорист Вс. Ф. Миллер видит в «Тмутаракани центр, в котором завязывались самые живые и бойкие сношения Руси с соседними тюркскими и кавказскими народностями… Благодаря своему приморскому положению и торговому значению этот город и его окрестности отличались самым пестрым этнографическим составом населения: здесь проживали и греки, составлявшие, главным образом, торговую часть населения, и представители разных тюркских племен, и представители воинственных кавказцев, которые всегда вместе с тюрками давали обильный контингент в дружины, набираемые в Тмутаракани русскими князьями для походов на Русь в борьбе из-за уделов[3]. На основании приведенных данных становится более очевидным существование политико-экономических и культурных контактов абхазов с русскими славянами. По мнению некоторых исследователей экономические и культурные сношения Абхазии с Древней Русью через Таманский полуостров впервые завязываются именно в X веке[4].

Однако первые контакты между русскими и абхазами, по мнению ученых, следует отнести к более раннему периоду. В этой связи В. Кожинов указывает, что отношения Руси с Абхазией начались, очевидно, еще в IX в., во время могущества Хазарского каганата, в зону влияния которого входили и Южная Русь, и Абхазия[5]. В VIII – X вв. славянские племена Черноморья также были в той или иной мере втянуты в торговые обороты Причерноморья, составлявшие часть того мирового торгового оборота, который шел тогда по Сре-

[1] Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников. (Историко-культурологический анализ). Дисс. в виде научного доклада на соик. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум. 2007. С. 74–84.

[2] Хотко С. Х. Черкесское мореходство. Цит. по:www. forum caucasus. com/index. php?topic=401. 0;wap

[3] См.: «Проблема отношений всей России с Кавказом». Цит. по:http://www. neuch. ru/referat/29160. html

[4] Греков Б. Д. Киевская Русь… С. 433

[5] Цит. по: Папаскир А. Л. Обезы и их грузинские истолкователи. – Сухум. 2004. С. 74–75.

диземноморью с центром в Константинополе[1]. Вместе с тем, почти нет в нашем распоряжении каких-либо конкретных сведений о торговых взаимоотношениях Древней Руси с абхазами в IX – X вв. Хотя на сей счет имеются некоторые весьма скупые и косвенные данные, проливающие свет на подобные возможные связи экономического характера. Мы имеем в виду сведения, писавшего в 880-х гг. географа Ибн-Хордадбеха о руссах («вид славян»), которые вывозили меха бобров (первой статьи русского экспорта) и черных лисиц, а также мечи «из самых отдаленных частей страны славян» на рынки Черноморья и Переднего Востока[2]. Кроме того, довольно высокую долю древнерусского экспорта составляло собранное в колоссальных размерах путем дани («полюдье») продовольствие (хлеб, рыба, мясо). В VIII – X вв. к ней добавлялись рабы, челядь из пленных или попавших в тяжелую кабалу людей, находивших спрос на международных рынках[3]. Грандиозные, хорошо охраняемые военно-торговые экспедиции, приходящиеся на летнее время, доставляли экспортную часть «полюдья» по Черному морю в Болгарию, Византию, на Каспии[4] и т. д. Более определенно по этому поводу высказался проф. А. Н. Сахаров, согласно которому, до монгольского нашествия, «торговые пути, проходящие по меридиально текущим рекам (Днепр, Волга, Западная Двина и другие), по окружающим морям (Балтика, Черное, Азовское, Каспийское моря), тесно соединяли восточных славян с Центральной и Северной Европой, Византией, с Балканами, со странами Кавказа, Передней Азией»[5]. Приведенные свидетельства также должны говорить в пользу того, что начало экономических взаимосвязей Древней Руси с абхазами относится к периоду расцвета Абхазского царства и его активных взаимоотношений с Хазарией и Византией (о некоторых других примерах абхазо-славянского взаимодействия, выходящих за рамки X в., см. в следующей главе).

[1] История русской литературы. Т. 1. Литература XI– начала XIII века. Редакторы тома акад. А. С. Орлов, проф. В. П. Адрианова - Перетц, проф. Н. К. Гудзий. – Москва-Ленинград. 1941. С. 3–4.

[5] Мачинский Д. А. Рецензия на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). – Л., 1982 // СЭ. № 6. 1984. С. 161.

[1] Всемирная история. Под ред. акад. Г. Б. Поляка, проф. А. Н. Марковой… С. 131.

[2] Там же.

[3] Сахаров А. Н. Русь на путях к «третьему Риму». – М., 2010. С. 63.

ГЛАВА IV.
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В ЗРЕЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Вплоть до XIII в. в торговле со странами Причерноморья сохранялась монополия Византийской империи. В XI–XII вв., согласно источникам, между Константинополем и Абхазией были самые оживленные сообщения, а о размерах производившейся в это время торговли можно судить хотя бы по тому, что «береговая полоса Абхазии кипит промышленной жизнью и целые флоты курсируют между двумя странами»[1]. Основными предметами вывоза, как и у ряда других народов Северного Причерноморья и Кавказа, были продукты животноводства, пчеловодства и охоты (для сравнения: в X–XII вв. Киевская Русь, например, экспортировала в Византию меха, мед, воск и рабов)[2]. К числу основных продуктов экспорта из Абхазии на протяжении всего средневековья следует добавить рыбу различной заготовки. С точки зрения экономических связей между Византийской империей и Абхазским царством определенный интерес представляет и сообщение, сохранившееся в грекоязычной эпической поэме X – XI вв., «Дигенис Акрит», согласно которому в Византии очень ценились охотничьи соколы, поставляемые из Абасгии[3]. В этом памятнике, в частности, сказано, что богатырь Дигенис и его невеста Евдокия получают в дар соколов, поставляемых из Абхазии: «Птиц ловчих из Абасгии, двенадцать белоснежных: Двенадцать малых соколов и столько же обычных»[4]. Автор перевода на русский язык «Дигениса

[1] Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда. // «Домашняя беседа». – СПб. 1877 // Вып. 33. С. 934.

[2] См.: Экономика Киевской Руси в IX–начале XI века. http://www. websib. ru/~gardarika/lec/lec4-1. html

[3] Памятники византийской литературы IX–XIV веков. – М., 1969. С. 121, 434.

[4] Там же.

Акрита» А. Я. Сыркин в конце книги дает следующий комментарий: «Абасгия – современная Абхазия; соколы, поставляемые оттуда, особенно ценились[1]. Позднее тот же автор в монографии «Поэма о Дигенисе Акрите», вышедшей в 1964 г., также писал: Стратиг дарит жениху… двенадцать охотничьих гепардов, двенадцать белоснежных ловчих птиц из Абасгии, по двенадцати малых и обычных соколов…[2].

В Восточное Причерноморье в тот период поступали, главным образом византийская поливная керамика и высококачественные шелковые ткани (например, в течение этих столетий из Византии на Русь импортировали в основном вина, шелка и предметы искусства, такие как иконы и ювелирные украшения, а также фрукты и изделия из стекла).

В этой связи отметим, что в данный период (т. е. особенно в XI – XII вв.) многие византийские города, в прошлом крепости или епископальные центры, превращаются в очаги ремесла (гончарного дела, стеклоделия, шелкоткачества), внутренней и внешней торговли[3]. При этом следует заметить, что ввоз в Абхазию византийской поливной керамики, по сравнению с другими регионами Причерноморья, должен был быть ограниченным, поскольку, в Абхазии, в тот период, как установлено, на высоком уровне стояло местное керамическое производство[4].

Это обстоятельство иллюстрируется тем, что в XI–XII вв. в гончарном производстве средневековой Абхазии наступает важный перелом – происходит смена ручного круга на ножной, что связано с резким увеличением рыночного сбыта этого вида изделий: пифосов, кувшинов, корчаг, мисок[5].

Необходимым условием керамического производства является наличие соответствующего сырья, которое в средневековой Абхазии,

[1] Там же. С. 434.

[2] Сыркин А. Я. Поэма о Дигенисе Акрите. – М., 1964. С. 182, 184; Симаков Г. Н., Хеция А. Д. Очерки соколиной охоты у народов Кавказа. – Сухум. 2011. С. 56.

[3] См.: Каджан А. П. Византийские города в VII – XI вв. // СА. Т. XXI. 1954; Древняя Русь. Город. Замок. Село… С. 394.

[4] См.: Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 170; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу… С. 37.

[5] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу… С. 8, 32, 37.

добывалось на месте[1]. Тем не менее, исследователь ремесленного производства средневековой Абхазии О. Х. Бгажба не исключает того, что некоторые драгоценные металлы и их окислы или различные соли ввозились из Византии, Крыма, Закавказья, Северного Ирана, с которыми население средневековой Абхазии имело определенные культурные и торговые связи[2]. Он также полагает, что и отдельные типы поливной керамики, например, чаши и тарелки с простейшим геометрическим орнаментом граффито в зрелое средневековье ввозились в Абхазию из Константинополя[3].

Словом, импорт в Абхазию в тот период, например, византийской поливной керамики не играл сколько-нибудь важной роли: это не являлось случайностью, а было следствием того, что сама Абхазия обладала достаточно развитым ремесленным производством.

Археологические материалы дают основание полагать, что население Абхазии зрелого феодализма поддерживало реальные контакты с Крымским полуостровом. Об этом свидетельствует найденная на Херсонесском городище поливная керамика, имеющая большое сходство со случайно выявленными в Абхазии (замок Баграта) аналогичными глиняными сосудами. Этот факт, по мнению археологов, указывает на то, что подобная, драгоценная для того времени, поливная керамика была завезена в Херсон из древнего Сухума[4]. Как установлено, в XI–XII вв. на херсонских гончаров значительное воздействие оказывали традиции ремесленных центров Закавказья. И поэтому, несмотря на то, что в районе Херсонеса зафиксировано много находок, в частности, и византийской поливной посуды[5], исследователи допускают, что часть изделий поливной керамики, изготовленной в древнем Сухуме, как сказано, могла быть завезена в Крым из Абхазии.

Данное положение может быть подтверждено исследованиями О. Х. Бгажба, который на основе изучения продукции гончаров приходит к следующему выводу. В XI – XIII вв. в Абхазии появляются но-

[1] Там же. С. 7–8.

[2] Там же. С. 8.

[3] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу…С. 31-32, 35.

[4] Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. – М., 1889; Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 170.

[5] Древняя Русь. Город. Замок. Село… С. 394.

вые формы сосудов, тарные кувшины с овальными ручками, горшки, большое количество клейменной керамики, говорящей, что гончары уже больше стали работать на рынок. Для этого периода является характерным наличие поливной керамики, один из местных центров производства которой находился в древнем Сухуме[1].

Следовательно, появление и развитие поливной керамики являлось красноречивым выражением бурного роста города как ремесленного центра[2]. Без преувеличения можно сказать, что средневековая поливная керамика является верным показателем формирования городской культуры вообще[3].

Таким образом, в XI – XII вв. в Крым поступала абхазская поливная посуда. В указанное время из Абхазии, надо полагать, вывозили и другие товары, о которых, к сожалению, ничего более не известно, как не известны и товары, поступившие из Крыма в Абхазию. Можно лишь отметить, что в Абхазию привозили предметы украшения, принадлежности женского туалета. Например, жители Анакопии, согласно М. М. Трапш, использовали херсонесские бронзовые пуговицы сферической формы с ушками, которые датируются IX–XI вв. [4]. Из других украшений можно отметить часть обломков стеклянных браслетов X–XII вв., найденных в Сухумской крепости[5], хотя и трудно судить носило ли их проникновение в Абхазию торговый характер. В обмен на абхазские изделия из Крыма могли ввозиться также сырье и рабы.

Выше указывалось, что еще в раннее средневековье через Таманский полуостров в первый раз были установлены экономические и культурные связи Абхазии с Киевской Русью.

В 993 году одна из периферийных хроник дает указание на нападение руссов на пределы Абхазии. Очевидно это неизвестный поход тмутараканских руссов на западные пределы Абхазского царства, ближе к устью Кубани[6].

[1] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу. С. 38.

[2] Якобсон А. Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. Т. 39. 1978. С. 150.

[3] Там же.

[4] Трапш М. М. Труды. Т. IV… С. 129.

[5] Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 302.

[6] Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000.

По другим данным, древнерусские дружины под предводительством князя Мстислава Тмутараканского (прозванного Удалым), в начале XI в. появились на территории современной Гагры[1]. Хотя это появление славян на территории современной Абхазии и на Кавказском побережье, вероятно, было связано с теми войнами, которые киевский князь вел с зихами (касогами) и аланами (осами)[2], было неизбежно установление каких-то связей с местным населением. Тем более, что причерноморские касоги, обитавшие в районе совр. Туапсе, входили в Абхазское царство. Во всяком случае, создавая Тмутараканское княжество на пороге страны абхазов, киевский князь Святослав, судя по всему, учитывал реальные политические силы в окрестностях Тамани, где абхазы занимали далеко не последнее место[3]. Не без основания в научной литературе принято считать и то, что в киевский период имели место оседание и ассимиляция в абхазо-адыгской среде представителей славянского этноса[4]: абхазо-адыгское и славянское взаимодействие в этот период, определявшееся географической близостью, несомненно, имело место на многих плоскостях этнокультурного процесса, включая и коммерцию.

Судя по огромной территории распространения керамики крымско-кавказского производства, торговля между древними абхазо-адыгами и славянами была, вероятно, весьма интенсивной и осуществлялась по водным артериям, что было, очевидно, явлением вполне естественным в условиях развитых традиций мореходства как у абхазо–адыгов, так и у славян.

Некоторые сведения о контактах и путях сообщения абхазов с Киевской Русью содержатся в известиях 1153–1154 гг. русских лето-

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 2009. С. 233.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагра и его окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 1. – Тифлис. 1903. С. 44. Согласно источнику, Мстислав Тмутараканский часто воевал «с соседними кавказскими народами: ясами (осетинами), касогами (черкесами) и обезами (абхазцами)». (Романовский В. Е. Очерки из истории Грузии. – Тифлис. 1902. С. 131). По другим данным «из Тмутаракани русские князья собирали дань с хазар, ясов, касогов, обезов». (См.: Очерки истории СССР. Ч. 1. – М., 1953. С. 88).

[3] Папаскир А. Обезы и их грузинские истолкователи… С. 80.

[4] Максидов А. А. Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик. 2001. С. 17.

писей, где сказано: «обезы (абхазцы), нар. на Кавказе… из их страны едут в Киев по Черному морю и Днепру»[1]. Следовательно, мы с полным основанием можем говорить, что между иностранными гостями, торговавшими в Киеве в XII в., находились и абхазы. Хотя, вряд ли подобные торговые поездки абхазов в Киев могли быть регулярными и частыми не только по причине расстояния, но и потому, что этому мало благоприятствовала внутриполитическая обстановка в столице Древней Руси, которая характеризуется, согласно летописям, осложнением, борьбой за Киев между князьями, переходом его из рук в руки, частыми осадами и разгромом его Андреем Боголюбским в 1169 г. [2].

В целом ряде исторически разновременных источников сохранились сведения о том, что абхазо-абазинский этнический элемент постоянно присутствовал и в районе устья Кубани с VIII в. вплоть до позднего средневековья[3]. На основании косвенных сообщений некоторых письменных источников, есть также основания полагать, что в самой Тамани абхазы имели высокий этносоциальный статус. Наиболее яркое свидетельство этому приводится арабским ученым XII в. ал-Идриси, который указывал, что в середине того же столетия в Тмутаракани правили абхазские князья Olou Abbas, известные своей силой и храбростью[4]. Данное сообщение подтверждается акад. А. П. Новосельцевым, подчеркнувшим, что действительно, в середине XII в. в Тамани правила династия абхазского княжеского происхождения[5].

Кроме указанного сообщения ал-Идриси об абхазских правителях Тамани (факт с точки зрения абхазской истории весьма значительный и, кстати, являет собой второй пример военно-политического доминирования абхазов за пределами их материальной территории: первый пример, как известно, господство абхазов на территории

[1] Указатель к осьми томам ПСРЛ. – СПб., 1907. С. 318. .

[2] ПСРЛ. Т. II. – СПб., 1908. С. 545.

[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 207–208; Папаскир А. Обезы… С. 82–84

[4] Ал-Идриси. География Идриси. – Париж. 1840. С. 359 (на франц. яз.).

[5] Новосельцев А. П. Внешняя торговля Древней Руси // «История СССР». 1967. № 3. С. 107; Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. – М., 1938. С. 126.

нынешней Западной Грузии, после того, как Леон II сделал второй столицей г. Кутаис), в источниках, к сожалению, об этих князьях нет более никаких известий. Однако можно предполагать, что абхазские князья, очевидно, славились не только своей властью и смелостью, но также и тем, что приобрели свое могущество и за счет развития и содействия ими промышленности и торговле. Такой вывод напрашивается сведениями источника о том, что при князьях Абас (Абаза) город Тмутаракань «служил коммерческим и политическим центром густо населенной области»[1], а также «считался важным торговым пунктом»[2].

Из некоторых косвенных данных, есть основания также думать, что Тмутаракань, располагавшаяся на одном из устьев Кубани, рядом с проливом, отделяющим Крымский полуостров от Таманского, посещали большие торговые суда и купцы из многих стран; сюда же, надо полагать, сходились все соседние народы для совершения торговых операций. Следует правда заметить, что еще в начале XII в. оживляются торговые связи Тмутаракани с Византией и Херсоном, растет население города: именно на это время приходится основная масса найденных в Тмутаракани фрагментов византийской половины посуды[3]. Основная доля древнерусского вывоза падает на сырье, но вывозились из Руси и ремесленные изделия, ювелирные украшения и льняные одежды. Уже в начале XII в. в Закавказье было известно, что льняные одежды «ценою каждая в золотую монету» вывозятся из страны «русов».

Наиболее значительным свидетельством, известным нам на сегодняшний день, экономических связей Абхазии с Древней Русью, является факт, содержащийся в памятнике русской письменности «Патерике Киево-Печерской лавры» (XIII – XV вв.) о том, что в период строительства великой Лаврской церкви (70-е годы XI в.) в Киев прибыли мастера греки и обезы[4], которые привезли мусию, материал

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 126.

[2] Там же.

[3] См.: ВВ. Т. XXVI. 1965. С. 287–288.

[4] Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1986. С. 417. См. также: Папаскир А. Обезы и их грузинские истолкователи… С. 73, 91.

для мозаики, которым и был украшен алтарь храма[1]. Хотя этот материал был привезен для продажи, однако, прибывшие мастера, увидев чудеса искусства, творимые в Киеве Антонием и Феодосием, решили пожертвовать его храму[2]. Искусствовед В. Лазарев говоря о мозаике Михайловского монастыря в Киеве (XI в.) пишет: «Мозаика Михайловского монастыря была последним памятником мозаической живописи на русской почве. Этот вид искусства, неразрывно связанный с расцветом экономической и политической мощи Киевского государства, стоил настолько дорого, что в дальнейшем его уже не применяли в декорировке храмов. Владетелям мелких феодальных княжеств было не под силу украшать возводимые ими церкви мозаиками. К тому же следует учитывать, что по мере проникновения половцев к южным торговым путям, почти отпала возможность привозить из Царьграда мусию. Согласно свидетельству Печерского патерика, эту мусию «приносили на продание» не только греки, но и обезы»[3].

Это сообщение может быть подтверждено и тем, что в самой Абхазии, по указанию специалистов, изготовление мозаик имело давнюю традицию и находилось на очень высоком уровне. Об этом свидетельствует, в частности, мозаичная вымостка, выполненная в IV–V вв. в Пицундском храме, остатки стенной мозаики из смальты разных цветов V–VI вв. в районе Сухумской крепости, найденные в 1959 г., а также мозаичными фрагментами из неточно датированного средневекового храма у реки Беслетка (за средневековым мостом) [4].

Имеются вместе с тем, серьезные основания полагать, что материал для мозаик изготавливался в самом Киеве, где в ходе археологических раскопок обнаружены остатки мастерской по производству стекла и смальты для мозаик[5]. Эти данные, однако, не противоречат

[1] Патерик Киево - Печерского монастыря – СПб., 1911. С. 8; Шмидт Ф. О Тмутаракани // Материалы по истории Абхазии. 1. С. 4. См. также: Абхазское искусство. – Сухум–Санкт-Петербург. 2004. С. 17.

[2] Патерик Киево-Печерского монастыря. Там же.

[3] См.: История русского искусства. Т. 1. – М., 1953. С. 212.

[4] Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика // ВП. Т. 3. – Тб., 1978. С. 169–188; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 299–301. Его же. Труды. Т. III. – Сухум. 2011. С. 490.

[5] Щапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений // ВВ. Т. XIX. 1961. С. 60–71; Древняя Русь… С. 156, 157.

тому, что материал для мозаик завозили и из страны обезов по следующим причинам. Для исполнения мозаичных работ на месте подбирали необходимые камни. Если их не оказывалось на месте, или если необходимых камней недоставало, их завозили. В любом случае, анализ пицундской мозаики и остатков средневековой стенной мозаики в Сухумской крепости, дали основание искусствоведам заключить, что на территории Абхазии имелся очаг мозаичного производства, как это было в определенных пунктах Европы, Малой Азии и Северной Африки, и потому сообщение «Патерика» о привозе смальты в Киевскую Русь «из обезы» имеет под собой реальную почву[1]. Существование в рассматриваемое время мозаичного центра в Абхазии и вывоз смальты в Киевскую Русь, может предполагать, что материал для мозаик мог бы вывозиться из Абхазии и в другие страны. Трудно говорить относительно того, какие еще товары поступали в Древнюю Русь из Абхазии. По всей вероятности туда завозили древесину самшита. Так, в Новгороде (а также Смоленске и других древнерусских городах) были найдены самшитовые гребни X–XV вв., которые, как можно предполагать, были сделаны новгородскими мастерами из самшита, привезенного купцами из побережья Западного Кавказа – ближайшего к Новгороду места, где призрастает самшит[2]. Самшит для Новгорода купцы ввозили, как полагают, волжским или днепровским путями. Однако если рассматривать это явление на фоне политической истории Новгорода, то станет ясно, что это было время острой борьбы Новгорода с Киевом в связи с намерением киевского князя вмешиваться в новгородские дела. Политический конфликт отразился и на торговле[3]. Вместе с тем торговля самшитом не претерпела изменений. Он поступал в Новгород иным путем, возможно волжским. Впоследствии торговля по волжскому пути, достигнув наивысшего подъема в XI в., стала опасной из-за набегов половцев, а позже этот

[1] Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика… С. 188. Еще раньше о существовании в Пицунде местной школы мастеров мозаики писал Л. А. Мацулевич. См. его работу: «Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте» // ВДИ. № 4. 1956.

[2] См.: От документа к познанию прошлого. http://ceolte. com/view/1063/; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 415.

[3] См.:Древнерусские города IX–XIII вв. Цит. по: http://human. cool4student. ru/archeologiya-sssr/drevnerusskie-goroda-ix-xiii-vekov/

путь и совсем был перерезан монголо-татарами. Поэтому торговля с югом шла через Смоленск и Киев[1].

Самшитовые гребни, бытовавшие в Новгороде в течение пяти столетий, чаще всего встречаются в слоях XIII в. и очень редко – в слоях XII века. Вывод о том, что древесина самшита привозилась в Новгород в необработанном виде, а гребни изготовлялись уже местными ремесленниками, был сделан Б. А. Колчиным, на основании абсолютного сходства самшитовых гребней по форме и размерам с некоторыми видами костяных гребней местного новгородского производства. Кроме того, техника нарезки зубьев на многих деревянных и костяных гребнях абсолютно идентична. Из самшита изготовлялись не только гребни. В культурных слоях Новгорода XIII в. найдена маленькая круглая самшитовая шкатулка, у которой еще не выточена внутренняя полость. Очевидно, это полуфабрикат изделия, по каким-либо причинам не обработанного до конца, выброшенного или потерянного новгородским мастером. Частые находки самшитовых гребней в Новгороде свидетельствуют о том, что они были обычными предметами обихода, которые мог купить любой житель города, а не предметами роскоши, доступными лишь людям состоятельным[2]. Нужно также сказать, что в Новгороде самшитом в частности, инкрустировали изделия из капа. И в целом же, как можно судить по имеющимся источникам, самшит и изделия из него на Руси ценились весьма высоко, и купцы продавали его своим ремесленникам по цене в несколько раз дороже. Например, в исторической повести Б. Изюмского «Тимофей с Холопьей улицы» говорится о боярине Незде, который привозил из дальних стран редкие сорта деревьев – самшит, кедр, кипарис – и втридорога продавал их новгородским умельцам.

Источники еще отмечают, что из Абхазии в древнерусские города отправлялись некоторые лакомства и прежде всего грецкий орех[3]. Об этом свидетельствуют находки в том же Новгороде скорлупы грецких

[1] Там же.

[2] См.: Новгородская феодальная республика. http://limej. ru/index. php/stat/124-stat/15459-novgorodskaya_feodal_naya_respublika. htm; Древнерусские города IX –XIII вв. . . ; Социально-экономические отношения в Новгороде в 12–15 вв. http://para. by/download/para. by/referat/3248_240–1718.

[3] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. . . С. 347.

орехов, обнаруженые при раскопках в различных слоях различного времени. Наибольшее число этих находок приходится на XII век, а начиная с 40-х годов XIII в. скорлупа грецких орехов встречается редко[1]. Выясняется также, что в тот период из Северо-Западного Кавказа в Древнюю Русь вывозили дорогое оружие, предназначенное для русской феодальной аристократии[2].

В период Абхазского царства и в последующие века продолжали развиваться ее связи с населением Северного Кавказа. Торгово-экономические отношения в тот период, пишет З. В. Анчабадзе, « должны были связывать Абхазию и с соседними странами Северного Кавказа, что подтверждается и существовавшими между ними интенсивными связями политического и культурного порядка»[3]. Например, тесные связи Абхазия имела с родственными адыгами, о чем свидетельствуют многие источники[4].

В X – XI вв. политический и экономический расцвет на Северном Кавказе переживала, как известно, Алания, которая в X веке признавалась самой сильной в Юго-Восточной Европе. Заметное воз-

[1] Торговля Новгородской республики. http://www. agmi. ru/category/istoriya_rossii/torgovlya1. phtml

[2] В связи с абхазо-славянским культурно-историческим взаимодействием, некоторые авторы полагают, что «в Днепровской, Полтавской, Черкасской и других областях Украины до сих пор встречаются фамилии «абхазского происхождения»: Абаза, Кужба, Бабий, Гужва, Мазепа (?), Чич, Шемет и другие» (См.: Абхазия. Новый путеводитель. Автор путеводителя: Д. Дасания. – Майкоп. 2008. С. 51). Однако же, если пойти по такому пути, то абхазскими должны быть, например, и фамилии Бульба, Кашуба, Дрогба, Лумумба и другие, что однако далеко от истины. Перечисленные выше фамилии, за исключением, может быть Абаза (которая, несомненно, является фамилией этнического происхождения, производной от абазг-абхаз),а также Лейба (и ныне встречающейся на Украине), имеют, лишь формальное совпадение с абхазскими, поэтому и считать их абхазскими по происхождению, нет никаких оснований.

[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 160–161.

[4] Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С объяснениями В. Латышева. – СПБ., 1896. С. 98–103; История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государств. Ч. 3– 4. М. –Л., 1939. С. 133, 171– 175, 181. 420 – 421; Турчанинов Г. Кабардинская надгробная надпись греческого письма конца XVI в. (1581). «Сообщения АН ГССР». Т. IV. № 3. 1944. С. 350 –351; Прозрителев Г. Древнехристианские памятники на Северном Кавказе. // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. I. С. 6, 7; Лавров Л. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. // СЭ. 1936. № 4, 5; Успенский Ф. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. // Киевская старина. Т. XXV. 1889. Май-июнь. С. 277 и след.

действие на экономическое благосостояние населения Алании, надо полагать, оказывали именно тесные связи с Абхазским царством, Византией, а также функционирование в Западном Закавказье трассы Великого шелкового пути. Более того, по предположению В. А. Кузнецова «именно благодаря эффективности шелкового пути и постоянным связям с Абхазией, Лазикой и Византийской империей Западная Алания так заметно возвысилась в X – XII вв. »[1].

Вместе с тем, сама Алания, также, надо полагать, не была лишена для Абхазии интереса именно в экономическом смысле, так как могла быть ценным дополнением к экономике низинных районов Абхазии. Следовательно, для Абхазии Алания должна была быть одним из важных торговых партнеров.

Основными предметами вывозной торговли средневековой Алании были хлеб, рыба, икра, продукты животноводства, пчеловодства и охоты. Импортные товары были, в основном, представлены предметами роскоши[2].

Археологические материалы в то же время показывают, что среди выявленных на территории Абхазии периода зрелого средневековья обломков поливной керамики, преобладают изделия восточногрузинского и, возможно, армянского и персидского происхождения[3]. Это говорит о том, что в это время имело место значительно большее, чем прежде, укрепление восточного направления торговых и культурных связей Абхазии.

Сравнительно же интенсивные связи с соседней Картли нашли отражение в находках на территории Абхазии монет, главным образом,

[1] Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAUCASUS»… С. 52.

[2] Следует подчеркнуть, что различные средневековые источники вообще содержат ценные сведения о той значительной роли, которую играли аланы в международной торговле. Касаясь этого вопроса, историки Д. Б. Греков и А. Ю. Якубовский пишут следующее: «Восточные источники, так же как и византийские, а в равной мере и русская летопись, согласно говорят, что в XI – XII веках, и даже в XIII веке, т. е. уже при татарах, аланские купцы занимали важное место в торговле, которая в то время интенсивно шла как по волжскому пути из болгар в Среднюю Азию, Кавказ, Иран и Дальний Восток, так и через степи в Крым, а оттуда на Трапезунд в Малую Азию, на Константинополь, а также велась с русскими княжествами». (Греков Д. Б. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. – М. –Л., 1950. С. 21. См. также: Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути… С. 152–153).

[3] Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии… С. 358.

с грузинским подражанием арабским дирхемам, которые сменяются монетами Давида Строителя, Георгия III, Тамары и Давида Сослана, Русудан[1].

Впрочем, расширение восточных связей не означало угасания традиционной ориентации на Византию. Находки на территории византийских и западноевропейских монет также отражают сравнительно широкие экономические связи Абхазии со странами Запада[2].

Некоторые письменные источники информируют, что в период Абхазского царства, у абхазов наличествовали определенные торговые связи с народами Северной Европы. Кстати, северный торговый район (Балтийское и Северное моря), начинает формироваться именно с этого времени, т. е. с конца X в. Так, Э. Реклю указывал на водный путь, по которому с древности развивались и осуществлялись экономические отношения: «Имеются серьезные указания на то, что существовала правильная торговля между Кавказом и берегами Балтийского моря, через господство оссов, может быть азов (абхазов. – **О. М**.), переселившихся затем в Скандинавию»[3]. О наличии торговых связей Западного Закавказья с Северной Европой может быть подтверждено тем, что, выбитые в X в. в городах Закавказья монеты найдены в кладах, разбросанных на огромном пространстве, вплоть до Северной России, Скандинавии и Восточной Германии[4].

К сожалению, в источниках нет никаких сведений относительно того, какие именно товары привозились в зрелое средневековье в страны Балтийского моря из Кавказа. Однако, известно, что с XI в. в северном торговом районе особым спросом пользовались предметы повседневного спроса. Здесь торговали привезенными из Швеции

[1] Шамба С. М. Монетное обращение… С. 97, 98–104 и сл.

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 161. О насыщенности рынка монетами византийских императоров и абхазо-картлийских царей свидетельствует и то, что в с. Лыхны был найден клад из 70 золотых и серебряных монет, а в Цебельде – из 106 серебряных монет (подражаниям арабским диргемам рубежа X–XI вв.), отчеканенных в Тифлисе.

[3] Цит. по: Гожба Р. Из истории русско-абхазских связей // Журн. «Абаза». № 1. 2005. С. 34–35.

[4] Всемирная история. Глава XXXIII. Развитое феодальное общество в Средней Азии и странах Закавказья в середине IX–начале XIIIв. ttp: // historic. ru/books/item/foo/s00/z0000032/st033. shtml.

цветными металлами и железом, из Норвегии поступала рыба, из России – пушнина и воск, из Прибалтики –воск и хлеб. Можно полагать, что и из Кавказа, в том числе из ее северо-западной части в Западную и Северную Европу вывозились лен, масло, мед, шерсть и др. Из Запада в тот период сюда морем доставлялись, очевидно, предметы роскоши, а также самые необходимые для населения товары (соль, металлические изделия, смола, сукна, сельдь). Что же касается вообще торговли Западной Европы со странами Востока, осуществлявшейся и через пристани Западного Закавказья, то особенно прибыльной во все века была торговля пряностями – перцем, корицей и другими приправами к пресной пище европейцев. Пряности взвешивали на аптекарских весах и продавали небольшими порциями: их ценили на вес золота. Мешок перца или гвоздики стоил целое состояние. Недаром в средневековой Европе очень богатого человека в насмешку называли «мешок перца». Пряности и перец нередко заменяли деньги и являлись платежным средством.

В XII – XV вв. основным транзитным путем из Европы в страны Востока, Крыма и Кавказа служило Средиземное море. Эта посредническая торговля была сосредоточена в руках Венеции и Генуи. Так продолжалось до открытия торгового пути в Индию. При монголах, объединивших Ближний и Дальний Восток, торговля Востока с Западом усилилась. В торговый оборот вовлекались все новые и новые страны. Монголам не удалось, однако, прочно завоевать Сирию и захватить в свои руки южные караванные пути. Поэтому главное значение приобрели северные транзитные пути, проходившие через Центральную и Среднюю Азию к Черному морю, чем и объяснялось оживление черноморской торговли[1].

Исходя из вышесказанного, было бы естественным предполагать, что в рассматриваемое время народы восточного берега Черного моря, в том числе и абхазы, поддерживали торговые связи не только с Византией но и рядом других государств Черного и Средиземного морей, и, в частности, с Трапезундской империей, мамлюкским Египтом, Венецией и Генуей, а с конца XIII в. – Золотой Ордой.

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв… С. 74.

Из всех названных стран, с которыми Абхазия в XIII – XV вв. поддерживала экономические отношения, наименьшее количество сведений имеются о связях с Трапезундской империей: на сей счет источники сохранили скупые сообщения. Так, в специальном упоминании арабского автора Абулфеды (1273–1331) говорится о том, что дорога от Трапезунда до Сухума занимает три дня[1]. В пользу связей Абхазии и Трапезунда может свидетельствовать и то, что экономика Трапезундской империи, населенной греками, лазами, армянами, основывалась на виноградарстве, хлебопашестве и посреднической торговле с Северным Причерноморьем, Кавказом, Месопотамией, Средним Востоком[2]. На сношения Трапезунда с Абхазией указывает также то, что в это время в Причерноморье монетой служила трапезундская «аспр-комнината»[3]. Помимо них, в ходу были «кирманеули» (искаженное грузинское название трапезундского императора Мануила I)[4]. Однако если вплоть до 40-х гг. XIV в. эти отношения носили, как мы полагаем, более или менее регулярный характер, то впоследствии (вплоть до завоевания Трапезунда султаном Мехмедом II) объем торговли между Трапезундом и Абхазией, с учетом нестабильной политической ситуации в империи (гражданская война, натянутые византийско-трапезундские отношения, нарастание османской угрозы и др.)[5], возможно, был незначительным, а главной статьей торговли были обычные товары ежедневного использования.

До середины XIII в. среди западноевропейских стран ведущее место в черноморской торговле занимала Венеция. В 1261 г. она уступала первенство в международной торговле на Черном море Генуе. Сумев получить от императора Византии Михаила VIII Палеолога право беспошлинной торговли на Черном море, генуэзские купцы добрались до Крымского полуострова[6], развернув активную коммер-

[1] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 78.
[2] СИЭ. Т. 14. 1973. С. 371.
[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 169.
[4] Там же.
[5] Успенский Ф. И. Очерки по истории Трапезундской империи. – Л., 1929. С. 99–113; Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. Т. 36. 1974. С. 90. Его же. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. Т. 44. 1983. С. 82.
[6] История Византии. Т. 3. – М., 1967.

ческую деятельность и на абхазском побережье. По словам ученых–экономистов, генуэзцы, под покровительством греческих императоров, почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря[1]. Непосредственному же утверждению генуэзцев на территории Абхазии способствовало, прежде всего, то обстоятельство, что к этому времени (XIII в.) начался, как считают, распад «царства абхазов и картлийцев» (кстати, и Европа в тот период не избежала распада раннесредневековых государств)[2]. А это, вело к тому, что вместо сравнительно высоких для того времени форм торгово-денежных отношений, в результате общего упадка городской жизни, торговли и сельскохозяйственного производства, постепенно господствующим становится натуральное хозяйство[3].

Образование автономных сеньории, знаменовавшее победу феодальной раздробленности, было одним из следствий упадка «царства абхазов и картлийцев», вызванного непрерывными внешними нашествиями и внутренними междоусобицами. Западнокавказские феодалы искали влиятельных, а главное богатых союзников на Западе. Эти сепаратистские усилия были использованы генуэзской дипломатией, по сути дела экономически поддержавшей их партикуляризм. С другой стороны, большую поддержку генуэзским купцам оказывали Чингисхан и его ближайшие преемники (установившие свою власть над производством китайских товаров и поставившие под свой контроль Великий шелковый путь и сухопутный маршрут из Индии на Каспий), которые были заинтересованы в посреднической торговле итальянцев. Именно при монголах, превративших международную торговлю буквально в культ, сухопутные передвижения по одной из трасс Великого шелкового пути, стали наиболее

[1] Шолохов Л. Г. Дон, Кубань, Крым и Азовское море. – Новочеркасск. 2002. С. 78.

[2] Справедливости ради, считаем здесь нужным отметить, что в источниках, насколько известно, нет термина «царство абхазов и картлийцев», а есть титул «царь абхазов и картвелов» (Давид Строитель), что совершенно разные вещи. Ср. также полную титулатуру царицы Тамар: «…царица абхазов, картвелов, ранов, кахов, армян, шахншах и ширваншах». (Об этом подробнее см.: Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994. С. 3–6, 8–9, 12–17).

[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии…С. 235; Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках… С. 14.

безопасными за всю историю азиатской торговли. Об этом в частности, свидетельствует «Практика торговли…» Фр. Пеголотти (начало XIVв.), согласно которому, двигаться по татарским дорогам было очень безопасно, поскольку их охраняли, а любое нападение на купцов и их караваны считалось огромным преступлением, и, что сами татарские ханы предотвращали это и карали тех разбойников, которые рисковали нападать на купцов[1]. Благодаря этим мерам, торговля в указанную эпоху велась практически во всех направлениях: Хорезм, Китай, Иран, Закавказье и на Запад, минуя Крымский полуостров.

Принято считать, что уже с конца XIII в. между Абхазией и Генуей были налажены самые оживленные экономические взаимоотношения. В течение XV в. фактории генуэзцев из пунктов эпизодических сделок превращаются в центры регулярного торгового обмена.

Экономически «просвещенная» Генуя для присвоения людских и материальных ресурсов прибрежных областей Черноморья фактически применяла принципы, которые – если опереться на современную терминологию – можно обозначить как полуколониальные. Создававшиеся на землях зихских правителей и абхазских владетелей генуэзские сеттльменты и фактории не пользовались ни прочной экстерриториальностью в широком смысле этого понятия, ни реальной политической автономией.

Если граждане Генуи считались неподсудными для властей Западного Кавказа и были освобождены от местных повинностей и налогов, неприкосновенность их личности и жилища была весьма условной и во многом зависела от «настроений» местных сеньоров.

Особенностью генуэзской колонизации Причерноморья было то, что она осуществлялась не государством, а различными объедине-

[1] Карпов С. Причерноморье. Перекресток цивилизаций. http://www. aif. ru/academy/article/34575. Нужно сказать, что вообще для всех государств, за нарушение принятых в те или иные времена условий и правил провоза товаров, сохранения безопасности на дорогах, покушение на личность торговцев и его имущество, было характерно жесткое наказание. Так, например, в XIII в. причиной объявления войны монголами государству Хорезм-шахов послужило убийство купцов и присвоение товаров из каравана, принадлежавших Чингиз-хану. (См. напр.: Аристова Л. Б. Международное сотрудничество, проблемы международного транспорта Центральной Азии и Кавказа // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011. С. 299).

ниями граждан-предпринимателей, торговыми компаниями, патрицианскими семействами. Прослойка колонистов, оседавших на более или менее длительный срок в факториях, была не только подвижной, но и очень малочисленной (например, в Каффе в середине XV в. на 70 тыс. жителей насчитывалось только около тысячи генуэзцев)[1]. Колонисты не теряли связи с Генуей, в большинстве случаев сохраняли гражданство метрополии, редко привозили с собой семьи. В далекие заморские земли в поисках богатства и удачи отправлялись, в основном, молодые неженатые мужчины (и обычно, младшие представители своих семейств).

Росту торгового обмена генуэзцев с местным населением способствовало развитие ремесленного производства на местах. Ремесленные гильдии возглавлялись «министрами», назначавшимися властями метрополии. Процессы купли-продажи, оплаты труда, ценообразования строго регламентировались нотариусами. Особо оберегались «секреты» производства редких и ценных товаров, которым генуэзцы обучили местных ремесленников[2].

В системе приоритетов генуэзских предпринимателей на первом месте стояло овладение ключевыми портами, источниками поступления товаров, а также обеспечение свободы судоходства. Поэтому портовые генуэзские фактории располагались на завершении крупных континентальных и речных дорог, в удобных для навигации и стоянки кораблей бухтах и заливах, где и происходило подавляющее большинство коммерческих сделок[3].

В. Гейд в своем труде «История торговли Востока в средние века» писал, что средневековые карты доказывают знание итальянцами до мельчайших подробностей побережья Кавказа и Колхиды, поскольку достаточно полно покрыты названиями местностей, рек, мысов и заливов. В качестве крупнейших поселений генуэзцев на черноморских берегах Кавказа В. Гейд выделяет только Каво ди Буксо –

[1] Моисеенкова Л. С. Древнее золото Крыма. http://crimeagold. com. ua/peoples/genuez. htm

[2] Кация Р. Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII – XV вв.). Дисс. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. – М., 1985. С. 35.

[3] Там же. С 38.

на берегу Бамборской бухты и Севастополис (совр. Сухум, который французский историк Ж. Эер называет также Искурией или Исгау – Jskvria, Jsgaou)[1].

Помимо названных поселений на побережье Абхазии (в том числе на территории обитания садзов в северо-западных районах исторической Абхазии) были основаны следующие фактории: Абказия и Лаиацо (долина Лиашэ) (располагавшиеся, по-видимому, в устьях рек Мзымты и Псоу, судя по венецианским и генуэзским картам того времени), Какари (Гагра), Санта-София (Алахадзы), Пеконда (Пицунда), Никоффа (Анакопия), Каво зизибар (Адзюбжа)[2], Таманса (Тамыш) и др. [3]. На Черноморском побережье Кавказа от Таны (Азова) до Севастополиса (Сухума), по утверждению Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко было основано 39 генуэзских колоний, поселений и стоянок[4].

В административном отношении все генуэзские фактории на побережье Черного и Азовского морей, были подчинены главному постоянному центру генуэзцев в Причерноморье – городу Каффе (совр. Феодосия), а в 1280 г. было открыто особое учреждение под названием «Управление Газарии» (Officium Gazariae), непосредственно ведавшее делами черноморских факторий Генуи.

В ведении Каффы входил контроль за снабжением сеттльментов, найм и оплата чиновников, консульств, находившихся на Кавказском берегу, взыскание торговых налогов, таможенных и других податей.

Самой значительной генуэзской факторией Закавказья являлся, как сказано, совр. Сухум, которому генуэзцы возвратили его римское название (в слегка измененном виде) – Севастополис (Sevastopoli), от-

[1] Там же. С. 39–40.

[2] Маан О. В. Что понималось под названием «Каво зизибар»? // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005. С. 12–14.

[3] История Абхазии… С. 109; Волков И. Г. Побережье Кавказа на морских картах и словесных портоланах XIII – XVI вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 377.

[4] Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик. 2007. С. 27.

куда купцы извлекали большие доходы, а Генуя – значительные пошлины[1].

Поскольку местные правители и купцы не были заинтересованы в конкуренции, генуэзцам пришлось заключить особый договор с ними, чтобы основать свое поселение в Севастополисе. По согласованию опять же с местной властью, в городе с XIV в. функционировала резиденция консула от Генуэзской республики[2]. Консул жил в Сухумской крепости, где абхазскими археологами был выявлен мощный культурный слой генуэзского времени (одноцветная и многоцветная поливная посуда, светильники, стекло и т. д.)[3]. В статусе черноморских факторий, принятом в Генуе в 1449 г., о правах севастопольского консула говорится следующее: «Постановляем и подписываем, что консул в Севастополисе имеет право взимать со всех вещей и товаров генуэзских, привозимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать на свой счет способного письмоводителя, переводчика и рассыльного»[4].

Важной генуэзской факторией на территории Абхазии являлась, несомненно, Каво де Буксо на Бамборском мысу, – «колония, основанная в целях создания удобного порта для торговли» лесом (преимущественно тисом и самшитом), «вывозившимся в Константинополь. По соседству с ним находилась Пицунда – порт, где останавливались генуэзские суда»[5].

Политика генуэзцев в отношении прибрежного населения Кавказа была весьма осторожной, скорее всего из-за нестабильности положения самих итальянцев на берегах Черного моря, удаленности их метрополии, их слабости в количественном отношении, и, следовательно, их уязвимости с военной точки зрения, а также всецелой зависимости прибылей, как сказано, от настроения местных феодалов[6].

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв…. С. 85; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 108.

[2] Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности…С. 18.

[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 168.

[4] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 245.

[5] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 85.

[6] Кация Р. Н. Итальянские колонии… С. 95.

Не рассчитывая только на силу, итальянцы охотно шли на сотрудничество с местной знатью, сохраняя за ней ряд прав и привилегий, широко вовлекали в свои торговые операции местное купечество, приобщая его к новым формам предпринимательства.

По сравнению с другими центрами коммерции на территории Абхазии, более изученной является фактория Таманса или Санто-Томассо, расположенная на западе с. Тамыш[1]. Фактория Санто-Томассо – это хорошо укрепленная с военной точки зрения сооружение, сам характер расположения которого – массивные стены, бойницы, наличие донжона показывают, что генуэзцы нуждались в хорошей защите, надежных фортификациях, поскольку их численность, несмотря на ее сезонные колебания, была в целом незначительна.

Найденные в культурном слое Санто-Томассо фрагменты керамической посуды делятся на: керамическую тару (пифосы, тарные кувшины) и кухонную керамику (горшки, миски). Все находки относятся к категории изделий, характеризующих памятники Абхазии XIII – XV вв. [2]. Из кухонной керамики обнаружено всего пять фрагментов: четыре из них обломки горшков и один фрагмент миски. Явная количественная диспропорция тарной и кухонной посуды объясняется, видимо, прежде всего, характером деятельности поселенцев генуэзской крепости, которые использовали факторию на протяжении не менее одного столетия. Показательно, что насыщенность культурного слоя фрагментами посуды возрастает с течением времени, что было связано с постоянной интенсификацией торгового обмена по мере развития сеттльмента. Меньшая насыщенность его нижней части керамическими фрагментами позволяет предположить, что в начальный период своего основания сеттльмент использовался скорее эпизодически, с приходом в бухту кораблей. Тогда в нем, очевидно, не было постоянных генуэзских поселенцев. По мере увеличения объема торговли в этой местности, возможно, к концу XIV в., в фактории проживал уже постоянный контингент генуэзских представителей[3].

[1] Кация Р. Н. Санто-Томассо – памятник генуэзской эпохи // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 173.

[2] Кация Р. Н. Указ. раб. Там же.

[3] Там же.

В генуэзской колониальной практике вообще, важным следует признать тот факт, что происходит переход от сегрегации местного населения к сотрудничеству с его верхушкой, в том числе, несомненно, и торгово-ремесленной, т. е. происходит стратификация по имущественному и социальному признаку[1].

Генуэзские фактории управлялись консулами или комендантом. В конце XIV в. поселениями, наряду с консулами управляли небольшие постоянные советы, состоявшие из представителей торговой аристократии латинского происхождения. В верхушечную прослойку итальянских факторий, наряду с генуэзцами входили и представители абхазской знати, экономически и политически связанные с генуэзским купечеством[2].

В границах генуэзских поселений проживали те местные жители, которые непосредственно служили у генуэзцев (переводчики, различного рода прислуга, матросы, рабы). Другие представители местных жителей, которых итальянцы привлекали к своей экономической деятельности, селились поблизости, обычно вокруг самой центральной фактории. Вместе с тем, если вначале итальянцы, присвоив себе особые привилегии, селились отдельно, с течением времени границы между богатой генуэзской застройкой и домами местной знати преодолеваются. Все горожане независимо от звания, верований и имущественного положения под постоянной угрозой нападений вынуждены были соблюдать законы жизни в крепости.

Местные торговцы и ремесленники контактировали с генуэзцами и работали по их заказам. Местные ремесленники специализировались на первичной обработке сырья, особенно в кожевенном производстве и обработке древесины, а также на развитии – под влиянием этих умелых мореходов – столь сложного дела, как кораблестроение, изготовление такелажа. Кроме того, местные жители почти исключительно занимались сельским хозяйством, скотоводством и рыболовством. Они же являлись владельцами небольших фрахтовых судов и лодок, осуществлявших перевозки грузов на короткие расстояния[3].

[1] См.: ВВ. Т. 50. 1989. С. 215.

[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 95.

[3] Кация Р. Н. Итальянские колонии… С. 95, 103, 104.

Основой господства, находившихся в абсолютном этническом меньшинстве официальных служащих генуэзской администрации, генуэзских купцов, других поселенцев латинского происхождения было финансовое могущество. Со второй половины XIV в. отмечены достаточно развитые для того времени инвестиции генуэзцев в локальную экономику[1].

Опираясь на счетные книги (массарии) Каффы, С. П. Карпов устанавливает, что в Севастополисе в первой половине XIV в., генуэзские подданные в пользу Генуи платили коммеркии в размере 0,5 % от стоимости товаров, что в 1373 г. составил 60 сомм поступлении[2]. Иными словами, в том году товарооборот севастопольской фактории составил 12 тыс. сомм[3], что было довольно крупной суммой: 2628 кг серебра[4]. Однако, учитывая, что генуэзцы вели торговые операции и в других факториях Абхазии, то ежегодный объем торговли между генуэзцами и абхазами, очевидно, во много раз превышал сумму в 12 тыс. сомм. Причем, при анализе товарооборота, нельзя не учесть наиболее существенный момент: пошлины, собираемые в Севастополисе, не включали специального налога на работорговлю, который взыскивался представителями каффинской Оффиции св. Антония. Это крайне важно, так как именно работорговля была одной из основных сфер генуэзского предпринимательства в Восточном Причерноморье[5].

В начале XV в., согласно С. П. Карпову, товарооборот севастопольской фактории был ниже показателей 1373 г., в 1424–1425 гг. достигнув суммы 11200 сомм[6] (в 10-х – начале 20-х годов XV в. товарооборот фактории составил всего 4200-5000 сомм). В середине XV в. товароо-

[1] См.: Карпов С. П. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII – первой половине XV в.) // Byzantinobulgarica VII. 1981. С. 239–245; Кация Р. Н. Итальянские колонии… С. 34.

[2] Карпов С. П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) //ВВ. Т. 47. 1986. С. 17–23. Его же. Торговля итальянских республик в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1987.

[3] Карпов С. П. Налогообложение итальянской торговли… С. 19.

[4] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 100; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 171.

[5] Карпов С. П. Налогообложение… С. 20–21.

[6] Там же. С. 20.

борот Севастополиса не только не увеличивается, но даже имел тенденцию к падению размеров пошлин, что, впрочем, было явлением свойственным и всем другим факториям Южного Причерноморья. Это обстоятельство объясняется неблагоприятными периодами в истории Севастополиса (захват в 1453 г. турками Константинополя, а затем и Севастополиса; восстание абхазов (см. ниже) и т. д.)[1].

В XV в. торговые пошлины в Сухуме повысились до 1 % от стоимости как ввозимых, так и вывозимых из города генуэзских товаров. При этом, неизвестно, какую пошлину платили генуэзцы местным властям в Сухуме. Однако, исходя из того, что размер пошлины на экспортные и импортные товары в VI – XVIII вв. составляла 2 % от их стоимости[2], то это же правило, очевидно, распространялось и на генуэзцев.

Далее необходимо, хотя бы кратко остановиться на вопросе об этнической принадлежности правителей Севастополиса и составе населения города в XIV – XV вв. В грузинской историографии принято считать, что большинство населения в Сухуме в тот период составляли грузины. Так, по утверждению Т. Н. Берадзе, большинство населения города, «полным хозяином» которого якобы был мегрельский князь Бедиани, «составляли, конечно, грузины»[3].

Прежде всего здесь необходимо подчеркнуть следующее. Рассмотрев соответствующие источники, историк Р. Агрба полагает, что называть Бедиани мегрельским князем нет оснований. По его мнению, род (титул) Бедиани-Бендиа ничего общего не имеет с родом Дадиани, а принадлежит к абхазскому феодальному роду Чачба-Шервашидзе, являясь его ветвью по месту своего происхождения в с. Бедиа[4].

Другими словами, Бедиано происходит от названия одной из царских резиденций и духовного центра в Бедиа, а князь Бендиано можно

[1] Там же. С. 21, 22, 23.

[2] Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. Т. 44. 1983, С. 86.

[3] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 97, 107.

[4] Подробнее см.: Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. 103–104. Его же. Политический аспект и вопросы ономастики в XIII – XV вв. //Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 90–91. См. также: Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 177; Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 34–36.

понимать как князь Бедийский. Сказанное, по мнению цитируемого автора, можно подкрепить тем, что искаженным вариантом Бедиани – Бендиано может выступать термин «Бана», который по утверждению турецкого историка Фахреттина Кирзиоглу, является титулом абхазских владетелей Чачба-Шервашидзе[1]. Об этом в документе второй пловины XV в. (письма султана Мехмеда II), в частности, сказано: «Ханы Крымского виляйета и Баны Черкесской страны покорились османам». В другом письме говорится: «Великий король абхазов и черкесов Бана Шервашидзе»[2].

Обратимся теперь к вопросу об этнической принадлежности большинства населения Севастополиса: здесь по убеждению грузинских историков, как мы отметили выше, также преимущественно, якобы, проживали грузины.

Однако подобные утверждения, как и попытки полностью игнорировать роль абхазов в Севастополисе, вряд ли могут соответствовать действительности. Отрицание этого факта является игнорированием прямых свидетельств итальянских источников о проживании в этом городе абхазов. О том, что среди населения средневекового Сухума присутствовали и абхазы свидетельствует письмо католического епископа Петра, который жалуется на то, что в Севастополе генуэзцы систематически притесняются и подвергаются опасности со стороны «восточных христиан», проживающих в этом городе[3], то есть, собственно абхазов. Такого же мнения и З. В. Анчабадзе[4]. А вот как пишет об этом крупнейший специалист по истории Восточного Причерноморья той эпохи, проф. С. Карпов: «Население Севастополя было… этнически пестрым. Наряду с греками и абхазами там было много евреев»[5]. Утверждению грузинских историков, что в Сухуме в это время, как и ранее, не жили абхазы[6], противоречит и следую-

[1] Агрба Р. О. Политический аспект… Там же.

[2] Там же.

[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии…С. 247; Аргун Ю. Г. Работорговля и военное отходничество у абхазов (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011. С. 238.

[4] Анчабадзе З. В. Указ. раб. С. 247.

[5] Газ. «Абхазия». 16 июля 1991г.

[6] См. также напр.:Гамахария Дж., Чания В. «Оккупация» Абхазии: мифы и реальность?! // Газ. «Свободная Грузия». 27 апреля 1991г.

щая цитата сирийского историка этого периода Ал-Мухибби (1360г.): «Грузины имеют двух царей – царь Давид (т. е. грузинский царь Давид IX, 1346–1360 гг. – **О. М.),** который правит Тифлисом, и Дадиани (мегрельский владетель Георгий II Дадиани, 1345–1384гг. – **О. М**.) – царь, правящий Сухумом и Абхазом[1].

Если на территории Сухума в XIV в. не жили абхазы, и вообще этот город не находился в Абхазии, то незачем было арабскому историку называть рядом Сухум и Абхаз. В противном случае он бы ограничился упоминанием лишь Сухума. Следовательно, Сухум в тот период являлся мегрельским городом не в этническом, а политическом смысле, так как, по сведениям источников, Дадиани управлял Сухумом, вследствие, разумеется, его аннексии. В этом же смысле, несомненно, следует понимать и сообщение Абулфеды о том, что Сухум является «грузинским городом[2], то есть, он был подчинен Дадиани (насколько широко распространялась власть Дадиани над Сухумом, см. ниже). В другом же месте своего сочинения Абулфеда упоминает Сухум как «приморский город абхазцев»[3]. Таким образом, отметим еще раз, что утверждения грузинских историков о том, что «ни в одном источнике не зафиксировано проживание абхазов в Сухуме в XIV – XV вв. »[4], является ничем иным как прямым искажением этоисторической ситуации и сознательным введением читателя в заблуждение. Кроме того, никто не располагает данными о том, какое количество мегрелов проживало тогда в Сухуме. Таких сведений, насколько нам известно, просто не существует. Если же имеются какие-то грузинские и иностранные источники, свидетельствующие о большинстве мегрелов в Севастополисе, то никому об этом, кроме грузинских историков, не известно**.** Проф. Ш. Д. Инал-Ипа в этой связи, высказывает предположение о том, что «грузины в Сухуме составляли мизерное количество»[5]. Население же

[1] Сведения арабских историков XIV–XV вв. о Грузии. Перев. с арабс. на груз., предисловием, разъяснениями и указателями снабдил Д. Гочалейшвили. –Тб., 1988. С. 53.

[2] Aboulfeda. Geographie d‹ Aboulfeda. T. II. P. 1948. C. 40.

[3] Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч.II – М. 1891. С. 79.

[4] Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии. «Народное образование». 22 октября 1989г. С. 11; Папаскири З. Территория Абхазии в XI –XV вв. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999. С. 190.

[5] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности… С. 16.

Севастополиса вообще было разноязычным, как это имело место в других генуэзских факториях Западного Кавказа, в частности, в Каффе, где наряду с местными жителями-черкесами, упоминаются греки, армяне, обезы (т. е. собственно абазины и абхазы), грузины, поляки, валахи и др. [1]

Анонимный автор, испанский миссионер-францисканец середины XIV в. среди основного населения Севастополиса называет куманов – христиан и многочисленных «людей иудейского происхождения», также христианского вероисповедания[2].

Ш. Д. Инал-Ипа полагает, что и под куманами автор, по всей вероятности, имел в виду местных (гумских) абхазов, проживавших в районе Сухума и его окрестностях, как это имело место, например, в той же Каффе, где в самом городе и его окрестностях жили черкесы. Аноним пишет о флаге «короля» Севастополиса с изображением вертикально расположенной ладони левой руки серебристого цвета на геральдическом красном фоне. А средневековые абхазские флаги с VIII в. также на своем красном полотнище имели изображение ладони левой руки[3]. С приведенными фактами согласуется и то обстоятельство, что еще в XII – XIII вв. Себастополис (абх. Акуа, по грузински Цхум) становится резиденцией абхазских владетельных князей Чачба (Шервашидзе)[4].

Вместе с тем необходимо отметить, что в первой половине XIV в. политическая карта Абхазии согласно грузинским источникам, действительно претерпевает определенные изменения. По сообщению Вахушти, в это время (т. е. в 20-х гг. XIV в.) мегрельский князь Георгий Дадиани захватил «Цхумское эриставство» до Анакопии[5]. А З. В. Анчабадзе, пишет, что к концу XIV в., «значительная часть территории Абхазии» вошла в состав «княжества Сабедиано»[6]. Однако

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 125; ПСРЛ. Т. VII. – СПб., 1856. С. 210.

[2] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности…С. 30.

[3] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени… С. 30. См. также: Чачибая Ц. Сан – Себастополис, 1350 г. // Газ. «Единение», апрель. 1991 г. ; Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. . . С. 18; Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта… С. 102–104.

[4] Воронов Ю. Н. Абхазы – кто они? – Сухум. 1992. С. 26.

[5] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии… С. 79.

[6] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 237.

если дело обстояло таким образом (т. е. если «княжество Сабедиано» вообще существовало в XIV – XV вв.), то следует отметить, что «Сабедиано» являлось по сути эфемерным политическим образованием и абхазские владетели Чачба, очевидно, проводили самостоятельную политику[1]. В этот же период правитель Мегрелии Вамек Дадиани для укрепления своей власти, осуществил выпуск собственных денег на монетном дворе Севастополя[2].

С включением значительной части территории прибрежной Абхазии в состав Мегрелии населенные пункты в этой части страны, и в том числе крупная торговая гавань у устья р. Келасур на итальянских картах второй половины XV в., получает наименование «Porto mengrelo». То обстоятельство, что торговая гавань у устья Келасура на итальянских картах предшествующего периода не фигурирует в качестве населенного пункта, а появляется только на картах последней четверти XV в. объясняется, очевидно тем, что экономическое значение Севастополиса к этому времени, в связи с ликвидацией генуэзских факторий на Черном море на определенное время падает, а по соседству с ним, у устья большой реки (Келасура) возникает торговый пункт[3].

Таким образом, в XIV – XV вв. над Севастополисом, судя по источникам, был воздвигнут абхазский флаг, свидетельствующий о том, что власть владетелей Чачба (Шервашидзе) распространялась на этот город. Поэтому совершенно нереально говорить о безраздельной власти Дадиани над Севастополисом. Не исключено, что, в связи с создавшейся политической обстановкой, вызванной мегрельским военным присутствием, в короткое время могло иметь «двоевластие» над Севастополисом абхазов и мегрелов. Последние, очевидно, не надеялись, что этот главный абхазский город войдет на долгое время в их территорию.

Они, заручившись соответствующими договоренностями, по-видимому, старались блюсти гораздо более выгодную, нежели конфронтация, мирную и прибыльную договорную политику с абхазскими властителями. И это дает основание считать, что в тот период одной из целей оккупации Дадианами Абхазии было установление контроля над Севастополисом, являвшимся богатым торговым центром средневековья, приносившим генуэзцам и абхазским властям большие доходы.

[1] В этой связи можно указать на то обстоятельство, что в самой Грузии, насколько нам известно, не издано ни одной монографии о «княжестве Сабедиано».

[2] История Абхазии… С. 107.

[3] Анчабадзе З. В. Указ. раб. С. 242–243; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 175.

Однако мегрельским князьям Дадиани не удалось в полной мере осуществить свои экспансионистские планы, так как они «владели» Севастополисом действительно сравнительно короткое время. Согласно Ф. Кирзиоглу, уже в 1354 г. Севастополис принадлежал князю Чачба (Шервашидзе)[1], у которого как сказано выше, было знамя – «на красном фоне серебряная десница».

О принадлежности Севастополиса роду Чачба-Шервашидзе и во время взятия его турками в 1454 г. свидетельствуют османские источники[2].

В тоже время есть основания предполагать, что если в первое время Чачба-Шервашидзе не располагали необходимыми экономическими и военными ресурсами для изгнания Дадианов, то позднее прибыль от торговли в Севастополисе, начиная с XIV в. давала большой толчок к освобождению от их мегрельского влияния территории Юго-Восточной Абхазии[3].

В силу нестабильной политической обстановки (в том числе морского разбоя, захватов купеческих судов и др.) генуэзские фактории в XIV – XV вв. укреплялись, как сказано выше, оборонительными башнями и вооружались пушками. Тем не менее, генуэзцы, в лице консула в Севастополисе, заключали, надо полагать, мирные договоры и с окрестными абхазскими князьями, а также субсидировали

[1] Агрба Р. О. Политический аспект и вопросы ономастики… С. 92.

[2] Там же.

[3] В конце XIV в., – считает Р. О. Агрба, – в северо-восточном Причерноморье создается государство «абхазов и джигетов», которое в османских источниках носит название «Страна абаза». (Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта… С. 104). На протяжении последующих 300 лет между Абхазией и Мегрелией велись ожесточенные феодальные войны, следствием чего было экономическое и политическое ослабление Абхазии. Дело еще осложнялось вмешательством в эти войны Османской империи, с XVI в. начавшей широкомасштабные операции по захвату Восточного Причерноморья.

определенные денежные суммы от Генуи для общей защиты, как это имело место на Таманском полуострове[1].

Нужно сказать, что некоторая часть разнообразных товаров, привозившихся генуэзцами из Западной Европы в Причерноморье, потреблялась в самой Каффе или служила фондом для обмена с ближайшей периферией. Большая же часть распределялась в крымском, азовском, кавказском и анатолийском направлениях. Так, в Тану отправлялись сукна Ломбардии, Витри-ле-Франсуа и прочие ткани. Туда же вывозилось вино, которое вероятнее всего потреблялось самими итальянскими колонистами. Отправлялось вино и в Солхат (Старый Крым), Воспоро и Матрегу (Тамань), где находились значительные фактории генуэзцев, а в двух последних пунктах, кроме того, – генуэзские гарнизоны. В Копу (Славянск-на-Кубани) отправляли одежду, в Севастополь (Сухум) — холст и сукно. В Трапезунд (Трабзон) вывозили более ценившиеся тогда шалонские ткани, сукно, слитковое серебро. В Савасто (Сивас), куда можно было попасть с наименьшими издержками из порта Симиссо (Самсун), отправляли дорогие фландрские ткани из Ипра и Поперинге, шампанские и шалонские материи, а также серебро. Не оставалось без внимания и западное побережье Черного моря, где каффинцам был хорошо знаком порт Вичина (дельта Дуная)[2]. Из Каффы на Босфор, в анатолийском и кавказском направлениях генуэзцы отправляли также крупные партии осетрового балыка от –10 до 65 милиариев (3,2–20,6 т). Характерно, что суда, груженные рыбой, заходили, как правило, в несколько портов, начиная с близлежащих кавказских[3].

В числе товаров, ввозившихся генуэзцами в Восточное Причерноморье, также были шелк, хлопок-сырец, ковры, изделия из железа, колокола, соль, специи (имбирь, шафран, горчица), благовония (ладан, амбра), рис, в меньшей мере – вино и растительное масло; сушеные фрукты; украшения (в том числе, кораллы), мыло, канаты, особые сорта мехов, драгоценные металлы, например, серебро (либо в слит-

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 105.

[2] Bratianu G. Vicina. I // Bulletin de la section historique Académie Roumaine. 1923. T. 10. N. 34; Balar M. Op. cit. N 258, 488, 885: Еманов А. Г., Попов А. И. . Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. http://coins. ucoz. ru/publ/4-1-0-32.

[3] Там же.

ках, либо как чеканная монета), дорогая венецианская стеклянная посуда (при этом, в торговле целым рядом товаров – квасцами, кораллами и др. – генуэзские купцы являлись монополистами общеевропейского масштаба). Вся эта продукция доставлялась преимущественно морем в портовые фактории, оседала на складах и оттуда по мере необходимости расходилась по побережью и в глубь Кавказа. Основными покупателями предметов роскоши, ковров, дорогих французских и ломбардских тканей, популярных на Кавказе сабельных клинков с инкрустацией или гравировкой, дорогого оружия являлась местная знать[1].

Большинство населения было заинтересовано преимущественно в поставках соли, дешевых сукон и холстов, оловянной и керамической посуды, ножей, реже сельскохозяйственных орудий. Пользуясь неискушенностью рядовых общинников в коммерции, генуэзцы навязывали свои условия торговли, устанавливая крайне низкие цены на продукты труда местного населения и высокие – на импортируемые товары, в том числе и на грубые дешевые ткани и предметы потребления, которые покупал простой народ. Разница в ценах являлась едва ли не главным источником обогащения итальянцев. У основной массы населения не было альтернативы, поскольку она была лишена возможности непосредственного контакта с внешним рынком. Что касается торговли солью, крайне необходимой местным рыболовам, то ее продажа жесточайшим образом регламентировалась генуэзцами. Никто не имел права привозить соли больше, чем она нужна была в каждом конкретном случае. Излишек сбрасывали в море.

Из абхазских портов в Геную и другие города Средиземноморья и Причерноморья вывозились скупавшиеся у местного населения кожи, меха, в том числе необработанные звериные шкуры, овцы, хлопчатник, мед, воск, смола, полезные ископаемые (серебро и др.). Необычайно большой размах приобрел вывоз воска, потребность в котором определялась развитием в Италии свечного и бумажного производств. Генуэзцы, скорее всего, на концессионных началах приступили к эксплуатации свинцовых рудников в долине р. Гумста, близ

[1] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 245.

Севастополиса[1]. Правда, его запасы оказались незначительными, хотя, возможно, и этих запасов для того времени было достаточно.

В XIII – XV вв. одним из важнейших предметов вывоза стала драгоценная древесина, на которую, впрочем, в Средиземноморье был всегда большой спрос (например, из самшита изготовлялись арбалеты). Вывозу леса способствовали и географические условия – быстрые абхазские реки облегчали сплав леса к морскому берегу. Обладание же источниками древесины и торговля ею, несомненно, играли важную роль в экономической жизни коренного населения. Очевидно также, что рубка и транспортировка леса требовали большой затраты рабочей силы и определенной организации. И вообще же генуэзцы часто называли Абхазию «берегом ценного леса»[2]. Как только ценная древесина стала одной из крупных статей вывоза, абхазские феодалы начали монополизировать ее рубку и вывоз. Так, например, бзыбские Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита в Бзыбском ущелье. Кроме того, феодалы стали проявлять стремление специализировать крестьян на определенных ремеслах. Вследствие этого появились семьи, занимавшиеся в основном только одной работой, одним видом промысла, причем эта специальность стала передаваться у них по наследству[3]. Самшитовое дерево, доставляемое к берегу жителями горных селений, обменивалось с генуэзцами по цене пуд дерева за пуд соли.

В изучаемый период, надо полагать, и охота принимает качественно новые формы. В связи с важностью охоты как промысла, охотничьи угодья, по всей видимости, охранялись законом, предусматривавшим суровые наказания за охоту в чужих угодьях, а также за кражу или порчу охотничьих сетей и убийство охотничьей собаки. Так, за нарушение права князя в средневековой Абхазии платили штраф: если в княжеском лесу была убита косуля, то с того, кто ее убил, брали 5 жирных коз, за кабана – 2 свиней[4].

Наибольшую материальную выгоду, как свидетельствуют этнографические материалы, приносила высокогорная охота, игравшая

[1] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 170.

[2] Кация Р. Н. Итальянские колонии… С. 66.

[3] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 110.

[4] Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. – Сухуми. 1949. С. 101–102.

в международной торговле особо важную роль. Потому выводы исследователей о том, что продукция охоты занимала важное место в экономике феодальной Абхазии, не вызывает сомнения[1]. В условиях тесных контактов, наблюдавшихся между абхазами и генуэзскими купцами, некоторые из охотников, очевидно превращались в так называемых «коммерческих охотников»[2] с целью добывания, например, шкур ценных пород животных, а также других продуктов леса прежде всего для того, чтобы обменять их на нужную им продукцию. Подобный специальный промысел существовал у абхазов, например, в античный период.

Торговля велась и со странами Востока. Как можно судить по некоторым этнографическим материалам, развивались связи со странами Средней Азии (как было сказано, еще в IV в. до н. э. в Фергане был найден клад «колхидок»). Так, по материалам историка Р. Гожба, во второй половине XIII в., в далекую Хиву поступал абхазский самшит. Полагают также, что самшитовые заготовки с раннего средневековья из Бзыбской Абхазии могли импортироваться на Северный Кавказ. Из них аланские мастера изготавливали гребни для гигиенических целей[3].

Выше отмечалось, что Западное Закавказье в XIII в. поддерживало торговые связи с Египтом мамлюков и Золотой Ордой. Для египетских султанов Причерноморье являлось главным источником пополнения своей армии, поэтому мамлюки были весьма заинтересованы в связях как с Восточным, так и Северным Причерноморьем, входившим в состав Золотой Орды. Один из путей, который через Византию связывал Египет с Золотой Ордой проходил вдоль Южного и Восточного в Северное Причерноморье. С этого времени, т. е. середины XIII в., надо полагать, и устанавливаются экономические связи Абхазии с Золотой Ордой. Эти связи осуществлялись, как установлено, через Клухорский перевальный путь, который продолжал функционировать и в период зрелого феодализма, играя важную роль в абхазской

[1] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 184–189.

[2] Шнирельман В. А. «Диффузия идеи», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (к постановке вопроса) // СЭ. № 2. 1991. С. 17–28.

[3] Туаллагов А. Э. Гребни из сарматских и аланских погребений // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 330–333.

экономике и культуре[1]. Он давно был известен и генуэзцам, о чем свидетельствует факт отражения «Даринского пути» на карте XIV в., венецианца Ф. Пицигини[2]. Этот древний торговый путь отмечен и на немецкой карте Георга Трайтеля, изданной в XVIII веке в Страсбурге. Именно по этому пути на Северный Кавказ и в Поволжье итальянские купцы доставляли свои товары из Севастополиса в Золотую Орду. Взаимосвязи средневековой Абхазии с Золотой Ордой подтверждаются помимо письменных источников археологическими материалами.

Так, проведенное А. Масловским исследование керамики крупного городского центра Золотой Орды – Таны (Азака), близ устья Дона, показало, что среди ее керамической тары выделяются амфоры 4-х производственных центров. Это: 1) тарная керамика группы «Трапезунд»; 2) группы «Триллия»; 3) группы клейма SSS; 4) светло-глиняные амфоры с воронковидным горлом[3].

Нетрудно догадаться, что надписи – клейма SSS, которые есть на амфорах третьей группы, представленных в Тане, – это сокращенное название города Севастополиса (Сухума), хотя цитируемый автор, не называя конкретного пункта производства амфор с клеймами SSS, локализирует ее на территории Абхазии и нынешней Западной Грузии[4].

Для середины – третьей четверти XIII в., в Тане, примерно в равных долях встречены амфоры группы Трапезунд и группы клейма SSS. В целом импортная тарная керамика с учетом пифосов составляет до 50 % всех керамических находок в Тане[5]. В четвертой четверти XIII – начале XIV в. среди амфорной керамики Таны начинает абсолютно преобладать группа Трапезунда. Объем поступления амфор группы клейма SSS снижается многократно и к концу периода полностью прекращается[6].

Кратковременный всплеск их экспорта, по мнению А. Масловского, был вызван экономическим влиянием на данные регионы (Абхазию и современную Западную Грузию) Трапезундской империи[1]. Прекращение же поступления в конце XIII в. амфор с клеймом «Севастополис» в Тану, очевидно, было связано с начинавшимся в тот период распадом «царства абхазов и картлийцев», а затем и междоусобной войны между владетельными князьями Абхазии Чачба (Шервашидзе) и Мегрелии – Дадиани, за Цхумское воеводство. В указанных выше тарных сосудах с клеймом Севастополиса, в Тану, и очевидно, другие золотоордынские города, надо полагать, вывозили зерно и вино. Письменные источники второй половины XIV в. эти товары из Севастополиса называют в числе экспортных.

[1] Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 158.

[2] Там же.

[3] Масловский А. Хронология импорта тарной керамики в Золотоорджынский город Азака (Тану) в XIII – XV вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 247.

[4] Там же. С. 249.

[5] Масловский А. Указ. раб. С. 247.

[6] Там же.

Следует сказать, что Восточное Причерноморье, наряду с Северным и Северо-Западным, в XIV – XV вв. оставалось житницей как для итальянских морских республик, так и особенно для Южного Причерноморья и Константинополя[2].

При этом С. П. Карпов предполагает, что в XIV в. торговля хлебом могла быть главной в генуэзском предпринимательстве, учитывая ее размах и международный характер[3]. В XV в. современники считали, что именно Северо-восточное Причерноморье может в полной мере и с успехом снабжать хлебом и продовольствием всех участников готовящегося крестового похода[4]. Все это – косвенное отражение значительности товарооборота черноморского, и в частности, восточно-причерноморского хлебного рынка. При этом, хлеб из Севастополиса (Сухума), доставлялся в эти периоды и в Каффу, особенно в неурожайные годы или тогда, когда она была отрезана или осаждена татарами. Например, по материалам, приводимым М. Баларом, 28 апреля 1360 г. и 21 мая 1374 г. власти Каффы направили в Сухум корабли для закупки зерна[5]. В 1375 г., по данным С. П. Карпова, цены на зерно в Каффе колебались от 100 до 160 аспров[6].

Севастополис в XIV–XV в. был известен и как крупный экспортер вина. В 1371 г. в той же Каффе был введен специальный налог на ввоз

[1] Там же. С. 249.

[2] Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. // ВВ. № 50. 1989. С. 29–30.

[3] Там же. С. 30.

[4] Там же.

[5] Balar M. La Romanie Genoise. T. I. – II. – Рим. 1978. С. 754.

[6] Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье… С. 31.

вин из Турции и Севастополиса. А в 1425 г. компания купцов из Севастополя была освобождена от налогов за привезенное вино[1].

Уже отмечалось, что еще с середины XIII в. в торговле на Черном море венецианцы уступили первенство генуэзцам. Тем не менее венецианские купцы, судя по источникам, довольно часто заходили в черноморские порты, и в том числе поддерживали торговые связи с Севастополисом (Сухумом). Прямое указание на это мы находим, например, в счетной книге венецианского торговца Дж. Бадоэра от 20 августа 1447 г., где говорится о доставке в Константинополь из Севастополиса в специальном сосуде трех брусков воска весом в три кантара (157 кг) за 23 и одну четверть перпера. В той же счетной книге от 23 августа того же года вновь идет речь о новом вывозе из Севастополиса 2 брусков весом больше одного кантара. В Константинополе воск, привезенный из Сухума вскоре был перегружен на другое судно и отправлен в Италию[2].

В числе прочих экспортных товаров абхазов этого периода чрезвычайно важно отметить местную шелковую продукцию. Косвенное свидетельство на сей счет, мы находим у итальянского миссионера конца XIV в. Иоанна де Галонифонтибуса, писавшего о том, что абхазы искусны в выделке сукна, холста и шелка[3]. Надо полагать, что разведение шелкопряда у абхазов (как отрасль сельского хозяйства) стало доходить до более или менее крупных промышленных размеров именно в генуэзский период. Не нужно также забывать, что через Абхазию в это время транзитом из Восточной Азии, Индии и Китая шли пряности, слоновая кость, жемчуг, различные красители, ароматы, притирания. Главным же товаром торговли Востока и Запада было сукно. Небольшая часть из общего потока товаров, безусловно, оседала в портах Абхазии, особенно в Севастополисе, восполняя потребности абхазской знати. Единицей обмена генуэзцев с местным населением был бокассин – мера ткани для пошива мужской рубахи, хотя имели хождение и серебряные золотоордынские и трапезундские монеты – аспры. В документах 1386 г. упоминается и «севастопольский аспр», который имел гораздо более высокую пробу во время валютного кризиса, чем золотоордынская монета[1]. Аспр находил свое количественное выражение только через отношение к соммо (основного весового эталона, имевшего распространение в регионе). При расчете в 1320 г. стоимость 1 соммо считалась эквивалентной стоимости 120 аспров, т. е. каждый аспр выражал 1,87 г серебра тождественной пробы. Это идеально обозначаемое количество серебра должно было быть постоянным, в отличие от золотоордынского дирхема, и обеспечивать устойчивые прибыли. Однако на деле идеальный аспр не мог не испытывать воздействия реальной денежной системы с присущим ей колебанием стоимости серебра.

На протяжении всего XIV в. наблюдается постоянное изменение достоинства аспра. В 1343 г. 1 соммо соответствовал 200 аспрам, следовательно, 1 аспр составлял всего лишь 1,12 г. Наряду с этим использовалось новое количественное значение аспра, выражающее 4 г серебра, когда каждый соммо соответствовал 54,5 аспров «новых»[2]. В 1374 – 1375 гг. соммо приравнивался к 139,25 аспров по 1,61 г, в 1381–1382 гг. – к 142 аспрам по 1,58 г, в 1386–1387 гг., когда генуэзцы вели войну с наместником Солхата (Старого Крыма), отношение аспра к соммо понизилось со 145 до 160 аспров в соммо[3], при понижении веса аспра с 1,56 г до 1,40 г. В отдельные годы отношение аспра к соммо доходило до 172:1 при весе аспра в 1,30 г.

Со второй половины XIV в. система идеального аспра постепенно изживает себя и подготавливается переход к производству реального

[1] Карпов С. П. Торговля итальянских республик в Южном Причерноморье в XIII – XV вв… С. 93. Небезынтересное указание на то, что Севастополис является одним из важных приморских центров Кавказского побережья, подтверждает, например, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин (ум. в 1472 г.), который в описании своего путешествия в Индию отмечал, что в Севастей (Севастопольской) губе (заливе) много всякого добра (Баранов Л. Афанасий Никитин –первый русский путешественник в Индию. – Калинин. 1939. С. 74; Дзидзария Г. А. Труды. I. – Сухуми. 1988. С. 8).

[2] Badoer. Yl libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli 1436–1440), testo a cura di V. Derini e. T. Bertele (Yl nuovo Ramuse, III). – Рим. 1956. С. 59, 189, 195.

[3] Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. 1404 г. (Из сочинения «Книга познания мира»). – Баку. 1980. С. 19.

[1] Balar M. La Romanie Genoise… С. 668.

[2] См.: Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002 (пер. А. П. Григорьева, В. П. Григорьева).

[3] Там же.

аспра как специфической, латинско-ордынской серебряной монеты. Первоначально эмиссия такого аспра, возможно, осуществлялась в Генуе, с 20-х годов XV в. аспр начинает чеканиться генуэзцами в Каффе.

Денежный знак «аспр» по сравнению с другими был более редким и, возможно, удовлетворял возросшую к тому времени потребность в денежной единице торговавших в Причерноморье местных купцов – в документах упоминаются, например, «аваск Оторогиус»[1], безымянный «аваск», «Георгий Авазг», «человек Абаза» из Каффы, Олиади из Севастополя и др. [2]. Несмотря на то, что в нашем распоряжении имеется незначительное число конкретных свидетельств о занятии абхазов торговлей в Каффе и других колониях Крыма, вряд ли мы ошибемся, если предположим, что представители абхазского купечества и вообще выходцы из Абхазии в XIII – XIV вв. принимали участие и в экономической жизни генуэзских факторий Северного Причерноморья, где (Каффе и Тане), в этот период и проводились крупнейшие в Причерноморье ярмарки и торги.

В этом не будет ничего удивительного, если вспомнить, что, согласно источникам XIV в., наряду с черкесами, татарами и другими, обезы (абазины и абхазы) проживали в самих окрестностях Азовского моря и Крыма[3].

Значительную роль в предпринимательской деятельности генуэзского купечества играла торговля людьми. Более того, в XIII—XIV вв. черноморская торговля рабами, находившаяся в руках европейских, армянских и греческих купцов, которым золотоордынские ханы оказывали покровительство, достигла большого расцвета. В то время как в метрополии итальянские гуманисты воспевали достоинства и доблести человека, в колониях их соотечественники беззастенчиво

[1] Имя это, как предполагает Ш. Д. Инал-Ипа, явно искажено, а в его основе, по-видимому, лежит местное, абхазское, возможно, Отраг или Отрак. (Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 58).

[2] Actes des notaries genois de Rera et de Caffa de la fin du XIII siecle (1281-1290), ed. G. Bratianu. – Бухарест. 1927. С. 272; Balar M. Genes et l'outre-Mer. T. I. Les actes de Caffa, du notaire Lamberto di Sambucetto. 1289–1290. – Париж. 1973. С. 232; Balbi G. Atti Rogatti a Caffa da Nicollo Beltrame (13431–344). – Генуя. 1973. С. 54–57.

[3] См.: Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. – СПб., 1856. С. 210; Герберштейн С. Записки о московских делах. – СПб., 1908. С. 159; Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 126.

торговали людьми. Торговлей рабами занимался почти каждый итальянский колонист на Кавказе; например, рабов продавали нотариусы, торговцы, пекари, портные, мясники и т. д. [1].

Рабов захватывали во время набегов татарские и кавказские феодалы и продавали купцам, которые экспортировали их на невольничьи рынки Востока. Высокие цены на рабов нередко подвигали и самих итальянцев на рискованные операции по захвату пленников. Людей похищали корсары и пираты в приморских городах, в рабов превращали случайных пассажиров судовладельцы.

С другой стороны, кавказские феодалы в ущерб своим народам и развитию производительных сил, продавали в рабство и собственных «соплеменников» низкого происхождения. Подобная практика в указанное время особенно распространилась в Черкесии, Абхазии и Мегрелии. Работорговлей часто занимались и отцы многодетных семейств, вынужденные из-за крайне тяжелых обстоятельств (неурожай, голод) продавать в рабство своих детей. Иногда они спасали своего ребенка таким образом, ибо знали, что после определенного срока службы его отпустят на волю, а если это женщина – отпустят с приданым, и она даже получит римское гражданство. Не гнушались работорговлей и католические священнослужители. В силу этих причин Восточное Причерноморье в этот период называли «берегом рабов»[2].

В сущности почти каждый владелец итальянского корабля, который шел от берегов Кавказа с грузом, например, строевого леса, или купец стремился увеличить свои барыши за счет продажи нескольких невольников, задешево купленных прямо на местах, причем они не были профессиональными работорговцами[3].

Главными рынками торговли людьми в Причерноморье стали Каффа и Тана. Каффа была центром оптовой продажи рабов и обязательным для генуэзцев пунктом их транзита из Северного и Восточного Причерноморья.

[1] Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. http://book. xutor. com. ua/node/38

[2] Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле невольниками кавказского происхождения в XIII – XV вв. // Труды АГУ. Т. IV. – Сухуми. 1986. С. 39.

[3] Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле… С. 39.

С середины XIV в. до 1449 г. генуэзский экспорт рабов из Причерноморья осуществляла Каффская «Оффиция св. Антония», имевшая своих представителей в крупных центрах вывоза рабов[1]. В 1424 г. такой представитель засвидетельствован и в Сухуме (Севастополисе)[2].

При этом следует особо подчеркнуть, что Севастополис был «особенно привлекателен для генуэзцев» не только тем, что «торговые суда здесь могли перезимовать у причала»[3], но, прежде всего, надо полагать, тем, что он (равно как и Тана) лежал ближе всего к основным источникам работорговли. Именно отсюда генуэзцы и венецианцы не раз отправлялись в земли Золотой Орды или мелких феодальных князьков Западного Кавказа для приобретения рабов[4].

Работорговля подчинялась определенным правилам. Составлялись купчие грамоты, в которых указывались имена продавца и покупателя, возраст раба, пол, этническая принадлежность и стоимость. Эти акты заверял нотариус. Подобные акты помогли выяснить, что большая часть рабов, доставлявшихся в Золотую Орду и на все невольничьи рынки Средиземноморья, происходила из Северного и Северо-Восточного Причерноморья.

Часть купленных рабов оставалась в итальянских колониях Кавказа и Крыма, но большинство отправлялись в Египет и другие мусульманские страны.

Наиболее раннее свидетельство о продаже рабов - абхазов в Каффе относится к 3 мая 1289 г. В этот день некий Мануэль Нигрину продал за 500 аспров 30-летнюю абхазку по имени Венала. В том же году, 6 июля, 19–20-летний абхаз был продан за 470 аспров[5]. Всего, согласно документам, число абхазов - рабов в XIII веке составляло 11 % от общего числа проданных в Каффе рабов.

В документах Каффы XIV – XV вв. абхазы в числе рабов не встречаются. Но выходцы из Абхазии зафиксированы в Каффе, а также в Тане

[1] Карпов С. П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ. Т. 46. 1986. С. 139–145.

[2] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 119.

[3] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 167–168.

[4] Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // Византийские очерки. – М., 1982. С. 196.

[5] Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле невольниками кавказского происхождения в XIII – XV вв…С. 38.

в качестве работорговцев. Так, в сентябре 1360 г. в Тане, Екатерина из Севастополиса (Сухума), жительница Таны, продала за 5 сомм комиту одного из судов, стоявших в порту Таны, татарскую девочку 11 лет[1].

Вообще вывоз рабов с Западного Кавказа резко возрастает с последней четверти XIII в., когда здесь появляются агенты султана мамлюкского Египта. Купцы этой страны добились даже разрешения регулярно приезжать на Кавказ за невольниками на собственных кораблях[2].

Уже в 60-е годы XIII в. импорт черноморских рабов рассматривался как жизненно необходимый для самого существования мамлюкского государства, враждовавшего с «франками» Сирии и монгольскими правителями Персии и Ближнего Востока (ильханами)[3]. Поэтому для египетских султанов Причерноморье являлось, как было отмечено, главным рынком для пополнения своей мамлюкской армии. Другой формой ее пополнения был найм народов Северо-Западного Кавказа на военную службу. В этой связи автор французской энциклопедии «Земля и люди» Э. Реклю писал, что «многие из них (абхазов. – **О. М**.) отправлялись в Египет, чтобы продаться там в солдаты»[4].

Массовый перевоз невольников и наемников (а также родственников мамлюкских военачальников) с Северо-Западного Кавказа относится к периоду правления в Египте «черкесских» султанов (1382 – 1517 гг.). Итальянцы в XIV в. для пополнения мамлюкского войска египетского правителя, отправляли ежегодно из Крыма и Кавказа до двух тысяч молодых мамлюков, большую часть которых составляли адыги-черкесы[5].

[1] Берадзе Т. Н. Указ. раб. С. 120.

[2] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 92–93; Дзидзария Г. А. Труды. Т. III… С. 152.

[3] Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.)… С. 195.

[4] Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. VI. – СПб., 1883. С. 78–79.

[5] Адыгская (черкесская) энциклопедия… С. 113; Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры… С. 188–190. Следует также заметить, что запрещения католической церкви на торговлю рабами с 1317 по 1425 г., возобновлялись пять раз, и такое множество запретов доказывало их неэффективность. При крайне ограниченных европейских ресурсах драгоценных металлов (до открытия Америки и притока оттуда золота и серебра, облегчившей европейцам проблему покрытия импорта с Востока), «живой товар» давал определенную возможность увеличить торговые обороты с Азией, чего, разумеется, нельзя было сделать, доставляя грубые сукна,

Свидетельствует о массовом вывозе в Египет абхазов и письмо епископа Севастополиса, отправленное им в 1330 г. в Англию, где речь идет о том, «что здесь сто христиан-мужчин были проданы сарацинам (египтянам. – **О. М**.) и они перевезли этих христиан в свою страну…»[1].

Большие партии рабов в XIV – XV вв. переправлялись и в европейские страны. В частности, в Венецию и Геную рабов привозили сотнями. В хрониках сохранились сведения о том, что целые кварталы в Генуе, Венеции и т. д. были заняты выходцами из Кавказа и Причерноморья[2]. Среди этих рабов преобладали женщины[3], так как в Италии, как в целом и в Западной Европе, в противоположность мусульманским странам, спрос был больше на женщин– рабынь, использовавшихся в качестве домашней прислуги, и стоили они всегда дороже мужчин.

В актах о продаже рабов, составленных в Трапезунде за 1411 г., в Испании за 1445 г., во Франции (Марселе) за 1354 г., в Сицилии за 1446 г. зафиксированы по одному абхазу[4].

В нотариальных же актах Венеции за XV в. упоминаются 13 абхазов, проданных в этом городе работорговцами[5]. На острове Крит, который в XV в. принадлежал Венеции, зафиксирована продажа одного раба – абхаза[6].

В Генуе первый раб -- абхаз упоминается в одном акте, составленном в декабре 1303 г. В нотариальных актах указанного века упомянуты еще три абхаза и два грузина[7]. Интересно отметить, что по одному из документов, абхазку 10 лет по имени Катарина за 1400 аспров ку-

пользовавшиеся там очень малым спросом. (Петров А. М. Великий шелковый путь… С. 69).

[1] Агрба Р. О. Миграционные процессы с Западного Кавказа в западноевропейские и ближневосточные страны // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003. С. 143.

[2] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 171.

[3] Domenico Gioffre. Yl Mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. – Генуя. 1971. С. 178.

[4] Агрба Р. О. Миграционные процессы с Западного Кавказа в западноевропейские и ближневосточные страны… С. 143.

[5] Карпов С. П. Венецианская работорговля… С. 197–198.

[6] Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe medievale, t. II. – Брюгге. 1977. С. 881; Агрба Р. О. Миграционные процессы… С. 143.

[7] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 121.

пил грузин, житель Венеции Паоло Пападзидзе[1]. В Генуе в 1300 – 1320 гг. эксплуатировалось не менее 21 выходца с Кавказского побережья Черного моря, из них 17 зихов и 4 абхаза: в последующие 60 лет – по нотариальным актам «проходило» 28 человек из прибрежной зоны Кавказа (4 абхаза), а в 1381 – 1400 гг. этот показатель увеличился до 79 чел. (66 зихов, 10 абхазов, 3 мегрела)[2]. Естественно, что известные современным ученым исторические документы далеко не отражают всю полноту картины. Рабов - кавказцев, и в частности абхазов, в Генуе, несомненно, было гораздо больше, если вспомнить усилия правительства Генуи, чья казна получала солидные доходы от работорговли[3].

В начале XV в. в Средиземноморье цены на рабов – выходцев с Западного Кавказа были довольно высоки. Более всего ценились рабы – черкесы. По данным Д. Джоффрэ, в Генуе в 1411 – 1415 гг. средняя цена на раба-черкеса составляла 103 лиры 10 сольди (возраст: 16–20 лет). Несколько иные цифры для 1401 – 1408 гг. приводит М. Балар: средняя цена раба составляла 67 лир 2 сольди, цена же раба-черкеса 74 лиры[4]. В таблице, однако, не был отражен возраст рабов, который в данном случае был наиболее благоприятным, что повышало стоимость раба над средней суммой[5].

С середины XV в. количество рабов - абхазов в странах Средиземноморья сравнялось с черкесами и татарами и уступало лишь русско-

[1] Чачхалиа Д. Через века и расстояния (к истории итало-абхазских отношений) // «Колокол». (Общественно-политический, научно-публицистический,литературно-художественный журнал) № 4. – Сухум. 2001 г. С. 21.

[2] Всего в Генуе в конце XIV в., согласно сохранившимся актам было не менее 18 рабов-абхазов (Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле… С. 42–43).

[3] Кация Р. Н. Некоторые сведения. Там же.

[4] Карпов С. П. Венецианская работорговля… С. 202.

[5] В крупнейшем эмпории Понта – Трапезунде (с которыми Севастополис поддерживал регулярные экономические и политические отношения), в 1411 г. раб-черкес 18 лет был продан за 7 соммов серебра, что соответствовало 50 лирам 15 сольди. (Карпов С. П. Венецианская работорговля… С. 202). При продаже этого раба в Генуе процент прибыли составил бы 103,9 %. (Там же). Естественно, чистая прибыль была ниже. Для ее подсчета из суммы следует исключить высокие транспортные расходы, расходы на содержание раба в пути, налог на продажу и на транзит, сумму морского страхования, а также ввести определенный поправочный коэффициент степени выживаемости рабов. (Карпов С. П. Указ. раб. С. 203).

му контингенту[1]. Согласно нотариальным актам 1400 – 1425 гг. абхазы составляли 8,4 % от числа завезенных в Геную из Причерноморья рабов[2]. В 1426 – 1450 гг. количество рабов - абхазов увеличивается до 19,5 %[3], что, надо полагать, было связано с взятием османами Севастополиса в июне 1454 г. Затем, после освобождения абхазами в ноябре того же года Севастополиса и части Абхазии до р. Кодор, этот показатель снижается до 12,5 %[4]. В последней четверти XV в. показатель по абхазам - рабам возрос до 20,3 %, тогда как мегрелы (в последней четверти XV в.) составляли всего 0, 6 %[5]. По всей вероятности, такой высокий процент рабов - абхазов был обусловлен ужесточением режима Дадиани на восточные районы Абхазии, которые в это время были подконтрольны ему[6].

Ежегодно в первой половине XV в., по мнению Р. Агрба, в страны Средиземноморья вывозилось около 300 рабов – абхазов; во второй половине того же века их число достигало более 500 чел. [7].

Одной из причин увеличения работорговли в Причерноморье в XIV – XV вв., явилась, надо полагать, эпидемия черной чумы, охватившая в середине XIV в. европейские страны (Италия, Англия, Франция и др.). Например, население Италии, в самом конце XIII в., насчиты-

[1] См.: Domenico Gioffre. IL Mercato degli schiavi a Genova nel secolo. XV… С. 178. Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле… С. 43.

[2] Domenico Gioffre. IL mercato degli schiavi a Genova… С. 25.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Агрба Р. О. Миграционные процессы… С. 146.

[7] Агрба Р. О. Миграционные процессы с Западного Кавказа… С. 144, 146. Приведенные данные перекликаются со сведениями более позднего времени, свидетельствующими о торге женщинами из Абхазии. Так, в книге «Freiherrn von Harthausen Transkaukasia» (Vt. I, II. Лейпциг. 1856. С. 8), отмечалось, что в год за рабынями приезжали более 30 раз, а, увозили, возможно, 500–600 девушек. Во все времена часть вывозившихся женщин предназначались для домов терпимости. В этой связи известен следующий факт. В 1472 году в г. Львове некий Руссет, итальянец из Бергамо, устроил публичный дом. Из привезенных им рабынь-христианок две женщины были абхазки, одна девушка – мегрелка. Причем у одной абхазки была дочь. Генуэзский купец Ломеллино перекупил этих невольниц у Руссета и, по условию договора, хранившегося в львовских магистратских книгах, они получили свободу, отслужив новому владельцу 12 лет в Генуе за сумму своей стоимости. (Лениченко А. И. Черты из истории сословий в Юго-Западной Галиции (Руси) XIV – XV вв. – М., 1894.

вавшее 11млн. чел., к середине XV в. едва достигало 8 млн. человек. А. Лайу высказывает предположение, что из-за массовой смертности и нехватки рабочей силы работорговля стала особенно выгодна купцам, охотно инвестировавшим в нее свои средства[1]. Нельзя, на наш взгляд, не согласиться с цитированным автором в том, что чума, ставшая причиной довольно острой нехватки рабочих рук, в частности, в венецианских владениях в Средиземноморье, могла оказать влияние и на работорговлю[2].

Словом, резкое вздорожание стоимости рабочих рук в Европе после несчастий, вызванных «Черной смертью» прямо сказалось и на ситуации в остальном мире. Запад прибег к массовому вывозу «живого товара» извне[3].

В работорговлю, получившую большое распространение, оказались вовлеченными и верховная знать Абхазии, и средние слои населения. Правители Абхазии все чаще становятся не способными конкурировать с генуэзскими купцами и усиливающимися мегрельскими феодалами, преуспевавшими в экономическом закабалении Абхазии. Работорговля давала местным князьям больше дохода, чем продажа ценной древесины, в первую очередь, самшита, меда, пушнины, свинца[4].

Некоторые исследователи считают, что именно против генуэзской работорговли были направлены имевшие место нападения абхазов на генуэзские кварталы Севастополиса, как это произошло в 1455 году, когда город был подвергнут основательному разорению[5]. Однако действительная причина нескольких разрушений генуэзских кварталов Севастополиса (в 1373–1475 гг. и 1453 – 1455 гг.) состояла, очевидно, в желании абхазов пограбить богатые части города, населенные генуэзцами. Имея в виду это последнее обстоятельство (т. е.

[1] Ченцова В. Г. Рецензия на кн.: Les ITALIENS A BYZANCE // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. С. 179.

[2] Там же.

[3] Агрба Р. О. Миграционные процессы… С. 147–148; Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле… С. 42.

[4] Чачхалиа Д. Через века и расстояния… С. 21.

[5] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии… С. 137; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 478.

факт военного нападения абхазов на Севастополис в 1455 г.), исследователи отмечают, что взаимоотношения генуэзцев с местным населением, складывались не без проблем. Однако «навыки европейской дипломатии итальянцев умели улаживать конфликты к обоюдному удовлетворению сторон»[1].

Подводя некоторые итоги значения двухвекового генуэзского присутствия на Северо-Западном Кавказе, в частности в Абхазии, можно в целом отметить, что важным результатом предпринимательской деятельности итальянского купечества стало включение Восточного Причерноморья, в том числе и Абхазии, в общую средиземноморскую систему торговых связей, более широкое вовлечение абхазского торгово-предпринимательского населения, перенявшего коммерческий опыт генуэзцев, в совместные с итальянцами коммерческие предприятия. Народы Причерноморья, кроме того, вовлекаются в межгосударственную торговлю, участвуя в транзите товаров между Западом и Востоком. Существование торговых поселений устраивало местную знать, которая получает от сотрудничества с генуэзцами значительную выгоду, активно участвуя в торговле рабами.

Необходимо, наконец, подчеркнуть, что память о генуэзцах на Черноморском побережье Кавказа, в частности, у абхазов и адыгов сохраняется и по сей день. Так, в результате торговых связей с генуэзцами, итальянское слово «сомма» в XIII – XIV вв. было воспринято черноморскими адыгами, у которых и ныне слово «сом» означает «рубль»[2]. Сами генуэзцы у адыгов были известны под названием гену и джени[3]. В этой связи, некоторые авторы с генуэзцами увязывают и ныне встречающиеся в Абхазии фамилии Гемуа и Джениа[4]. Интересно, что, по указанию Elie de la Primaudaie некоторые племена к северу

[1] Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия… С. 541. См. также: Domenico Gioffre. IL mercato degli schiavi a Genova… С. 24.

[2] Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов… С. 128.

[3] Абхазия. Новый путеводитель… С. 52.

[4] Там же. Если трудно что-либо сказать относительно связи антропонима Гемуа с генуэзцами (для чего необходимо соответствующее исследование), то фамилия Джениа, вряд ли имеет к генуэзцам какое-либо отношение, так как является фамилией тотемного происхождения; в его корневой основе лежит абхазское слово адж (аҷь), что значит «дуб». В этом отношении фамилия Джениа аналогична абхазским фамилиям Аджба, Джанба, Джопуа, в которых имеется тот же корень «аҷь».

от Кубани, также считали себя потомками генуэзцев[1]. Следует также отметить, что и сегодня среди абхазов довольно распространены мужские имена Сандро, Панджо, Джото и женские – Джульетта, что, несомненно, является отражением давних традиций, когда абхазы носили католические имена[2].

В целом же исследователи отмечают, что в XIV – XV вв. экономическое положение Абхазии существенно отличалось от экономического состояния некоторых других государств. Так, в соседней Грузии в конце XIV и начале XV вв. экономика «пришла в катастрофический упадок», в результате чего, например, «морской импорт по стоимости значительно превысил экспорт»[3]. Экономический упадок Грузии был связан с опустошительными нашествиями среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана). «Когда Восточная Грузия и часть Западной Грузии лежали в развалинах, писал М. О. Скрипиль, Абхазия избежала прямых последствий нашествия Тамерлана. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика»[4]. Более того, по мнению археологов, этот период истории для всего Западного Закавказья характеризуется своеобразным возрождением в социально-экономическом, политическом и культурном смысле. Существовавшие в позднеантичное и ранневизантийское время транзитные торговые пути вновь начинают функционировать. Железоплавильное производство в Западном Закавказье достигает своего расцвета, что связано с активизацией местных городов, вызванных генуэзской колонизацией[5].

[1] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 89.

[2] Чачхалиа Д. Через века и расстояния… С. 21.

[3] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии… С. 123–124.

[4] Скрипиль М. О. Сказание о Вавилон граде // Труды ОДРЛ. Т. IX. – М. –Л., 1953. С. 136.

[5] Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье… С. 22, 25. Отметим, например, что в 1955 г. на берегу р. Бзыбь, недалеко от одноименного храма, местный житель Ч. Конджариа нашел большой клад, состоявший из нескольких средневековых топоров, ножниц, украшений для поясов и другие кованые предметы. Эти находки, несомненно, свидетельствуют о том, что в указанном регионе в XIV – XV вв. было развито кузнечное ремесло. Согласно этнографическим материалам, на правобережье Бзыби в свое время проходила дорога, по обеим сторонам которой располагались кузни потомственных кузнецов из рода Кутарба (Пачулиа

Следует отметить, что в литературе существует и противоположная точка зрения относительно не только последствий походов Тимура для Западного Закавказья, но и маршрута передвижения его войск. Согласно реконструкции направлений перемещений Тимура, проведенных Е. И. Нарожным с учетом сведений письменных источников, археологических и историко-этнографических реалий той эпохи[1], путь Тимура был направлен не в сторону Центрального Кавказа, что считалось общепринятым, а в сторону Черноморского побережья и Закавказья[2]. Сторонники этой точки зрения считают, что основной целью походов Тимура было не просто вторжение в пределы Золотой Орды, а подрыв и уничтожение ее экономической базы (В. Л. Егоров), маршрут же передвижения войск Тимура коснулся Азовского побережья с множеством итальянских торговых факторий (А. Г. Еманов), позволивших им получить здесь «богатую добычу». Дальнейший путь Тимура был направлен, как считают эти ученые, в сторону Черноморского побережья, где находилась серия итальянских факторий (напр. Какари, Каво де Буксо, Севастополис, Фассо, Вати), при этом основной удар Тимура был нанесен по торговым факториям побережья, причем это коснулось, по мнению Е. И. Нарожного, и территории Абхазии[3], что и стало «милостью судьбы для победоносного войска», именно здесь и получившего «несметную добычу из имущества неверных»[4].

Таким образом, по мнению цитированного автора, борьба Тимура против Золотой Орды нанесла удар по торговым факториям и на побережье Абхазии. Однако каких-либо реальных следов вторжения Тимура и разрушений на территории Абхазии не прослеживается ни по археологическим, ни по письменным источникам. И все же, нужно полагать, что борьба Тимура против Золотой Орды все же должна

В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 158. Его же. Гагра. – Сухуми. 1979. С. 17).

[1] Нарожный Е. И. О движении войск Тимура с Нижней Кубани (Историко-археологические ориентиры) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 258–260.

[2] Там же. С. 260.

[3] Там же. С. 261.

[4] Там же.

была привести к тяжелым последствиям вообще для черноморской торговли. Также, надо полагать, что вторжение его войск в Закавказье привело к уменьшению роли Восточного Причерноморья в международной торговле, так как были перерезаны дороги, ведущие от Черноморского побережья в Восточную Азию[1].

29 мая 1453 г. турки захватили Константинополь: Византийская империя была уничтожена, после чего османы установили свой полный контроль в Черноморском бассейне[2]. Нестабильная международная ситуация, нарастание экономических трудностей, вызванные османскими завоеваниями, привела к тому, что Абхазия оказалась оторванной от западноевропейского культурного мира и от главных экономических рынков. С этого времени прекращает свое функционирование и торговый путь, проходивший через территорию Абхазии и Закавказья из Европы в Азию. Однако, отсутствие систематической торговли в Черноморском бассейне в этот период, не означало полную отмену ее вообще. Напротив, после прекращения в 1454 г. деятельности генуэзских факторий в Абхазии, в Северном Причерноморье (до взятия их турками в 1475 г.)[3], еще сохранялись итальянские фактории, которые поддерживали с абхазским побережьем и Севастополисом только торговые связи, о чем свидетельствуют документы того периода[4]. Несмотря на большие препятствия со стороны ту-

[1] Нужно сказать, что Тимур был последний, кто предпринял отчаянную крупномасштабную попытку восстановить былое значение Средней Азии и сопредельных с ней внутриконтинентальных районов как одного из главных связующих звеньев евроазиатского и межазиатского международного общения. Тимур вел военные кампании с целью приблизить (или переместить) торговые пути, рассылал послов с призывами расширять торговлю, насильственно переселял ремесленников с завоеванных территорий в Самарканд и другие среднеазиатские города, с тем чтобы превратить их в международные торгово-ремесленные центры. Но добился немногого. По свидетельству Рюи Гонзалеса де Клавихо, из Китая в Самарканд в год раз приходил только один караван в 800 вьючных животных. Вскоре же после смерти Тимура все пришло в запустение, дворцы и караван-сараи превращались в развалины.

[2] Heyd W. Histoire du commerce du Levant… С. 403-409; История Византии. Т. 3…С. 198.

[3] Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний… С. 77–78.

[4] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1… С. 110; Карпов С. П. Источники и исследования по истории Генуи и Генуэзской Романии: Collana Storica di Fonti e Studi/Diretta da Geo Pistarino (Lstituto di Medievistica dell'Universita di Genova). Генуя, 1963–1983. Vol. 1–39 // ВВ. № 46. 1986, С. 224–230.

рок, предприимчивые генуэзцы посещали побережье Абхазии даже в XVI веке. Так, например, часто они бывали в Пицунде и ее храме: набожные мореплаватели принесли храму в дар колокол, на котором, кроме выпуклых изображений святых, есть и дата –1529 г. [1]

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 235.

ГЛАВА V.
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В XVI – XVIII ВВ.

К концу XV в. на территориях бывшей Византийской империи, Малой Азии и балканских стран Сербии и Болгарии возникла обширная мусульманская Османская империя, названная Высокой Портой. Во второй половине XVI в. Османская феодальная империя раскинулась на трех материках: от Будапешта и Северной Таврии до северного побережья Африки, от Багдада и Тебриза до границ Марокко. Мраморное и Черное моря стали внутренними бассейнами Османской империи[1]. Обращаясь к Абхазии, необходимо сказать, что ее контакты с султанской Турцией начинаются с конца XV в. С XVI в. они принимают характер глубокого и всестороннего взаимодействия. В Абхазии появляются османские гарнизоны, султанские наместники, оборотистые купцы, захватившие в свои руки морские торговые пути[2]. Словом, с распространением почти на все страны и народы Черноморского бассейна господства Османской империи, торговля в этом регионе могла осуществляться лишь с разрешения турецких властей.

Период господства Османской империи совпал с оживлением и быстрым развитием международной торговли. Европейская промышленность испытывала потребность в дополнительных рынках.

[1] Всемирная история. Т. IV. – М., 1958. С. 544. Уже к концу XV в. монополизация черноморского мореплавания и торговли в руках османов была свершившимся фактом. Об этом говорят следующие данные. В турецком налоговом регистре Каффы 1490 г. за 4 месяца этого года, по сведениям турецкого историка Х. Иналджика, зафиксирован заход в порт 75 судов. Из них лишь 8 греческих, 7 – итальянских, 1– русское, остальные – турецкие. Из 157 купцов, прибывших на этих судах, было 16 греков, 4 итальянца, 3 еврея, 2 армянина, 1 молдаванин, 1 русский и 130 мусульман (из Стамбула, Брусы, Трабзона, Синопа, Кастамона, Амасии, Центральной Анатолии). (Карпов С. П. Работорговля в Южном Причерноморье… С. 144).

[2] Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия… С. 541.

Одним из таких рынков, безусловно, была Османская империя. Главную же роль в османской заморской торговле играло иностранное купечество, преимущественно итальянское (Венеция, Генуя, Пиза), которое постепенно оттеснили английские и французские купцы. Преобладание европейцев в османской торговле объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, Европа к этому времени обогнала Турцию и в культурном, и экономическом отношениях. Европейские купцы обладали большими капиталами, а также значительно большим опытом торговли, лучшей организацией дела и транспортировки товаров – одним словом, лучшей «торговой культурой»[1]. Во-вторых, режимом капитуляции (так назывались грамоты, предоставлявшие с XV в. европейским торговцам особые права и привилегии торговать в османских портах)[2].

В конце XVI в. только французским, английским, а с начала XVII в. и голландским купцам была разрешена торговля во всех принадлежащих Турции портах, в том числе и на абхазском побережье. Однако, европейцы могли ввозить свои товары в Причерноморье только на торговых судах подданных турецкого султана. Суда, направлявшиеся в сторону Абхазии, проходили обязательный контроль в Каффской или Гонийской турецких таможнях.

Для усиления своего влияния на Северо-Западном Кавказе, турецкие власти, помимо военной и религиозной, особо важное значение придавали проведению и торговой политики. Эта политика была одной из основных причин определенного успеха экспансионистских планов турецких султанов. Вот почему представители русских дипломатических кругов позже, в начале XIX в., говоря о способах, могущих ослабить турецкое влияние на кавказские народы, предлагали применение той же политики снабжения их необходимыми товарами, привозимыми в прошлом купцами – турецкими подданными[3].

Письменные источники позднего средневековья дают нам очень важные сведения о ряде предметов вывоза из Абхазии, не зафикси-

[1] Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М., 1966. С. 15, 16, 17; Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1… С. 111.

[2] Подробнее см. напр.: Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). – М., 1987. С. 34–39.

[3] Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков… С. 44–45; Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 117.

рованные в более ранних документах. Весьма ценные в этом отношении данные приводятся в источнике XVI в. «Уставе Сулеймана I для Кафской ливы»[1]. В этом документе Абхазия упомянута, в частности, в связи с импортом риса. В «Уставе. . . » говорится: «Если прибудет рис из Сохума… и если (те, кто привез его) захотят узнать у кади о твердой цене, чтобы продать его самим, взимать 50 или 100 ахче[2] по усмотрению; если (рис) в мешках взимать по ахча с мешка»[3]. В связи с приведенным сообщением, можно предполагать, что культура риса являлась предметом вывоза из страны и в зрелое и ранее средневековье, например, в период Абхазского царства. Однако, по этому поводу, как и по вопросу об удельном весе риса в общезерновом хозяйстве Абхазии, нет никаких сведений. Поскольку культура риса, как предмет вывоза не фиксируется в источниках до XVI в., а также до настоящего времени мало что известно о его выращивании в Абхазии (что, возможно, объясняется тем, что исследователи не уделили должного внимания этой культуре, считая его второстепенным по сравнению с другими зерновыми), необходимо, хотя бы кратко, остановиться на этом вопросе.

По мнению И. А. Джавахишвили, культура риса распространилась в Восточном Причерноморье в IX –X вв. В Картли она вошла из Персии, а в Колхиду – из Византии[4]. Имеющиеся в нашем распоряжении некоторые данные подтверждают, что абхазы, наряду с выращиванием просо, чумизы и пшеницы в зрелое и позднее средневековье занимались и выращиванием риса (по абх. абрындж). Так, по сообщениям старожил сс. Кутол и Тамыш, они помнят, что абхазы – жители названных сел, в прошлом выращивали рис, и, что «рису требовалось много воды». По другим данным в с. Гуп имеется местность под названием «Абрынджлацарта» – «место выращивания риса». Нужно вспомнить и то, что еще в первой половине XIX в. в крестьянских

[1] Berindet M., Veinstein G. Reglement de Suleyman I concernant de live de Caffa // Cahiers du Monde Russe et Sovietigue. Vol. XVI – I. 1975. С. 57-103; Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 125.

[2] Ахче (акче) – серебряная монета, первоначально составлявшая примерно одну треть или одну четвертую диргема: 3-4 коп. по курсу того времени.

[3] Berindet M., Veinstein G. Reglement de Suleyman I… С. 71.

[4] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 23.

семьях для детей готовили специальную молочную рисовую кашу, называемую «асатлач»[1].

На основе вышеизложенного можно считать установленным, что культура риса, начиная по крайней мере, с эпохи Абхазского царства, являлась одной из экспортных продукций абхазов. Важно отметить, что сообщение «Устава Сулеймана I для Кафской ливы» недвусмысленно указывает на то, что рис шел не транзитом из Юго-Восточной Азии, а производился и вывозился именно с территории Абхазии.

Возвращаясь к «Уставу Сулеймана I…», следует сказать, что Абхазия упоминается в ней также в связи с вывозом шелка и рабов.

Относительно абхазского шелка[2] там же говорится: «Если прибудет шелк-сырец из Сохума… то … взимать по 50 ахче с каждой тысячи». За провоз каждого раба через каффскую таможню турецкая администрация установила налог. Об этом в «Уставе» сказано: «Точно так же за раба, прибывшего из Сохума, взимается налог в 210 ахча, и взимается также в момент его продажи с покупателя, из этих сумм и составляется полный налог 34 ахча, из которых 20 ахче идут в казну, а десять получают посредники… Словом, по какой бы цене не продавался раб, взимать шесть ахче с покупателя и шесть ахче с продавца – восемь аспров идут в казну…»[3].

В XVII в. экономические связи с Северо-Западным Кавказом имелись у Польши. В источниках нет прямых указаний о существовании торговых отношений между Абхазией и Польшей, однако о их наличии можно предполагать не только на основании того, что торговые отношения в то время у Польши имелись с адыгами и грузинами[4],

[1] Словарь абхазского языка. Т. 2. – Сухуми. 1987. С. 119.

[2] По качеству шелковых изделий, – писал С. П. Басария, – абхазка превосходит многих азиатских специалистов по шелководству… Шелковые нитки, главным образом, отправляются в Карачай, Кабарду и, вообще, Северный Кавказ, а заморенные коконы – за границу. (Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923. С. 121).

[3] Berindet M., Veinstein G. Reglement de Suleyman I… С. 73–75.

[4] Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979. С. 252. В 1569 году Польша и Литва объединились в одно государство – Речь Посполитую. В XVII в. границы Речи Посполитой продвинулись далеко на Восток. Под контролем Польши находилась почти вся Украина. На юго-востоке тогдашнее польское государство граничило с Османской империей и зависимым от нее Крымским ханством. Восемь раз вспыхивали польско-турецкие

но и по находкам на территории Абхазии определенного количества польских денег.

Торговля между Кавказом и Польшей велась по трем дорогам. Важнейшей, так называемой молдавской, была из Львова через Молдавию к Черноморским портам. Оттуда турецкими кораблями товары перевозили в порты восточного побережья Черного моря. Второй путь, так называемый крымский, вел из Киева и через земли, населенные черкесами. Третий путь, самый длинный, использовался редко, только в периоды польско-турецко-татарских войн. Он вел через Москву, Астрахань и Каспийское море к портам Восточного Кавказа. Из-за огромной стоимости транспорта на этих торговых путях (здесь купеческие караваны подвергались угрозе нападения со стороны татар и горцев Северного Кавказа) было выгодно перевозить только дорогие и легкие товары.

В XVII в. в Польшу привозили восточные товары, главным образом, с территории тогдашней Турции, но в то же время значительное количество этих товаров импортировалось с более отдаленных территорий, из Персии и Северо-Западного Кавказа. По мнению Б. Барановского, импорт с Кавказа составлял около 15 – 25 % всех восточных предметов[1]. На первый взгляд кажется странным, что в Польшу привозили кавказские изделия, если гораздо легче было покупать турецкие. По мнению Б. Барановского это объясняется тем, что почти весь торговый обмен между Польшей и Востоком находился в XVII в. в руках армян. По разным, иногда трудно объяснимым причинам, они предпочитали кавказские изделия.

В импорте кавказских изделий в Польшу первое место занимали ковры, второе – седла и даже полная конная упряжь, третье – холод-

войны, более сорока раз татары нападали на земли, входившие в состав тогдашней Речи Посполитой. В этих условиях польское государство, которому угрожала Турция, пыталось приобрести для борьбы с ней союзников как среди покоренных народов Балканского полуострова в Персии, так и на Кавказе. Этим в значительной степени, надо полагать, и объясняется интерес Польши к Кавказу и его жителям, которые могли стать союзниками в борьбе с Османским государством или Крымским ханством. Однако довольно многочисленные в XVII в. попытки добиться военного взаимодействия Польши с народами Кавказа, по мнению Б. Барановского, не могли дать конкретных результатов, в связи со слишком большим расстоянием между странами. (Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в.… С. 248, 252).

[1] Барановский Б. Кавказ и Польша… С. 253.

ное оружие, четвертое – дорогая кавказская одежда[1]. Наконец, следует упомянуть о значительном импорте в Польшу теплокровных «черкесских» лошадей, которые пользовались популярностью среди магнатов. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо выше цен на турецких и персидских лошадей. Это были в то время самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами[2].

Интересно, что во второй половине XVII в., в Польшу было привезено с Кавказа некоторое количество буйволов, хорошо прижившихся в польском климате. Их использовали в качестве тягловой силы в сельском хозяйстве, торговом и военном транспорте. Приблизительно можно определить, что в рассматриваемый период на территорию тогдашнего польского государства было привезено более десяти тысяч буйволов[3].

Главным предметом польского экспорта на Кавказ был в XVII в. янтарь, вывозимый в необработанном виде, и различные янтарные изделия. Из сохранившихся весьма немногочисленных купеческих счетов следует, что стоимость вывозимого янтаря и янтарных изделий доходила иногда до очень высоких сумм, и, что этого рода вывоз приносил армянским купцам, посредничавшим в таких сделках, высокую прибыль. Иногда также через польские земли транзитом на Кавказ вывозили дорогие западноевропейские сукна, тонкие полотна, огнестрельное оружие, металлические изделия и т. д. По всей вероятности, импорт в Польшу значительно превосходил экспорт. В этой связи, польские армяне вывозили на Кавказ значительное количество польских серебряных монет. Характерны упоминания поля-

[1] Там же. С. 254.

[2] Там же. Тонкие изящные, трепетные абхазские кони, – писал С. П. Басария, – славились на Востоке и потому их вывозили в большом количестве (например, в рассказе «Баши-Ачук» А. Церетели дается описание коня под именем Абхазура). Еще в средневековье, – отмечал Ц. Н. Бжания, – в Абхазии была выведена особая порода коней – знаменитые горбоносые трамо-лоовские скакуны, неправильно называемые «кабардинскими» (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры… С. 217). Как скакуны они были вне конкуренции. На всех крупных состязаниях славолюбивых восточных народов, абхазские кони никому не уступали пальму первенства в скачках и бою на дыбах. (Басария С. П Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении… С. 116)

[3] Барановский Б. Кавказ и Польша. Там же.

ков, которые находились на Кавказе в XIX в., о том, что они часто видели у местного населения польские монеты XVII в., больше всего с изображением Сигизмунта III[1]. На территории собственно Абхазии, по свидетельству М. К. Хотелашвили – Инал-Ипа, также был выявлен небольшой клад монет Сигизмунта, хранящийся ныне в отделе древней истории и средневековья Абгосмузея (устное сообщение).

В рассматриваемое время для Кавказского Причерноморья внешняя торговля имела жизненно важное значение. Хорошо понимая это, турецкие власти в первой половине XVII в. блокировали побережье своим флотом, чтобы не допустить сюда подвоза соли, железа и других необходимых товаров. Правители Абхазии, так же как и Гурии, Мегрелии вынуждены были искать выход из тяжелого положения на пути уплаты дани, размеры которой не были постоянными и колебались в зависимости от обстановки. В 1639 г., например, по сообщению русского посла Ф. Ельчина, Леван II Дадиани отправлял туркам ежегодно до 800 аршин полотна и рабов («ясырю») от 30 до 40 душ. Причем Ельчин добавляет, что Леван дает эту дань для того, чтобы «приходили корабли с торгом»[2]. В аналогичном положении находилось и Абхазское княжество. По сообщению итальянского автора первой половины XVII в. Дортелли Д' Асколи, турецкий султан не пускает на побережье Абхазии торговые суда, «когда тамошние князья не желают ему платить дань, поскольку сам он не может подчинить их своей власти… В случае же нужды, эти князья снаряжают послов (к султану) и тогда разрешается (торговым судам) туда ехать»[3]. В 70-х годах XVII века усилившиеся абхазы вообще прекратили выплату дани туркам[4]. Свидетельством укрепления связей между Абхазией и Турцией является и то, что абхазские феодалы начинают получать турецкие имена.

[1] Барановский Б. Указ. раб. С. 255. Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что довольно сильным было в XVII в. и влияние «черкесской» моды на польскую. Известно, например, что король Ян Собесский одевался в черкеску и ездил на черкесских скакунах. Стоит также обратить внимание на то, что в тот период на польской военной службе находились целые «черкесские» отряды. (Барановский Б. Кавказ и Польша… С. 253).

[2] Белокуров С. А. Материалы для русской истории. – М., 1888. С. 323; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 272.

[3] Там же.

[4] История Абхазии… С. 127.

Одно из них – Карабей – принадлежало лыхненскому князю, правившему в 20-х годах XVII века. Брат Карабея –Путо, избравший своей резиденцией Сухум, который был самой удобной гаванью с торговым рынком на побережье, также поддерживал тесные экономические отношения с турками[1].

Морская блокада побережья Абхазии турецким флотом нанесла ощутимый ущерб и тем регионам Причерноморья, куда часть необходимых товаров импортировалась из Абхазии. В этой связи, например, в очень трудном положении оказались приазовские рыбаки, которые, по сведениям Ф. Кирзиоглу, рыбачьи сети получали из «Сухумского вилайета»[2].

В позднесредневековый период, среди вывозившихся из Абхазии товаров, по свидетельству источника, особенно ценились охотничьи птицы[3]. По данным Кирзиоглу, в одном приказе, посланном турецким султаном на имя крымского хана, говорилось: Достойный хан сообщил о желании послать судно в Сухумский край для закупки соколов, беркутов и горностаев[4]. По словам итальянского путешественника XVII в. Жана де Лукки, у абхазов «встречается несметное количество кобчиков и соколов, которых они выучивают в восемь дней. Константинополь, Персия и Грузия здесь снабжаются ими…»[5]. Согласно некоторым источникам, абхазские ловчие птицы в тот период попадали даже к берегам далекого Инда. Об этом может говорить факт, сообщаемый видным советским специалистом афганской филологии, почетным членом Афганской Академии Н. Дворенковым. «Изучая творчество афганского поэта-классика Хушхаль хана Хаттака (1613–1689 гг.), писал Н. Дворенков, я столкнулся с фактом, мимо которого не мог пройти равнодушно. Выдающийся поэт середины XVII века Хушхаль был вождем племени хаттаков, селившихся по реке Инд. Он вошел в афганскую историю не только как поэт, но и как замечательный полководец и патриот, успешно боровшийся против империи Великих моголов и мечом, и пером. В перерывах между сражениями с императором Аурангзебом, Хушхаль увлекался соколиной охотой – в ту эпоху своеобразным «военно-прикладным» видом спорта. Соколиной охоте он посвятил свой труд «Баз-нама», который является, как бы наставлением по этому виду спорта в стихах. В 25-й главе произведения, повествующей о разновидностях ловчей птицы, Хушхаль воспевает замечательные охотничьи свойства абхазского сокола (или коршуна) – «абхаз шахин»[1]. Вероятно, хорошо обученные в Абхазии соколы через Грузию и Иран доходили до берегов Инда. Среди предметов экспорта из Абхазии, Дортелли Д ʻАсколи дополнительно называет «прекрасные нитки для выделки полотна»[2]. По свидетельству польского ученого начала XVI в. М. Меховского, заволжские татары приобретали у абхазов оружие[3].

[1] Там же.

[2] Kirzioglu, Dr. M. Fahrettin. Osmanlilar'in Kafkas Elleri'ni Fethi… C. 411.

[3] Ламберти Арк. Описание Колхиды, именуемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 10.

[4] Kirzioglu, Dr. M. Fahrettin. Osmanlilar'in Kafkas … C. 14.

[5] Жан де Лукка. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // ЗООИД. 1879. Т. XV. С. 493.

Более значительных размеров, по сравнению со всеми предшествующими веками, в XVI – XVIII вв. достигла, согласно источникам, торговля пленными. От нее купцы обогащались в три или четыре рейса[4]. Еще большего размаха она достигла во второй половине XVII – первой половине XVIII века, когда продажа рабов стала основной статьей экспорта из Абхазии.

К основным причинам увеличения торговли пленными из Абхазии следует отнести длительные абхазо-мегрельские феодальные войны, дававшие дополнительный стимул к работорговле. «Война в Мингрелии, – писал Шарден, – доставляла нашим купцам выгоду, так как аб-

[1] Газ. «Советская Абхазия». 2 марта 1962 г. См. также: Симаков Г. Н., Хеция А. Д. Очерки соколиной охоты у народов Кавказа. . . С. 56 –58. Во времена соколиных охот ловчие птицы ценились порой баснословно дорого, служа, в частности, средством уплаты дани. Так, в 1634 г. мегрельский владетель Леван II Дадиани, совершив поход на Абхазию и разбив в бою войска абхазского владетеля «наложил дань известным числом… соколов…». (Ламберти Арк. Описание Колхиды… С. 24). Есть также сведения, что герцог Бургундский за 12 белых кречетов выкупил из турецкого плена своего сына. Да и значительно позже, в начале XX столетия, например, туркмены за хорошего ловчего балабана давали верхового верблюда с седлом, а киргизы – десяток отборных коней. (Журн. «Юный натуралист». №12. 1978 г. С. 32).

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 283.

[3] Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М. –Л.,1936. С. 62–63.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. – М., 1964. С. 24.

хазцы приносили продавать им свою добычу»[1]. Это обстоятельство Шарден иллюстрирует красноречивым эпизодом. «Однажды, – пишет он, – на наш корабль пришел знатный абхазец в сопровождении семи или восьми человек прислуги, которые привели трех рабов и принесли разную добычу. На нашем корабле, когда я его покинул, было сорок рабов»[2].

Увеличение числа пленных в это время, несомненно, было связано с тем, что с начала 80-х гг. XVII в. абхазским правителям Чачба (Шервашидзе) удается возвратить ранее захваченные мегрельскими владетелями Дадиани юго-восточные территории страны, вплоть до р. Ингур. На размах торговли людьми указывает и то, что, видимо, не ранее начала XVII в. в Абхазии возникает социальный термин «агруа» («мегрел»)[3], обозначавший касту прислуги у абхазов. В этой связи следует сказать, что само крепостное право в Западной Грузии в тот период приближалось к рабству. Владелец мог не только передавать крестьянина вместе с землей как крепостного, но и отдавать и продавать его – даже в другое государство. Грузинский царь Теймураз I обвинял князей Дадиани в продаже туркам от десяти до пятнадцати тысяч христианских мальчиков ежегодно, а князей Гуриели – в передаче подобным образом по меньшей мере двадцати тысяч человек. Ж. Шарден, писал, что «Мегрелия в настоящее время сильно обезлюдела, здесь не больше двадцати тысяч жителей. Тогда как не более чем тридцать лет назад, в ней жило не меньше восьмидесяти тысяч человек». Причиной этого Шарден считал войну и продажу знатью рабов персам и туркам более двенадцати тысяч человек каждый год[4].

В то же время абхаз, так же как и черкес, – согласно некоторым источникам, – «не продает в рабство своего соотечественника, опасаясь закона возмездия. Самый бедный, последний крестьянин расправился бы со своим собственным князем или самим Михаил-беем, если бы тот или другой осмелился продать в рабство кого-либо из его близких»[5]. Однако, другие исторические факты, противоречат

[1] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис. 1902. С. 108.
[2] Там же.
[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 257.
[4] Путешествие Шардена. Там же.
[5] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937. С. 121.

утверждению Дюбуа, поскольку абхазские феодалы продавали в рабство и своих соотечественников, главным образом, людей низкого происхождения, детей рабов и невольников.

Главными инициаторами торговли людьми являлись местные феодалы[1]. По данным А. М. Киласония, торговля пленными с Черноморского побережья Кавказа, осуществлялась при посредничестве продавцов из абхазов, лезгин и осетин[2]. Так, известностью работорговца пользовался правитель Юго-Восточной Абхазии Путо Чачба (Шервашидзе), который регулярно продавал этот тогда дефицитный товар. Славу удачливых работорговцев снискали себе представители княжеского рода Маршан. Даже в 30-х гг. XIX в. один из цебельдинских Маршанов – Баталбей, продавал ежегодно более 30 душ, «чем и выручал значительные барыши»[3]. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии, полк. А. Н. Введенский писал, что торговлей людьми занимались не только владетели, их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владели рабами[4]. К подобного рода примерам можно отнести сообщения старожил о том, что в конце XVII начале XVIII вв. в Абжуйской Абхазии известными работорговцами являлись представители крестьянского сословия Шакар–ипацва (Щакар-ипацәа, Салакая) из сел. Тхина. Однако работорговля, от которой феодалы получали большую часть своего дохода, не имела бы такого размаха и успеха, если бы она не опиралась на поддержку турецких властей. Огромный рынок рабов в Стамбуле предъявлял

[1] История Абхазии… С. 134; Киласония А. М. Пленопродавство в Западной Грузии в XVI– первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Тб., 1985. С. 10.
[2] Киласония А. М. Пленопродавство в Западной Грузии в XVI – первой половине XIX в… С. 9.
[3] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 123.
[4] Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. VI. Отд. III. – Тифлис. 1872. С. 4. По материалам А. М. Киласония, захваченных во время морского пиратства и набегов, молодых юношей и девушек спаривали, а рожденных в результате этого детей отлучали от матерей, растили до желаемого возраста (до 10–12 лет) и потом продавали. (Киласония А. М. Пленопродавство…. С. 9).

большой спрос, и на долю Абхазии выпадало значительное участие в этом торге.

Увеличению работорговли вообще с Кавказского Причерноморья в XVII – XVIII вв. помимо феодальных войн и междоусобиц, способствовала религиозная политика турецких властей; они также были связаны с поражениями выступлений местных народов против Турции.

На побережье современной Абхазии в XVII – XVIII вв. важнейшим пунктом международной торговли была Скурча, которую и западноевропейцы и русские называли «Искурия». По материалам А. В. Фадеева, «этот рынок был расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту. В те времена… естественные данные маленькой… но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты, были весьма благоприятны для стоянки торговых судов»[1]. О том, что в указанный период именно на берегу Скурчи находился наиболее значительный пункт турецкой торговли в Абхазии, очевидно, свидетельствует и название сел. Кындыг, расположенного в восточной части залива, которое увязывается с турецким «Киндик», что означает «центр»[2]. На карте Колхиды 1654 г. «Искурия» нанесена как «турецкая торговая фактория»[3]. Искурия (Исгаур) была известна, прежде всего, как центр работорговли[4].

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. . . С. 129.

[2] Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006. С. 189. В связи со сказанным, обращает на себя внимание и топоним Баглан, фиксируемый западнее Скурчинского озера. Баглан, также в переводе с турецкого означает «место привязки», очевидно лодок и кораблей. (См.: Турецко-русский словарь. – М., 1977).

[3] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 23.

[4] Искурия (Скурча), как невольничий и обычный рынок, без сомнения, существовал с древности. Однако, в раннесредневековый период она не упоминается в письменных документах. (Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 214), что должно свидетельствовать о его незначительной роли как торгового пункта. Превращению Искурии-Исгаура в крупнейший пункт работорговли в XVII в. способствовало то обстоятельство, что конечный пункт, получивший в это время интенсивное развитие, главным образом, работорговый путь, шедший из Северного Кавказа через Клухорский перевал по долине р. Кодор, находился не в Сухуме, а в устье Кодора

Количество рабов, вывозившихся из Исгаура, в разных источниках не совпадают. По свидетельству современника тех событий Ж. Шардена, в XVII в. из Исгаура, как сказано, вывозилось до 12 тыс. чел. в год. Ручаться за абсолютную достоверность этой цифры затруднительно, так как она многократно уступает сведениям С. Броневского, который справедливо считая, что данные Шардена «не сообразны с количеством населения этой земли», полагал, что «число пленников, вывозимых ежегодно из пристаней черноморских, простиралось прежде от двух до трех тысяч»[1]. А. В. Фадеев, писал, что в расцвете своего пика, с Исгаура вывозилось до 4000 рабов[2]. Из первого тома «Книги путешествий» турецкого автора XVII в. Евл. Челеби имеются неопределенные данные о том, что в Топхане (квартал в Стамбуле) было «очень много… грузин и абхазов…»[3]. Согласно же одному из наиболее компетентных авторов в области пленопродавства А. М. Киласония, в XVII в. из Западной Грузии и Абхазии ежегодно вывозилось от 4-х до 7– 8-и тысяч человек[4]. По мнению историка Р. Агрба, на протяжении XVII в. из Абхазии и прибрежной Черкесии было вывезено более 1 млн. чел., хотя эта цифра, думается, несколько завышена. Аналогичной была, по его мнению, картина и в XVIII в. [5]. И как не казалось бы, что эта цифра преувеличена, она тем не менее, вероятно, близка к истине. Если учесть, что ежегодно в XVII – XVIII вв. к Кавказским берегам прибывало большое количество кораблей, которые, как правило, уходили отсюда до отказа наполненные рабами, то коли-

с достаточно вместительной для парусных фелюг и галер Скурчинской бухты, располагавшейся ближе к кодорской дороге, и в XVI – XVII вв. существующий здесь порт Исгаур отбивает значительную часть торговых оборотов у Сухума. (Соловьев Л. Н. Диоскуриада–Севастополис–Цхум… С. 129; Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии…С. 143).

[1] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823. С. 315.

[2] Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии (Очерки по истории береговой торговли XVI–XVIII вв.)… С. 14.

[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975. С. 3.

[4] Киласония А. М. Пленопродавство в Западной Грузии в XVI– первой половине XIX в…. С. 8.

[5] Агрба Р. О. Миграционные процессы с Западного Кавказа… С. 147.

чество невольников должно было быть, несомненно, огромным[1]. Это подтверждают и единогласные высказывания позднесредневековых авторов (Ламберти, Шарден, патриарх Макарий, Челеби, Пейсонель и др.) о том, что основной статьей морского экспорта Кавказского Причерноморья в тот период была продажа невольников[2].

Говоря о размахе работорговли на Северо-Западном Кавказе в XVII – XVIII вв., необходимо в то же время учитывать и следующее важное обстоятельство. Многие исследователи, особенно советского периода, к работорговле вообще причисляли и наемничество, в связи с чем чрезмерно преувеличивали ее масштабы. Тем более, что наряду с феодальным наемничеством абхазо-адыгов существовало и крестьянское наемничество. «В источниках, – пишет А. В. Кушхабиев, – встречаются описания вербовки юношей из обедневших семей османскими и египетскими агентами. Один из таких примеров привел Евл. Челеби. Османский санджакбей (правитель административно-территориальной единицы в Османской империи) в юношеском возрасте был завербован на Черноморском побережье Кавказа и отправлен на службу к египетскому паше. Плату от агента получил один из родственников юноши»[3].

Кстати, тот же автор отмечал, что многие выходцы из Абхазии обосновавшиеся в Стамбуле, занимались торговлей и ремеслом, а многие служили во флоте.

[1] Если абхазы, наряду с черкесами, как «живой товар» вывозились в большом количестве (примерно 300 чел. ежегодно), то, следовательно, и сама Абхазия должна была быть густо и плотно заселена. В этом убеждаемся, исходя из слов Евл. Челеби, писавшего о том, что в XVII в. прибрежных «племен абаза» было «многие сотни тысяч». (Челеби Евл. Книга путешествий. Ч. 2–3. – М., 1972, 1983. Извлечения // Материалы по истории Абхазии. 3. С. 12). По данным Челеби, только войска у «племен абаза» (не включая сюда горных абхазов) насчитывалось 135 тыс. чел. (Там же. С. 8–12).

[2] Следует отметить, что не всегда люди продавались непосредственно на невольничьих рынках. Некоторые из них посылались в дар турецкому султану. Так, например, мать цитированного выше Евл. Челеби «родом из Абхазии, будучи еще девицею, была послана, вместе с братом, султану Ахмеду, который, взяв мальчика в число своих пажей, подарил сестру его Могаммед-Дервишу, голове цеха золотых дел мастеров, брат ее, получивший имя султана и прозвание Мелек (ангел), известен в истории как великий везир–Мелек-Ахмед-паша». (См.: ЗООИД. Т. IX. – Одесса. 1875. С. 161–162).

[3] Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры…С. 26–27.

Источники вместе с тем свидетельствуют, что подавляющее большинство бывших невольников из Абхазии и Черкесии в странах Османской империи, как и в мамлюкском Египте, по истечении определенного времени, получало свободу и даже возвращалось на родину. Есть также примеры того, что бывшие невольники, живя в Каире, Дамаске или Стамбуле, помогали своим родственникам, приглашали их к себе, а те, в свою очередь, могли задержаться здесь на длительное время или остаться навсегда[1].

Что касается представительниц женского пола, попадавших в страны Передней Азии и Ближнего Востока, то отправиться с формальной точки зрения в качестве рабыни в Турцию или Египет почти автоматически означало выгодно выйти замуж, что подтверждается многочисленными отчетами и свидетельствами современников. Купцы, занимавшиеся отправкой юных особ во влиятельные и богатые семьи Стамбула, Анатолии и Египта, выступали, по сути, в роли брачных агентов. К ним же впоследствии обращались бывшие невольницы с тем, чтобы они помогли им связаться со своими родственниками на родине, привезти к ним на воспитание или на побывку младших сестер и братьев. Сами они свободно бывали на родине, о чем есть документальные отчеты не только первой половины XIX века, но даже XV века.

Таким образом, в позднесредневековой Абхазии значительных размеров достигла вывозная торговля рабами и наемниками, мужская часть которых использовалась, главным образом, для усиления османской армии. В то же время, документально мало что известно об обратном ввозе рабов в Абхазию, что также возможно, могло иметь место, как это происходило в колониях европейских держав. Надо полагать, что ведущее место сельского хозяйства в экономике Абхазии и вообще большой роли продукции сельскохозяйственного производства в экспорте, прежде всего, в Османскую империю делало необходимым привлечение дополнительной рабочей силы, в чем, очевидно, были заинтересованы и турецкие власти[2].

[1] См. напр.: Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры…С. 20–28, 54 –56 и сл. ; Маан О. В. Султан Египта и обоих морей // Газ. «Советская Абхазия». 19 июня 1990 г.

[2] Маан О. В. Внешнеэкономические связи Абхазии в XVII в. // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011. С. 275–276.

В этой связи, особого внимания заслуживают сообщения некоторых письменных источников о том, что в Абхазии «было много арабов (очевидно негров), вышедших из Египта, которых турки переправили в Абхазию»[1]. Потомки негров встречаются или встречались до недавнего времени в сс. Аацы, Ачандара, Адзюбжа, Кындыг, Тамыш, Река, Елыр, Тхина и др. По свидетельствам русских бытописателей середины XIX в., негры были привезены в Абхазию не раньше чем появились на Черноморском берегу Кавказа турки, у которых всегда бывало много рабов из африканцев, доставлявшихся из турецких африканских владений[2].

Согласно историко-этнографическим материалам, приводимым Д. Дасания, несколько сотен чернокожих рабов было закуплено и ввезено в Абхазию в XVII в. князьями Чачба (Шервашидзе) для работ на плантациях цитрусовых. Этот случай стал единственным – и, по-видимому, не вполне удачным опытом относительно массового импорта африканцев, произошедшим на территории Черноморского побережья Кавказа. По версии, часто попадающейся по полевым материалам, абхазские негры действительно завезены в Абхазию представителями владетельного рода Чачба. Это случилось так. Однажды князь Чачба (информаторы не упоминают его имени) поехал в гости к мегрельскому князю Дадиани. Там Чачба был поражён тем, что увидел настоящих негров (приблизительно пять-шесть человек), находившихся в резиденции мегрельского правителя. Они прислуживали на торжественном пиру, данным князем Дадиани в честь приезда абхазского владетеля. А поскольку Чачба и Дадиани тайно или явно всегда конкурировали друг с другом, то абхазский князь решил во что бы то ни стало заполучить негров, причём, количеством гораздо больше, чем было их у мегрельского правителя. Приехав в Абхазию Чачба оплачивает привоз в страну целого судна с африканскими чернокожими рабами. Из них несколько семей были размещены в усадьбе Чачба, а других пришлось расселять по абхазским деревням.

[1] Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 53.

[2] Цит. по: Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – М., 1986. С. 60–61. В другом сообщении в газ. «Кавказ» за 1866 г. также говорилось, что «до введения русского управления в Абхазии встречалось довольно много арапов с совершенно смуглым лицом, большинство их было рабами и теперь перепродано обратно в Турцию». (См.: Абхазия и абхазы в российской периодике. (XIX – нач. XX вв). Книга. I. Сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. – Сухум. 2005. С. 289–290).

Необходимо вместе с тем отметить, что с начала XVI в., в подвластных Османской империи землях, рабов еще было, очевидно, незначительное число, ибо в тот период рабов из африканских колоний вывозили в сравнительно небольшом количестве, так как еще не сложилась система работорговли[1]. На этом этапе рабы вывозились только в Европу. Первоначальный этап европейской работорговли в Западной Африке по своему характеру, методам, масштабам был продолжением традиционной средневековой работорговли, с которой было хорошо знакомо все Средиземноморье и которую арабские купцы издавна вели со странами Судана[2].

С середины XVII в. происходит резкое увеличение импорта рабов-африканцев (до запрещения работорговли Англией и США в 1807–1808 гг., фактически же до Французской революции 1789 г.), что было связано с заметным расширением плантационного хозяйства в Америке и Вест–Индии. Это было время «свободной» (неограниченной) работорговли[3].

Надо полагать, что развитие сельского хозяйства в Абхазии, как и вообще на Северо-Западном Кавказе, входившей в состав Османской империи, несомненно, требовало дополнительной рабочей силы, поставляемой в XVII в. турками из своих североафриканских владений. Однако для решения вопроса о количестве рабов, ввозившихся в Западное Закавказье, как и вообще иммиграционных процессов в регионе в позднее средневековье, необходимо специальное исследование, материалы для которого, к сожалению, у нас отсутствуют. Можно лишь сказать, что вывоз рабов из Абхазии, надо полагать, значительно превышал их ввоз.

О масштабах внешней торговли и ее организации на побережье Абхазии в позднее средневековье наиболее ценные сведения приво-

[1] Козлов С. Я. Рецензия на кн.: Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. – М., 1979. С. 178 // СЭ. № 6. 1979.

[2] Томановская О. С. К вопросу о периодизации европейской работорговли в Западной Африке // Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1968 г. – Ленинград. 1968. С. 58–59.

[3] Козлов С. Я. Указ. раб. Там же.

дятся Ж. Шарденом. По его описанию, рыночная площадь в Исгауре, находилась в ста шагах от морского берега. Она была длиною в двести пятьдесят шагов и шириною в пятьдесят. Посреди площади проходила улица, по обеим сторонам которой располагались двести маленьких плетеных хижин - апацх, служивших «гостиницами» и строившихся по мере прихода купцов. В сезон ярмарки, что обычно бывало летом – в июле или августе, эти апацхи занимали купцы, каждый – одну хижину. В ней купец отдыхал и держал свой товар, который мог быть продан в два-три дня. «Те же товары, – пишет Шарден, – которые уже проданы или которых нет надежды тотчас же сбыть, для большей безопасности хранятся на кораблях»[1], стоявших на рейде в Скурчинском заливе.

Наряду с Исгуаром значительную роль в береговой торговле абхазов играли рынки в Сухуме и на Бамборском мысу в Гудауте. Монах Жан де Лукка писал, что абхазы «обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунта, Константинополя и Кафы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эски – Сумуни (Eschisummuni – «Старый Сухум»)». Сухум, как и Скурча, являлся центром продажи пленных. В городе, где стоял турецкий гарнизон, проживала, главным образом абхазская знать, имевшая коммерческие дела с турками[2]. Абхазские порты турки использовали

[1] Путешествие Шардена… С. 103.

[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 109; Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум…С. 113. Здесь же можно отметить и то, что название села Эшера, расположенного в 10 км к северо-западу от совр. Сухума, по одной из версий старожил, увязывается с турецким словом «Есыр», что значит «пленный» (по другому же, более распространенному мнению, название Эшера проистекает, якобы от наименования родовой группы Эшба (Ешба). Но в любом случае, несомненно, что в турецкий период Сухум и его окрестности являлись крупным местом вывоза пленных. Вместе с тем, многовековое взаимодействие абхазов и турок-османов не могло пройти бесследно ни для тех, ни для других. Межэтнические взаимоотношения вели к заимствованию абхазами широкого пласта слов турецкого происхождения, усвоению элементов турецкой культуры, например, представители абхазской знати на турецкий манер на голове носили фески (абх. афес хылпа). (Подробнее см.: Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982. С. 14–15). В быту абхазов получают широкое распространение турецкие имена, расписная турецкая керамика синего цвета, богато орнаментированные глиняные курительные трубки, что, между прочим, указывает на довольно глубокое проникновение обычая курения в абхазскую

прежде всего в целях работорговли. Многие из абхазских (в том числе, садзских) феодалов имели уже родственные связи с турками, а система работорговли к концу периода турецкого господства оказала настолько разлагающее воздействие, что в турецкие гаремы они продавали своих близких родственников. Они же с торговыми целями посещали не только города Трапезунт и Синоп, но и Константинополь.

Если рынки в Исгауре и Сухуме специализировались главным образом на работорговле, то Бамборский рынок – «Cavo de Buxo», – «Самшитовый карьер», специализировался в основном на продаже этой древесины. Другим, не менее значимым центром вывоза самшита с территории Абхазии, была, надо полагать, Очамчира, на что помимо прочего, указывает этимология топонима, происходящая от турецкого «Чамчир», что означает «пальма, самшит» (по-абх. ашыц)[1].

Помимо названных наиболее значительных береговых рынков, определенное значение имели и другие пункты международной торговли абхазского побережья – Гагра, Пицунда, Анакопия, Тамыш, Бедиа, Мыку (Моква), Гудаа (Гудава), Анаклиа (близ устья р. Ингур), которые находились под наблюдением со стороны жителей окрестных селений, рапространявшими весть о прибытии купца вглубь страны, вызывая на побережье всех имеющих потребность в обмене[2].

среду еще в XVIII в. (См.: Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 116-117; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии… С. 41; Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости. (Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 136). Имеется немало примеров заимствования и турками элементов абхазской культуры. В частности, в XVII в. при дворце султана, в высших кругах был введен аристократический стиль «Абаза». По этому поводу в Турецкой энциклопедии (Анкара. Т. I. 1947. С. 16) сказано: «Абаза – стиль (мода) В середине XVII в. Абаза Мехмет-паша создает в Стамбуле новый стиль одежды. Абаза Мехмет-паша был человеком, обладающим тонким вкусом, наряды его отличались изысканностью, головные уборы (чалмы – башлык) были разнообразны. Абаза-паша занимался украшением седел. Падишаху Мурату IV очень нравился стиль Абаза Мехмет-паши, он даже подражал ему и повелел распространить новую моду в народе. Атрибутами этой моды были: новый покрой кафтана, абхазский кавук (тип чалмы – башлык), абхазские седла и оружие. Стиль (мода), созданный Абаза Мехмет-пашой довольно долго продержался в Стамбуле». (Гуажба Р. Из истории диаспоры: традиция и культура убыхов и абхазов // Газ. «Республика Абхазия». 9–10 октября 2007 г.).

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 288.

[2] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 131.

О степени развитости международной торговли можно судить по наличию так называемой торговой пошлины, о взимании которой сообщают редкие источники позднего средневековья. Так, Э. Такайшвили писал, что в XVI – XVII вв. в Скурче, Маркуле (на р. Мыку) и Анаклии существовали таможни[1], где имелись специальные «чиновники» (корабельный писарь или секретарь), которые после прибытия иностранного судна направлялись к нему, поднимались на борт и производили опись корабельного груза. На основании этой описи за стоянку корабля в прибрежных водах взимался «корабельный сбор», состоявший из строго определенной части привезенного груза. Когда на корабле не было импортных товаров и на него грузили только местную продукцию, пошлина за стоянку была обычно скромной. Например, из восточногрузинской пристани Шевкетили (у устья реки Супса) в конце XVIII в. за стоянку каждого турецкого судна, на которое грузили местную кукурузу, полагалось платить только по 40 пара (т. е. 80 руб.) турецких денег и по одной ока табака[2]. Пошлина за ввоз и вывоз товаров по морю в рассматриваемый период, так же как и в Византии на рубеже XIII – XIV вв., согласно источникам, составляла около 2 % их стоимости[3]. Пошлина присваивалась, скорее всего, верховной властью, но в XV – XVII вв. часть сбора уступалась церкви[4].

Должность таможенника считалась очень выгодной и почетной – ее занимали представители феодального сословия, которым полагалось половина таможенного сбора. Сами таможенники почти не занимались взиманием пошлины, а поручали другим – за определенное вознаграждение. Так, Шарден видел в Исгауре 12 вооруженных луками человек, которые собирали пошлины.

[1] Как известно, село Маркула расположено на левом берегу р. Мыку, на расстоянии более 10 км от ее устья. Поскольку в XVII в. в Маркуле находилась таможня, то очевидно, что здесь же была и морская стоянка (а сама р. Мыку являлась судоходной хотя бы до указанной деревни). Название этого села впервые упоминается в генуэзских записях в форме Муркала, а потому в начальной ее основе, очевидно, лежит итальянское Мур «стена, крепость». Отсюда Муркала «город крепость» можно увязать с Моквским храмом. (Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия… С. 207). И так как в Маркуле была морская стоянка, то понятно, что в этом отношении она составляла исключение среди остальных стоянок судов в Абхазии, которые, как известно, расположены у самого моря. Привезенные из других стран товары доставлялись от с. Маркула, очевидно, не только в Мыку (один из важнейших религиозных центров, место народных игр и собрании всеабхазского масштаба) но и предгорную, и горную зоны Юго-Восточной Абхазии.

[2] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 137.

[3] Там же. С. 160–165.

[4] Там же.

Путешественники и купцы XVII в., посещавшие Абхазию (Ламберти, Шарден, Лукка, Челеби) отмечали, что в рассматриваемый период основной формой торговых отношений абхазов был простой товарообмен. Так, описывая торговлю Юго-Восточной Абхазии этого времени, итальянский миссионер Арк. Ламберти писал: «При торговле сперва устанавливают цену согласно стоимости различным образом. Если товар очень ценный, как, например, дома…земли, серебро, драгоценная ткань, персидские лошади, то устанавливают их цену соответствующим числом быков, или коров, или лошадей, или же невольников. Если же товар средней ценности, напр., корова, бык, дамасская ткань или армезин, обыкновенная лошадь, то оценивают их железом, медью, котлами, крашеным холстом и другими подобными товарами. Если же товар совсем низкой ценности, например, курица, каплун или яйцо, тогда оценивают их иголками, солью, ножами и ладаном»[1].

Из этого сообщения следует, что в Абхазии в XVII в. торговые сделки осуществлялись путем обмена, что было следствием наличия в стране натурального типа производства, не предполагавшего интенсивного денежного обращения[2].

В то же время, вряд ли могут соответствовать действительности сообщения тех же позднесредневековых авторов и их советских комментаторов о полном незнакомстве или отсутствии у абхазов денежного обращения.

О наличии денежного обращения на территории Абхазии в XVII – XVIII вв. свидетельствуют материалы, приводимые в статье М. К. Хо-

[1] Ламберти Арк. Описание Колхиды… С. 174.

[2] Для сравнения можно указать, что, например, в Западной Европе не только поздняя, но и вообще средневековая эпоха (**V – XVII вв.) являлась периодом господ**ства натурального хозяйства и слабого развития товарно-денежных отношений. Незначительный уровень специализации районов, связанный с таким типом хозяйства, определил развитие главным образом дальней (внешней), а не ближней (внутренней) торговли. Дальняя торговля была ориентирована в основном на высшие слои общества. (Всемирная история… С. 100).

телашвили – Инал-Ипа «Клад золотых турецких монет из Сухумской крепости»[1]. В районе Сухумской крепости во время археологических работ в 1983 г., на глубине 75 см были обнаружены лежавшие стопкой 14 золотых монет Османской империи. Все монеты относятся к периоду конца XVIII в. и начала XIX в. Большой коллекцией и кладом турецких мелких монет – ахче, обладает Абхазский государственный музей. Этот клад был выявлен в Илорском храме. Клад, привезенный в 1930-х гг. директором музея И. И. Адзинба, содержал 32 монеты ахче. Немало турецких монет находили в Анакопийской цитадели у Нового Афона, а также в районе Скурчинского причала. Причем, на Скурче находили не только турецкие, но и европейские монеты. Эти материалы, пишет М. К. Хотелашвили –Инал-ипа, дают некоторое представление о денежном обращении и характере торговли в XVII–XIX веках[2].

В то же время, приведенные выше находки турецких монет в различных пунктах Абхазии, дают основание полагать, что турецкие чиновники, расплачивались деньгами не только с солдатами турецких гарнизонов, стоявших в Абхазии, но и с местным населением у которого они покупали самые необходимые продукты. Другими словами, найденные в Абхазии турецкие монеты, свидетельствуют о том, что между османами и абхазами в XVII–XIX вв. велась и денежная торговля.

Однако, необходимо отметить, что деньги особо употреблялись в тех случаях, когда обмениваемые товары по цене друг другу не равнялись[3]. Но все же, главным образом, они употреблялись при торговле рабами. Как свидетельствуют источники, вообще, цены на рабов, в зависимости от целей, для которых они предназначались, зависели от пола, красоты, стройности, способности, физической силы и здоровья, колеблясь, по Ж. Шардену, от 15 (стоимость взрослых мужчин 25–40 лет) до 3–4 (дети и подростки) рублей золотом[4].

Принимая цены на рабов, указанные Шарденом как весьма ориентировочные, нужно сказать, что более осторожно по этому поводу высказывается М. Пейсонель. «Рабы, – пишет он, – представляют собою товар, цену которого определить невозможно, так как между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского до самого дряхлого… Вообще их (рабов. – **О. М**.) ценность колеблется от 60 до 5000 пиастров»[1] (испанская серебряная монета весом около 25 г, равная восьми реалам). Однако, можно констатировать, что подростки, молодые юноши и девушки ценились дороже, чем остальные. При этом, подросток 10–12 лет в 5–6 четвертей (абх. «худза-фыдза»), на всем побережье Абхазии служил мерилом стоимости[2]. Один «худза-фыдза» приравнивался по стоимости одной верховой лошади или 10-15 быкам.

Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. За одного «худза-фыдза» можно было получить взрослого мужчину плюс пару быков или другой «привесок»[3].

Если процесс обмена происходил даже без непосредственного участия «худза-фыдза», то во всяком случае он оставался мерилом стоимости заочно: «Это ружье стоит два «худза-фыдза» – как же ты предлагаешь мне за него всего 15 быков…»[4]. Но «худза-фыдза» по своей природе не был особенно удобен для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, не обладая необходимыми для этого качествами неизменяемости, прочности, однородности, делимости, портативности, почему роль всеобщего эквивалента у него оспаривал скот, а впоследствии еще более успешно – металлические деньги[5].

Согласно древнему обычаю, рынок являлся особым местом, где должен был соблюдаться закон мира, тем более, что его посещали не только свои, но и чужеземцы. Такой мир и порядок в пределах рыночной площади вплоть до середины XIX в. обеспечивали специальные военные отряды. Тем не менее, в рассматриваемый период, в связи с нестабильной политической ситуацией, торговые сделки заключались в натянутой обстановке, а сама береговая торговля была связана с риском вооруженного нападения. Иллюстрацией этого может служить

[1] Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Клад золотых турецких монет из Сухумской крепости // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011. С. 69–72.

[2] Там же. С. 72.

[3] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 282.

[4] Путешествие Шардена… С. 108.

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 125.

[2] См.: «Исторический архив». Т. V. – М., 1950. С. 413.

[3] Фадеев А. В. Краткий очерк… С. 126.

[4] Фадеев А. В. Указ. раб. Там же.

[5] Там же.

инцидент, очевидцем которого был Шарден в Исгауре. Приведем эту выдержку из его свидетельства (в изложении А. В. Фадеева).

«19 сентября (1672 г.), – пишет Шарден, – вечером множество спасавшихся крестьян прошло через Исгаур, распространяя бешеную тревогу, рассказывая, что абхазы, которых мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже недалеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их расставили на улицах базара и всю ночь провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостоять ему… 20 сентября все люди с нашего судна и с других, стоявших в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности, быть захваченными абхазами, которые были близко. Действительно они были близко. Как раз, в 10 часов вечера мы увидели, что весь рынок пылал в огне, и когда на следующий день люди отправились туда, они не нашли там ничего кроме пепла и остатков пожарища»[1].

Подобное происшествие на Исгаурском рынке для Шардена, очевидно, было неожиданным сюрпризом, и он откровенно признается в своем страхе, но вероятно для его спутников – купцов и капитанов это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея начеку оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вернули высаженный ими вооруженный десант обратно на корабли, то, наверняка, только потому, что «из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазскими отрядами и «благородно» ретироваться под давлением превосходных сил противника»[2].

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятным, купцы не только сумели бы дать отпор наступавшим абхазцам, но не

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 117–118.

[2] Там же. С. 117.

постеснялись бы и сами перейти в контратаку ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны купцам и являлись составным элементом их коммерческой деятельности. Правда, и они сами также подвергались нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными абхазскими феодалами – князьями и дворянами приморских районов.

А. В. Фадеев пишет, что нередко там, «где обнаруживалась невозможность совершить обмен, в виду несговорчивости или неуступчивости продавцов или покупателей, в дело неожиданно пускалось оружие и война завершала начавшуюся «мирную» торговлю»[1].

В источниках есть некоторые сведения о численности торгующих и покупающих на абхазских прибрежных рынках, хотя, цифры эти, не исключено – несколько преувеличенные. Так, согласно итальянскому автору первой половины XVII в. Джузеппе Миланскому, в одной только ярмарке у Илорского храма собиралось до 20 тыс. чел. [2].

Здесь, правда следует учесть, что Илорский храм являлся значительным религиозным центром всей Юго-Восточной Абхазии и местом христианского паломничества, где было большое скопление людей. Кроме того, храм располагался недалеко от морского побережья, что привлекало сюда как торговцев из Мегрелии и Имеретии, так и турецких купцов, высаживавшихся на берегу моря в Гудаа и Очамчыре. Поэтому сообщение Дж. Миланского о количестве торговавших в Илоре, очевидно, близкое к истине. Кстати, на рисунках католического монаха Хр. Кастелли изображена сцена бойкой торговли на поляне возле Илорского храма[3].

Вместе с тем, ярмарочная торговля осуществлялась не только у Илорского, но и у других пользовавшихся широкой известностью

[1] Там же.

[2] Дон Джузеппе из Милана. Письма о Грузии. XVII век. Перевел с итальянского, предисловием и примечаниями снабдил Б. Гиоргадзе. – Тб., 1964. С. 80–83, 96–97 (на груз. яз.).

[3] Необходимо отметить и то, что район Илора-Гудаа в средневековый период был связан с предгорной зоной Абхазии древней дорогой, по которой двигались торговые караваны. Общая длина участка этой дороги доходила до 75 м, ширина до 2 м 65 см, высота дорожной насыпи местами доходила до полутора метров. Древний путь был вымощен булыжником на известковом растворе. (Пачалиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии… С. 77–78).

храмах (Мыку, Дранда, Пицунда), которые имели в составе своих владений, как видно на примере Илора, рыночные места, что свидетельствует о богатстве крупных монастырей, лидировавших во внутренней торговле. Несмотря на ограничения в хозяйственной деятельности, которую они испытывали в связи с внедрением ислама, тем не менее, надо полагать, монастыри вели и внешнюю морскую торговлю на кораблях, если и не на собственных, то на арендованных, для перевозки грузов (например, леса, зерна), за которые платили, очевидно, как деньгами, так и скотом.

Эти данные также могут свидетельствовать о своеобразной концентрации в руках монастырей производства и торговых функций. При этом в средневековой Абхазии ярмарки являлись, надо полагать, одним из мест совершения крупных торговых операций.

Прямым показателем степени развития торговли в рассматриваемый период может служить и периодичность ярмарок. Обычно наиболее крупная торговля организовывалась один раз в неделю. Об этом сообщает автор второй половины XVIII в., академик И. Гюльденштедт, по словам которого в Исгауре – Искурии – Скурче, большие ярмарки («великие съезды») бывали еженедельно[1]. Торговля на ярмарках осуществлялась, вероятно, не только оптом, но и в розницу, куда, несомненно, поступали и импортные предметы.

Источники сообщают, что на рынках продавали самые разнообразные товары, но наибольшую прибыль приносила работорговля, поэтому работорговцы считались самыми богатыми среди всех, являясь наиболее крупными предпринимателями того периода.

Западноевропейские купцы подробно останавливаются на абхазском меде, отмечая его исключительные качества, Например, Ж. Шарден пишет, что «мед бывает двух сортов: желто-красный и белый, белого имеется в меньшем количестве, чем другого сорта, но он гораздо лучше и слаще – рафинированный сахар не может быть слаще: это продукт очень тонкого вкуса, он тверд на зубах.

Кроме домашнего меда, есть мед дикий, который находится в дуплах и щелях деревьев, он имеется в большом изобилии. Суда из

[1] Гюльденштедт И. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям. «Географический месяцелов на 1776 год». – СПб., 1776. С. 54.

Каффы везут его в Татарию, где из него и зерна приготовляют очень крепкий напиток…»[1].

Евл. Челеби, чуть ранее (1641 г.) к экспортным товарам абхазов причислял грецкие орехи, фундук и масло[2].

Небезынтересно также отметить, что в XVII – XVIII вв. большой сбыт в Турции находили нырки (порода птиц) с хорошим пухом: их обделывали и использовали для обшивок и подбивки теплой одежды.

Среди предметов внешней торговли, вывозившихся из Абхазии, на протяжении всех предшествующих периодов, следует выделить лен и льняную пряжу. Изучение материалов по одежде абхазов, кроме того, привели исследователей к выводу о том, что при посредстве береговой торговли в среду местного населения проникли восточные и европейские ткани, оказавшие влияние на декор узорных тканей абхазов[3].

В числе предметов торговли источники называют также шпагаты и веревки[4]. Последняя была известна и широко применялась в районах черноморского прибрежья в рыболовстве для сетей и неводов. Термин «абхазская веревка, – «абхазури бацари» – встречается, например, в описании расходов одного строительства в грузинской грамоте XVII в. [5].

Выше было сказано, что в позднесредневековый период имели место запреты турецких властей на въезд купцов Западной Европы из Константинополя в сторону Северо-Западного Кавказа. Запреты особенно усилились с XVIII в., когда Турции стала угрожать Россия. Это обстоятельство в значительной степени подрывало торговлю абхазов. Тем не менее, имеющиеся источники свидетельствуют: и в период общего спада торговых связей абхазов, отдельные территориальные общины продолжали активно заниматься торговлей, что, очевидно, отражало их личную активность и инициативу. Так, Евл. Челеби, описывая прибрежное абхазское (садзское) общество Арт от-

[1] Путешествие Шардена…С. 20.

[2] Челеби Евл. Книга путешествий. Ч. 2–3. Извлечения… С. 9, 10.

[3] Малия Е. М. Льноводство и льняные изделия абхазов // Известия АБИЯЛИ. Т. XI. – Тб., 1983. С. 101–102, 104.

[4] Специальные высококачественные веревки и шпагаты (ашаха, ашашэа) изготовлялись абхазами из пеньки (конопли). С тех пор, как стали завозить русские веревки, отпала необходимость в разведении конопли для получения пеньки.

[5] Мшвениеридзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. – Тб., 1952. С. 198, 199.

мечал, что оно имело две пристани: Артлар (совр. Адлер, название которого происходит от абхазского рода Арыдба) и Лиеш (Лиашә, между Хостой и Адлером). Первую пристань Челеби считает неудобной для причала судов, так как она со всех сторон скрыта. Во второй пристани, по замечанию Челеби, морские суда могли укрыться в течение шести месяцев[1].

Характеризуя само общество Арт, Челеби пишет, что оно «многочисленнее, чем племя кечи (т. е. общество гечь с князьями Гечба, проживавшие в устье р. Псоу и выше – **О. М**.) … и… большинство из них торговцы»[2].

Тот же автор указывал, что садзы торговали «особенно пушным товаром»[3], который был одной из важнейших статей их вывоза вплоть до середины XIX века. Это дает основание считать, что торговлей указанное общество занималось, как в раннее, так и в более позднее время, вплоть до присоединения этих земель к России. Данное обстоятельство в свою очередь должно указывать на то, что экономическое благосостояние различных абхазских этнотерриториальных групп не было одинаковым и, что даже в периоды спада и турецкой монополии внешней торговли, наличествовали преуспевавшие экономически общины. Следовательно, истинный уровень материального благосостояния некоторых территориальных общин абхазов в позднефеодальный период был значительно выше, чем это представлялось ранее.

Следует отметить и то, что на территории проживания населения абхазского этнического корня (садзов и абазин) в северо-западном направлении[4], располагался один из наиболее крупных портов Западного Кавказа – Абаза (Abbasa). Итальянский путешественник Д' Асколи, говоря о торговле в этом порту, писал, что купцы получают здесь такую прибыль, что затративший 100 реалов получает 300[5].

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… 2009… С. 238–239.

[2] Челеби Евл. Книга путешествий… С. 10.

[3] Там же.

[4] О том, что население абхазского этнического массива в XVII – XVIII вв. занимало приморскую территорию Северо-Западного Кавказа вплоть до Туапсе и дальше свидетельствуют Дж. Лука, Евл. Челеби, Кс. Главани, М. Пейсонель и другие позднесредневековые авторы.

[5] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 283. По поводу локализации порта Абаза в литературе существует разночтение. Так, З. В. Анчабадзе считал, что Абаза располагалась в устье р. Шахе. (Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии… С. 283). Такого же мнения придерживался и Г. А. Дзидзария. (Дзидзария Г. А. Труды. Т. III… С. 153). Согласно Ш. Д. Инал-Ипа, Абаза находилась в р. Псоу. (Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. – М., 1995. С. 211). Однако, вышеуказанные авторы не приводят аргументации своих положений. Поэтому наиболее основательным по данному вопросу нам кажется предположение Е. П. Алексеевой, которая соглашаясь с комментатором Д'Асколи Бертье Белагардом, локализует Абазу на месте Вардане, недалеко от Сочи. Именно на этом месте на картах XVII в. приведены весьма близкие названию Абаза – «Абазика», «Батен Абазе», «Витан-Абаза». (Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск. 1980. С. 173).

Словом, в рассматриваемое время абхазы и их этнические единицы, продолжали находиться с внешним миром в достаточно активных экономических связях. Внешнеэкономические связи, приносившие им значительную прибыль, давали, надо полагать, дополнительный стимул к освобождению Юго-Восточной Абхазии из-под власти мегрельских феодалов и утверждению в 80-х гг. того же XVII в. этнополитической границы между абхазами и мегрелами по реке Ингур.

В XVII – XVIII вв. одну из важных статей импорта Абхазии составляли, медь, железо в брусках (полосах), оружие и порох. Порох абхазы изготовляли и сами, но в небольшом количестве. Огнестрельное оружие, основная часть которого изготовлялась в Западной Европе[1], по стоимости составляло значительный процент всего импортного (согласно Евл. Челеби, в абхазском (садзском) «племени кеч» (Гечь) ружьями было вооружено около 2 тыс. чел.)[2]. Так как путь завоза огнестрельного оружия в Абхазию из европейских стран лежал через Крым, от этого у абхазов возникло и наименование ружья – «крымское». В бухтах и заливах Черного моря, – говорится в воспоминаниях одного автора того времени, – «на свинцовую пулю отцы часто меняли детей, а ловкие хищники – красивых горянок»[3]. На началь-

[1] Об этом можно судить и по названиям, которыми абхазы называли импортные европейские ружья, например: «алуман шәакь» – алеманское (германское) ружье, «афырцьыстан шәакь» - французское ружье, «амацьар шәакь» – маджарское (венгерское) ружье.

[2] Челеби Евл. Книга путешествий. . . С. 9.

[3] Натухайский В. Согденские скалы и еврейская община в горах Абхазии… С. 3. Цит. по: Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 328.

ном этапе, когда огнестрельное оружие еще было редким, стоимость одного ружья оценивалась почти в двести голов овец[1].

Среди товаров, доставлявшихся на судах к абхазскому берегу Черного моря, Евл. Челеби называет рыболовные крючки, щиты, пики, стрелы, луки, свинец[2]. Правда, для получения преимущественно свинца, как отмечалось в газ. «Кавказ» (1879 г., № 228), абхазы «в прежнее время» разрабатывали богатые месторождения «серебросвинцовой руды в районе Латы (свинец вообще же добывался в 13 местах Абхазии)[3]. Насколько можно судить по рассказам жителей, руда эта есть ничто иное, как одно-сернистый свинец (PbS), то есть содержащий блеск, причем содержание серебра должно быть довольно значительным, так как некоторым из них, по их словам, удавалось вытапливать довольно значительные слитки серебра без употребления отражательных печей, пуская в ход самые элементарные приемы». Добыча свинца для отливки пуль и селитры для приготовления пороха, очевидно, появилась у абхазов, как и у других народов Кавказа, уже в эпоху изобретения огнестрельного оружия. Однако, несмотря на его проникновение в общество, вплоть до первой половины XIX в., на вооружении абхазов находились луки и стрелы, часть из которых была, как видно, привозной. Аналогичное положение было у черкесов. По описанию Дж. Белла, в первой половине XIX в. кольчуга, шлем и лук составляли основное вооружение князей и дворян, потому что они стоили слишком дорого, чтобы могли стать общим достоянием, если даже разрешалось носить их «простым смертным». Например, кольчуга стоила от 10 до 200 быков, а лук стоил дороже ружья и пистолета[4].

Во второй половине XVIII в., согласно Пейсонелю, в Абхазию ввозили следующие товары: соль (из Крыма), вино (из Синопа, Триполи и некоторых других мест), ситец, выделанные кожаные изделия («са-

[1] Джонуа Б. Г. Абхазское ружье // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000. С. 131 (на абх. яз.)

[2] Челеби Евл. Книга путешествий… С. 10.

[3] Чернявский В. И. Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения // Труды V археологического съезда в Тифлисе. 1881. – М., 1887. С. 253, 255.

[4] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 332.

фьян и крашенные овечьи кожи красного, желтого и черного цветов из Константинополя и Крыма»), железные и медные скобяные изделия, а также в небольшом количестве – сукно и мыло (ввоз мыла был ограничен, поскольку абхазы, как и адыги больше пользовались мылом собственного приготовления – асапын (у адыгов – сабын). Торговые корабли, кроме того, привозили в Абхазию большое количество различного сорта и различной цены французского сукна, какао, индиго, кошениль и другие красители, золотые и серебряные нити и волоченное чистое золото[1]. В числе ввозимых из Крыма в Черкесию

[1] Говоря о ввозившихся в этот период на Западный Кавказ из Турции товарах и вообще месте Османской империи в системе международной торговли, еще раз нужно отметить следующее. На рубеже XVII – XVIII вв. внешняя торговля Османской империи была развита слабо. Неразвитость внешней торговли была, по мнению Х. Иналджика, следствием отрицательного отношения османского правительства к экспорту и его непонимания необходимости поддержания баланса в торговле. (Jnhalcik H. The Turkish Jmpact on the Development of Modern Europe // The Ottoman State and Jts Place in World History. – Leiden. 1974. С. 56–58). Что касается товаров, ввозившихся на кавказское побережье в XVII – XVIII вв., то они попадали в Османскую империю, как сказано, из западных стран (в основном из Англии, Голландии и Франции). Так, ткани являлись основным предметом французского и английского экспорта в империю. Французские купцы ввозили также головные уборы (в Марселе работала мануфактура по изготовлению фесок), бумагу, олово, кошениль, виный камень, индиго из Санто-Доминго и Гватемалы, различные специи, кофе и сахар – тоже из колонии и т. д. (См.: Dictionnaire universel du Commerce. – Copenhagne. T. V. 1765. С. 997–998). В целом же, как отмечают исследователи, доля Османской империи в общем объеме внешней торговли Франции на протяжении XVIII в., значительно снизилась: если в XVI в. на Левант (прибрежные районы Восточного Средиземноморья от Греции до Египта – через которые шла основная торговля между империей и европейскими странами) приходилось около половины всей внешней торговли Франции, то к 1780 г. его доля составляла лишь 5%, в то время как доля Франции в османской внешней торговле в конце XVIII в. составляла 50–60% ее объема. (Кальди – Надь Д. Данные к истории левантийской торговли в начале XVII столетия // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. – М., 1969. С. 333; Jssawi Ch. The Ottoman Empire in the European Economy 1600-1914 // The Ottoman State and Jts Place in World History. – Leiden. 1974. С. 113–114). Подобные тенденции прослеживаются и в торговых отношениях между Османской империей и Англией (в XVIII в. наиболее развитой в промышленном отношении страны Европы). Помимо тканей, англичане привозили в империю также олово, свинец, изделия из стекла и стали и др. Из-за сильной конкуренции французских товаров и переориентации Англии на другие рынки английская торговля в Леванте сократилась в XVIII в. не только относительно (учитывая общий рост внешней торговли Англии), но и абсолютно. К 1770 г. в общем объеме английской внешней торговли Левант занимал не более одного процента, в то время как для Османской империи это составляло 20–30% ее внеш-

и Абхазию товаров, Пейсонель называет еще краски для протирания лица, белила и румяна, которые «все черкешенки и абхазки… употребляют… в большом количестве»[1].

По А. В. Фадееву, через Каффу к берегам Абхазии направлялись: металлические изделия из Богемии и Германии, казанлыкское розовое масло, ямбольские ткани, каирские полотна и др.

Главными статьями экспорта Абхазии в XVIII в. были беличьи, рысьи, куньи меха, в том числе меха так называемой каменной куницы: обитание на территории Абхазии последнего вида куниц (каменной или белодушки, лат. Martes foina) подтверждается данными зоологов[2]. Языковед А. Д. Хеция отмечает, что абхазы, как и другие народы Кавказа, традиционно занимались добычей куниц из-за ее шкурки. Свой товар промысловики выносили в приморские торговые пункты, где меха закупали турецкие или другие иностранные купцы[3]. Люди занятые данным видом промысла, получали немалый доход от его реализации, так как цена меха была высокой[4]. Цены на меха приводятся М. Пейсонелем, согласно которому куньи шкуры, отправлявшиеся в Константинополь, где имели постоянных покупателей, продавались по 40–50 пара (т. е. по 80–90 руб.) за штуку[5]. И. Гюльденштедт к основным предметам вывоза относит оленьи рога, кожи оленей и диких коз; суконные кафтаны и войлочные бурки[6], а Я. Рейнеггс к указанным товарам добавляет хлопчатобумажные ткани, которые ежегодно в большом количестве вывозились и пользовались большим спросом на рынках городов Смирны (Измира) и Салоники[7].

неторгового объема. (World History of the Levant Company. – Oxf. 1935. С. 120–121, 139–140).

[1] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. (В изложении Е. Д. Фелицина) // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар. 1990. С. 26, 30.

[2] Хеция А. Д. Этнологическое описание лексики охоты на куницу у абхазов // Абхазоведение. Вып. 3. – Сухум. 2009. С. 41.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Пейсонель М. Исследование торговли… С. 30.

[6] Гюльденштедт И. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям // «Географический месяцелов на 1776 год»… Его же. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа… из путешествия в 1770–1773 гг. – СПб., 1809. С. 145.

[7] Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Т. II. – Гильдесгейм и СПб., 1797. С. 13.

Определить «с желаемой точностью» цены на ввозимые и вывозимые товары, согласно Пейсонелю, «нет никакой возможности», ибо продажа велась на обмен. Так, самшит обменивали на соль, «вес на вес, так что груз соли давал груз букса» (самшита). Обмен на вино производился «не на вес, а на особых условиях, вполне зависящих от обстоятельств».

В XVIII в., по сравнению с предшествующими периодами, значительно увеличился экспорт продукции пчеловодства (данная отрасль сельского хозяйства абхазов, не являясь основной, всегда представляла собой очень выгодное для экономики страны занятие). В это время, по словам Пейсонеля, из Абхазии «вывозилось громадное количество воску», причем только в Тамани сбывалось около 500 центнеров «дешевого меду из Абазы»[1]. По словам С. Броневского, абхазский мед идет в продажу «в знатном количестве»[2]. В данной связи обращает на себя внимание и сообщение в «Энциклопедии» Дидро и д᾽Аламбера о том, что в XVIII веке «Европа не производит достаточного количества потребного ей воска»[3] (что было особо необходимо для изготовления восковых свечей при отправлении религиозных обрядов).

М. Пейсонель отмечал, что купцы, производившие торговлю с абхазами «не раз покупали мед ниже 20 пара (40 руб.) за ок[4]. Воск продается неочищенным и при очистке его около 20 % идет на убыль»[5], но, тем не менее, Пейсонель свидетельствует, что встречал купцов, разбогатевших исключительно на абхазском воске.

[1] Пейсонель М. Указ. раб. С. 26.

[2] Броневский С. Указ. раб. С. 351.

[3] Пчелы и человек (Сборник). Ред. Н. Филлиповский. – М., 1981. С. 60.

[4] Следует сказать, что почти в каждом крестьянском хозяйстве были пасеки. В отдельных хозяйствах имелось по несколько сот ульев. Так, в середине **XIX в. в до**-лине р. Аалдзга, большие пасеки имели два пастуха – охотника Даут Аршба и Екуп Аджинджал. У первого из них стояло 500 колод, у второго – 460 колод. Оба они в году имели 400–500 руб. дохода. (Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 292).

[5] Пейсонель М. Исследование торговли… С. 30. Значительных масштабов в рассматриваемый период достигла и вывозная торговля адыгов. По данным М. Пейсонеля, из селения Ачу (на восточном берегу Азовского моря) ежегодно в Крым и Малую Азию вывозили, в частности, около 300 тонн осетровой или белужьей икры, около 200–300 тонн рыбьего жира, а также рыбьего клея. (Пенсонель М. Исследование торговли… С. 11, 24).

В XVII – XVIII вв., несмотря на известное влияние мусульманства, абхазы разводили много свиней, причем они были крайне дешевы[1]. Поэтому «можно было бы, – писал Пейсонель, – произвести весьма выгодную торговую операцию в этой стране, нагрузив возвращающиеся оттуда суда свиным салом и ветчиною… Но для того, чтобы воспользоваться этим продуктом, необходимо отправить туда сведущих мастеров, умеющих солить и приготовлять свиное мясо в таком виде, чтобы можно было доставлять его оттуда в хорошем состоянии к христианским народам»[2].

Кроме вышеперечисленных предметов, с берегов Абхазии в незначительном количестве вывозилась серебросвинцовая руда, а к концу XVIII в., из Южной Абхазии начался вывоз кукурузы, экспорт которой стал увеличиваться из дня в день[3].

Вообще проникновению кукурузы на территорию Абхазии способствовал большой спрос на нее со стороны турецких хлеботорговцев, которые охотнее всего ее покупали и хорошо за нее платили[4].

Главную же роль в экспортной торговле абхазов в XVIII в., как и ранее, занимала торговля людьми. Рабы отправлялись в Стамбул и в Каффу, а «купцы Константинополя и других мест Анатолии и Румелии приезжают за ними в Каффу»[5]. «Порода людей здесь (в Абхазии. – **О. М**.) – пишет Пейсонель, гораздо хуже, чем в Черкесии и потому за раба абхаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии»[6]. Согласно другим некоторым данным, в конце XVIII и начале XIX вв. «красивая девушка стоила 60 коров, юноша – 50, потому что девушка размножала род»[7].

В обмен на рабов, продукты и изделия местных промыслов, помимо указанных выше импортных товаров, корабли под турецким флагом везли к западнокавказскому побережью ковры, одеяла, холсты, шали, шелка, седла, сбруи, котлы, иголки разных сортов, табак, кофе, соленую и копченую рыбу, икру, ладан, сахар, ножи, мечи. М. Пейсонель, говоря о выгодах торговли с абхазами, считал, что «едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна как в Абхазии». Об этом можно судить по самшиту, продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер (т. е. в 12 раз дороже), «между тем соль, в обмен на которую приобретается это дерево стоит в Крыму не дороже 10 пара за центнер»[1].

[1] Пейсонель М. Исследование торговли… С. 30.

[2] Там же.

[3] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 122; Джанашвили М. Абхазия и абхазы // ЗКОИРГО. Кн. XVI. 1894. С. 15.

[4] Чанба Р. К. Полеводство… С. 121.

[5] Пейсонель М. Указ. раб.

[6] Там же. С. 30.

[7] Басария С. П. Избранные сочинения… С. 64.

Таким образом, подводя итоги внешнеэкономическим связям Абхазии в XVI – XVIII вв. необходимо констатировать следующее. После превращения Черного моря в закрытое «турецкое озеро», товары из западных стран попадали в Абхазию через Турцию. Это привело к их значительному удорожанию. Турецкие же купцы, пользуясь своим монопольным положением, еще более поднимали цены на свои товары, а за местную продукцию платили максимально низкую цену. Прибыль, получаемая ими, определялась в 300 –400 %[2]. В таких условиях заморские товары в XVI – XIII вв. обходились значительно дороже, чем в XII – XV вв., а экспорт давал намного меньше дохода. Поэтому дефицит, существовавший в торговле уже в XV в. возрос еще больше, параллельно с этим возрастает и торговля невольниками.

В то же время береговая торговля в значительной степени способствовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владетелей Абхазии – князей Чачба (Шервашидзе). А. В. Фадеев констатировал, что развитие берегового обмена сближало интересы абхазских феодалов и иностранных купцов, и, что местные правители привыкли рассматривать береговую торговлю, как источник добавочных доходов[3]. Видимо, не случайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты береговой торговли в Келасуре, Тамыше, Очамчыре, Гудаа и других удобных местах.

Активное участие феодалов в береговой торговле вызывало, в частности, необходимость в специальных «управителях» – приказ-

[1] Пейсонель М. Исследование торговли… С. 31.

[2] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 114.

[3] Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии (Очерки по истории береговой торговли XVI – XVIII вв)… С. 35.

чиках – мажордомах («акьахиа»), в обязанности которых по преимуществу входила организация сбыта продуктов, предназначенных для торговли на береговых рынках, а также заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих «управителей», пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали себя, накапливали немалые богатства. Этому способствовало и то, что должность такого «управителя» обычно бывала наследственной.

Например, у тамышских князей Чачба мажордомами служили представители фамилии Квициниа. С течением времени они накопили достаточные излишки, и в конце концов, почти перестали быть зависимыми от своих хозяев. Эти Квициниа не только имели постоянное общение с турецкими купцами, причаливавшими в устье р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с привозным товаром в глубь страны – в Джгиарду, Члоу, Атара и т. д., главным образом, торговали солью и оружием[1].

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 140–141.

ГЛАВА VI.
ТОРГОВЛЯ И ОБМЕН В АБХАЗИИ В XIX В. (ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1870 г.).

Первые описания торговли Абхазии и «единственного абхазского города» Сухума еще за несколько лет до занятия его русскими мы находим у лейтенанта Скирневского в 1807 г. [1]. Говоря об экономическом состоянии Сухума того периода, Скирневский писал, что торговля производилась при помощи небольших турецких судов, а предметами ввоза являлись: соль, железо, овечья шерсть, предметами вывоза – лес, ячмень, кукуруза[2]. Исходя из описания Скирневского, историк А. Олонецкий замечает, что у него мы не находим никаких указаний на существование в Сухуме какого-либо большого постоянного базара-рынка, что свидетельствует, по его мнению, о слабости рынка[3]. Принимая во внимание данное замечание, следует признать, что Скирневский являлся прежде всего человеком военным, и составил свое описание по специальному заданию российского военного министерства и потому его более всего интересовала Сухумская крепость. И хотя Скирневский ничего не сообщает о наличии в Сухуме большого базара, это конечно, не означает, что рынка вовсе не было. Но в силу незначительного уровня специализации районов Абхазии, отсутствия хорошей транспортной сети, связи между населенными пунктами страны были ограничены и нерегулярны, а посему объем внутренней розничной торговли – купли-продажи – не мог быть большим. Не нужно забывать и о том, что в XIX в. среди

[1] Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине XIX столетия // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 149–150; Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. II. 1762–1859 гг. Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. – Сухум. 2011. С. 47, 49.

[2] Там же.

[3] Там же.

абхазов сильно было распространено мнение о том, что сбывать продукты своего хозяйства, как например, сыр, фрукты и пр. и вообще заниматься торговлей не этично. Отрицательное отношение абхазов к торговле объясняется исследователями психологическими порядками, имеющими глубокие социальные корни, а именно наличием пережитков родопатриархальных отношений[1]. (Подобное воззрение было широко распространено и у других народов Кавказа – ингушей, осетин, карачаевцев, а также в древней Греции на первых стадиях ее развития. Некоторые народы, например, значительная часть арабов еще в первой половине VIII в. также считали постыдным заниматься торговлей).

Негативное отношение абхазов к торговле, начавшееся с середины XVI в., больше было связано с тем, что считалось стыдно торговать определенными продуктами своих хозяйств, а также стоять за прилавком. В то же время абхазы, особенно представители высшего сословия, на береговых пунктах торговли с удовольствием занимались в первую очередь работорговлей, продажей и обменом пушнины, меда, воска, заготовкой для иностранных купцов ценной древесины и пр.

Таким образом, в рассматриваемое время в Абхазии, и в частности, Сухуме продолжала развиваться внешняя торговля с Турцией, правда, уже в несколько меньших масштабах нежели ранее, о чем будет сказано ниже.

Возвращаясь к данным лейтенанта Скирневского о слабом развитии торговли в Сухуме в самом начале XIX в., нужно сказать, что его сведения значительно расходятся с характеристиками, содержащимися в документах позднейшего времени, но рассказывающими о положении дел в конце XVIII и начале XIX века. Так, согласно «Докладной записке чиновника министерства иностранных дел Р. Де Скасси о Сухум-кале и возможности торговли с Абхазией»[2] за 1820 г., в Сухуме

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 40–41; Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков… С. 110; Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис. 1894. С. 14.

[2] Указанная докладная записка Р. Скасси на французском языке звучит так: Notions sur Soukhoum – Kale et sur les Abazes, donnees par R. De Scassi (Сведения о Сухум-кале и абхазах, сообщенные Р. Де Скасси). Подробнее характеристику этого документа см.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русском науке // КЭС. 1. – М., 1955. С. 301–302.

в XVIII в. «было более 400 домов в крепости и слободе, и велась довольно оживленная торговля с Требизондом и Константинополем»[1]. Аналогичные сведения о торговле в Сухуме до присоединения к России приводятся в 30-х гг. XIX в. Ф. Ф. Торнау, Дюбуа де Монпере и генералом Н. Н. Раевским.

Особо нужно обратить внимание на точку зрения А. В. Фадеева: «К концу XVIII в. значение Сухума для береговой торговли возрастает, в связи с тем, что он стал резиденцией абхазских владетелей, его население увеличилось до 6000 чел., базар расширился и город принял довольно благоустроенный вид. Временами Сухум назывался у турок вторым Истамбулом»[2].

Конечно, не следует преувеличивать приведенные выше сведения и полагать, что торговля в Сухуме в самом начале XIX в. процветала. Например, один из процитированных авторов, де Скасси, как правильно отмечает А. Олонецкий, являлся генуэзским коммерсантом, временно находившимся на службе у русского правительства в качестве попечителя торговли с черкесами и абхазами и был прямо заинтересован в известном рекламировании выгод торговли и последствии ее развития для абхазского побережья. Хорошей иллюстрацией для такой рекламы было процветание побережья и особенно Сухума в годы развития его торговли с Турцией. Что касается А. В. Фадеева, то он возможно, несколько преувеличивает, когда пишет о возрастании с конца XVIII в. береговой торговли с Турцией. Нужно учесть, что в этот период складывается неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, связанная с тем, что абхазский владетельный князь Келешбей Чачба с конца XVIII в. ищет повода прекратить отношения с Оттоманской Портой. А в начале XIX в. такой разрыв становится фактом, после того, как Келешбей в 1806 г. дал у себя убежище мятежному трапезундскому наместнику Таяр-паше, выступавшему против султана[3]. Однако, если эта размолвка с султаном не могла способство-

[1] Цит. по: Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине XIX столетия… С. 150.

[2] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 133. См. также. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн. I. Сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба… С. 315.

[3] На грозное требование султана выдать пашу или прислать его голову Келешбей ответил, что закон гостеприимства не позволяет ему выдать гостя, а сам тотчас же

вать возрастанию береговой торговли, то вряд ли она могла ее окончательно подорвать, так как у Турции в Абхазии еще имелись, надо полагать, слишком большие экономические интересы, и главным образом в плане работорговли.

Торговля же людьми, осуществлявшаяся в это время на побережье Абхазии опиралась на покровительство самого владетеля Келешбея и других абхазских феодалов[1].

Известно, например, что в письме о своем намерении принять русское подданство Келешбей в качестве условия предусматривал сохранение за ним права работорговли. Более того, выполнение своих будущих обязательств перед Россией владетель ставил в прямую зависимость от этого[2]. Правда, внешнеполитическая ориентация Келешбея последнего периода его деятельности имела важные практические результаты, выразившиеся в бесспорном облегчении и ускорении присоединения Абхазии к России в начале XIX в. «Прогрессивное же значение этого факта, – пишет Г. А. Дзидзария, – трудно, конечно, переоценить». Отметим и то, что при Келешбее работорговля осуществлялась все же не в прежних размерах, т. е. наблюдалось определенное ее сокращение[3]. Броневский недвусмысленно отмечал, что в его время в Абхазии по сравнению с серединой XVIII века «весьма уменьшился торг пленниками»[4].

Таким образом, если иметь в виду процветавшую на берегах Абхазии работорговлю, присоединение к России имело для страны объективно положительное значение (хотя, нельзя не признать и колониальные методы политики царской России, оказывавшей пагубное влияние на экономику края). С другой стороны и сама Россия уже со

обратился к русскому правительству за помощью. (Соловьев Л. Н. Диоскурия – Севастополис… С. 147).

[1] Следует при этом иметь в виду, что Келешбей в основном занимался продажей пленных рабов, приобретенных за пределами страны. Если же среди продаваемых оказывались абхазы, то ими, главным образом, были воры, преступники, предатели, от которых Келешбей «очищал свои владения». Нужно здесь же вспомнить, что Келешбей первым браком был женат на представительнице крестьянской фамилии Лейба.

[2] АКАК. Т. 3. С. 192, 194.

[3] Дзидзария Г. А. К истории работорговли в Абхазии. Труды. Т. III… С. 157.

[4] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия… С. 350.

второй половины XVIII в. проявляет к Абхазии пристальный интерес, учитывая прежде всего то, что с приобретением Абхазии, под ее власть попадут, как писали царские генералы, «лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом», что «восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти две крепости, Анакру и Сухум-кале»[1].

Кроме того, русские дипломатические круги, говоря о способах завоевания Абхазии и ослабления на нее и, вообще, на народы Северо-Западного Кавказа турецкого влияния, считали необходимым, как мы уже отмечали, проведение по отношению к ним, той же политики – торговой, которую вела Турция по отношению к Абхазии[2]. Наиболее обстоятельно необходимость установления непосредственных торговых связей между Россией и Абхазией сообщается в донесении русского лейтенанта Иосифа Пери в Петербург президенту военной коллегии графу З. Г. Чернышеву в 1779 г. о том, что абхазские старшины «желают иметь» коммерцию с Россией, а также «быть под российскою протекциею». Из того же служебного сообщения выясняется, что еще и до этого было сделано предложение об «открытии коммерции» между Россией и Абхазией, причем Пери старался убедить Чернышева в выгодности установления прямых торговых связей с Абхазией[3].

В первый период после проникновения русских войск на Черноморское побережье русские купцы, не субсидируемые правительством почти не посылали своих судов из портов юга России в Абхазию. Развивалась массовая контрабанда, бороться с которой русские были не в силах.

Успех контрабанды объяснялся тем, что привозимые с берегов Анатолии в Абхазию иностранные товары были дешевле тех русских товаров, которые шли тысячами верст по Волге (с Нижегородской ярмарки), а затем на вьюках по калмыцкой степи и Военно-Грузинской дороге в Тифлис, а оттуда через всю Грузию и Мегрелию в Абхазию[4].

[1] См.: АКАК. Т. III… С. 209; Т. VI. Ч. II. С. 485.

[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 117.

[3] Там же… С. 130.

[4] Фадеев А. В. Краткий очерк… С. 162; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Конец XIX – начало XX вв. Состав. С. Я. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицина, Б. П. Миловидов. – Санкт-Петербург. 2005. С. 364–365.

При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а турецкие обменивались на изделия крестьянского хозяйства, что было выгоднее для абхазских крестьян и даже феодалов.

Контрабандные товары выгружались до Сухума. Имея связи среди прибрежного населения, используя систему световых сигналов, контрабандисты в темные ночи проскальзывали (минуя русские береговые укрепления) в укромные места побережья и вытаскивали суда на сушу, а там некоторые турецкие работорговцы имели даже свои дворы, дома и склады во многих крупных селах[1]. Излюбленными местами для приюта контрабандистов была Очамчыра (с одного только Очамчырского базара владетель получал 500 руб. серебром ежегодно), урочище Дгамыш, устье Кодора, принадлежавшее княгине Кесарии Чачба (где базары давали ей до 1300 руб. серебром), Келасур, принадлежавший в 30-х гг. кн. Гасанбею, а затем кн. Дмитрию Чачба (базар приносил до 1300 руб. серебром)[2].

Таким образом, экономическая политика российского правительства вообще в Закавказье приводила к фактическому усилению экономического влияния иностранного капитала[3]. Однако, развивающийся российский капитализм требовал колониальных рынков и экономическое значение в целом Закавказья начинает все более и более с этого времени подчеркиваться даже в официозных выступлениях[4].

Одним из тех, кто особое внимание обращал на установление прочной экономической связи России с Кавказским краем, был начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский. Отмечая большую заинтересованность анатолийского купечества в торговле с населением восточных берегов Черного моря, и об участии и покровительстве этой торговле компаниями английских купцов в Трапезунде («у них был здесь выгодный сбыт своих товаров»), он просил правительство России поощрять развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии.

[1] См., напр.: Рапорт командира отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о его встрече с Михаилом и Гассанбеем Чачба-Шервашидзе // ЦГИАГ. Ф. 548. Оп. 3. Д. 19, лл. 1–3; Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии… С. 258.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III… С. 73.

[3] Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX в.). – Сухум. 1934. С. 6.

[4] Там же. С. 8.

Н. Н. Раевский предлагал предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негоциантов»; призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли. А о вреде этой торговли со стороны султанской Турции, в частности, Раевский замечал: «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю турецкую империю, работниками – Трапезундские медные рудники и женами – восточные гаремы. Чем сильнее меры к прекращению сей торговли, тем более с увеличением риска увеличиваются и барыши; это дошло до того, что турецкие контрабандисты сознаются, «что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупит всю потерю…»[1].

При всем том, однако, нужно сказать, что для Раевского, как и для Ермолова, все же определяющими были не интересы российской торговли и промышленности, а интересы политической гегемонии России, которая должна была укрепиться в Абхазии через развитие торговли с Россией, через вытеснение экономического влияния Турции и Англии.

Таким образом, российские военно-политические интересы в Абхазии заключались в том, чтобы не допустить связей Турции с Северным Кавказом. И это она совершала на фоне активной борьбы с процветавшей в Причерноморье работорговлей (к тому же царизм признавал за Абхазией независимое владетельское княжество). Последнее (т. е. борьба с работорговлей) располагало к империи местное население, так как работорговля наносила нации величайшее из бед. При этом, по мнению некоторых авторов, торговля рабами на Северо-Западном Кавказе, в частности во время Кавказской войны, усиливала обороноспособность западнокавказских народов, давала им деньги для покупки новейших видов огнестрельного оружия и только по этой причине, якобы, царское командование боролось с работорговлей на Черном море[2]. При всей оригинальности высказан-

[1] Раевский Н. Н. Обзор восточного берега Черного моря. – Архив Раевских. Т. III. С. 52. Его же. Записка о торговле с горцами и переселении на Восточный берег // АКАК. Т. IX. С. 471; Дзидзария Г. А. Труды. Т. 2… С. 208–209; Абхазия и абхазы в российской периодике. Кн. I… С. 44.

[2] К полемике против обвинений черкесов в пристрастии к работорговле http://www. djeguako. ru/content/view/462/1.

ной точки зрения, мы все же полагаем, что Россия боролась против работорговли на Кавказе потому, что она, т. е. работорговля не вписывалась в систему российского государственного устройства, поскольку в самой России официально не существовало рабство.

Несмотря на издание русскими властями в 1804-1808 гг. правительственных распоряжений, категорически запрещавших работорговлю на Черном море, торговля «живым товаром» в первой половине XIX в. продолжалась тайно[1]. Так, в 1845 г. при содействии владетеля Абхазии Михаила, отправлялись невольники в Турцию из портов Абхазии, в частности, из Очамчыры[2]. В рассматриваемый период, оттуда в течение года было продано «до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей»[3]. По данным, собранным Сухумской сословно-поземельной комиссией, цены на рабов в 60-х гг. XIX в. колебались от 14 до 500 руб. [4]. Сокращению же размеров работорговли в значительной степени со-

[1] Рабы, как и ранее, через Турцию попадали и в различные арабские страны Ближнего Востока. В указанное время, например, в Египет попали 24 абхазские девушки из-под Сухума. Они в числе 4 египтянок, 1 эфиопки и 1 индианки были куплены неким йеменским шейхом Хасаном у одного турецкого работорговца. С течением времени положение абхазок в богатой семье шейха стало настолько сильным, что его самого и всех его потомков стали называть Абаза – фамильным именем этнического происхождения. Семья Абаза в Египте так разрослась и стала такой знаменитой, что английская газ. «Таймс» в специальной статье назвала ее «племенем». Влияние же абхазок выражалось в том, что они внедрили в разросшуюся семью Хасана и в семьи, связанных с ней фамилии, свои традиции и обычаи. Они также хранили из поколения в поколение некоторые предметы домашнего обихода, в том числе своеобразные женские деревянные колотушки, а соседские арабские семьи заимствовали у них, например, образцовое убранство жилищь. Нужно сказать и о том, что из среды Абаза вышли многие выдающиеся государственные и политические деятели, юристы, инженеры, военачальники, бизнесмены, артисты, писатели и др., работавшие или работающие как в Египте, так и почти во всех европейских странах. (Кучуберия Л. Е. Из этнографии абхазов арабских стран // Журн. «Алашара». № 5. 1971 (на абх. яз.); Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии… С. 497; Инал-Ипа Ш. Д. Зарубежные абхазы. – Сухуми. 1990. С. 100–102).

[2] Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. – Майкоп. 1957. С. 103. Известны были и случаи, когда шкиперы турецких кочерм подкупали служителей Сухумского карантинно-таможенного правления, назначаемых т. н. гвардионами на эти кочермы. Так, гвардион В. Степанов был изобличен в том, что вместе с подкупившим его хозяином кочермы турком, вывез в Турцию более 40 душ обоего пола черкесов. (Там же. С. 104, 112).

[3] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения… С. 353.

[4] Дзидзария Г. А. Труды. I… С. 190–191.

действовало присоединение Османской империи в 1847 г. к Международной конвенции по борьбе с работорговлей. Султан Абдул –Меджид I издал фирман, предоставлявший европейцам право инспектировать османские суда, подозреваемые в работорговле. В Стамбуле был закрыт невольничий рынок. В 1854 и 1857 гг. снова были изданы указы, запрещавшие работорговлю. Отныне работорговля осуществлялась в значительно меньших масштабах и нелегально[1]. На берегах же Абхазии и соседних с ней районах она продолжалась вплоть до 60-х гг. XIX в., т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе в целом и процесс разложения феодализма не подорвали ее основы.

Долгому сохранению работорговли в Абхазии, пишет проф. Г. А. Дзидзария, в значительной степени способствовало бытование ее и в сопредельных районах – у убыхов и адыгских (черкесских) племен, а также в Мегрелии, Сванетии и т. д. Так, в обзоре политического положения Черкесии за 1837 г. в частности сказано, что около 370 семейств, вышедших 3 года назад до этого из разных мест Кабарды и Адыгеи, были поселены на Черноморском побережье Анатолийской Турции (Трапезунд, Самсун, Синоп и др.), где они занимались земледелием и отчасти торговлей с Кавказом. Их феодалы ежегодно путешествовали в Черкесию и вывозили невольников для продажи в Турцию[2].

В первой половине XIX в. основная торговля абхазов по-прежнему происходила «на устье южного рукава реки Кодор» (Скурча), куда «приставали большие турецкие лодки». Здесь абхазы обменивали кукурузу, самшит (и другую древесину), мед, воск на железо, соль, оружие, порох, шелковые и хлопчатобумажные ткани, сафьян разных цветов[3] (соль и железо как самые необходимые предметы абхазы получали из Турции до 1827 года).

В числе вывозимых из Абхазии товаров, «составляющих народную промышленность», С. Броневский в начале XIX в. называет бурки и

[1] Кушхабиев А. В. Очерки истории… С. 52.

[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии… С. 259.

[3] Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1834 году // Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. С. Щедрина в 1928 году. №553. Л. 11; Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. – М., 1989. С. 164.

толстое сукно местного изготовления, домотканое льняное полотно[1]. Двумя годами ранее французский коммерсант П. Гибаль по поводу своего пребывания в низовье р. Кодор для закупки леса, также писал: «наш лагерь стал чем-то вроде рынка: к нам ежеминутно приходили абхазы, приносившие кукурузу, сыр, яйца, виноград, кожи – одним словом, все местные товары»[2]. К местности напротив села Соуксу (Лыхны) – резиденции абхазских владетельных князей Чачба (Шервашидзе), приплывали с товарами лодки адыгов. Это был центр, где торговый обмен с абхазами помимо адыгов вели убыхи. Одним из торговых пунктов Абхазии этого времени являлась Анаклиа при устье р. Игнур. Как следует «Из рапорта ст. сов. П. М. Литвинова главнокомандующего в Грузии князью П. В. Цицианову» от 7 мая 1805 г., «Анаклия, при устье Ингура лежащая и не более 12 лет Келеш-беку предшествовавшим Дадианом уступленная, служила до прихода русских войск притоном пленопродовства. Абхазские и мингрельские князья отвозили туда пленных и продавали оных туркам»[3]. Значительным торговым пунктом и в этот период являлась Гудаа, которую часто посещали небольшие турецкие суда. По сообщению источника, в этот район «турки привозят множество разного товара…, а там берут кукурузы, а иногда тихонько увозят христиан»[4]. В районе Гудаа вплоть до недавнего времени были заметны остатки дороги, а также фундаменты каких-то сооружений, возможно являвшиеся портовыми.

С 1820-х годов центром внутренней и внешней торговли абхазов постепенно становится Сухум-кале, где проходили еженедельные базары[5]. Из Кутаиси купцы по рекам и морю везли сюда шелковые и

[1] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе… С. 84.

[2] Поль Гибаль. Одесса. 20 января 1821 г. Дневник моего путешествия от Черного моря до Каспийского и от Астрахани до Таганрога. (Начат 21 марта 1820 года и окончен 20 декабря того же года). Пер. с фр. Р. Г. Крючкова. – Сухуми. 1965. С. 29–30.

[3] См.: АКАК. Т. II. С. 519. №1011 // Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. II. 1762–1859 гг…. С. 27–28.

[4] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 28.

[5] На это, между прочим, указывает и приводимое у одного анонимного наблюдателя первой половины XIX в. новое название местечка – Сухуми-Абазар. (Инал-Ипа Ш. Д. О взаимоотношениях города и деревни Абхазии в XIX – XX вв. // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 261); Дзидзария Г. А. Труды. Т. III… С. 162.

хлопчатобумажные ткани, лен, лисьи и куньи меха[1]. По сухопутным сообщениям в Сухум в этот период прибывали карачаевцы, обменивавшие здесь на заморские товары привезенные с Северного Кавказа изделия[2]. Кстати, Иоганн Бларамберг характеризуя карачаевцев отмечал, что «карачаевцы избегают всякого труда, требующего энергии или терпения; даже ружья, пистолеты и сабли они получают от своих соседей – черкесов и абхазов»[3]. В постоянных торговых сношениях карачаевцы находились с цебельдинцами[4], при этом «главный торг» между ними производился лошадьми и скотом. Продажа скота осуществлялась гуртом. При этом, каждый абхазский скотовод, согласно Ц. Н. Бжания, ежегодно продавал на двести рублей козлов и баранов. Цена таких животных равнялась около трех рублей. Из этого следует, что скотовод был в состоянии продавать до 70 голов. Но такие возможности широкой торговли, разумеется, имелись только у состоятельных скотоводов[5].

[1] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты… Там же. Исполняющий должность правителя Имеретии М. Д. Горчаков в том же 1820 г., в одном из своих донесений, писал о «беспрерывных» связях между имеретинами, мегрелами и абхазами «по торговле и другим делам». (АКАК. Т. VI. Ч. I. 1874. С. 597). А в 1836 г. в официальной докладной записке об учреждении ярмарок в некоторых частях Закавказья говорится об участии представителей Абхазии и в Кутаисской ярмарке.

[2] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик. 1974. С. 428. Небезынтересна и характеристика, данная карачаевцам и другим народам горного Кавказа в конце XIX в. англичанином Г. Грове: «Северные кавказцы – это первобытный народ, ведущий в своих больших уединенных долинах пастушескую жизнь, которая обыкновенно отличается честностью, простотой и правдивостью. Воров между ними, по видимому, совсем нет, а убийства и жестокость если и случаются, то крайне редко. Что же касается торговли, то в этом отношении жители столь плутоваты и готовы обирать путешественника, как и любой из английских торговцев и содержателей гостиниц…». (Ковалевский П. И. Кавказ. Т. 1. Народы Кавказа. – СПб., 1914. С. 71–72).

[3] Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик. 1999. [1834 г.]. Серия «Клио». Вып. 2. Раздел «этнография». Глава: «Общие заметки о нравах и обычаях Кавказа». [Раздел] – «Оружие». С. 46.

[4] Газ. «Голос». 1880. № 219.

[5] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962. С. 58.

В большом количестве приходили на сухумский рынок и абхазы, чтобы обменять «свои товары на соль»[1]. Плата производилась куньими шкурками, стоившими 2-3 руб. штука: медвежьи шкуры ценились от 4 до 5 руб., волчьи – 2 руб., шакальи – 60 коп., дикой кошки – 20–40 коп.: продавался также воск.

Главным пунктом торговли Бзыбской Абхазии являлся Бамборский базар. Каждодневно этот базар «наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку,… торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом»[2].

Вообще же по сведениям русского офицера С. Сафонова, побывавшего в Бамборе в 1836 г., «здесь видно более торговой деятельности и разного рода промышленности, нежели в других местах этого берега»[3]. А английский журналист и разведчик Эдмунд Спенсер, тогда же после посещения, называет Бамбору «городом». Спенсер писал о существовании в Бамборе «нескольких базаров, кишащих азиатскими торговцами, наполненных грубыми русскими мануфактурами…». Все абхазы, с которыми он встречался, были вооружены кинжалами, ружьями и шашками. Многие из этих оружий – «европейского производства», и, как говорили ему, «принадлежали крестоносцам». Путешественники купили у местных жителей «много великолепных сабель и кинжалов очень тонкой ручной работы и, очевидно, значительной древности»[4]. Согласно некоторым источникам, абхазы изготовливали также «очень хорошего качества кольчуги». По словам И. Бларамберга, «самые лучшие кольчуги делают на Кубачи, что в Дагестане, но

[1] Согласно рапорту главного командира Черноморского флота и портов Грейга Николаю I от 29 декабря 1826 г., 16 октября того же года, было задержано судно с экипажем в 12 человек, принадлежавшее «абхазскому уроженцу Солиману» и следовавшее с солью из Трапезунда к Кодорскому мысу. (Дзидзария Г. А. Труды. 2… С. 263).

[2] Дзидзария Г. А. Труды. 1… С. 182.

[3] Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря. – Одесса. 1837. С. 64.

[4] В то же время наиболее состоятельные абхазские князья и дворяне также становились обладателями оружия самой высокой стоимости. Так, по словам Дюбуа де Монпере, князь Гасанбей Чачба имел в собственности саблю производства фирмы «Золинген», оценивавшуюся в 10000 р., что составляло доходы целой губернии. (Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие… С. 140).

есть мнение, что очень хорошие кольчуги делают и в Абхазии, что на Черном море»[1].

Самую серьезную роль в торговле садзов в первой половине XIX в. играл Сочи. В источниках рассматриваемого времени сохранились весьма интересные сведения не только о покупаемых и продаваемых на сочинском рынке товарах, но и об организации садзской торговли. Помимо традиционных товаров, по словам очевидца, на сочинском базаре конца 30-х годов XIX в. с помощью переводчиков можно было купить превосходные фрукты, мед, копченый сыр, кукурузную муку, баранов, быков, уток, битого оленя, козла, медведя, кабана, местного изделия тканые ковры, даже ром и некоторые французские вина, продававшиеся европейскими купцами. Основными денежными единицами служили русская 20-копеечная монета (абаз) и рубль (манат). «Оригинальность этого торжища заключалась в его военном, чисто боевом характере. Торговцы приезжали с восточной стороны. Дежурные по базару распределяли их в одну линию, спиною к лесу. Сзади них становились 2–3 полуроты, «имея ружья в козлах». Между торговцами и покупателями оставалось шагов пять полосы вроде улицы, по которой ходили дежурные и переводчики из греков. Торг велся через улицу, объяснялись словами и мимикой. Когда приходили к соглашению, покупатель выходил вперед, брал товар и платил деньги»[2].

В 1833 г. Дюбуа де Монпере сообщал о стоявшем в Бамборе, на рейде, генуэзском судне, которое получило разрешение у местного владетеля нагрузить здесь свое судно самшитом; это по-прежнему, пишет Дюбуа, один из главных предметов торговли в Абхазии. Капитан генуэзского судна намеревался продать самшит в Трапезунде английскому консулу и взамен закупить для Константинополя различные предметы персидского производства: шали, шелка, трубки пр. [3].

Самшит в начале XIX в., как и ранее, продавался на вес и, по преимуществу, обменивался на соль. Однако, соотношение уже было иное:

[1] Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа… С. 46; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв… С. 363.

[2] Исторический вестник. Т. 137–138. – СПб., 1914. С. 122; Инал-Ипа Ш. Д. Садзы… С. 212.

[3] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа… С. 128–129.

«Самшит, – пишет Дюбуа де Монпере, – обменивают из расчета 30 фунтов соли за центнер самшита, который абхазы доставляют на берег моря, где его взвешивают»[1]. Таким образом, если в XVII – XVIII вв. самшит обменивался на соль из расчета 1:1, то в начале XIX в. эта пропорция составляла уже 1:8 в пользу соли.

Это объясняется с одной стороны – падением цены на самшит, вследствие интенсивной эксплуатации его массивов, с другой – ограниченным в результате военных действий русского флота импортом крымской соли[2].

Один из основных источников доходов абхазских феодалов в XVIII – в первой половине XIX в. составляло рыболовство и промысел дельфинов. По свидетельству французского путешественника первой четверти XIX в. Гамба, на р. Ингур «ловят также довольно редкую и ценимую в Средиземноморье рыбу, известную под названием «кефало» (кефаль). Чтобы ее икра могла лучше сохраниться, ее запечатывают воском, и в этом виде ее можно возить до самой Индии»[3]. Несомненно, что здесь развивалось товарное рыболовство, так как в источниках упоминаются рыболовецкие артели. Например, на топографической карте Сухумского округа, в устье одного из левых рукавов Кодора, впадающего в Скурчинский залив значится топоним «Ватага»(по С. И. Ожегову «Ватага» –рыболовецкая артель).

Занятие промыслом дельфинов также было для абхазов весьма прибыльным. По данным 60-х гг. XIX в. в одной только Пицундской бухте в результате летнего убоя добывалось не менее 300 пудов жира[4]. Дельфиний жир абхазы продавали турецким и греческим купцам, причем на месте пуд жиру продавался за 3 руб. сер. [5]. Об объеме внешней торговли и цен на товары интересные сведения приводит начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. М. Ольшевский (1839 г.). Он отмечал, что Сухумский округ мог продавать более 2 тыс. четвертей кукурузы и проса, 2–3 тыс. куньих шкурок. Продавались на

[1] Там же.

[2] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 121–122.

[3] Gamba. Voyage dans la Russie meridionnale. T. 1… C. 98–99.

[4] Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. № 77.

[5] Там же.

деньги: кукурузы четверть – 1 руб. 60 коп., проса – 3 руб. 20 коп., кунья шкурка – от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.: при обмене же на товары они обходились покупателям: кукурузы четверть – 1 руб. 20 коп., проса – 2 руб. 50 коп., кунья шкурка – 1 руб. Затем следовало вино: ведро вина в Сухуме продавалось по 1 руб. 20 коп. Кроме того, население округа продавало до 500 пуд. шерсти, около 300 пуд. меда, столько же воска и 200 пуд. грецкого ореха: причем пуд меда продавали по 6 руб. 80 коп., воска – 10 руб. 40 коп. и орехов – 40 коп. Продавались также фрукты, а ближайшие к Сухуму жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы и лук. Низкие цены на продукты в Сухуме по сравнению с Бамборами, Ольшевский объяснял именно тем, что «окрестные жители приносят много на продажу съестных припасов»[1].

Таким образом, постепенное внедрение капиталистических отношений все больше втягивало абхазское население в рыночные отношения. Многие из них на сельских улицах стали открывать торговые лавки и духаны[2]. Торговлей стали заниматься даже зависимые крестьяне. Например, по свидетельству А. Пахомова, значительная часть крепостных (ахою) келасурского князя Д. Г. Чачба (Шервашидзе), «с позволения помещика и даже по его собственному желанию, занималась торговлей на келасурском базаре и имела там лавки. Так что большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Дмитрия Шервашидзе»[3]. Кроме того, в этот период, как видно, «абхазы начали принимать российскую монету». М. Ольшевский отмечал, что «большая часть абхазов узнала теперь цену деньгам и поэтому охотнее продают свои произведения за деньги, нежели на вымен товаров»[4]. Другой автор позднее также писал «о новом взгляде жителей (абхазов) на свое полевое хозяйство», т. е. о производстве «излишек для продажи»[5]. Например, князь Д. Г. Чачба (Шервашидзе)

[1] Дзидзария Г. А. Труды. I… С. 198–199. Небезынтересно привести и сообщение С. Сафонова за 1836 г. о том, что в крепости Гагра «англичане производят пушками торг, точно так, как и другими товарами». (Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря… С. 33).

[2] Дзидзария Г. А. Указ. раб. Там же.

[3] Дзидзария Г. А. Труды. I… С. 200.

[4] Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. – Сухуми. 1986. С. 80.

[5] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. – Тб., 1957. С. 254.

«начал разводить кукурузу для продажи, что в прежние времена для князей считалось позорным» (в то же время владетель считал позорным, если кто-либо из лиц, носивших его фамилию, торговал в Абхазии в лавке).

Русский офицер С. Смоленский в середине XIX в., описывая переход воинского подразделения из Кутаиса до Бамборы, у р. Мчишь, также свидетельствует, что торговля с абхазами велась при помощи денег. Он, в частности, пишет: «… Несмотря на поздний приход… нас встретила целая толпа жителей соседней деревни, которые несли на продажу сыр, кур и яйца, причем отдавали десяток яиц за полкруша (2,5 коп)…»[1].

Словом, как вытекает из источников, развитие денежных отношений в Абхазии в XIX в. более или менее заметно начинает развиваться с 40-х годов.

Характерно, что большая часть монет этого периода, хранящаяся в фондах Абхазского государственного музея, носит изображение эмблемы Российской империи – двухглавого орла (несколько таких русских монет были найдены местными жителями в октябре 2008 г. на территории совхоза «Кавказ» в Гулрыпшском районе Абхазии). В целом, несколько забегая вперед, отметим, что большое количество русских монет XVIII – XIX вв., содержащихся в нумизматических коллекциях музея, свидетельствуют о теснейших экономических связях русского и абхазского народов.

С 40-х гг. XIX в., с созданием более благоприятных условий для налаживания русского пароходства на Кавказском побережье Черного моря и установления прочных торговых отношений России с Абхазией, был поднят вопрос и об устройстве Сухумского порта, а в 1840 г. в Сухуме была устроена карантинная застава, в 1846 г. город был причислен к портовым. Через год в 1847 г. был открыт порт в Очамчыре и разрешен привоз вообще всех иностранных товаров; в 1848 г. торговые пункты Гудаа, Очамчыра и Келасур были приняты в карантинно-таможенное ведомство[2]; взамен абхазский владетельный дом получил пенсион в размере 12000 руб. серебром ежегодно[1]. Важное значение для организации сообщения по Черному морю и обслуживания экспорта за границу имело основание в 1856 г. «Русского общества пароходства и торговли».

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца // Военный сборник. Т. 87. № 9. 1872. С. 149.

[2] АКАК. Т. X, ч. I. С. 863; ГАКК. Ф. 260, оп. 1, д. 1204, л. 3.

С началом регулярного торгового мореплавания и увеличения прихода судов в Сухумский порт, наблюдается и рост торговых оборотов города по заграничной торговле. Он выражался в следующих цифрах: в 1832–1852 гг. было ввезено на 1196158,08 руб., вывезено 273175,3: общий оборот равнялся 1469333,38 руб. Значительно увеличилась и каботажная перевозка товаров: в 1852 г. ценность привезенных в Сухум товаров поднялась до 197576 руб., а вывоз равнялся 254985 руб. Общий же вывоз через Сухумский порт в 1848–1852 гг. составлял 71773 руб. [2].

Источники показывают, что вывоз сельскохозяйственных продуктов в течение 20 лет (т. е. с 1832 по 1852 гг.) носил неравномерный характер. Очевидно, этому способствовали неблагоприятные политические события: неоднократные восстания абхазов против царского режима в 40-х годах. Это предположение подтверждается совпадением наименьшего количества вывоза кукурузы с датами наиболее высоких подъемов войны освободительного движения в Абхазии, которые не прекращались в форме партизанской борьбы ни на минуту[3].

Что касается экспорта сельскохозяйственных продуктов (поступавших в Турцию и Россию), до 1848 г. имеются данные о вывозе кукурузы, а с 1848 по 1852 годы – винограда и вина[4] – это позволяет сказать, что они, наряду с кукурузой, были главной статьей торговли в первой половине XIX века.

С другой стороны, общий доход от вывоза кукурузы из Сухумкальского порта в 1852 году составлял 6330 руб., а от винограда и вина – 6271 руб. Однако кукуруза вывозилась не только из этого порта, но и из других. В частности, из Очамчырского порта в 40-х и начале 50-х годов было вывезено кукурузы: в 1848 году – 29570 пудов, в 1850 году

[1] Там же; Дзидзария Г. А. Труды. Т. III… С. 74.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. 2… С. 269–270.

[3] Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тб., 1986. С. 72–73.

[4] Там же.

– 33932 пудов, в 1851 году – 4930 пудов, в 1852 году – 6260 пудов, в 1853 году – 41310 пудов[1].

Следует отметить, что экспортируемые товары славились своим качеством. Еще в 1829 г. Г. Новицкий писал, что вино, делаемое убыхами и абхазами «хорошего вкуса, а водки их нисколько не уступают в доброте французским»[2]. Ф. Дюбуа де Монпере, которому, разумеется, хорошо были знакомы лучшие французские вина, также считал, что в Абхазии вино «хорошего качества». Вино, приготовленное на «винзаводах» с промышленной целью, а также у абхазских виноделов, находило сбыт в российских портах Черного моря. С 1849 по 1851 годы, по официальным данным из Сухум-кале в Керчь, Анапу и Редут-кале (Кулеви) ежегодно вывозилось по 5600 ведер вина. Из Бамбор в указанные порты только за 1850 год было вывезено 12800 ведер вина[3]. Всего же в 1848 – 1852 гг. в общем экспорте из Сухумского порта стоимость вина составляла 28,6 %[4].

Такой экспорт, как писал Ц. Н. Бжания, свидетельствовал о высоком качестве абхазского вина, успешно конкурировавшего с крымскими и молдавскими винами. Следует учесть, что доставка в указанные крымские приморские города местного вина была гораздо удобнее, чем транспортировка абхазского вина морем на расстоянии 500–600 км. [5]

Таким образом, с 1847 г., когда в Сухуме начала свои действия «первоклассная таможня», стало более заметным дальнейшее развитие внешней торговли. Причем среди импортировавшихся товаров все более увеличивался удельный вес предметов роскоши; это были дорогие шелковые ткани, английский фарфор, турецкие глиняные кувшины, лучшие французские вина и др. [6].

[1] Земледелие и скотоводство… С. 73.

[2] Новицкий Г. Географо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // «Тифлисские ведомости». № 23. 7 июля 1829 г.

[3] Пушкарев С. И. О виноградниках и виноделии в Абхазии // Газ. «Кавказ». 1852. № 28. ; Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. Вып. I – II. – Тифлис. 1868. С. 43; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов… С. 200.

[4] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 157.

[5] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства. Там же.

[6] Пушкарев С. И. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания // ЗКОРГО. Кн. 11. – Тифлис. 1853. С. 161–162.

Каботажные суда в Сухум из азовских портов и Керчи также привозили – муку пшеничную, вино хлебное, керченский камень, железо и чугун в полосах, листах и разных изделиях, русские мануфактурные, галантерейные и другие товары. Из Сухума, помимо местных продуктов, вывозили некоторые товары, попавшие сюда из-за границы: портер, фаянсовую посуду и др., а по укреплениям Черноморской береговой линии до Анапы включительно, развозились, почти все заграничные товары[1].

Посредством каботажного плавания суда из Сухума и Новороссийска привозили много товаров и для сбыта горцам: наиболее значительный сбыт производился в укрепл. Св. Духа (Адлер), в земле садзов, от которых товары шли к убыхам и далее в горы[2].

Начиная с 50-х годов XIX в., по мере увеличения количества русских войск в Абхазии, население начинает выносить на продажу вино и скошенное сено[3]. Так, А. Пахомов отмечал, что в 60-х гг. в имении кн. Д. Шервашидзе ежегодно скашивалось до 10 тыс. пудов сена, которое продавалось в Сухуме[4]. Иногда отдавались и луга в аренду. В 50-х гг. кн. Д. Шервашидзе очистил эти земли в луга и отдавал на покос войскам Сухумского округа[5].

Крымская война (1853–1856 гг)., во время которой Кавказское побережье Черного моря было занято Турцией, прервала развитие торговли в Абхазии. Но вскоре после этого события, торговля в Абхазии начала расти более быстрыми, по сравнению с предшествующими годами темпами. Это выражалось в следующем. Из 2330 рейсов, совершенных в 1860 г. каботажными судами в Поти, Николаевск, Редут-кале и Сухум, на последний приходилось 769 рейсов. В 1862 г. приход каботажных судов в Сухум, Очамчыру и Гудауту составлял 499 единиц и отход – 495. Оборот торговли г. Сухума в 60-х гг. равнялся: отпускной – 175,5 тыс. руб., внутренней – около 536 тыс. руб. Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского княжества

[1] Пушкарев С. И. Краткий очерк портов…С. 162–163.

[2] Там же.

[3] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе…С. 264.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении… С. 75.

[5] Земледелие и скотоводство у абхазов… С. 77.

в 1864 г. Через Сухумский порт уже в 1867 г. всего ушло и пришло 721 судно: из них 504 – в российские порты, 217 – за границу[1]. Таким образом, основная масса судов (70%) приходила из российских портов и направлялась туда же. Еще более интересны данные о вывозе из Сухума. Таких предметов, как табак, мелкий орех, пшено, апельсины и инжир, в указанном году было вывезено в пределы Российской империи около 420 пуд., причем из них 151 пуд был вывезен в Поти[2].

По свидетельству А. Н. Введенского «необходимое для продовольствия семейства крестьян количество орехов и каштанов оставлялось в запас, а остальное относилось на базары местечек Гудауты и Очамчыры, где эти продукты скупались и отправлялись в Россию»[3]. Например, в 1848–1852 гг. только из Сухумского порта было вывезено 320 т. плодов ореха[4]. Предметом огромного вывоза в Россию, по словам А. Пахомова, являлась абхазская хурма, которая служила в России лакомством «для простого народа», а также шла на винокурение[5].

Основным же предметом внешней торговли в рассматриваемое время оставалась ценная древесина, кукуруза и вино. Так, например, еще в 1818 г. цитированный выше Р. де Скасси погрузил в Скурче двести штук дубового кругляка длиной в 2 саж. и фут в диаметре, купив его весьма дешево – за двести сорок рублей[6]. В 40–50-х гг. лесопромышленник Мошин в значительных размерах вывез дубовый лес из Абжуйского округа в г. Николаев для нужд морского ведомства[7]. Предполагается также, что одной из причин относительно лучшего благосостояния населения Самурзаканского участка являлся вывоз богатого леса этого района[8]. Небезынтересно обратиться к одному из контрактов, заключенных, например, «князьями Батой, Алмасханом и Кацом Аимхаа– Эмухвари с коллежским регистратором Карлом Звиноградзким о продаже ему самшитового (пальмового) леса» в Окуме, 27 апреля 1859 года. В документе сказано, что «подпоручик Бата сын Болехуху, пропорщик Алмасхана сын Тлапса и Каци сын Асланбея Эмухвари… заключили настоящий контракт с коллежским регистратором Карлом Острожев Звиноградзким о продаже нами сему последнему пальмового леса на нижеследующих условиях:

1) Г. Звиноградзкому предоставляется право рубить пальму во всех лесах, принадлежащих князьям Эмухваровым за условленную плату двадцать копеек серебром за кантар ($3^{1/2}$ пуда), полагая плату эту за те только бревна, которые годными и которые Звиноградзкий вывезет из лесу, на случай же окажения после срубки дерева испорченным червями или же с трещинами и дырами внутри, то за оное Звиноградзкий не обязан ничего платить, как равно овершья и ветви, которые тоже негодны.

2) Так как Звиноградзкий платит с весу, то ему предоставляется право рубить в размерах длины и толщины таких, какие он найдет для себя удобным.

3) Расчеты за все пальмовое дерево будет производить Звиноградзкий с одним только лицом, избранным из среди нас, именно с подпоручиком Бата Эмухвари.

4) Платеж денег будет производиться тот час же по приведении в известность сколько вырублено и вывезено из лесу.

5) Настоящий контракт имеет силу в продолжении трех лет со дня его составления, ежели Звиноградзкий начнет рубку леса в настоящем году , но ежели вовсе не начнет рубить в настоящем году, то контракт этот считается недействительным.

6) В продолжении того времени, когда Звиноградзкий будет рубить лес, никто более не имеет право заниматься рубкой ни из Эмухваровых, ни из посторонних лиц, а напротив мы Эмухваровы обязываемся оказывать всякое пособие г. Звиноградзкому.

Контракт этот с обоих сторон обяжемся сохранять свято и ненарушимо, в том подписываемся собственноручно.

Коллежский регистратор Карл Острожев Звиноградзкий.

За неграмотностью князей Эмухвари контракт подписал некий Давитая.

[1] Дзидзария Г. А. Труды. 2… С. 270.
[2] Там же. I… С. 197.
[3] Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела… С. 20.
[4] Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми. 1959. С. 3.
[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении…С. 58.
[6] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство… С. 88.
[7] Там же.
[8] Дзидзария Г. А. Труды. 2… С. 268.

Документ был составлен на русском и грузинском языках»[1].

Помимо самурзаканских, в этот же период велась разработка, в частности, ткуарчальских и бзыбских лесов. Так, известно, что один из абхазских купцов заготовлял в Бзыби сосну для турецких кораблей[2].

Небезынтересно также отметить, что, по свидетельству А. Пахомова, «сильно запрашивается в Одессе» ачадарский кизил, который «почти также дорого продается, как самшит, и идет там на зубцы для мельничных колес»[3].

Право взимания платы за рубку леса для вывоза было монополизировано владетелем Михаилом. Так, за вывоз самшита, который «сплавляется в большом количестве по р. Бзыбь, для склада которого почти против храма турки устроили большое здание», «они платили князю Шервашидзе по 10 коп. с пуда»[4] (в конце XIX в. платили до 60 коп. за пуд)[5], что в общности составляло весьма значительный доход[6]. Получаемый владетелем доход с леса составлял, приблизительно, 10 тыс. руб. в год: около 4 тыс. руб. получал Д. Чачба[7]. По другим сведениям, торговля самшитом доставляла «доход от откупщиков одному владетелю 7000–8000 р. сер. в год»[8].

[1] ЦГАА. Ф. 57, д. 5, 1870 г., л. 53 об. // Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. II. 1762–1859 гг.… С. 447– 448.

[2] Пачулиа В. П. Жемчужина Причерноморья. – М., 1987. С. 48.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении… С. 58.

[4] Газ. «Кавказ». 1864 г. № 64.

[5] Газ. «Кавказ». 1892 г. № 125.

[6] Газ. «Кавказ». 1864 г. № 64.

[7] Дзидзария Г. А. Труды. 1… С. 150.

[8] Бакрадзе Д. Очерк о Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ», №№ 48, 49. 1860 г. См.: Абхазия и абхазы в российской периодике. I… С. 181. Всего же, за 1842–1890 г. этой породы леса из Абхазии было вывезено 5165052 пуда. (См. «Деятельность РКИ Абхазии». Сборник документов и материалов (1921–1934 гг.). Сост. З. М. Ивардава. – Сухуми. 1973. С. 85). Большой спрос за границей, особенно начиная с 80-х гг. XIX в., находили и другие древесные породы, имевшие исключительное значение как поделочный материал. Так, древесину дуба и ясеня отправляли преимущественно в Алжир и во Францию: в Англию шел в основном самшит. Экспорт пальмового и орехового дерева в Англию и Францию в конце 90-х гг. XIX в. достиг 100 тыс. пудов. (Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. – Сухуми. 1985. С. 141). Самшит из Англии затем пересылался почти во все страны мира. (Там же. С. 142). Предметом вывоза были также каштан, пихта, тис, сосна и т. д. Особо высоким был спрос на каштановые изделия. По свидетельству лесничего Н. В. Фон-Дервиза, благодаря исключительным качествам каштана из Абхазии, его даже вывез на отделку своего дворца в Америке известный американский богач. (Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего) // ЗКОРГО. Кн. XXV. – Тифлис. 1906. С. 62).

Одним из покупщиков владетельских лесов был сборщик пошлин владетеля дворянин Соломон Лакрба[1]. После Крымской войны владетель отдал последнему на откуп рубку самшита в нескольких местах. Однако С. Лакрба не смог удовлетворительно завершить начатую им операцию и впал в долги[2]. Вследствие этого владетель в 1862 г. наложил секвестр на весь заготовленный Лакрба самшит, сложенный в Сухуме. Представленный в ответ на это Соломоном Лакрба иск равнялся 24649 руб., из коих более 13 тыс. рублей следовало его кредиторам[3].

Вывозом леса из Абхазии в 60-х гг., помимо турок, активно занимались также лазские торговцы. Так, «в мае 1866 г. лазы из Батума жили на левом берегу р. Бзыби, которые занимались вывозом абхазских самшитовых деревьев»[4]. По их словам, они таскали довольно большие лодки канатом вверх по реке и, нагрузив там самшитом, наколотым на куски в 1 арш. длиной, пускали по быстротечной Бзыби к морскому берегу для погрузки на корабли, которые перед отъездом должны были заезжать в Сухум для «очистки вывозной пошлины» по 45 коп. за кантар (3,5 пуда)[5].

Суммируя имеющиеся многочисленные данные о вывозе из страны с середины XIX в. самшита, а также кукурузы можно сказать, что уже в 60-е годы этой древесины из страны в Константинополь и Трапезунд было вывезено 556,785 пудов, а кукурузы из Сухума – 50 пудов. В целом, в 1866 г. заграничный экспорт кукурузы составлял 1076 тыс. пудов на сумму 689 тыс. руб. (для сравнения: в 1893 г. – 1600 тыс. пудов на 1004 тыс. руб.)[6]. Вывозилась кукуруза главным образом в

[1] Дзидзария Г. А. Труды. 1… С. 151.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] ЗКОСХ. 1867 г. №№ 5,6. С. 6; Дзидзария Г. А. Труды. 1… С. 153.

[5] Там же.

[6] КК. V. – Тифлис. 1895.

Турцию, Англию, Францию, Италию и другие европейские страны. Торговля кукурузой сосредотачивалась в руках зажиточной части крестьянства, которое организовывало по местечкам специальные пункты для скупки зерна, получая от этого значительные доходы.

С 60-х годов из Абхазии начинают вывозить табак. Так, в 1867 году из Сухума в Поти и другие порта Российской империи вывезли 101 пуд 20 фунтов табака, а в 1868 году продавалось в Сухуме и вывозилось в Россию и за границу до 300 пудов табака[1].

Итак, можно констатировать, что успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства способствуют дальнейшему развитию внутренней и внешней торговли. К середине XIX в. происходит оживление торговообменных связей и между отдельными частями страны: торговля стала производиться повседневно, а не только по воскресеньям и праздничным дням, как прежде.

Таким образом, после присоединения Абхазии к России наблюдается, как видно, постепенный рост товарности сельского хозяйства, возрастает заготовка леса на продажу, наблюдается неуклонное возрастание торговых оборотов.

В новых условиях, когда, в частности, повышалась рентабельность земли, богатые крестьяне скупали или брали в аренду пахотные земли, леса и сады. Так, Сухумская сословно-поземельная комиссия насчитывала до 200 случаев продажи земель, имевших место в течение 20 лет перед реформой[2].

Словом, крестьяне, имеющие капитал, заводили сравнительно крупные и в значительной степени рассчитанные на рынок хозяйства частично с использованием наемного труда (например, ачныр – наемный пастух), все больше начинали копить деньги, иногда даже отдавали их на проценты, о чем свидетельствует и существующий в абхазском языке специальный термин «анадзын» (аназын). «Анадзын, – пишет проф. Ш. Д. Инал-Ипа, – это ссудный капитал, то есть предоставление денег с условием возврата ссуды и уплаты вознаграждения – процента за нее»[3].

[1] Земледелие и скотоводство… С. 78.
[2] Дзидзария Г. А. Труды. I…. С. 267.
[3] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 510.

Интересно в этой связи заметить, что если к 1864 г. в Сухуме насчитывалось 24 купца, то через два года их было уже 66 человек; из них «лица, принадлежащие к местному купеческому сословию», т. е. к абхазцам, составляли 29 чел., мелкие торговцы – 12 чел. [1].

В 70-х гг. XIX в. экономическое развитие Абхазии сильно затормозилось главным образом, Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и последовавшим за ним махаджирством. В результате этих событий абхазский рынок, как это показано в работе А. А Олонецкого, почти перестал существовать – вывоз упал до минимума, торговый баланс характеризовался пассивностью[2].

Об этом свидетельствуют нижеприводимые торговые обороты Сухумского отдела.

Годы	Вывоз	Привоз	% привоза к вывозу
1879	53514 р.	274623 р.	513,1
1880	95515 р.	446411 р.	468,6

Основная масса импортных товаров, если исключить из них казенные грузы, поступала в Абхазию за счет импорта не русских товаров[3].

Русский торговый капитал, разумеется, не мог быть удовлетворен подобным положением вещей, поскольку он искал уже не только рынки сбыта для продукции своей промышленности, но и определенной для них сырьевой базы.

Значение Закавказья, к которому после войны 1877–1878 гг. был присоединен Батум, еще более усилилось. Все это вызвало ряд мероприятий русского правительства, направленных к оживлению хозяйственной жизни Абхазии и стимулировавших усиление развития в нем рыночно-ориентированной экономики[4].

[1] См.: КК. 1869. С. 145; Дзидзария Г. А. Труды. 1… С. 202.
[2] Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений… С. 12.
[3] Там же.
[4] Оленецкий А. А. Очерки по развитию. Там же.

Заключение

Приведенные в настоящей работе исторические материалы дают основание полагать, что удачное географическое местоположение с ранних времен создавало благоприятные условия для развития внешнеторговых связей древней и средневековой Абхазии.

Источники дают нам право считать, что в период поздней бронзы гениохийский союз племен достигает такого уровня хозяйственного развития и экономического прогресса, что, в условиях роста населения, внутренних и внешних взаимосвязей, происходит обособление отдельных отраслей производства, возникновение и развитие общественного разделения труда и обмена. Появляется специализация ремесленного производства, которое отделяется от земледелия, в результате чего, как и в других древних обществах, в абхазском, складывается система профессиональной торговли, носителями которой были купцы. Таким образом, экономика древней Абхазии рано приобретает товарный характер, хотя собственная монета здесь появляется в эпоху эллинизма.

Анализ привлеченных в исследовании материалов показывает, что наиболее тесными и многообразными внешнеэкономические связи у населения древней и средневековой Абхазии имелись в античный, раннесредневековый периоды, а также в эпоху генуэзской колонизации страны.

Сухопутная и особенно морская торговля древних абхазов, как и других «народов» северо-восточного Причерноморья получает особое значение и развитие после возникновения на черноморском побережье греческих городов.

Своего наивысшего развития торговые связи древней Абхазии достигают в эллинистическую эпоху, когда повсеместно в античном

мире происходят крупные изменения (строятся новые города, в экономику проникают товарно-денежные отношения и др.). Последствия завоеваний Александра Македонского оказались значительными и для древней Абхазии.

В период, непосредственно следующий за походами Александра Македонского и расцвета внешней торговли древней Абхазии по времени совпадает с рождением местной государственности – «Царства гениохов». С этого периода представители местных торговых слоев широко участвуют в сфере международных торговых сношений.

Не преувеличивая роли и значения греко-эллинистической культуры в развитии древней Абхазии, полагая, что всем своим социально-экономическим развитием она после античной колонизации обязана греческому влиянию, было бы неверно отрицать важности и плодотворности социально-экономических и культурных контактов между эллинами и древними абхазами. К примеру, греческое население северовосточного Причерноморья включало в себя ремесленников и торговцев, актеров и скульпторов, врачей и музыкантов. Развитие древнеабхазского общества получило новый импульс в связи с тесным контактом с эллинистическим миром: существование античных городов способствовало более быстрому темпу общественного развития ближайших к городам местных племен, а также проникновению к ним некоторых технических и культурных навыков, преимущественно в области градостроительства. Что же касается более отдаленных областей, то там дело ограничивалось главным образом привозом различных греческих товаров, в том числе произведений искусства, потребителями которых была не основная масса населения, а родовая знать[1]. Еще более значительным было воздействие греков на местную культуру – духовную и материальную. Достаточно указать на тот факт, что вплоть до X в. основным языком деловых документов, церковных актов и официального богослужения древней и раннесредневековой Абхазии являлся греческий язык [2], греческий язык является и языком торговли, а представители знати и купечества пользовались им и как разговорным языком.

---

[1] Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье… С. 41.

[2] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 137.

Как следует из приведенного материала, древняя Абхазия, как и вся Колхида, достаточно рано вошла в государственные образования античного типа – сначала в состав Понтийского царства, а затем Рима.

Источники говорят как о фактах значительного товарооборота между римскими войсками и местным населением, так и о том, что римский импорт занимал значительное место в хозяйственном обращении древних абхазов. Находки из Цебельды, Себастополиса и Питиунта показали, каким образом местные товары использовались римлянами и как в соответствии с их нуждами и вкусами развивалось местное производство (Ю. Н. Воронов).

Сравнительно высокий уровень городской жизни был характерен для тех стран, где имелись сильные рабовладельческие традиции. В древней Абхазии, как следует из приведенных данных, таких традиций рабовладения не было, однако ее прибрежные города развивались как торгово-ремесленные центры на периферии рабовладельческого античного мира.

В общественной жизни Абхазии рубежа античности и раннего средневековья имело место ослабление внешнеэкономических связей, одной из важнейших причин которого были, надо полагать, внутренние процессы, связанные с кризисом старой социальной структуры и становлением феодальных отношений.

Источники исследования дают нам право считать, что территория значительной части средневековой Абхазии находилась в сфере экономических интересов и воздействия Великого шелкового пути. Под покровом этого пути и в стороне от жестоких ирано-арабских войн, охвативших территории Восточного и Центрального Закавказья, западные районы Закавказья, в том числе Абхазия, несмотря на отдельные потрясения, жили иной жизнью. Они находились под протекторатом Византии, кровно заинтересованной в сохранении здесь своего влияния не только в военно-политическом, но и в экономических целях. По территории исторической Апсилии пролегала трасса Великого шелкового пути, не только приносившего местному населению и ромеям огромные доходы, но и служившего важным каналом, по которому на территорию Абхазии поступали культурные достижения – новые товары, знания и идеи.

Такой постоянно действовавший фактор, как эксплуатация транзитного торгового пути через Апсилию, позволил местному населению, занявшему активную позицию в контактах с внешним миром, сконцентрировать материальные ресурсы, необходимые для формирования социально-политической элиты раннесредневекового абхазского общества. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что общества, по территории которых проходили магистральные торговые пути, получали дополнительные ресурсы и ускоренно развивались.

Материалы настоящей работы также свидетельствуют, что бывали периоды, как, например, в период образования Абхазского царства и ее отложения от Византии, когда имело место временное прекращение политических и культурных связей, что мешало развитию экономики и особенно торговому обмену. Однако, с окончанием враждебных отношений, прежние связи, в первую очередь, экономические, восстанавливались. По мнению Г. А. Амичба, наиболее известные центры береговой торговли раннего средневековья – Питиунт, Анакопия (Трахея), Севастополис, Сигам и более мелкие прибрежные пункты (Исгаур) – в эпоху византийского протектората по численности населения, объему береговой торговли, в том числе работорговли, и товарообороту превосходили их условно-приблизительные показатели более позднего периода[1].

Данная оценка объема внешней торговли в раннем средневековье на побережье Абхазии, в целом представляется верной (причем, добавим, что торговля на берегах Абхазии по величине товарооборота превосходила показатели позднего средневековья не только в византийскую эпоху, но и в античный и генуэзский периоды), за исключением такой отрасли торговли как продажа пленных и количество вывезенного из Абхазии в тот период наиболее высоко ценимого «живого товара». В источниках вплоть до середины XIII века нет каких-либо конкретных данных о числе рабов, вывозившихся из Абхазии и вообще Северо-Западного Кавказа. Приведенные в работе источники говорят о том, что в VI – X вв. работорговля в Абхазии не достигала еще сколько-нибудь значительного размаха. Причем, с образованием

[1] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 214–215.

Абхазского царства, усилением его военного и политического значения в Закавказье, и наоборот, ослаблением могущества Византии на Кавказском побережье, работорговля уменьшилась. Систематическая работорговля на Кавказе и на побережье Абхазии начинается в период монгольского господства и генуэзской колонизации, т. е. со второй половины XIII в.

Своего расцвета торговля людьми достигает в эпоху турецкого протектората, характеризующегося раздробленностью и осложнившейся внешней обстановкой на Кавказе. Работорговля, этот кощунственный способ обогащения, наносила невосполнимый ущерб генофонду абхазо-адыгов. Вывоз трудоспособного населения не мог не сказаться на экономике Абхазии и соседних регионов.

Наряду с работорговлей, как мы видели, существовал другой, не менее важный вид миграции – военная эмиграция, и, главным образом, наемничество. При этом, нередко были случаи, когда феодалы, для которых военное дело являлось образом жизни, отправлялись на службу к правителям других государств в стремлении отличиться, превзойти других феодалов («жажда славы») и т. п. [1]. Данное обстоятельство, несомненно, нашло отражение в героическом нартском эпосе абхазов, сохранившем смутные воспоминания о нескончаемых и долгих военных походах нартов в дальние страны, для которых абхазами был создан специальный термин – хыдзрацара (хьызрацара), что понимается как «далекий поход за добывание ратной славы». Наемничество, таким образом, являлось одним из важных источников поступления денег. Учитывая большие масштабы привлечения абхазов (как и других народов Кавказа, например, адыгов и осетин) на службу наемниками в войска разными государствами – Римом, Византией, Персией, Грузией и др., приток денежных сумм в Абхазию указанным выше путем должен быть значительным и содействовать росту торговли и денежного обращения.

Жители Северо-Западного Кавказа, вывозившиеся за пределы своей Родины в качестве рабов или выезжавшие как наемники, сыграли важную позитивную роль и в политическом и культурном развитии государств Черноморья и Средиземноморья.

[1] Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры… С. 271.

Хозяйственная деятельность абхазо-адыгов (животноводство, коневодство, земледелие, изготовление мельниц и колесного транспорта, прокладка дорог и др.), организация торговли способствовали экономическому развитию районов их расселения. Наиболее крупные поселения абхазо-адыгов в арабских регионах стали развиваться как торгово-ремесленные и административные центры, которые со временем переросли в города[1].

Письменные источники и исторические материалы, например, генуэзского времени, дают основание сделать вывод о том, что занятие торговлей среди коренного населения не считалось чем-то постыдным. Среди категорий населения, занимавшихся торговыми операциями, присутствуют и абхазы. Можно вспомнить и абхазскую легенду, где, в частности, говорится о том, что абхазский князь Бабышь, ежегодно собирал огромный урожай грецкого ореха и после сушки засыпал в ашхуа (лодку) и, переправив по Черному морю, сбывал его[2].

Источники исследования показали, что в феодальном абхазском обществе сложилась своя система обмена – это древнейший натуральный обмен, или несколько видов эквивалентов обмена, выполнявших роль денег. Первым распространенным видом древнеабхазских средств товарообмена, выполнявших функции денег были соль, а также сегментовидные бронзовые орудия, затем специфические золотые и серебряные слитки.

Однако, главную роль всеобщего эквивалента у абхазов и в древности, и в средневековье, играл крупный рогатый скот: он обеспечивал и львиную долю экспортной торговли абхазов. Важным средством товарообмена в средневековой Абхазии были также особые готовые куски полотняной ткани. Мерилом ценности выступали и рабы (особенно подростки 10–12 лет). И хотя в торговле участвовали в привычном для иностранцев виде деньги, тем не менее, судя по частоте упоминаний в источниках, внешняя торговля абхазов была по-прежнему меновой.

[1] Там же; Аргун Ю. Г. Абхазы за пределами Родины // Абхазы. – М., 2007. С. 459–460.

[2] Пачулиа В. П. Как была уничтожена ореховая роща Бабыша // «Ерцаху». Литературный сборник. – Сухуми. 1984. С. 164–165.

Из материалов исследования явствует, что основным предметом богатства и важнейшим эквивалентом торгового обмена у абхазов был скот. Характерно, что и в абхазском фольклоре слово «богатство» (амал) зачастую выступает в качестве синонима «живность», «скот» (арахъ)[1] (нелишне при этом отметить, что и наличествующее в абх. яз. слово «тауар», как и русское «товар», украинское «товар» (товар, рогатый скот), болгарское «товар» (груз), сербскохорватское «товар», словенское «towar», польское «towar» заимствовано из уйгурского «тавар», что означает «имущество», «скот»). Это позволяет высказать предположение о существовании в средневековой Абхазии (до начала XIX в.) богатых людей, не просто старавшихся все обращать в скот (накапливать богатство в виде скота или менять его на золото и серебро), но даже иногда дававших его нуждающимся в виде ссуды (абх. «ауал», ср. с тур. «уал» –долг) и, что фигура человека, занимавшегося подобным делом, не была столь уж необычной на взгляд коренного населения. В подтверждение тезиса о существовании слоя богатых людей, можно, например, сослаться и на то, что в зрелое средневековье двери домов и сундуки абхазов запирались с помощью ключей и замков, изготовленных по европейским образцам. Это признак того, что у наших предков имелось немало добра, которое следовало охранять от воров[2].

Продавая скот, вина, сельскохозяйственные товары зажиточные крестьяне становились денежными капиталистами, о чем свидетельствует термин «анадзын» (аназын), бзыбск. «аназына», что дословно переводится как «отдача денег под проценты»[3]. (Известно, что подобной практикой занимались монастыри). Хотя нам трудно судить о том, к какому времени относится появление термина «анадзын», но, возможно, «ростовщиками» являлись уже европеизированные представители этого древнего занятия. Вместе с тем, из-за отсутствия источников, сказать что-нибудь более определенное, например, по части процентов на ссуду, трудно.

Приведенные в работе материалы дают основание считать, что в позднефеодальную эпоху в Абхазии не было господства натурального хозяйства в его чистом виде. Преобладание натурального хозяйства при этом не исключало наличия торговли и обмена[1]. В Абхазию в тот период, через Турцию попадали, главным образом, западноевропейские промышленные изделия, вывозились же продукты, имевшие высокую стоимость за пределами Абхазии. Внешнеэкономические связи в позднее средневековье, также способствовали тому, что многие предметы, не имевшие ранее особого значения, получили определенную цену. Если раньше приобретение холста, меда и других продуктов крестьянского труда имело все-таки какие-то границы, то при развернутой береговой торговле эти границы стали чрезвычайно эластичными[2].

[1] Абхазские сказки. Т. 1. – Сухуми. 1940. С. 121 (на абх. яз.).

[2] Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 172–173.

[3] Словарь абхазского языка. Т. 1. – Сухуми. 1986. С. 467.

На роль торговли в экономической структуре абхазского общества может указывать и то, что господствующий класс получал все необходимое не столько в результате набегов и морского грабежа, сколько через торговлю (хотя, как и, например, в гомеровской Греции, в древнем и средневековом абхазском обществе сама торговля нередко сочеталась с грабежом и морским разбоем). При этом предметы, полученные в грабежах, поступали и на рынок. Различные же трофеи, добытые во время военных походов, несомненно, составляли и немаловажный источник накопления капитала.

Так что торговля не являлась чем-то чуждым сознанию и психологии древних и средневековых абхазов. В сохранившихся письменных источниках мы также не находим каких бы то ни было следов уничижительной оценки торговли, как рода занятия абхазов. Более того, насколько можно судить, оно было предметом зависти всякого члена общества. Однако, с середины XVI в. начинается постепенный спад торговых отношений абхазов, что было связано с беспрерывными абхазо-мегрельскими войнами, а также принявшей в середине XVII в. широкий размах работорговлей. В значительной мере подрывало торговлю и участившиеся с начала XVIII в. запреты турецких властей на выезд европейских купцов из Константинополя в сторону черноморских стран.

Кроме того, притеснения местных купцов османскими торговцами, а также османская монополия внешней торговли сделали из торговли

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1… С. 108.

[2] Там же. С. 110.

невыгодную профессию для местных жителей и стали преградой для образования местного купечества. Экономическая политика османской империи в целом имела отрицательное влияние на социально-экономическое развитие Абхазии, ибо торговля была неэквивалентной и приносила туркам баснословную прибыль – в 300–400%.

В то же время наши материалы показали, что даже в периоды спада и турецкой монополии внешней торговли, отдельные этнографические группы абхазов продолжали активно заниматься торговлей и, следовательно, наличествовали преуспевавшие экономически общины. Сказанное позволяет думать, что истинный уровень материального благосостояния некоторых территориальных общин абхазов в позднефеодальный период был значительно выше, чем это представлялось ранее.

С присоединением к России и установлением относительного спокойствия, абхазы вновь начинают принимать участие в торговле. Но с середины XIX в., масштабы участия абхазов в торговле, по сравнению с первой половиной того же века, резко сокращаются, что было связано с самым большим национальным бедствием абхазов – насильственным выселением, приведшим к катастрофическому сокращению численности абхазов на своей родине.

Итак, на протяжении всей своей истории Абхазия в разной степени была втянута в торгово-обменные взаимоотношения с ведущими государствами Черного и Средиземного морей.

Из анализа приведенных письменных источников и археологических находок вытекает, что в продолжавшейся в течение многих веков экспортно-импортной торговле Абхазии вывоз преобладал над ввозом, что подтверждается и найденными на территории страны в большом количестве чужеземными древними и средневековыми монетами.

Международные экономические связи осуществлялись как торговым мореплаванием, так и сухопутными, в том числе перевальными путями. Сухопутные дороги, шедшие к побережью Абхазии из Северного Кавказа, являлись для последних связующим звеном с Малой Азией и Западной Европой. Продолжительные и интенсивные внешнеторговые связи приводили к активизации хозяйственной

жизни местного населения, специализации в области производства и появлению избыточных продуктов, развитию внутреннего обмена в стране.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что внешнеторговая деятельность, более развитая чем внутренняя торговля, занимая в истории древней и средневековой Абхазии далеко не последнее место, наряду с другими факторами, оказывала заметное воздействие на развитие страны в целом, вызывала существенные перемены в социально-экономических отношениях Абхазии, которые четко обозначились во второй половине XIX столетия.

Библиография

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. – М. –Л., 1958.

Абаев В. И. Этноним «хазар» в языках Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXVII. – Орджоникидзе. 1968.

Абрамзон М. Г. Золотые античные монеты из собрания Абхазского государственного музея // ВДИ. № 2. 2004.

Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тб., 1988.

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн. I. Сост. Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. – Сухум. 2005.

Абхазия. Новый путеводитель. Автор путеводителя Д. Дасания. – Майкоп. 2008.

Абхазские сказки. Т. 1. – Сухуми. 1940 (на абх. яз.).

Абхазский язык. Учебное пособие для экономического факультета (на абх. яз.). Сост. О. П. Дзидзария, А. Ш. Шинкуба, А. И. Гицба. – Сухум. 2006.

Абхазское искусство. – Сухум – Санкт-Петербург. 2004.

Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. № 77.

Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. – Сухуми. 1985.

Агафий. О царствовании Юстиниана. – М., 1953.

Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. – М., 1987.

Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков. – М., 2005.

Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII-X вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1989.

Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.

Агрба Р. О. Миграционные процессы с Западного Кавказа в западноевропейские и ближневосточные страны // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003.

Агрба Р. О. Политический аспект и вопросы ономастики в XIII–XV вв. //Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми. 1947.

Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969.

Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. № 3. 1987.

Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. – Сухум. 1996.

Адыги, балкарцы и караевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик. 1974.

Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

АКАК. Т. III, IV. Ч. 1; Т. VI. Ч. I, II.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. – М., 1975.

Алексеева Е. П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л., 1969.

Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск. 1980.

Ал-Идриси. География Идриси. – Париж. 1840 (на франц. яз.).

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. –IV в. н. э. // САИ. Вып. Д I- 30. – М., 1966.

Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего феодализма (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). – Сухум. 2002.

Амичба Г. А. Средневековый период //Абхазы. – М., 2007.

Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум. 2010.

Андреев Ю. В. Эгейский мир: Природная среда и ритмы культурогенеза // ВДИ. № 3. 1994.

Анфимов И. Н. Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. – Краснодар. 1990.

Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984.

Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков. – Сухуми. 1949.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959.

Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964.

Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976.

Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. – Сухуми. 1986.

Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

Анчабадзе Ю. Д. Введение // Абхазы. – М., 2007.

Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К.,Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960г. – Тб., 1962.

Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. – Сухуми. 1963.

Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса // Мацне. № 3. – Тб., 1965.

Апакидзе А. М. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде // ВП. Т. III. – Тб., 1978.

Аппиан. Митридатовы войны. – Тб., 1959.

Аргун Ю. Г. Абхазы за пределами Родины // Абхазы. – М., 2007.

Аргун Ю. Г. Работорговля и военное отходничество у абхазов (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011.

Аристова Л. Б. Международное сотрудничество, проблемы международного транспорта Центральной Азии и Кавказа // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011.

Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. № 1. 1949.

Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962.

Аскоченский В. Абхазцы и Пицунда //»Домашняя беседа». – СПб., 1877. Вып. 33.

Бакрадзе Дм. Очерк о Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». № 48. 1860 г.

Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979.

Барамидзе М. В., Чигошвили Т. В., Квирквелия Г. Т., Хубутия Г. П., Чумбуридзе В. Г., Гамкрелидзе Г. А. Основные итоги археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 году // Краткие сообщения. – Тб., 1984.

Баранов Л. Афанасий Никитин – первый русский путешественник в Индию. – Калинин. 1939.

Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979.

Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923.

Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967.

Бгажба Х. С. Труды Т. I. Этюды и исследования. – Сухуми. 1987.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв). – Сухуми. 1977.

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980.

Бгажба О. Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии) // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985.

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды // Труды АГУ. Т. V. – Сухуми. 1987.

Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье(I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994.

Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум. 2006.

Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. – М., 2007.

Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы. –М., 2007.

Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва– Магнитогорск. Вып. IX. 2000.

Безруков А. В. К вопросу о торговых коммуникациях в Южном Приуралье по данным письменных и археологических источников (VI–IV вв. до н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва– Магнитогорск. Вып. XIII. 2003.

Безруков А. В. К вопросу о характере взаимоотношений кочевников Южного Приуралья и Ахеменидского Ирана в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XV. 2005.

Безруков А. В. Торгово-экономические связи Диоскуриады и Волго-Камья в VI – I вв. до н. э. Доклад, прочитанный на Второй Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти М. М. Трапша «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». 8–12 ноября 2008 г. – Сухум. 2008.

Белов Д. Г. Херсонес Таврический – Л., 1948.

Белокуров С. А. Материалы для русской истории. – М., 1888.

Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989.

Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В. Пицундские амфоры // ВП. 1.

Бетрозов Р. Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик. 1987. № 3.

Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991.

Бжания В. В. Гагрские географические зоны и хронологическая шкала памятников // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973.

Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье // КСИА. Вып. XXXV. 1950.

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1953.

Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. XX. 1954.

Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964.

Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. № 2. 1964.

Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик. 1999. [1834 г.].

Болгов Н. Н. Боспор Кимерийский между античностью и средневековьем // ВИ. № 2. 2004.

Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. – М., 1963.

Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида // «Мацне». 1976. № 3.

Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. № 4. 1991.

Брашинский И. Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. № 3. 1958.

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. – М., 1963.

Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н. э. // Античный город. – М., 1963.

Брашинский И. Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. Вып. 95. 1963.

Брашинский И. Б. Еще раз об афинском декрете 323/2 г. до н. э. // КСИА. Вып. 109. 1967.

Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // ВДИ. № 3 (25). 1973.

Брашинский И. Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. Вып. 145. 1976.

Брашинский И. Б. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье // КСИА. Вып. 148. 1977.

Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации. – Тб., 1977.

Брашинский И. Б. Основные черты греко-варварской торговли в античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). – Л., 1984.

Брашинский И. Б. Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. – М., 1823.

Буйских А. В. Рец. на кн.: The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology / Ed. Gocha B. Tsetskhladze. Stuttgart: Steiner, 1998 (Historia: Einzelschriften. Ht. 121).

Бухарин М. Д. Средиземноморско-южноазиатская торговля в III в. н. э. // ВДИ. № 1. 2003.

Бухарин М. Д. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации (E. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.) 2002 // ВДИ. № 2. 2004.

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. //Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. – М., 1974.

Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. VI. Отд. III. – Тифлис. 1872.

ВДИ. №3. 1966; № 3. 1994; № 2. 2003.

Великий шелковый путь: Грузоперевозки . http://gruzovoz. com.

Великий шелковый путь: формировавние и развитие http://referat. ru/referats/view/8880.

Византийские историки (Дексипп, Евнапий, Олимиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец). Перев. С. Дестунина. – СПб., 1894.

Виноградов В. Б. «Тайны минувших времен». – М., 1966.

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. Т. 44, 1983; Т. 50. 1989

Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). – М., 1987.

Внуков С. Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор // Проблемы истории, филологии, культуры – Москва – Магнитогорск. Вып. X. 2001.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М., 1973.

Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. – М., 1989.

Волков И. Г. Побережье Кавказа на морских картах и словесных портоланах XIII – XVI вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969.

Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI – I вв. до н. э. // Скифский мир. – Киев. 1975.

Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978.

Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования крепости в Цебельде// Археологические открытия 1977г. – М., 1978.

Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абхазии и Санигии II – VII вв. // Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1978.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II–IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. № 1. 1979.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979.

Воронов Ю. Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум. – М., 1980.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV – VII вв. // Древности эпохи переселения народов V – VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М., 1982.

Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1984.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследований Цибилиума в 1978–1982гг.). – Тб., 1985.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986.

Воронов Ю. Н. Абхазы – кто они? – Сухум. 1992.

Воронов Ю. Н. Захоронения женщин с брошами в могильниках Апсилии (Абхазия) // МАИЭТ. Вып. VI. – Симферополь: Таврия. 1994.

Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006.

Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй. – Сухум. 2009.

Воскресенская летопись//ПСРП. Т. VII. – СПб. 1856.

Всемирная история. Т. IV. – М., 1958.

Всемирная история. Под ред. акад. Г. Б. Поляка, проф. А. Н. Марковой. – М., 2000.

Высокий М. Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XIV. 2004.

Вязкова О. Е., Дмитриев А. В., Малышев А. А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. X. 2001.

Габашвили В. Н. Очерки из истории Ближнего Востока. – Тб., 1957.

Габелия А. Н. Новые материалы из раскопок Сухумской крепости // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Габелия А. Н. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003.

Габелия А. Н. Граффити на керамике из Сухумской крепости // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Габелия А. Н. Исследование Сухумской крепости. Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Габелия А. Н. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Гаврилов А. В. Феодосия и ее округа в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XIII. 2003.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Могильники III–IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. – М., 2003.

Гагин И. А. Волжская Булгария: от посольства багдадского халифа до походов князя Святослава (X в.) //ВИ. № 3. 2008.

Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. до н. э.). – Владикавказ. 2003.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979.

Газ. «Голос». 1880. № 219.

Газ. «Советская Абхазия. 27 октября 1934 г.

Газ. «Советская Абхазия. 2 марта 1962г.

Газ. «Абхазия». 16 июля 1991г.

Газ. «Кавказ». 1864 г. № 64.

Газ. «Кавказ». 1892 г. № 125.

Газ. «Кавказ». 1894 г. № 16.

Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. Т. 1. – М. –Л., 1955.

Галкина Е. С. Кавказские войны VII – VIII вв. и возвышение Хазарии // «Восток». № 4. 2006.

Гамахария Дж., Чания В. «Оккупация» Абхазии: мифы и реальность?!» // Газ. «Свободная Грузия». 27 апреля 1991г.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. – СПб. 1870.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. – Душанбе. 1989.

Георгика. Т. III. – Тб., 1936; Т. IV. – Тб., 1952; Т. 1. – Тб., 1961.

Герберштейн С. Записки о московских делах. – СПб., 1908.

Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Гожба Р. Из истории русско-абхазских связей // Журн. «Абаза». № 1. 2005.

Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1963.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. – М. –Л., 1950.

Гуажба Р. Из истории диаспоры: традиция и культура убыхов и абхазов // Газ. «Республика Абхазия». 9–10 октября 2007 г.

Голенко К. В. Монеты из находок в Сухумской крепости // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963.

Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // НС. – Тб., 1977.

Гончаров А. В. Варварская кавалерия в римской армии середины 1в. до н. э //Проблемы истории, филологии, культуры. –Москва–Магнитогорск. Вып. XIII. 2003.

Горлов Ю. В., Бжания Д. С. Изучение топографии археологических памятников Сухумского побережья черноморской экспедицией ИА РАН и АБИГИ АНА им. Д. И. Гулиа в 2001–2006 гг. // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011.

Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI–V вв. до н. э. // ИРАИМК. Вып. 108. 1935.

Граков Б. Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1939.

Гуленков К. Л. Новое в истории и гуманитарных науках. – М., 2000.

Гуленков К. Л. Налоги на Боспоре при Митридате VI Евпаторе // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986.

Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994.

Гунба Б. М. Из истории изучения древнего Себастополиса (Сухума) // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.

Гунба Б. М. Сухум раннесредневековой эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Гунба М. М. Социальные отношения в Абхазии в позднеантинуюэпоху//XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965.

Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры. – Тб., 1982.
Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тб., 1985.
Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н. э. – Сухуми. 1989.
Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI – XIII вв.). – Сухум. 1999.
Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии. С древнейших времен до XX века. – Сухум. 2001.
Гюльденштедт И. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям. «Географический месяцелов на 1776 год». – СПб., 1776.
Гюльденштедт И. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия в 1770–1773 гг. – СПб., 1809.
Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. № 138. – М., 1973.
Деген-Ковалевский Б. Е. К истории железного производства Закавказья // Известия ГАИМК. Вып. 120. – М. –Л. 1935.
«Деятельность РКИ Абхазии». Сборник документов и материалов (1921–1934 гг.). Составитель З. М. Ивардава. – Сухум. 1973.
Джалагония И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. – Тб., 1979.
Джанашиа С. Н. Труды. Т. I. – Тб., 1949; Т. II. – Тб., 1952.
Джанашвили М. Абхазия и абхазы // ЗКОИРГО. Кн. XVI. 1894.
Джонуа Б. Г. Абхазское ружье // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000 (на абх. яз.).
Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002.
Джопуа А. И., Цвинария И. И. Археологические исследования 2004 года в Абхазии // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005.
Джопуа А. И., Маан О. В. Разведовательные работы в Абжуйской Абхазии // 50-я Итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. 25–27 апреля. – Сухум. 2006.
Джопуа А. И. Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.
Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958.
Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975.
Дзидзария Г. А. Лыхны (Очерк дореволюционного прошлого села). – Сухуми. 1986.

Дзидзария Г. А. Труды. 1. – Сухуми. 1988.
Дзидзария Г. А. Труды. 2 . – Сухуми. 1990.
Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум. 2006.
Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.
Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум. 2002.
Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005.
Дзидзария О. П. Мореходство // Абхазы. – М., 2007.
Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах //СА. №3. 1974.
Доклад проф. А. С. Башкирова 9 октября 1925 г. «К археологии Абхазии». (Текст и примечание подготовил О. Х. Бгажба // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.
Дон Джузеппе из Милана. Письма о Грузии. XVII век. Перевел с итальянского, предисловием и примечаниями снабдил Б. Гиоргадзе. – Тб., 1964.
Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985.
Древнерусские города IX—XIII вв. Цит. по:http://human. cool4student. ru/archeologiya-sssr/drevnerusskie-goroda-ix-xiii-vekov/
Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1977. – Тб., 1979.
Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. – IV в. н. э. // ВП. 1.
Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. – Тб., 1987.
Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937.
Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968.
Дьячков-Тарасов А. Н. Гагра и его окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 1. – Тифлис. 1903.
Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. – М., 1961.
Еманов А. Г., Попов А. И. Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. http://coins. ucoz. ru/publ/4-1-0-32.
Ефимов А. Е. Ионийская миграция по данным античной письменной традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. IX. 2000.
Жан де Лукка. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // ЗООИД. Т. XV. – Одесса. 1879.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М. –Л., 1953.

Журавлев Д. В. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск. Вып. XVII. 2007.

Журн. «Юный натуралист». №12. 1978г.

Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. – М., 1938.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. Вып. 83. 1960.

Зеест И. Б. Задачи исследования массового античного керамического материала // КСИА. Вып. 109. 1967.

Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тб., 1986.

ЗКОСХ. 1867 г. №№ 5,6.

ЗООИД. Т. IX. – Одесса. 1875.

Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005.

Иерусалимская А. А. О Северо-Кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. № 2. 1967.

Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978.

Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь» как фактор связей гор и равнин в эпоху раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. (Аннотации). – Тб., 1984.

Иерусалимская А. А. Кавказ на Шёлковом пути. Каталог временной выставки. // СПб: 1992.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Её предпосылки и особенности. – Л., 1947.

Из истории Осетии. Избранные работы З. И. Ванеева. http://osetins.com/2008/02/09/srednevekovaja-alanija. -glava-2. html

Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968.

Инадзе М. П. Афины и Восточное Причерноморье // «Мацне». № 1. – Тб., 1975.

Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпохи // Труды АБИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми. 1959.

Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. – Сухуми. 1965.

Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.

Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.

Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977.

Инал-Ипа Ш. Д. Зарубежные абхазы. – Сухуми. 1990.

Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1991.

Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. – М., 1995.

Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002.

Инал-Ипа Ш. Д. О взаимоотношениях города и деревни Абхазии в XIX – XX вв. // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Инал-Ипа Ш. Д. Труды. Т. III. – Сухум. 2011.

Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. 1404 г. (Из сочинения «Книга познания мира»). – Баку. 1980.

Исторический архив. Т. V. – М., 1950.

Исторический вестник. Т. 137–138. – СПб., 1914.

История Абхазии. – Сухум. 1991.

История Византии. Т. 1, 2, 3. – М., 1967.

История древнего мира. Ч. II. Греция и Рим. – М., 1982.

История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государств. Ч. 3 – 4. – М. –Л., 1939.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

История русского искусства. Т. 1. – М., 1953.

История русской литературы. Т. 1. Литература XI –начала XIII века. Редакторы тома акад. А. С. Орлов, проф. В. П. Адрианова - Перетц, проф. Н. К. Гудзий. – Москва–Ленинград. 1941.

История средних веков. Под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. – М., 1990. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. http://book.xutor. com. ua/node/38.

Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. – М., 1891.

Кавказ и Российская империя: проекты, идей, иллюзии и реальность. Конец XIX – начало XX вв. Состав. С. Я. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицина, Б. П. Миловидов. – Санкт-Петербург. 2005.

Кавказский календарь. V. – Тифлис. 1895.

Каджан А. П. Византийские города в VII – XI вв. // СА. Т. XXI. 1954.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.) // Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011.

Кальди –Надь Д. Данные к истории левантийской торговли в начале XVII столетия // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. – М., 1969.

Каминская И. В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ. № 49. 1988.

Капанадзе Д. Г. Новые материалы к изучению статеров Аки // ВДИ. № 1. 1948.

Капанадзе Д. Г. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ. № 1. 1949.

Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. – М., 1955.

Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959.

Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1958–1959 гг. // ВДИ. № 4. 1966.

Карпов С. П. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII – первой половине XУ в. // Byzantinobulgarika VII. 1981.

Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. Т. 36. 1974.

Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // Византийские очерки. – М., 1982.

Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. Т. 44. 1983.

Карпов С. П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Кафы) // ВВ. Т. 46. 1986.

Карпов С. П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. Т. 47. 1986.

Карпов С. П. Источники и исследования по истории Генуи и Генуэзской Романии: Collana Storica di Fonti e Studi/Diretta da Geo Pistarino (Lstituto di Medievistica dell'Universita di Genova). Генуя, 1963-1983. Vol. 1-39 // ВВ. № 46. 1986.

Карпов С. П. Торговля итальянских республик в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1987.

Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. // ВВ. № 50. 1989.

Карпов С. «Причерноморье. Перекресток цивилизаций» http://www.-aif. ru/academy/article/34575.

Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике // Труды АИЯЛИ. Т. XXVIII. – Сухуми. 1957.

Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI – I вв. до н. э.) . Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тб., 1981.

Кация Р. Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII – XV вв.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1985.

Кация Р. Н. Санто – Томассо – памятник генуэзской эпохи // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Кация Р. Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле невольниками кавказского происхождения в XIII – XV вв. // Труды АГУ. Т. IV. – Сухуми. 1986.

Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. (Историческо-этимологическое исследование). – Сухум. 2006.

Квициния В. Античное погребение в с. Атара // КСИА. Вып. 148. 1977.

Керефов Б. М. Чегемский курган–кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик. 1985.

Киласония А. М. Пленопродавство в Западной Грузии в XVI – первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Тб., 1985.

Кисельников А. Б. Морские перевозки грузов в античное время // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2007.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 24. С. 554; Т. 25. Ч. 1. С. 364.

Книпович Т. Х. Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА. № 5. 1941.

Ковалевский П. И. Кавказ. Т. 1. Народы Кавказа. – СПб., 1914.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984.

Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Апсилии и алан // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Козлов С. Я. Рецензия на кн.: Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. – М., 1979. С. 178 // СЭ. № 6. 1979.

Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002 (пер. А. П. Григорьева, В. П. Григорьева).

Колобова К. М. К истории вопроса о греческой колонизации // ВДИ. №2. 1949.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989.

К полемике против обвинений черкесов в пристрастии к работорговле http://www. djeguako. ru/content/view/462/1).

Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русском науке // КЭС. 1. – М., 1955.

Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Колхида и Боспор: две модели колонизации? Доклад на советско-английском симпозиуме «Колхида и античный мир». Лондон – Оксфорд. 30 апреля – 7 мая 1990 г. // ВДИ. № 2. 1991.

Кругликова И. Т. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования // КСИА. Вып. 109. 1967.

Кругликова И. Т. Синдская гавань. Горгипия. Анапа. – М., 1957.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.

Ксенофонтова И. В. Привозная керамика позднеэллинистического времени из раскопок Эшерского городища (2003 –2005 гг.) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984.

Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAUCASUS» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. №1. 2000.

Кузьмин В. Древние христианские храмы Кавказа // Наука и жизнь. №12. 2008г.

Курциус Э. История Греции. Т. I. – М., 1876.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тб., 1950.

Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. – Сухуми. 1961.

Кучуберия Л. Е. Из этнографии абхазов арабских стран // Журн. «Алашара». №5. 1971 (на абх. яз.).

Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. – Ереван. 1977.

Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик. 2007.

Лавров Л. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. // СЭ. 1936. № 4, 5.

Ламберти Арк. Описание Колхиды, именуемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. – СПб., 1893.

Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря// Сборник археологических статей, поднесенных графу Бобринскому. – СПб., 1911 // Материалы по истории Абхазии. 7.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4. 1947.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1 // ВДИ. №2. 24. М. – Л., 1948.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 3. 1949.

Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об истоках рабства// ВВ. Т. 36. 1974.

Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. XVI. №5. – Тб., 1955.

Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес» // ВДИ. № 2. 1969.

Лениченко А. И. Черты из истории сословий в Юго-Западной Галиции (Руси) XIV – XV вв. – М., 1894.

Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тб., 1982.

Литвинов М. Черное море. – СПб., 1881.

Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. № 1. 1991.

Литературная энциклопедия. Т. 1. – М., 1930.

Лившиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. – М. –Л., 1961.

Литаврин Г. Г. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341–1355 гг.) // История Византии. – М., 1967.

Ловпаче Н. Г. Абазино - абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. – Тб., 1979.

Ломоури Н. Ю. К выяснению некоторых сведений «NOTITIA DIGNITATUM» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. Т. 46. 1986.

Ломтадзе Г. А. Методика сравнения объемов античного импорта в амфорах в IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья // Про-

блемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. 1999.

Ломтадзе Г. А., Масленников А. А. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XIV. 2004.

Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. – Тб., 1970.

Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье / Колхида, Иберия // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Лордкипанидзе О. Д. «Колхида златообильная»/миф и археология // Древний Восток и мировая культура. – М., 1981.

Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М., 1968

Маан О. В. Султан Египта и обоих морей // Газ. «Советская Абхазия». 19 июня 1990 г.

Маан О. В. Пути сообщения Абхазии с Северным Кавказом//XLVIII Итоговая научная сессия (11–13 мая). Тезисы докладов. – Сухум . 2004.

Маан О. В. Что понималось под названием «Каво зизибар»? // XLIX Итоговая научная сессия АБИГИ (3–5 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2005.

Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006.

Маан О. В. Основные черты социального строя. // Абхазы. – М., 2007.

Маан О. В., Цвинария И. И. Культурные и хозяйственно-экономические связи Абхазии с древнейших времен до античной эпохи. Рукопись. 2009 г.

Маан О. В. Внешнеэкономические связи Абхазии в XVII в. // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011.

Максидов А. А. Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик. 2001.

Максимова М. М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. – М., 1956.

Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982.

Малия Е. М. Льноводство и льняные изделия абхазов // Известия АИЯЛИ. Т. XI. – Тб., 1983

Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии. «Народное образование». 22 октября 1989г.

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. – Ереван. 1954.

Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. Т. XIII. 1950.

Маринович Л. П. Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. № 4. 2003.

Масловский А. Хронология импорта тарной керамики в Золотоордынский город Азака (Тану) в XIII – XV вв. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Матвеев К., Сазонов А. Пять жизней Сури. – М., 1989.

Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. II. 1762–1859 гг. Сост. А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. – Сухум. 2011.

Матиашвили Н. Н. Афины и Колхида в эллинистическую эпоху // КСИА. Вып. 151. 1977.

Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ. № 4. 1956.

Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913; 2009.

Мачинский Д. А. Рецензия на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). – Л., 1982 // СЭ. № 6. 1984.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – М. –Л., 1936.

Миляева Ю. В. Место и роль кризиса второй–третьей четверти III в. н. э. в социально–экономической и политической истории Боспора Киммерийского // Проблемы истории филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск. 2007.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963.

Моисеенкова Л. С. . Древнее золото Крыма. http://crimeagold. com. ua/peoples/genuez. htm.

Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. – Тб., 1952

Народы Передней Азии. – М., 1957.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Нарожный Е. И. О движении войск Тимура с Нижней Кубани (Историко-археологические ориентиры) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Немировский А. И. Понтийское царство и Колхида // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Никитин А. Н. Роль африканских провинций в политической, экономической и культурной жизни Римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XVI/1. 2006.

Новгородская феодальная республика. http://limej. ru/index. php/stat/124–stat/15459-novgorodskaya_feodal_naya_respublika. htm.

Новицкий Г. Географо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // «Тифлисские ведомости». № 23. 7 июля 1829 г.

Новосельцев А. П. Внешняя торговля Древней Руси // «История СССР». № 3. 1967.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). – М., 1980.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.

Новосельцев А. П. Политические и культурные связи между Византией и странами Закавказья // Пленарные доклады XVIII Международного конгресса византинистов. – М., 1991

Новый полный географический словарь Российского государства или лексикон. Ч. 1. 1788г.

Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. – Л., 1977.

Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX в.). – Сухум. 1934.

Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине X1X столетия // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947.

Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. – М., 1980.

Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII–XVIII вв.). Перевел с турец. на груз. яз., написал введение, снабдил терминологическим словарем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. –Тб., 1982.

От документа к познанию прошлого. http://ceolte. com/view/1063/.

Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (Ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1960.

Очерки истории СССР. Ч. 1. – М., 1953.

Очерки истории Грузии. Т. 2. – Тб., 1973.

Памятники грузинского права. Т. 1. – Тб., 1963(на груз. яз).

Памятники византийской литературы IX–XIV веков. – М., 1969.

Папаскир А. Обезы и их грузинские истолкователи. – Сухум. 2004.

Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников (историко-культурологический анализ). Дисс. в виде научного доклада на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум. 2007.

Папаскири З. Территория Абхазии в XI – XV вв. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999.

Патерик Киево-Печерского монастыря – СПб., 1911.

Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. Вып. I – II. – Тифлис. 1868.

Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. – Тб., 1957.

Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. – Сухуми. 1969.

Пачулиа В. П. Гагра. – Сухуми. 1979.

Пачулиа В. П. Как была уничтожена ореховая роща Бабыша // «Ерцаху». Литературный сборник. – Сухуми. 1984.

Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – М., 1986.

Пачулиа В. П. Жемчужина Причерноморья. – М., 1987.

Пенсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. (В изложении Е. Д. Фелицина) // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар. 1990.

Петров В. П. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА. Вып. 121. 1970.

Петров А. М. Великий шелковый путь. – М., 1995.

Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах: Византия, Константинополь, Стамбул. – М., 1981.

Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985.

Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1834 году // Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. С. Щедрина в 1928 году. №553.

Покровский М. В. Русско–адыгейские торговые связи. – Майкоп. 1957.

Поль Гибаль. Одесса. 20 января 1821 г. Дневник моего путешествия от Черного моря до Каспийского и от Астрахани до Таганрога. (Начат 21 марта 1820 года и окончен 20 декабря того же года). Пер. с фр. Р. Г. Крючкова. – Сухуми. 1965.

Поротов А. В., Горлов Ю. В., Балабанов И. П., Болиховская Н. С., Кайтамба М. Д. К палеогеографии Восточного Причерноморья в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII. – Москва – Магнитогорск. 2003.

«Проблема отношений всей России с Кавказом». Цит. по: http://www.neuch. ru/referat/29160. html

Прозрителев Г. Древнехристианские памятники на Северном Кавказе. // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. I.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. II. – СПб., 1880.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Кн. II. – СПб., 1880.

(Псевдо-Ксенофонт). Афинская полития. – Аристотель. Афинская полития. II. 13. – М., 1937.

ПСРЛ. Т. VII. – СПб., 1856; Т. II. – СПб., 1908.

Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис. 1902.

Пчелы и человек (Сборник). – М., 1981.

Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии // Газ. «Кавказ». 1852. №28.

Пушкарев С. И. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания // ЗКОРГО. Кн. II. – Тифлис. 1853.

Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. – М., 1956.

Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре // СЭ. № 1. 1981.

Раев Б. А. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде // МАГК. Вып. III. 1963.

Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Пицунде // МАГК. Вып. IV. 1965.

Рамишвили Р. М. Сельские поселения и могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003.

Рапорт командира отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру А. И. Чернышеву о его встрече с Михаилом и Гассанбеем Чачба-Шервашидзе // ЦГИАГ. Ф. 548. Оп. 3. Д. 19.

Резван В. Результаты и персперктивы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере //Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Т. II. – Гильдесгейм и СПб., 1797.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. VI. – СПб., 1883.

Романовский В. Е. Очерки из истории Грузии. – Тифлис. 1902.

Романчук А. И. Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. Т. 32. 1971.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. – М., 1982.

Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис. 1894.

Сангулия Г. А. Изучение поселений Гулрыпшского района Абхазии // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Сангулия Г. А. Абхазские мастерские и производства позднеколхидской эпохи (на основании изучения Драндского поселения в 2007 г.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011.

Сапрыкин С. Ю. Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. 1999.

Сапрыкин С. Ю. Рец. на книгу: С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). – М., 2003.

Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря. – Одесса. 1837.

Сахаров А. Н. Русь на путях к «третьему Риму». – М., 2010.

Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С объяснениями В. Латышева. – СПБ., 1896.

Сведения арабских историков XIV–XV вв. о Грузии. Перев. с арабс. на груз., предисловием, разъяснениями и указателями снабдил Д. Гочалейшвили. –Тб., 1988.

Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. – М., 1889.

СИЭ. Т. 14. 1973.

Симаков Г. Н., Хеция А. Д. Очерки соколиной охоты у народов Кавказа. – Сухум. 2011.

Скаков А. Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения. ТДК. – СПб., 2006.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Уникальные находки на горе Джантух // Газ. «Республика Абхазия». 31 октября –1 ноября 2006 г.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Проникая в тайны горы Джантух // Газ. «Республика Абхазия». 11–12 августа 2007 г.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Купцы и войны древности у перевалов Абхазии: новые открытия археологов // Газ. «Эхо Абхазии». 4 сентября 2007г.

Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы-раннего железа //Евразия: механизмы культурных перемен. Вып. 223. 2009г.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Редчайший памятник древности на Джантухе // Газ. «Республика Абхазия». 17–18 августа 2010 г.

Скаков А. Ю. Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011.

Скилак Кариандский. Перипп обитаемого моря. Перевод и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1, 2.

Скрипиль М. О. Сказание о Вавилон граде // Труды ОДРЛ. Т. IX. – М. –Л., 1953.

Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. № 3. 2003.

Словарь абхазского языка. Т. 1. – Сухуми. 1986.

Словарь абхазского языка. Т. 2. – Сухуми. 1987.

Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья // КСИА. Вып. XLVI. 1952.

Смоленский С. Воспоминания кавказца // Военный сборник. Т. 87. №9. 1872.

Снисаренко А. Б. Властители античных морей. – М., 1986.

Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М., 1973.

Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986.

Созник В. В., Цецхладзе Г. Р. Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе // ВДИ. № 2. 1991.

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1971.

Соловьев Л. Н. Диоскуриада–Севастополис–Цхум // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947.

Соловьев Л. Н. Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии // СА. Т. 14. 1950.

Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958.

Соловьев Л. Н., Тешев М. К. Шапсугское сказание о потопе // Известия АИЯЛИ. Т. XII. – Тб., 1983.

Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963.

Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. 1971.

Сорокина Н. П. Стеклянная посуда IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 158. 1979.

Социально-экономические отношения в Новгороде в 12–15 вв. http://para. by/download/para. by/referat/3248_240–1718.

СМОМПК. IV. – Тифлис. 1884.

Стебницкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. I. – СПб., 1867.

Страбон. География. Книга XI // Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994.

Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья. Кавказа и Средней Азии. – Л., 1968.

Сыркин А. Я. Поэма о Дигенисе Акрите. – М., 1964.

Томановская О. С. К вопросу о периодизации европейской работорговли в Западной Африке // Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1968г. – Ленинград. 1968.

Торговля Новгородской республики. http://www. agmi. ru/category/istoriya_rossii/torgovlya1. phtml

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. – М., 1964.

Трапш М. М. Новая археологическая находка в Абхазии // КСИИМК. Вып. 53. 1954.

Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // ВВ. Т. XIX. 1961.

Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. – Сухуми. 1963.

Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963.

Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970; Т. II. – Сухуми. 1969; Т. III. – Тб., 1973; Т. IV. – Сухуми. 1975.

Тревер К. В. Памятники греко- бактрийского искусства. – М–. Л., 1940.

Туаллагов А. А. Гребни из сарматских и аланских погребений // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Турецко-русский словарь. – М., 1977

Турецкая энциклопедия. Т. 1. – Анкара. 1947 (на тур. яз.).

Турчанинов Г. Кабардинская надгробная надпись греческого письма конца XVI в. (1581). «Сообщения АН ГССР». Т. IV. № 3. 1944.

Тхайцухов М. С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухум. 1992.

Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. Т. 46. 1986.

Указатель к осьми томам ПСРЛ. – СПб., 1907.

Улитин В. В. Торговые связи меотских племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н. э. (По материалам греческой керамической тары) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. – М., 1883.

Успенский Ф. И. Очерки по истории Трапезундской империи. – Л., 1929.

Успенский Ф. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. // Киевская старина. Т. XXV. 1889. Май-июнь.

Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии (Очерки по истории береговой торговли XVI – XVIII вв). – Сухум. 1933.

Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934.

Федосеев Н. Ф. Археологические свидетельства об Афинской клерухии в Синопе // ВДИ. № 3. 2003.

Фазлуллин С. М., Заремба П. А., Горлов Ю. В., Бжания Д. С. Перспективы исследования подводного исторического наследия Северо-Восточного побережья Черного моря. Доклад прочитанный на Второй Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти М. М. Трапша «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». 8–12 ноября 2008 г. – Сухум. 2008.

Федотов В. В. Историческая география северо-восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. – М., 1996.

Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего) // ЗКОРГО. Кн. XV. – Тифлис. 1906

Хазарский каганат. http://www. hrono. ru/land/landh/hazaria. php.

Хашба Л. Х. Культура грецкого ореха в Абхазии. Сухуми. 1959.

Хеция А. Д. Этнологическое описание лексики охоты на куницу у абхазов // Абхазоведение. Вып. 3. – Сухум. 2009.

Хотелашвили М. К. О керамике Сухумской (Севастопольской) крепости (по материалам раскопок 1959 г.) // Материалы научной сессии. Тезисы докладов. – Сухуми. 1961.

Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. 1984.

Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Подражания денариям Марка Аврелия из Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.

Хотелашвили –Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Клад золотых турецких монет из Сухумской крепости // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011.

Хотко С. Х. Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и Османской империи. – Майкоп. 1999.

Хотко С. Х. Черкесское мореходство. Цит. по:www. forum caucasus. com/index. php?topic=401. 0;wap

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб., 1980.

Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми. 1985.

Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического. // ВДИ. № 4. 1989.

Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблема развития ремесла и торговли в античном мире. – Саратов. 1992.

Цецхладзе Г. Р. Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья // ВДИ. № 3. 1994.

Цецхладзе Г. Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. VI– началоV в. до н. э. // ВДИ. № 2. 1997.

Цинцладзе. О древних взаимосвязях населения Северных и Южных районов Закавказья (по археологическим данным) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Баку. 2005.

Цухишвили И. А. Клад позднеримских монет из Пицунды // ВП. Т. II. – Тб., 1977.

Цухишвили И. А. Византийские монеты «Великого Питиунта» // ВП. Т. II. – Тб., 1977.

Чанба Р. К. Полеводство // Абхазы. – М., 2007.

Чандрасекаран Суджата. Металлические импорты и система перевалов Западного Кавказа // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. – Сухум. 2011.

Чачибая Ц. Сан – Себастополис, 1350 г. // Газ. «Единение», апрель. 1991 г.

Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000.

Чачхалиа Д. Через века и расстояния (к истории итало-абхазских отношений) // «Колокол». (Общественно-политический, научно-публицистический, литературно-художественный журнал) № 4. – Сухум. 2001 г.

Челеби Евл. Книга путешествий. Ч. 2–3. – М., 1972, 1983. Извлечения // Материалы по истории Абхазии. 3.

Ченцова В. Г. Рецензия на кн.: Les ITALIENS A BYZANCE // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991.

Чернявский В. И. Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения // Труды V археологического съезда в Тифлисе. 1881. – М., 1887.

Читанава С. М. Этноботанический словарь Абхазии. – Сухум. 2007.

Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989.

Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахаччарху// Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1967.

Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970.

Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище // КСИА. Вып. 151. 1977.

Шамба Г. К. Древности Эшера. – Сухум. 1980 (на абх. яз).

Шамба Г. К., Шамба С. М., Шенкао Н. К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985.

Шамба Г. К. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми // КСИА. Вып. 174. 1983.

Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1987.

Шамба Г. К., Шамба С. М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). – Тб., 1990.

Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.

Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В. Исследования Эшерского городища в Абхазии в 2003 г. // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Исследование Эшерского городища в 2003 г. // XLVIII Итоговая научная сессия АБИГИ. (11–13 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2004.

Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005.

Шамба Г. К., Джопуа А. И. Керамическая печь в поселке Гуандра // Сухум. Журнал литературы, науки и публицистики. № 1. 2006.

Шамба Г. К., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Исследования Сухумского района // 50-я Итоговая научная сессия АБИГИ (25–27 апреля). Тезисы докладов. – Сухум. 2006.

Шамба С. М. О чем говорят монеты. – Сухуми. 1982.

Шамба С. М. Клад византийских монет из Сухуми // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985.

Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии. – Тб., 1987.

Шамба С. М. Гюэнос –1. – Тб., 1988.

Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н. э. –XIII в. н. э.) Научный доклад на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1998.

Шамба С. М., Габелия А. Н. Новые монетные находки из Сухумской крепости // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н. э. // НЭ. Т. 5. 1965.

Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Шелов Д. Б. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1994.

Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса // СА. № 3. 1960.

Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика // ВП. Т. 3. – Тб., 1978.

Шмидт Ф. О. О Тмутаракани // Материалы по истории Абхазии. 1.

Шнирельман В. А. «Диффузия идеи», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (к постановке вопроса) // СЭ. №2. 1991.

Шолохов Л. Г. Дон, Кубань, Крым и Азовское море. – Новочеркасск. 2002.

Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. – Анакопия-Новый Афон. 2011.

Щапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений // ВВ. Т. XIX. 1961.

Щеглов А. Н. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV – III вв. до н. . э. // КСИА. № 138. – М., 1974.

Экономика Киевской Руси в IX–начале XI века. http://www. websib. ru/~gardarika/lec/lec4-1. html

Эрлих В. Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1. 2004.

Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Г. К. Шамба и археологические памятники села Эшера // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Ю. П. О торговле невольниками на Черном море (Исторический очерк) // Газ. «Кавказ». 1888 г. №292.

«Юный натуралист» // Журнал. № 12. 1978 г.

Якуби. История. Перев. П. К. Жузе. – Баку. 1927.

Якобсон А. Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. Т. 39. 1978.

Aboulfeda. Geographie dAboulfeda. T. II. P. 1948.

Actes des notary genois de Rera et de Caffa de la fin du XIII siècle (1281-1290), ed. G. Bratianu. – Бухарест. 1927.

Ahrweiller H. Byzance et la Meer. – Париж. 1966.

Badoer. YI libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli 1436-1440), testo a cura di Y. Derini e. T. Bertele(Yl nuovo Ramuse,III). – Рим. 1956.

Balar M. Genes et l'Outre-Mer. T. 1. Les actes de Caffa, du notaire Lamberto di Sambucetto. 1289–1290. – Париж. 1973.

Balar M. La Romanie Genoise. T. I – II. – Рим. 1978.

Balbi G. Atti Rogatti f Caffa da Nikollo Beltrame(1343–1344). – Генуя. 1973.

Berindet M.,Veinstein G. Reglement de Suleyman I concernant de live de Caffa// Cahiers du Monde Russie et Sovietigue. Vol. XVI – I. 1975.

Bratianu G. Vicina. I // Bulletin de la section historique Académie Roumaine. 1923. T. 10. N. 34.

Carpenter R. The greek penetration on the Black Sea // American Lournal of Archaeology. – Washington – New – York. 1948.

Collana Storia di Fonti e Studi/Diretta da Geo Pistarino (Istituto di Medievistica dell'Universita di Genova). – Genova, 1963–1983. Vol. 1–39 // BB. 46. 1986.

Dictionnaire universel du Commerze. T. V. – Копенгаген. 1765.

Domenico Gioffre. YI Mercato degli cshiavi a Genova nel secolo XV. – Генуя. 1971.

Freiherrn von Harthausen Transkaukasia. Vt. I,II. – Лейпциг. 1856.

Gamba. Voyage dans la Russie meridionnale. T. 1. – Париж. 1824.

Graham A. J. Pre – Colonial Contacts // Greek Colonists and Native Populations. Oxf. 1990.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen – Age. T. I. – Лейпциг. 1923.

Inhalcik H. The Turkish Impact on tne Development of Modern Europe // The Ottoman State and Jts Place in World History. – Лейден. 1974.

Issawi Ch. The Ottoman Empire in the European Economy 1600–1914 // The Ottoman State and Jts Place in World History. – Лейден. 1974.

Kirzioglu, Dr. M. Fahrettin. Osmanlilar'in Kafkas Elleri'ni Fethi (1451–1590). – Анкара. 1976.

Krol M. Der Fasan,seine Lebensweise, Hege und Jagd. – Berlin. 1957.

Kvirkvelia G. On the Early Hellenistic buriails of North – Western Colchis. – Archaologischer Anzeiger. Heft 1, 1995.

Kvirkvelia G. Hoplite Armour in Colchis. – Phasis (Tbilisi State University, Institute of Classical Philology, Byzantology and Modern Greek Studies). № 2–3, 2000.

Lang D. M. Studies in tne Numismatik History of Georgia in Transcaucasia. – London. 1965.

Menandri. Fragmenta // Historici graeci minores. – Lipsiae. Vol. II.

Scythica et Caucasica. T. II.

Starr Ch: G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500. B. C. N. Y.

Tsetskhlalze G. R. Die kolchischen Stempel // Klio. 1991. 73 (1).
Verlingen Ch. L'esclavage dans l'Europe medievale. T. II. – Брюгге. 1977.
Willers H. Neue Untersuchungen über die romische Bronzindustrie von Cfpua und von Niedergermania. – Hannover und Leipzig. 1907.
World History of the Levant Compani. – Оксфорд. 1935.

Список сокращений

АБНО – Абхазское научное общество
АГУ – Абхазский государственный университет
АИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории
АКАК – Акты, собранные Кавказскою археологической комиссиею
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВП – Великий Питиунт
ВВ – Византийский временник
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар)
Известия ГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
КК – Кавказский календарь
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК– Краткие сообщения Института материальной культуры
КЭС – Кавказский этнографический сборник
МАГК – Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАИЭ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НС – Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ПСРЛ – Полное собрание русский летописей

СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГПИ – Сухумский государственный педагогический институт
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)
СЭ – Советская этнография
ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

ГЛАВА I. Торгово-экономические связи Абхазии
VI – I вв. до н. э. 18

ГЛАВА II. Торгово-экономические связи Абхазии
в позднеантичный период..... 94

ГЛАВА III. Торгово-экономические связи
Абхазии в VI – X вв. 133

ГЛАВА IV. Торгово-экономические связи Абхазии
в зрелое средневековье 185

ГЛАВА V. Торгово-экономические связи Абхазии
в XVI – XVIII вв. 235

ГЛАВА VI. Торговля и обмен в Абхазии в XIX в.
(до крестьянской реформы 1870 г.). 271

Заключение 296

Библиография 306

Список сокращений 339

ОМАР ВЛАДИМИРОВИЧ МААН

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ
(VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.)

Редактор Л. С. Пачулия
Компьютерная верстка Н. Г. Гунба

г. Сухум, Ешба 168

Формат 60х84 $^{1}/_{16}$. Тираж 500.
Физ. печ. л. 21,5. Усл. печ. л. 19,99.
Заказ № 13.

РУП "дом печати"
Республика Абхазия